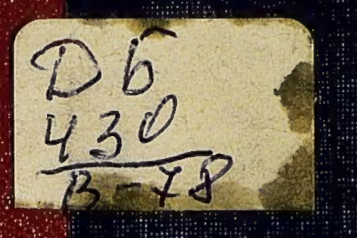

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА

ВОССТАНИЕ

НА БРОНЕНОСЦЕ

„КНЯЗЬ ПОТЕМКИН ТАВРИЧЕСКИЙ"

ВОСПОМИНАНИЯ

МАТЕРИАЛЫ и ДОКУМЕНТЫ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ И СО ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ

В. И. НЕВСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА . . . 1924 . . . ПЕТРОГРАД

Настоящую книгу Редакция посвящает Курсантам Военно-морского политического имени товарища Рошаля училища рабоче-крестьянского красного флота

Гиз. № 6123. Петрооблит № 6031. Отпеч. 6.000 экз.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

История первой русской революции еще ждет своего исследователя. Но уже теперь необходимо приступить к публикации хотя бы некоторых документов, относящихся к этой эпохе.

Предложение т. И. И. Ионова взять на себя редакцию мемуаров одного из виднейших участников восстания на броненосце «Князь Потемкин Таврический» и дало возможность автору этих строк опубликовать некоторые документы, проливающие свет на отдельные эпизоды героической борьбы революционных матросов.

Работая как раз над историей массового движения 1905 года, автор подошел вплотную к тому моменту, когда великое январское движение рабочих в Петербурге своим невиданным дотоле размахом всколыхнуло повсюду в России самые отсталые массы пролетариата и крестьянства и, наконец, подняло и ту силу, на которую как на незыблемую твердыню опиралось самодержавие,—армию и флот.

Правда, уже в 1904 году были частичные вспышки солдатского недовольства в разных частях и в разных концах России, но только в 1905 году, летом, как отраженный удар великих январских дней вспыхнуло первое, организованное революционными партиями или во всяком случае при ближайшем участии этих партий военное восстание. Это было восстание на «Потемкине».

Как начало, так и неудачный исход этого восстания отражает на себе все черты той бурной эпохи, когда приведенные в движение экономическими противоречиями встали массы, появились на исторической арене новые силы,—не одиночки-герои, а десятки и сотни тысяч людей, рабочих и крестьян.

Наша партия, жившая в подполье, сразу же должна была перестроить ряды и повести в открытый бой с оружием в руках десятки тысяч людей. И она взялась за это, она не отказалась от этой задачи, но как и в январские дни в первые моменты борьбы партия не могла и в июне в Одессе взять руководство событиями в свои руки. Восстание окончилось неудачно. Однако, было бы неправильно рассуждать, что это доказывало вред

и утопичность тех задач, какие ставили себе черноморские матросы. Как раз наоборот, это доказывало одно, что и удачный исход восстаний получается только тогда, когда на опыте многочисленных неудачных попыток массы приучаются к борьбе, закаляются и создают, наконец, такую организацию и таких людей, которые ведут к победоносным битвам и наступлениям. Неорганизованность вышедшего из берегов массового движения, расстройство в рядах самой соц.-демократии, только что выходившей из подполья и не сумевшей еще приспособиться к новым условиям, наконец, оппортунистическая ограниченность правого крыла русской соц.-демократии, вредившая движению—все это, как в капле воды и отразилось в Одессе и во время стачек рабочих, начиная с январских дней и во время самого восстания на «Потемкине».

Эта сторона движения и показана во вводной статье к печатаемому материалу. И воспоминания Фельдмана и рассказы других участников восстания Матюшенки, Перелыгина, Прохорова и даже агентов правительства рисуют необыкновенный героизм массы в начале восстания, а телеграммы и донесения властей о восстании показывают беспомощность и растерянность правительства и боевое настроение рабочих масс в Одессе—все это—условия, казалось бы, победоносного восстания, но, с другой стороны, те же документы рисуют и дезорганизацию в рядах революционных групп, что и ускорило победу сначала растерявшегося и струсившего самодержавия.

В настоящие великие дни борьбы пролетариата с мировой буржуазией в высшей степени важно помнить, что организованность и единая воля в момент решительных выступлений все, и что вместе с тем к окончательной победе массы приходят через ряд частичных побед и поражений.

Наш сборник посвящается нашим славным красным морякам. В нынешней нашей победе в 1917 году в октябре, в победе рабочих, солдат и моряков в великие октябрьские дни есть очень большая доля и той крови, что пролили в Одессе рабочие и матросы в 1905 году. Этого забывать нельзя. Вечная память погибшим героям, и да здравствует победа трудящихся, борющихся за дело всемирного пролетариата!

В. Невский.

17 Октября 1923 г.
Петербург.

Рабочее движение в Одессе в 1905 году и восстание на „Потемкине".

Январские дни в Петербурге 1905 г. не нашли отклика в широкой рабочей массе Одессы.

Корреспондент «Искры» так и отмечает это явление: «9-е января застало одесский пролетариат совершенно нерасположенным к массовому выступлению. Призывы комитета партии, бундовской организации и с.-р-ов к немедленной всеобщей стачке не встретили отклика. Дезорганизованность соц.-демократической работы в течение последнего года ярко сказалась в этой неудаче» [1]. Дезорганизованность работы состояла в том, что в Одессе существовали две соц.-демократические организации—комитет большевиков и меньшевистская группа Центрального Комитета Р. С.-Д. Р. П.; если же принять во внимание, что среди пролетариата работали еще бундовцы, социалисты-революционеры и анархисты, все друг с другом боровшиеся за влияние на пролетариат, то станет ясно, какой хаос и развал иногда вносился в работу. Большевики, чтобы предотвратить дезорганизацию, пытались войти в соглашение с меньшевиками и после всяческих переговоров, казалось, нашли modus vivendi,—была создана агитационная комиссия, где из семи мест четыре предоставлялись меньшевикам; в редакционной коллегии также два места из четырех были отданы представителям меньшинства, в некоторых кружках вели заня-

---

[1]) «Искра» № 89. «Одесса».

тия с рабочими также меньшевики. Но само собой понятно, что там, где существовали коренные разногласия на задачи и методы работы, ужиться под сенью одной организации было невозможно,—меньшевики, получивши связи, сейчас же приступили к созданию своей особой организации. Так и выросла рядом с комитетом группа Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. со своим пропагандистско-организационным аппаратом, со своей техникой, с особыми связями с меньшевистским центром заграницей и, без сомнения, с борьбой за влияние на рабочих часто в одном и том же заводе. Большевистский корреспондент так описывает эти действия меньшевиков: «Они не только не сдержали своего слова никогда не выступать против местного комитета, но бесстыдно сеяли клевету и рознь. Возмутительнее всего то обстоятельство, что «меньшинство» откололось от комитетской организации в острый и важный исторический момент, переживаемый нами; даже больше того, в тот самый день, когда комитет предложил им совместно обсудить общий план работы и организации всеобщей забастовки.

Как и следовало ожидать, они имели полный успех среди интеллигенции и полуинтеллигенции, всеми фибрами мечтающей о «кооптации», «автономии» и других подобных прелестях, а также среди части городского района. Но фабрично-заводские центры—Дольник и Пересыпь и значительная часть города остались нетронутыми авантюристами и дезорганизаторами: они попрежнему примыкают к комитету» [1]). Мы увидим дальше, что и меньшевики не скупились на крепкие слова, характеризуя большевиков, но факт остается фактом—меньшевики имели свой центр в Одессе, и единой руководящей воли в январе 1905 г. у одесского пролетариата не было. Это, конечно, прекрасно учло правительство, и немедленные вслед за событиями в Петербурге аресты среди одесских соц.-демократов обеих фракций разбили все попытки поддержать петербургских рабочих. И комитет и группа пытались организовать всеобщую забастовку. И та и другая организация выпустили прокламации, призывавшие рабочих ко всеобщей забастовке. Большевики издали

---

[1]) Из резолюции одесских организаторов большевиков по поводу 3-го съезда. «Вперед», № 7 от 24 февр. 1905 г.

два листка: «Ко всем рабочим г. Одессы» и «К работникам и солдатам г. Одессы». Первый, довольно неудачный листок почти ничего не говорил о петербургских событиях, о великом движении 9-го января буквально сказано две строчки: «В то время, когда вы читаете эти строки, на улицах Петербурга льется потоками рабочая кровь. Бьют и режут народ царские насильники; бьют за то, что устроили мирную стачку и требуют свободы» [1]. В чем должна заключаться связь между петербургскими событиями и предполагавшейся стачкой в Одессе, в чем смысл и значение событий 9-го января, каков, наконец, характер и фактическая сторона событий, об этом не говорилось ни слова. Рабочие приглашались ко всеобщей стачке, и выдвигались обычные требования того времени, — 8-часовой рабочий день, немедленное прекращение войны, немедленный созыв учредительного собрания—и обычные наши лозунги. В прокламации социалистов-революционеров к рабочим и солдатам, опять же без разъяснения смысла и значения январских событий, рабочие приглашались требовать немедленно передачи всей земли со всеми фабриками, заводами и магазинами и т. п. в пользование всего народа, а солдаты прямо приглашались обезоруживать своих командиров.

Прокламация меньшевистской группы была несколько лучше составлена, но что же могли сделать прокламации, если предварительной организационной работы проделано не было. Бундовцы также выпустили две прокламации: «Чего нам не следует забывать» и «Либеральная оппозиция и пролетариат», не имеющие непосредственного отношения к январским событиям. Анархисты-коммунисты в своих двух прокламациях выступали уже не только против самодержавия и капитализма, но и против социал-демократов и соц.-революционеров. «В эти дни,—говорилось в их листке от 13-го января,—вас будут призывать к борьбе и баррикадам, к революции. Те, которые будут призывать вас, называют себя вашими друзьями, под разными названиями освобожденцев, социал-демократов, соц.-революционеров»... «Товарищи! Сбросьте с себя ярмо духовного самодержавия, рабской веры в тех, кто учит, и кричите им во всю

---

[1]) Истор.-рев. арх. Особ. отд. д. № 5 ч. 4 л. Ж. 1905.

мощь: «Мы сами знаем, чего нам требовать, довольно учить нас!» [1]).

Если принять во внимание, что в Одессе кое-где еще пользовались влиянием бывшие зубатовцы, то станет понятным, почему попытки поднять рабочих на забастовку оказались неудачными. Эти попытки, кроме прокламаций, выразились в прямом стремлении снять рабочих с работ. В железнодорожные мастерские был командирован меньшевик Фридрих Кондратьевич Файфер, слесарь, который, пробравшись 13 января утром в машинное отделение, дал тревожный свисток, но был задержан самими же рабочими. Точно так же оказались неудачными и попытки мастеровых жел. дороги остановить работы вскоре после ареста Файфера: трое товарищей Гармидер, Зиновий Иванович Кирпынаев и Сиркис были задержаны полицией около мастерских, а четвертый, Михаил Павлович, был арестован с прокламациями соц.-революционеров при помощи самих рабочих (Насотина и Савицкого). С ним вместе попал в руки полиции и еще один член организации Унгеров. Двое других членов организации, пытавшихся пробраться в мастерские, Брандман и Баер, отделались легче, их только обыскали и отпустили. Так же неудачно окончилась попытка начать забастовку и на бумаго-джутовой фабрике: работница этой фабрики Варвара Ивановна Салита собрала митинг внутри мастерской и призывала работниц начать стачку: «Бросайте работу,— говорила она собравшейся вокруг нее толпе работниц,—забастуем, пойдем в контору и будем требовать уменьшения рабочего дня и увеличения платы». Рабочий той же фабрики Прокопий Прядка помог полиции арестовать Салиту, которую вместе с прокламациями Одесского Комитета и отправили в тюрьму. Таким образом, настроение одесских рабочих было так плохо, что партийных агитаторов арестовывали сами рабочие. Положение дел в одесской организации, не сумевшей овладеть массами, очень хорошо описано в письме, повидимому, близкого к организации автора письма в Петербург [2]). Сказав о том, что забастовка охва-

---

[1]) Истор.-рев. арх. 4-е дел. д. № 4 ч. 19 л. А. 1905 г.

[2]) Там же.

тила крупные промышленные центры России, автор письма говорит:

«В других городах забастовка не была такой дружной (Киев, Екатеринослав), а в Одессе так и вовсе ничего не было. Начиная с 10 числа, обыватели усиленно говорили, что на следующий день будет забастовка, закупали провизию, но все было тихо. Одесский К. издал листок с призывом (листок бессодержательный, был мало распростр. по отсутствию связей) и послал своих людей в железно-дорожн. мастерские и на какой-то завод, чтобы дать свисток и прекратить работы. В мастерских свисток был дан, но остальные рабочие с помощью полиции напали на группу, агитировавшую за стачку, избили ее и одного арестовали; на заводе было то же, только не арестовали, успели скрыться. После этого градоначальник издал прокламацию к рабочим («Кому нужна стачка»), фабрич. инсп. распространили на заводах сообщение Трепова, а группа «благонам. граждан» из русского собрания выступила с листком-извещением. Прокламация градонач. очень понравилась рабочим, они соглашались с нею, а ответ на нее с.-д. не удалось распространить, ибо произошел провал, взята даже т. (ехника). Так для Одессы и для здешнего пролетариата даром прошли эти захватывающие дни; здесь не удалось не только активно поддержать всероссийское движение, но даже использовать его для широкой агитации» [1]). Конечно, и покушение на одесского полицийместера, совершенное Абрамом Штильманом (он принадлежал к группе «Непримиримых» не то анархистов-коммунистов, не то соц.-рев.), делу не помогло и только усилило репрессии. Градоначальник только с бо̀льшим успехом занялся черносотенной пропагандой, на которую действительно удалось ответить листком только соц.-революционерам [2]), так как усиленные аресты, начиная с первых чисел января, и провал меньшевистской типографии 17-го января остановили на время работу [3]). Власти вообще

---

[1]) Истор.-рев. арх. 4 д. № 4 ч. л. 9.

[2]) Ib. Ос. отд. д. 5 ч. 4.

[3]) 11 января было арестовано 7 человек соц.-демокр. на квартире массажистки Кейлы Каплан, в том числе Александр Львович Цейтлин, Яков Лазаревич Бродский и Бая Шендерова, а в общем аресты шли беспрерывно.

чувствовали себя твердо: не давши разгореться забастовке рабочих, они тем легче задушили в самом зародыше движение интеллигенции. Университет был закрыт 21-го января, а без студенческой массы никакого интеллигентского движения быть не могло. Автор уже упомянутого письма очень критически смотрел на положение социал-демократической работы вообще и в частности на ее состояние в Одессе... С.-д., говорит он,—«по условиям своей деятельности лишь медленно (благодаря подпольности) могут овладеть вниманием массы, и никакие геройские усилия в самый разгар волнений делу не помогут. Надо надеяться, что ужасная бойня подорвет у массы веру не только в царизм, но и в легализаторов и заставит их (массы) внимательнее и доверчивее относиться к с.-д. Перед этими-то последними стоит задача организации восстания масс, для чего мал уже тот масштаб деятельности, к которому привыкли с.-д. в годы затишья. Надо уметь выработать политических руководителей масс, тот авангард (он почти уже налицо), который заменит легализаторов, надо непрестанное участие, участие рабочих масс в политической жизни, надо, наконец, подумать и о технике восстания, чтобы не уподобиться стаду, которое охотники преспокойно расстреливают. А главное, теперь поменьше схоластических споров о централизме и пр., приведших за полтора года с.-д. к бессилию. Еще шесть месяцев тому назад смеялись над «положительной работой», но теперешние события показывают, как неотложна она была и в какое положение попадает партия, если эта работа парализуется». Эти меньшевистские рассуждения, однако, делу не помогали, и новые попытки соц.-дем. организовать забастовку в феврале потерпели крах. Несмотря на острое недовольство рабочих своим положением и февральские усилия соц.-демократических организаторов разбились в прах. В начале февраля началась было забастовка в аптеках, но быстро ликвидировалась. Агитация за забастовку велась усиленно всеми организациями. Меньшевистская группа, кроме общей прокламации, так и озаглавленной «К забастовке!», старалась сдвинуть рабочих наиболее распропагандированных и с этой целью обратилась к рабочим фабрики Вальтуха с особым листком: «К рабочим фабрики Вальтуха. Товарищи! Бросайте работу и требуйте: 1. 8-часовой рабочий день. 2. Устройство

вентиляции в некоторых отделениях. 3. Точное соблюдение часов! Часы должны запираться на ключ; ключ должен храниться в конторе; не давать гудка по часам кочегара. 4. Выдача заработной платы за время болезни. 5. Полная отмена обыска. 6. Отмена аккорда. 7. Выдача получки во время работы.

Присоединяйтесь к общим требованиям рабочих всей России. Да здравствует 8-часовой рабочий день! Да здравствует учредительное собрание!»

Большевики выпустили воззвание, также призывавшее к забастовке, при чем только в этой небольшой прокламации, наконец, подводился некоторый итог январским событиям и рабочие Одессы призывались примкнуть к рабочим всей России [1]).

Забастовки, однако, эти листки не вызвали и наблюдалось брожение только на отдельных заводах: на сахарном заводе, где части рабочих удалось добиться сокращения рабочего времени, на фабрике жестяных изделий Вальтуха и на фабрике Жако.

Эти попытки стоили организации нескольких человек: рабочие Вальтуха Недорез и Леповский были арестованы при попытке поднять забастовку, а трое, Александр Ильич Чернявский, организатор Дальницкого участка, Анисим Степанович Познанский (кличка «Федор Маляр»), член центрального кружка Дальницкого участка, и Ц. Т. Зеликман, член центрального кружка Городского района (он носил кличку «Пушкин»), были взяты на квартирах и, наконец, в ночь с 17 на 18 февраля была арестована снова меньшевистская типография. В типографии этой, помещавшейся в квартире Либы Осушкиной в комнате И. М. Маклера, была найдена деревянная рама с набором, свыше 4 пудов шрифта, набор, около пуда приготовленной для печатания прокламации и множество уже готовых листков. Сама Осушкина, ее дочь Мария и квартиранты Маклер и Р. И. Нападенская отправились в тюрьму, а меньшевистской группе пришлось снова думать о постановке новой техники [2]).

---

[1]) Ibidem.

[2]) Истор.-рев. арх. Особ. отд. д. № 5 ч. 4. л. А. 1905 г. Первая типография провалилась 17 янв. Она была устроена под видом переплетной мастерской.

В «Искре» корреспондент из Одессы так объясняет неудачи февральской работы: «Стачка не выгорела. Причины этого странного (странного потому, что на всех почти заводах были уже выработаны требования под руководством соц.-демократической группы и настроение масс было очень хорошее) явления еще до сих пор не выяснены, хотя до некоторой степени можно приписать это усиленной погромной агитации. У нас велась усиленная агитация в трактирах, целый день шпионы натравливали толпу против евреев, грузин, армян и др. инородцев. По городу в громадном количестве были разбросаны листки от «национального комитета» с призывом бить жидов; по городу ходили страшные слухи о погроме в Николаеве; масса семейств приехала из Елизаветграда, где тоже готовился на 19-е погром, по городу разъезжали солдаты (вызваны были из Бендер и Тирасполя); войска были так умело расположены, что, будь стачка, мы не могли бы соединиться с загородными рабочими, а в случае погрома не могли бы действовать против громил». Описавши затем попытку начать забастовку на заводе Вальтуха, корреспондент с недоумением спрашивает: «Неудача стачки тем более странна, что настроение всюду боевое. 19-го, напр., забастовали 10 заводов, но только на один день» [1]). Причины неудачи ясны сами собой: несмотря на листки, на организацию самообороны, очевидно, прочных организаций на заводах и фабриках еще не было.

Большевистский комитет и занялся закреплением связей на заводах и фабриках Одессы. Организация большевиков имела очень сложную, но зато хорошо охватывающую рабочую массу структуру. Город, как и у меньшевиков, делился на районы, Дальницкий, Городской и т. п. Район в свою очередь делился на подрайоны. Во главе района и подрайона стоял организатор, так, например, Дальницкий район делился на три подрайона: Дальницкий, Фонтанский и Вокзальный. Начиная с февраля, организаторами этого Дальницкого района были: «Борис», Моисей Шоломович Лазуркин и «Соня», Доба Абрамовна Клебанова. При районе существовал так называемый центральный кружок (во время июньских событий организатором

---

[1]) «Искра» № 90. «Одесса».

был «Наум») [1]), который составлялся из представителей подрайонов [2]). В каждом подрайоне, повидимому, были свои центральные кружки, которые уже были связаны с заводами и фабриками, при чем в каждом заводе еще организовывались группы; эти группы в свою очередь должны были организовать ядра по цехам и мастерским. Таким образом, немножко громоздкая организация зато была очень прочно связана с рабочей массой и с каждой производственной ячейкой предприятия. Были кроме того организованы в особые «ядра» и безработные. Агитационная работа была поставлена так: «...ответственный агитатор вместе с другими образует агитационный центр: здесь обсуждаются темы, рассматриваются планы и последовательность речей. В каждом районе имеется районное агитационное собрание, куда входят *все* агитаторы рабочие данного района, затем готовящиеся быть агитаторами, и один или два члена агитационного центра. Оно обсуждает планы, вносимые центром, составляет конспекты речей. Каждый начинающий агитатор посещает массовки, проводимые опытными агитаторами; потом выпускают его самого на небольшую массовку в присутствии ответственного агитатора [3]).

Само собой понятно, что у комитета были,—техника, явочные квартиры, конспиративные адреса и т. п.

Как была устроена организация меньшевиков, данных не имеется, но во всяком случае и перед ними стоял вопрос после неудачной февральской попытки укрепить старые и наладить новые связи. А между тем тяжелое экономическое поло-

---

[1]) Истор.-рев. арх. Особ. отд. 5 ч. 4 л. Ж. 1905 г. и «Пролетарий» № 7. 1905 г.

[2]) Так, напр., в феврале такими представителями в центральном кружке были: от Дальницкого подрайона «Осип» Фридрих Кондратьевич Файфер и от Фонтанского «Наташа», «Леля» и «Маша»; в июньские дни: от Дальницкого—Федор Игнатьевич Сятковский («Федор столяр») и от Вокзального «Григорий» Анисим Степанович Познанский. См. указанное выше дело Истор.-рев. арх.

[3]) В феврале в Дальницком районе таким ответственным агитатором был «Евгений», а отв. пропагандисткой «Настя», а в июньские дни агитаторами Дальницкого района были: «Иван»—Иона Абрамович Залкинд, «Федот»—Авраам Павлович Комлев и «Максим»—Алексей Михайлович Серговский. См. Особ. отд. д. № 5 ч. 4 л. Ж. 1905.

жение толкало рабочих на стихийные выступления: кроме уже упоминавшихся попыток к забастовке, 14 февраля 23 человека проволочного завода Шполянского бросили на один вечер работу, 23 февраля были арестованы двое рабочих Абрам Альтшулер и Василий Васильевич Кувакин, разбросавшие прокламации и пытавшиеся поднять на забастовку рабочих сахарного завода, 23 и 24 февраля рабочие табачной фабрики Асвадурова частичной забастовкой вынудили у хозяина уступку—сокращение рабочего дня до 10 ч.; 26 февраля произошли однодневные забастовки в эмалированном заведении Германа Ионаса и в пиджачных мастерских Гридоцкого и Гоцфренда. В начале марта забастовали рабочие типографии Гальперина и Швейцера и дамской мастерской З. Воробейчика.

Первого же марта забастовали рабочие токарного, кузнечного и части паровозного цеха железнодорожных мастерских, предъявившие экономические требования (16 пунктов, главный—20% прибавки на сдельную работу). Руководили забастовкой большевик Иван Ананьич Авдеев и меньшевик Федор Иванович Голубков. Рабочие выбрали депутатов и отправили их к начальнику мастерских. Начальник послал телеграмму в управление дороги, и так как оттуда получился неудовлетворительный ответ, то 4 марта забастовка охватила уже половину мастерских и 5-го бастовало 850 человек. Меньшевики выпустили прокламацию к железнодорожным рабочим, где и были формулированы следующие требования: 1. 8-часового рабочего дня; 2. Свободы слова, печати, собраний, союзов и стачек; 3. Немедленного созыва учредительного собрания на основах всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права; 4. Немедленного прекращения войны и кроме того: повышение расценок до 40%, полная плата за время болезни, установление наименьшей платы для чернорабочих в 1 р. в день, для прослуживших 2 года месячный отпуск через каждое двухлетие и 2-недельный через год, выдача билетов по всем дорогам, отмена сверхурочных работ, отмена циркулярного распоряжения с угрозой наказания и прием уволенных за участие в стачке в 1903 г. Забастовка, однако, окончилась 7 марта частичными уступками администрации. Это забастовочное движение росло с каждым днем, захватывая все новые и новые предприятия и повышая настроение рабочих

и обывателей. Одесский градоначальник Нейдгардт в своем донесении министру вн. дел от 22 марта 1905 г. так характеризует это общее повышенное настроение: «...есть многие признаки угрожающего настроения масс, сильно вооружающихся. Револьверы покупаются в огромном количестве, несмотря на меры, принимаемые к ограничению пользованием оружием. Замечается быстрое собирание толпы по каждому незначительному поводу и ненавистное отношение к офицерам, из которых один, сделавши замечание просящему милостыню нижнему чину, был немедленно окружен толпой, шапка с него была сбита, и он с револьвером в руках пробился к выходу, при чем стрелял в землю. Подошедшим патрулем тут же был задержан студент, на котором найден целый транспорт нелегальной литературы. Крайне тяжелая служба полиции почти без отдыха и соединенные усилия военной и гражданской власти пока охраняют порядок» [1].

К брожению рабочих присоединялось и недовольство интеллигенции: оно проникло даже в средние школы, так что пришлось и к дверям этих школ ставить войска и переодетых самокатчиков! Но только беспокойство Нейдгардта о самовооружении населения было лицемерием: дело вооружения даже у соц.-демократов и социалистов-революционеров шло очень плохо. Вместо забот о вооружении меньшевики через своих рабочих принимали участие в подаче петиции городскому голове Зеленому о разрешении легального собрания с целью обсуждения «вполне соответствующих назревшим потребностям нашей родной страны великих слов высочайшего рескрипта на имя министра внутренних дел о народном представительстве», при чем ходатаи клялись, что «ни уличных восклицаний, ни подметных листков, ни оскорбительных выражений по адресу тех или других частных или официальных лиц мы не допустим» [2]. Руководителем рабочих, подававших петицию (46 человек токарного цеха мастерских жел. дор.), оказался тот самый Голубков, который только что руководил железнодорожной стачкой. Большевики таких петиций не поощряли, но и у них дело вооружения поставлено было очень плохо.

---

[1]) Истор.-рев. архив. 4 д. 4 ч. 19 л. А. 1905.

[2]) Особ. отд. д. № 5 ч. 4. л. Ж/1905 г.

Начиная с марта, Одесса представляла из себя кипящий котел, готовый взорваться каждую минуту, забастовки следовали за забастовками, пока, наконец, не вылились в то большое народное движение, какое совпало с Потемкинским восстанием.

23 марта забастовали пекаря булочной Филиппова и предъявили требования повышения заработной платы, обязательного условия найма на 1 год, твердого установления ремесленных и фабричных правил, отмены работ в праздники, 9-часового рабочего дня, допущения сверхурочных работ только на особых условиях, выдачи квартирных (5 р.) имеющим свою квартиру, ежегодный отпуск (один месяц) с сохранением жалования. Стачка окончилась быстро победой рабочих. В это же время началась забастовка портовых грузчиков. Рабочие отказались работать по 1 р. 50 коп. в день и потребовали прибавки до 2 р.; разгрузка парохода с углем и двух пароходов, прибывших из Батума и Николаева, остановилась. Забастовку начали грузчики грузины, прибывшие с Кавказа, где также шла забастовка грузчиков. Требования их были выражены в особой прокламации одесской меньшевистской группы от 25 марта. Эти требования следующие: 1. 8-часовой рабочий день; 2. Упразднение подрядчиков и передача работы в руки самих рабочих; 3. Воспрещение ночных работ; 4. Двойная плата за сверхурочные работы в воскресные дни и двунадесятые праздники; 5. Прекращение работ в субботние и праздничные дни в 2 часа пополудни; 6. Увеличение поденной платы до 2 р. 50 к. в день; 7. Разрешение общего собрания всех рабочих г. Одессы для обсуждения своих нужд. Забастовку эту властям удалось сломить отчасти вооруженной силой, которая не допускала бастующих снимать своих работающих товарищей, отчасти дезорганизацией забастовщиков, так как удалось сорганизовать артели штрейкбрехеров. Но не успела еще закончиться эта забастовка, как бросили работы кочегары и матросы Русского Общества Пароходства и Торговли и предъявили требования: 1. Увеличение заработной платы до 35 р. в месяц; 2. 9-часовой рабочий день и оплата сверхурочных по 20 к. за час; 3. Вознаграждение за увечье, и 4. Лечение за счет общества. Здесь дело дошло до того, что кочегары парохода «Св. Николай» отправились на пароходы «Мария», «Херсон» и «Император Александр II» и залили топки водой. Попытки кочегаров и ма-

тросов снять рабочих мастерских Русского Общества окончились неудачей. В средине апреля забастовку власти прекратили силой, арестовав команды двух пароходов и отправивши их по этапу на родину. Одиннадцатого апреля забастовали рабочие типографии А. Ф. Соколовского, а 19-го забастовали хлебопекарни. Были предъявлены экономические требования: повышения заработной платы, сокращения рабочего дня и, между прочим, конфликтных комиссий, составленных на паритетных началах. Были предъявлены и политические требования. Еще не успели закончиться эти забастовки, как началась стачка работающих в одесских фотографиях; кроме чисто экономических требований, были предъявлены и политические требования; в это же время приходилось отправлять в плавание пароходы Русского Общества при помощи военных матросских команд. В конце апреля, 25-го бастовали рабочие на соляной мельнице Сарача, сапожники и башмачники (в 20 мастерских 118 человек), 28-го — рабочие завода белой жести Левина и 29-го апреля на наливном пароходе Манташова. Таким образом, огромное возбуждение царило среди одесских рабочих: недовольство своим экономическим положением, наступление хозяев, вмешательство в стачки властей, подавление стачек силой,—все это, казалось бы, должно было поднять одесский пролетариат на политическую забастовку первого мая, и однако этой политической забастовки не было. И по официальным данным и по письмам нашей нелегальной прессы, забастовка носила мирный экономический характер и началась второго мая.

Ход ее рисуется в следующем виде [1]): 2-го мая бастовало до 4.000 рабочих на 40 фабриках и заводах, к полудню 3 мая стояло уже 43 фабрично-заводских заведения и число неработавших исчислялось цифрой до 4.900. Сами жандармы отмечают, что забастовка разрасталась вследствие выступления социал-демократических ораторов и энергичной деятельности ударных, снимавших рабочих, несмотря на то, что к 3-му мая были арестованы уже 33 человека. 4-го мая не работало 64 фабричных заведения с 6.500 человек бастовавших; за 5-е мая, к сожалению, сведений не имеется, но число бастующих росло, и 6-го уже не работало

[1]) Истор.-рев. арх. Особ. отд. д. № 4. ч. 19 л. А. 1905 г.

98 заводов и мастерских с 10.000 рабочих, а на следующий день стояло 119 предприятий с 10.300 бастовавших. Это и был кульминационный пункт движения; далее движение падает, и уже 17 мая стоят только 54 предприятия с числом рабочих в 3.700 человек; к июню движение сильно уменьшается, и бастуют только отдельные фабрики и заводы. Из крупнейших фабрик и заводов бастовали: эллинги Русского Общества Пароходства и Торговли, завод Беллино-Фендриха, земледельческих орудий Гена, Вальтуха, литейный завод Шполянского, стеариновый завод Анонимного общества, пробочные заводы Арнса и Юлиуса и табачная фабрика Попова. Водопровод, газовый завод и электрическая станция охранялись войсками и работали, не удалось также поднять на забастовку и железнодорожные мастерские. Забастовку, стало быть, никак нельзя было считать не только всеобщей, но даже собравшей половину рабочих: бастовала едва треть всего одесского пролетариата. Чем же объясняется такая неудача одесских соц.-демократических организаций? Ведь они развили довольно интенсивную работу: все три соц.-демократические организации выпустили за время забастовки по крайней мере 20 листков. Одесская группа меньшинства, кроме общей прокламации «Ко всем рабочим и работницам г. Одессы», выпустила следующие листки: «К рабочим типографии Левинсона», «К рабочим сахарного завода», «К малярам», «К рабочим фабрики братья Крахмальниковы» и другие; Одесский комитет большинства также, кроме двух общих листков ко всем рабочим, выпустил еще прокламации: «К железнодорожным рабочим», «К рабочим спичечной фабрики Бродского», «К составителям, стрелочникам, сцепщикам и переездным и вагонным столярам Юго-Зап. ж. д.», «Бюллетень Киевского Комитета о стачке 7 мая» № 1. Выпустил прокламации «Бунд» и даже «Поалей Цион». Организованные рабочие выступали на собраниях, снимали работающих товарищей с работ, вступали даже в столкновения с казаками, как это было, например, при снятии с работ типографщиков. И несмотря на все это, забастовка была не всеобщая и не окрасилась в ярко политический оттенок.

Причин этого явления много. Прежде всего, страшная политическая отсталость одесских рабочих. Во время забастовки на многих заводах с трудом удавалось говорить на политические

темы. Так, например, 3-го мая на заводе Шполянского [1]), «когда наш оратор,—говорит корреспондент «Вперед»,—начал говорить, раздались восклицания, что не надо употреблять «мешающих делу» слов». «Мешающие делу» слова—это была речь на политические темы, которые удалось развить не без труда. И такое явление наблюдалось не на одном только заводе Шполянского.

Затем среди одесских рабочих тогда еще очень сильно чувствовалось влияние зубатовцев и особенно Шаевича. Об этом определенно говорит корреспондент «Искры» [2]): «Нужно заметить, что в Пересыпском районе социал-демократическая работа встречает сильное препятствие в лице пустившей глубокие корни в рабочую массу зубатовщины. Пересыпь—это главный центр деятельности Шаевича, который до сих пор сохранил здесь несколько поклонников, пользующихся авторитетом в рабочей среде»... Это обстоятельство сильно тормозило работу и помогало жандармам производить разгромы соц.-дем. организаций. По словам градоначальника, который хвалит охранную полицию, за время забастовки было арестовано 72 человека. Но несомненно, самой главной причиной неудачи майской забастовки являлась та дезорганизация, какую вносили разногласия, царившие между соц.-демократами, и борьба их между собою. До какой степени доходила эта борьба, видно хотя бы из следующей тирады меньшевистского корреспондента в «Искру». Сказав о том, что соц.-революционеры никакой работы среди пролетариата не ведут, а большевики имеют очень слабые связи с рабочими, он переходит к вопросу о соглашении, состоявшемся между большевиками, меньшевиками и Бундом, и говорит: «Главная цель этого соглашения—координирование действий всех трех соц.-дем. организаций в моменты выступления и предшествующие им подготовительные периоды. Наша организация, явившаяся инициатором этого соглашения, придавала этому соглашению такое огромное, если так можно выразиться, моральное, значение. Выработано было следующее соглашение: «Каждая организация посылает двух представителей в «исполнительную комиссию», в которой обсуждаются все дела и которая в момент

---

1) «Вперед» № 3.
2) «Искра» № 101.

действий является руководящим центром. Все вопросы решаются *единогласно.* Как письменная, так и устная агитация ведется самостоятельно каждой организацией. Относительно совместного выпуска листка должно состояться по каждому отдельному случаю особое соглашение. Если устраивается общее собрание, то представитель организации должен лишь ограничиваться заявлением, что он говорит от имени своей организации и в своей речи не касается фракционных разногласий. Для руководства стачками в каждом цеху или заводе организуется стачечная комиссия, в которую входят те организации, которые имеют организованные связи в рабочей среде данного производства». Далее корреспондент меньшевик, обвиняя большевиков в бестактных выходках, утверждает, что большевики разорвали соглашение и стали действовать на свой страх и риск. Действительно, такой комитет соглашения—«исполнительная комиссия» составилась 2-го мая; в нее, повидимому, входили от «Бунда» Баневур, от большевиков «Осип Иванов», Константин Осипович Левицкий [1]) и одно лицо от меньшевиков, но уже 3-го мая соглашение было расторгнуто. Но правы ли меньшевики, взваливающие всю вину на большевиков? Конечно, нет. Как меньшевики утверждали—у большевиков слабы связи с рабочими, так и большевики это утверждали о своих противниках [2]). Несомненно одно, что связи были слабы у тех и у других, но несомненно также, что, например, в Дальницком районе сильнее были большевики (у них там была связь с 22 заводами), у меньшевиков там связей почти не было, не было связей у них (или очень слабые) и с железной дорогой, а что касается до Пересыпи, то и у тех и у других там связи были тоже невелики, в Городском же районе большинство связей было у «Бунда». Недопустимая борьба за эти связи велась всеми тремя организациями; об этом говорит сам меньшевистский корреспондент относительно «Бунда», хваля его за его корректность.

Дело было глубже: оно заключалось в коренном отличии двух тактик,—большевистской, боевой, ярко политической,

---

[1]) «Искра» № 101. «Михаил» и «Борис», нелегальные, также, повидимому, входили в комиссию.

[2]) «Вперед» № 2 и 3.

не идущей ни на какие компромиссы, звавшей рабочих на вооруженную борьбу и активный протест, и соглашательской меньшевистской, звавшей рабочих бороться мирными путями. Мы уже видели, как меньшевики поощряли рабочих добиваться легального общегородского собрания рабочих с обещанием вести себя смирно и никого не обижать своими речами; это же явление наблюдалось в мае, об этом просили типографщики и другие рабочие, находившиеся под влиянием меньшевиков [1]). Могли ли большевики согласиться с такой тактикой?

Безусловно нет, ибо именно такая тактика была на руку зубатовцам, именно она задерживала рост политического самосознания рабочих, толкала их на путь легальной, немыслимой, законной борьбы, что, по сути говоря, означало передачу руководства рабочим движением во власть либералов и правительства.

Таково было положение дел, и оно, без сомнения, сильно ослабляло всю работу соц.-демократии.

Несмотря поэтому на то, что влияние соц.-демократии возросло после майских стачек, соц.-демократические организации в Одессе, когда вспыхнуло восстание на «Потемкине», оказались далеко не подготовленными и не овладели стихией [2]).

Забастовочное движение после мая совсем не улеглось, наоборот, то бросали бастовать одни предприятия, то начинали стачку другие, новые. Так, 30 мая забастовала телефонная станция, предъявив чисто экономические требования; 3 июня стояло еще 13 предприятий с числом рабочих до 3.700 человек.

Было ясно, что настроение рабочих, ставшее значительно решительнее и сознательнее, будет толкать их на дальнейшую борьбу и что достаточно самого незначительного повода, чтобы вызвать большое и решительное движение. А таких поводов было больше, чем достаточно. Так, например, когда в начале июня были арестованы выборные от рабочих, масса потребовала их освобождения, и под давлением толпы властям пришлось их освободить.

---

[1]) См. «Вперед» № 3 и д. № 4 ч. 19 л. А. 1905 г.

[2]) См., напр., «Вперед» № 3. «Влияние соц.-демократии возросло во много раз. Почти нет такого цеха, где бы не было связей у той или иной с.-д. организации. Почти везде руководят соц.-демократы. Наши листки были распространены в целом ряде фабрик и заводов». Также «Искру» № 104.

Толпа рабочих человек в 300—400 с пением «Марсельезы» увела домой освобожденных товарищей. Мысль о забастовке висела в воздухе. Соц.-демократические ораторы почти открыто выступали на заводах и фабриках, организации листками призывали массу к забастовке. Рабочие готовились к ней. Называли день начала забастовки: 14 июня, в понедельник. Незначительный факт, как искра в бочку пороха, развязал энергию массы, и начались июньские дни в Одессе. В воскресенье было арестовано собрание выборных, рабочие потребовали их освобождения, и, когда на мирную толпу рабочих, находившихся у завода Гана, напали казаки и начали стрелять, этого было достаточно, чтобы сначала забастовала вся «Пересыпь», а затем и весь город. Начались столкновения с полицией и войсками, рабочие приступили к постройке баррикад, и полилась кровь. Движения было остановить уже нельзя, и когда в ночь с 14 на 15 июня в Одессе появился революционный броненосец, то это событие казалось как бы необходимым и естественным звеном развивающихся событий, хотя, как это мы знаем из документов и многочисленных показаний участников, выступления флота в эти дни ни в каком случае не ожидалось [1]). После ареста уполномоченных (10 июня), их освобождения, вторичного ареста (12 июня) и залпа казаков у завода Гана (было убито двое рабочих и несколько ранено) рабочая стихия развязалась.

Весть об убийстве рабочих казаками разнеслась по всему городу. Особенное возбуждение замечалось на «Пересыпи», революционном предместье Одессы. Рабочие высыпали на улицу, они требовали у социал-демократов и социалистов-революционеров оружия. Войска наполняли постепенно улицы, вслед им неслись проклятия, ревели гудки заводов; огромная толпа двигалась по направлению насыпи, на полотне железной дороги рабочие остановили паровоз и выпустили из него пары, показались казаки и остановились, увидя огромную толпу рабочих. Рабочие окружили казаков, и негодующие речи полились по адресу

---

[1]) Июньские дни описаны в брошюре Ростоцкой: «Июньские дни в Одессе», в брошюре Кирилла «Одиннадцать дней на Потемкине», в «Искре» в №№ 103, 104, 105, 106 и 107, в «Пролетарии» в №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 9, в «Революционной России» в №№ 70, 71, 72, 73 и 74, в «Освобождении» в № 73.

войск и офицеров. Все требовали, чтобы казаки удалились, и они, осыпаемые проклятиями и упреками, ускакали, а у железнодорожного моста начался многотысячный митинг, и горячие слова соц.-демократических ораторов только еще больше возбуждали толпу. В других частях города всюду также происходили собрания и снятие еще работавших товарищей.

14 июня события развивались дальше с неумолимой логикой.

С утра толпа рабочих скопилась на углу Ришельевской и Греческой. Появилась полиция, и когда часть толпы направилась по Полицейской, то какой-то надзиратель арестовал двух рабочих. Их быстро освободили, стреляя в городовых. Такая же толпа на углу Успенской и Пушкинской сняла с работы типографщиков Диклера и типографии «Прогресс». Теперь толпа еще более увеличилась, двинулась по Успенской, встретила городовых и околоточного, призывавшего на помощь дворников, и, выстрелом обративши в бегство полицию, остановила фабрику Высоцкого. Толпа, достигшая теперь до 1.000 человек, намеревалась двинуться дальше, но встретила полицию, и здесь произошло страшное избиение: городовые стреляли из револьверов и действовали шашками. Особенно пострадали работницы фабрики Высоцкого, девушки-подростки. Еще большее применение оружия полиция допустила в других местах, например, на Преображенской, где стрельба раздавалась целый день.

На «Пересыпи» огромное собрание тысячи в две у завода Гана решило в знак траура по убитым товарищам остановить все заводы и фабрики и в течение очень короткого времени остановили водокачку и завод Шполянского, откуда огромной толпой тысячи в 3 двинулись в слободу Романовку; остановили поезда, высадили публику и двинулись к заводу Арбаса. Скоро стояла почти вся Одесса. На следующий день, когда появился «Потемкин», 14 июня рабочая Одесса уже вся не работала, и город представлял необычайную картину. Магазины, банки, мастерские, конторы—все было закрыто. Улицы были наполнены толпой рабочих, полицией и кое-где войсками. Раздаются выстрелы из револьверов: то стреляют городовые. Конки не ходят. Во многих местах построены баррикады: валили вагоны конок, телеги, доски и всякую рухлядь. Особенно большую роль сыграли

в этот день рабочие-подростки: они не только вступали в бой с полицией, строили баррикады, останавливали фабрики, но выполняли и роль ораторов [1].

Столкновения с полицией и войсками в течение 14 июня, невинные жертвы, павшие под ударами казацких шашек и пуль городовых, страшно озлобили рабочих, и они требовали оружия, но его не было, и чувство злобы, негодования и отчаяния охватило рабочих. Казалось, не было выхода. Но в 10 ч. вечера показался «Потемкин», а 15-го на нем увидели красный флаг революции. Выход был найден. Так думали в первый момент все и ждали уже не чуда, ибо оно совершилось, флот восстал, а естественных следствий этого чуда, т.-е. помощи, разгрома полиции и войск, бомбардировки, восстания всего флота, начала всеобщего восстания. Как совершилось это чудо, как протекало восстание, как оно постепенно, подтачиваемое и извне и изнутри, разбилось о непреодолимые препятствия дезорганизации и нашей неподготовленности, об этом и рассказывают печатаемые нами ниже материалы.

Мы полагаем, что предыдущий очерк забастовочного движения и документы, печатаемые нами, дадут возможность выяснить как ход самого восстания и причины его неудачи, так и его огромное значение для всего революционного движения в России, не только в 1905 г., но и в последующую эпоху.

Соц.-демократическая работа велась среди матросов Черноморского флота давно, еще с 1903 г., как говорит Фельдман, в Севастополе, Одессе, Николаеве и других местах. Успехам этой работы способствовало не только то обстоятельство, что среди матросов были элементы из рабочей среды, подготовленные и побывавшие в нелегальной организации люди, но и то ужасное положение, в котором находилась вся матросская масса. Принято думать, что матросам жилось лучше, чем рядовому солдату пехотинцу. Так, например, участник Потемкинского восстания инженер А. Коваленко в своих воспоминаниях пишет: «Справедливость требует признать, что в общем матросу живется далеко не плохо, по крайней мере со стороны внешней обстановки. Обыденная пища команды вообще доброкачественна. Я, как

---

[1] См. «Пролетарий» № 9.

и многие офицеры во время дежурств на военных судах, когда они стоят в резерве и когда офицеры не имеют там своего стола, часто с удовольствием ел матросский борщ. Правда, бывают иногда, как я уже сказал, случаи недовольства команды чем-нибудь из провизии, но они единичны и всегда почти являются результатом случайного недосмотра. Тяжелой работой матросы не обременены: обыденный рабочий день не превышает восьми часов». Это, конечно, неверно. Положение матросов Черноморского флота, в особенности находившихся на берегу, было очень тяжело решительно во всех отношениях. Вот какими словами описывает это положение матрос-корреспондент «Пролетария»... «Установили правило уходить со двора только после 5-ти часов вечера, и то с билетами от ротного. А ротные так, зря билет не дадут, всегда им нужно дать отчет, куда идешь. А без билета никуда не уйдешь, потому что стены очень высокие и через окна тоже не вылезешь, так как казармы представляют собой тюрьму. Решеток, правда, нет, и для посторонних ничего не заметно, но в подоконниках забиты толстые прутья, так что не только нельзя уйти из окна, но даже и головы не просунешь. Так и сиди, как арестант. В пять часов окончив работу, придешь, поужинаешь и не знаешь, куда девать эти два часа, так как поверка у нас в восемь часов. Белье помыть,—не всегда захватишь места, так как команды у нас до 1.000 человек, а удобства для мойки—всего на 8 человек; и когда ни придешь, там всегда несколько человек ждут места. Воды тоже всегда недостаток не только для стирки, но часто даже и пить нечего. Посуда—гнилые кадушки и сильно воняют гнилью; волей-неволей приходится мыть речной водой, а она очень соленая, так что не вымоешь белья, а лишь помочишь. И живешь так, не как военный, призванный на службу, а как какой-то арестант. В праздники до поздних часов приходится пользоваться билетом не более одного раза в месяц, и то при хорошем поведении. Тогда, не позднее 12 часов ночи должен явиться к дежурному офицеру, и он отмечает, кто в какие часы явился, и утром докладывает командиру». Бессмысленность приказаний, которыми донимали матросов, видна хотя бы из такого распоряжения, как приказ николаевского градоначальника отдавать честь его дому. Питание матросов тоже оставляло желать лучшего. «Утром греют воду горячую,—говорится дальше

в письме,—но она всегда с песком, потому что эти кубы вмазаны наглухо, и их почти никогда не чистят. Чай и сахар мы должны покупать на свои деньги, а на завтрак варят кашу из пшенной крупы, и очень жидкую, почти одна вода, сала никогда не бывает, лишь звездочки сальные плавают. Это не завтрак, а просто помои. Хлеб всегда черствый, напеченный на целую неделю и очень кислый, при том из-под нижней корки идет на целый вершок синяя полоса. С шести часов идешь на работу и работаешь до одиннадцати, как проклятый. Еще твоего же брата поставят кричать на тебя. В одиннадцать пообедаешь одного борща, тех же помоев, как и на завтрак, перемены никогда не бывает. В армии, например, варят кашу, а у нас этого никогда не бывает, и даже того не берут, что полагается, благодаря тому, что некому всего этого контролировать. На обед на каждого человека ежедневно полагается полфунта мяса, но они совсем не берут хорошего мяса, а только разные кости, жилы, легкое и печень. И это не борщ, а помои, в которых легкое плавает, как пробки. В половине первого опять идешь на работу до 5 часов. А в ужин утренняя каша, изредка кулеш. В 8 часов поверка, а после поверки по нескольку человек чередуются чистить картофель на следующий день. Словом, так и идет вся служба».

Наказания процветали в матросских казармах не меньше, чем в пехоте,—карцер, стояние под винтовкой (с мешком земли пуда в $1^1/_2$ на шее), лишение отлучек из казармы.

Все, без сомнения, делало матросскую массу в высшей степени восприимчивой к той пропаганде, какую уже давно вели соц.-демократы и социалисты-революционеры среди матросов. При этом между жизнью матроса в казарме на суше и на корабле в отношении режима не было никакой разницы, пожалуй, на судах в этом отношении было еще строже. О том каторжном режиме, какой царил на судах, в частности на «Потемкине», можно получить представление, прочтя первую главу книги Кирилла «Одиннадцать дней на «Потемкине». «Прежде всего, здесь процветали жестокие телесные наказания», говорит т. Х. Г. Раковский. Особенной жестокостью в изобретении всякого рода наказаний отличался командир броненосца Голиков. «Другое зло, вызывавшее жалобы матросов, была пища». Затем, матросы сильно стра-

дали и от жестокого и грубого обращения с ними офицеров. Многочисленные случаи ругательств и побоев, которые пришлось терпеть матросам, приводятся в той же книжке Кирилла. Естественно, что общее возбуждение в стране после 9 января отразилось и на матросах, и соц.-демократическая агитация и пропаганда особенно успешно развивались весною. На самом «Потемкине» уже было ядро соц.-демократов человек в 15—20, которые регулярно посещали тайные собрания на берегу.

С каждым днем, под влиянием пропаганды этого ядра, число затронутых пропагандой росло, так как условия совместной жизни на корабле были очень благоприятны для такой пропаганды. Скоро организация соц.-демократов среди матросов настолько укрепилась, что был создан центральный комитет из представителей от всех судов. Борьба матросов соц.-демократов, бывшая прежде беспорядочной, стала принимать более организованные формы, и скоро, в связи с общим революционным подъемом в стране, центральный матросский комитет, находившийся в связи и под руководством соц.-демократической организации юга и в частности Одессы, поставил вопрос среди матросов на всех кораблях, и, как единогласно говорят и т. Раковский и К. И. Фельдман, план восстания был готов задолго до выступления. Общее революционное настроение и каторжный режим Голикова, командира броненосца, ускорили выступление, при чем случайное обстоятельство заставило выступить именно матросов «Потемкина», корабля, где больше всего было ненадежного элемента, новобранцев. В воспоминаниях Коваленка, Кирилла, Фельдмана и самого Матюшенки подробно рассказывается о поводах к восстанию и о восстании. Фельдман, Матюшенко, Кирилл и т. Раковский, имевший возможность пользоваться сведениями, переданными ему тотчас же после событий в Констанце, все говорят о том, что идея восстания возникла среди матросов еще за год до самого факта выступления. Еще в ноябре 1904 г. во время бунта матросов при отправке их на Дальний Восток матросы обращались в соц.-демократический комитет, не превратить ли бунт в восстание. Тогда соц.-демократический центр предложил на время от этого воздержаться, но идея эта усиленно дебатировалась. О том, как протекало само восстание, мы прилагаем здесь еще несколько документов, доселе неопубликованных

и рисующих это замечательное событие с разных сторон и точек зрения. К числу этих документов относятся: 1) рассказ о восстании матроса Кузьмы Перелыгина «К событиям на эскадренном броненосце «Князь Потемкин Таврический»; 2) рассказ матроса Бориса Сергеевича Прохорова; 3) докладная записка корпуса морской артиллерии полковника Шульца; 4) донесение начальника таврического губернского жандармского управления командиру отдельного корпуса жандармов о пребывании броненосца в Феодосии, и 5) заметка агента-осведомителя департамента полиции Меласа о пребывании броненосца в Констанце.

Все эти документы находятся в деле Историко-революционного архива (б. департамента полиции) за 1905 г. 7-го делопроизводства за № 3769. Как видно из документов, Кузьма Перелыгин, матрос первой статьи, пробыл все время восстания на броненосце и после высадки в Констанце попал рабочим в порт в Сулине [1].

Мелас, осведомлявший русское правительство о пребывании матросов в Румынии, взял этот рассказ Перелыгина и переслал его русскому правительству. Несмотря на то, что Кузьма Перелыгин относится отрицательно к восстанию, что видно как из характеристик, какие он дает вождям восстания, например Матюшенко, так и из прямых порицаний по адресу восставших, его рассказ во многих своих частях дышит неподдельной правдой и почти эпическим спокойствием. На первых же страницах из уст Кузьмы Перелыгина мы узнаем, что «началась служба на броненосце по самой строгой дисциплине» и что «на «Потемкине» команда была обижена в продуктивном отношении».

Обида эта заключалась в том, что так как внутренняя отделка на броненосце не была закончена, то на борту его находилось 60 человек рабочих, которые столовались за счет матросов, «вследствие чего некоторым матросам приходилось оставаться без обеда». Узнаем мы также и то, что случаи покупки дурного качества провизии на броненосце были не редки и что рабочий день матроса на броненосце тянулся не восемь часов, как утверждал инж. Коваленко, а значительно дольше, с 6 часов утра до 5 часов вечера. Таким образом, и на броненосце положение

---

[1]) См. Истор.-рев. арх. О. о. д. № 1, ч. I, т. 3. 1905 г.

матроса было не лучше того, что описано выше в письме матроса из Николаева. Перелыгин не на стороне восставших, он называет их «бунтовщиками» и «негодяями», но его матросское сердце все же не может скрыть своей симпатии к своим товарищам, и его слова звучат чувством неподдельного сочувствия и жалобы, когда он говорит о своем брате матросе. Когда командир Голиков приказал готовиться к расстрелу матросов, то, по словам Перелыгина, «команда, видя, что пропадут напрасно их невинные товарищи, обезумев, бросилась с криками (ура) в батарейную палубу взять оттуда что-нибудь в руки и итти на выручку товарищей». Несомненно, однако, что в общем симпатии Перелыгина не на стороне восставших, и он более симпатичными красками рисует пострадавших офицеров, причем не редко делает это в ущерб истине. Так, рассказывая о последних минутах командира броненосца, он рисует его каким-то героем, когда в действительности это был жалкий трус. Наоборот, портрет Матюшенки нарисован довольно темными красками. И за всем тем рассказ Перелыгина представляет большой интерес, как рассказ очевидца восстания с начала и до конца его.

Другой рассказ, матроса Бориса Сергеевича Прохорова, кочегара второй статьи, есть протокол показаний, данных им на допросе в одесском жандармском управлении в январе 1914 г. во время вторичного ареста Прохорова после возвращения из Румынии. Протокол интересен тем, что в нем указывается та связь, какая существовала между матросами Черноморского флота и одесским Комитетом Рос. Соц.-Демократической Рабочей Партии, также говорится о том, что восстание подготовлялось давно, и только совет Комитета не начинать его останавливал моряков.

Третий документ—это официальный доклад, сухая докладная записка, артиллерийского полковника Шульца, посланного артиллерийским ведомством в качестве эксперта при опытной стрельбе из орудий «Потемкина». Это сухой рапорт чиновника, в общем и целом подтверждающий другие рассказы. Но, конечно, в этом рапорте, написанном со слов пострадавших офицеров, много уклонений от истины, в особенности при описании расстрелов офицеров и поведения команды по отношению к своему начальству. Доклад начальника таврического губернского

жандармского управления о пребывании «Потемкина» в Феодосии интересен тем, что рисует обстановку, при которой произошла катастрофа на катере «Потемкина» при попытке восставших взять уголь с угольщика. Принимая во внимание жандармское происхождение документа, нужно признать его важность в том отношении, что он дает некоторые указания на причины, вследствие которых власти так решительно действовали в Феодосии. Жандарм в конце доклада говорит, что им были отобраны письма, которые матросы сейчас же, как только броненосец прибыл в Феодосию, передали для отправки своим родным и знакомым. Жандарм говорит, что в письмах находится и описание восстания. Несомненно, что среди этих писем могли оказаться и письма тех кондукторов-предателей, которые все время старались дезорганизовать матросскую массу и расстроить восстание. Не дало ли уверенности властям ознакомление с такими письмами, что на броненосце началось разложение и что даже маленький отпор команде матросов, пытавшейся буксировать угольщик, еще больше дезорганизует малосознательную часть команды. Доклад Меласа, хотя и носит очень темное происхождение, однако заслуживает внимания, так как дает такие подробности пребывания «Потемкина» в Румынии, которые нигде больше не встречаются и которые рисуют часть матросской команды очень определенными и яркими чертами: матросы как Ведермир и Зыбалов, все время думавшие, как бы в руки румын не попали какие-то тетради и сигнальные книги, мало были пригодны для восстания, а таких матросов на «Потемкине» было достаточно. Эти и многие другие подробности и заставляют нас напечатать документ безграмотного агента русского правительства.

Другой документ—доклад жандарма, подполковника Будакова, помощника начальника бессарабского губернского жандармского управления на пограничном пункте Рени. Документ этот печатается, между прочим, и потому, что он во многом исправляет безграмотные ошибки агента Меласа, плохо знавшего русский язык [1]). Но этот документ представляет и самостоятельный ин-

---

[1]) Мелас, напр., называет сигнальные книги «ситальными», путает фамилии, Видермилера называет Ведермеевым, Луцая—Луцаевым, Горекова—Рожиновым, Окощина—Ахалзиным и т. п.

терес, ибо сообщает некоторые факты, рисующие отношение румынского правительства к факту восстания.

Далее мы печатаем: 1) рассказ самого вождя восстания Матюшенки «Правда о Потемкине», выпущенный отдельной брошюрой социалистами-революционерами в 1905 г.; 2) отрывки из воспоминаний члена нашей партии т. Кирилла Никитича Орлова («Моя биография»), участвовавшего в восстании, и 3) некоторые документы, относящиеся к смерти Матюшенки, бегству Фельдмана и событиям, происходившим в Одессе.

Рассказ Матюшенки представляет несомненный интерес как потому, что дает такие детали восстания, какие может дать только руководитель восстания, при том сам военный (рассказ снабжен чертежами), так и потому, что рисует самого Матюшенку. Отрывок из воспоминаний не дает ничего нового в отношении хода восстания, но зато ценен указаниями на те причины, какими объясняет неудачу восстания т. Орлов. Документы, относящиеся к личности Матюшенки, это: 1) письмо его в румынской газете «Adeverue», 2) копия с протокола предсмертного допроса Матюшенки 8 августа 1907 года, 3) доклад министру внутр. дел временного генерал-губернатора, и.д. главного командира Черноморского флота и портов Черного моря контр-адмирала Вирена о приведении в исполнение смертного приговора над Матюшенкой и доклады Вирена и директора департамента полиции министру вн. дел по поводу неприменения к Матюшенке манифеста об амнистии. Эта последняя переписка возникла вследствие заметок, появившихся по этому поводу в легальной прессе.

Документы, относящиеся к побегу К. И. Фельдмана, это перехваченное письмо, отправленное им на волю с планом побега, и письмо того караульного солдата Схиршладзе, который только благодаря случайности чуть-чуть не расстроил побега, документы, не требующие никаких пояснений.

Копии с некоторых донесений властей разных рангов мы приводим для полноты картины той растерянности этих властей, которая была так велика, что одесский градоначальник Нейдгардт просил высшее начальство не больше, не меньше, как о том, чтобы потопить броненосец миной.

Все эти документы, не исключая и воспоминаний самого Фельдмана, без сомнения, отличаются субъективностью, а что

касается докладов всякого рода начальства, то иногда и заведомо ложным освещением событий, но все они все же замечательные человеческие документы, дышат необыкновенным драматизмом великих событий и великой эпохи. Даже в сухих казенных реляциях жандармов сквозь непроницаемую кору подлости и низости проглядывает порою великая правда событий и того, что было в них нетленного, непреходящего. Все они вместе дают почти полную картину восстания, рисуют его причины и по-своему объясняют его неудачу. Дело историка разобраться, где истина, где ложь, но несомненно, что они дают полную возможность определить как значение восстания для революции, так и причины его неудачи.

В чем же, действительно, заключались причины неудачи этого замечательного восстания?

Сам Фельдман так определяет эти причины: «Главная причина, из-за которой наше восстание фатально было обречено на неудачу, лежала вне нас: она скрывалась в недостаточном развитии береговой революции.

Могли ли мы действительно победить, когда вся окрестная Россия так бездеятельно относилась к нашему восстанию? Почему рабочие окрестных городов, из которых подвозились в Одессу войска, молчали? Почему они не разрушали железных дорог, не взрывали мостов, не изолировали одесские власти! Почему окрестные крестьяне не посылали отряды своих сыновей на помощь одесским рабочим?

Потому что они не были достаточно подготовлены к революции (стр. 104 воспоминаний)».

Это бесспорно верно, но нужно ведь, кроме того, ответить, почему все эти элементы и, главное, город Одесса, его революционные организации, социал-демократия, были не на высоте положения? Нам думается, что мы своим введением дали на это прямой ответ: одесские социал-демократические организации не владели массами. Организация, не умевшая поднять рабочих в ответ на январские события в Петербурге, шедшая вслед за стихийным движением в апреле и мае и только-только начинавшая вести эти массы в июне, такая организация была не в силах руководить восстанием. Мы видели, что огромное значение в этом отношении имела нерешительная соглашатель-

ская тактика меньшевиков, мечтавших о легальных собраниях, но не подлежит никакому сомнению, что и большевики почти ничего не сделали для вооружения масс в городе, а ведь без оружия мудрено было что-либо сделать и в городе. Меньшевики не хотели фактически вооружаться, большевики хотели этого, но и те и другие не разработали даже плана восстания. Было несколько десятков револьверов и бомб, и только. Кроме того, разногласия и споры в момент восстания испортили окончательно все дело. Если нельзя было договориться с меньшевиками, то нужно было взять инициативу в руки самим: масса идет за сильным и инициативным. Ростоцкая в своей брошюре об июньских днях в Одессе очень хорошо описывает те разговоры, какие, вместо действий быстрых и решительных, велись в том боевом комитете, что был образован из представителей всех революционных организаций в Одессе.

Не подлежит ни малейшему сомнению и то, что и руководители на самом броненосце не могли руководить восстанием. Матюшенко не был вождем. Это был герой, но не вождь. Он и погиб, как герой. Прочитайте его последний протокол допроса, просмотрите воспоминания о нем анархиста И. Хоткевича, вдумайтесь в его собственные писания и шатания то от соц.-демократов к соц.-революционерам, то от этих последних к анархистам, и вы скажете: он был героем, но не вождем. Да, он был героем. Вот как описывается смерть Матюшенки в воспоминаниях В. А. Поссэ.

«Видел я, как вешали пресловутого красного адмирала Матюшенко. Смотреть на казнь во дворе военной тюрьмы собралось много матросов. В нашем экипаже вызывали желающих присутствовать при казни. Пожелали пойти. И офицеры пошли. Знаменитость, как никак. Казнь назначена была ранним утром. Еще не рассветало. Тюремный двор слабо освещал электрический фонарь. В конце двора маячила виселица. Палач, широкоплечий, коренастый, в черной маске, ходил громадной тенью по освещенной стене тюрьмы. Преступника долго не приводили, а офицеры заинтересовались палачами. Окружили и стали расспрашивать. Оказались очень разговорчивыми»... «...Ну, а как держался Матюшенко?»—перебил я рассказ офицера о палаче.—«Удивительно спокойно. Приговор ему

читали долго, больше часу. Перечисляли все его преступления чуть ли не против всех статей уголовного и военного кодекса. А он стоит, не дрогнет. Только по временам сплюнет в сторону. Подошел священник. Он его слегка отстранил рукой и пошел твердо и легко к виселице, так что еле палач поспевал... Потом видно было, как большая тень повешенного качнулась на стене». Это подтверждает и И. Хоткевич. Так умирают герои. Но в июньские дни нужны были вожди и организаторы. Совершенно правильно отмечает свои ошибки Фельдман (не изолировали кондукторов, доктора Голенка и т. д.), но и в самой Одессе была сделана масса ошибок... «Если бы там были люди, говорится в статье «Князь Потемкин Таврический» в № 8 «Пролетария», которые, признав в принципе возможность восстания, готовились бы к нему, разобрались бы в военно-технических вопросах восстания, то они знали бы, что следует делать». Далее в этой статье указывается примерный план того, что можно было бы сделать: снять некоторые мелкого калибра пушки с броненосца, вооружить ими баррикады, разграбить оружейный магазин, действовать по общему плану с броненосцем и т. п. Ничего подобного сделано не было: люди только совещались, и потерпели неудачу. И за всем тем геройское восстание матросов на «Потемкине» есть одна из самых блестящих страниц нашей революционной истории. «Зато моральные результаты восстания матросов, говорится в только что цитированной статье из «Пролетария», приход вооруженного корабля в главный город и порт южной России—неисчислимы. Но большевики расценивали это восстание не только с моральной стороны, а подчеркивали и ту мысль, что «Потемкин» учил русских революционеров и тому, что они «должны быть всегда настороже, всегда иметь план действий».

Меньшевики в 103 номере своего органа такими словами оценивали восстание на «Потемкине»: «Дерзать! в этом слове вся мудрость той революционной тактики, которая подсказывается обстоятельствами момента. Начавшееся в Одессе восстание *должно* быть поддержано всеми средствами. Более благоприятного случая для победы над царизмом трудно дождаться. Укрепившись в одном пункте, победоносная революция должна начать активное наступление на остальные

области, подымая крестьянство, провозглашая республику, вооружая городской пролетариат. Революционный инстинкт и социал-демократическое сознание должны подсказать товарищам на местах, как проводить эту тактику; одно мы им можем пожелать: чтобы их действия были столь решительны и обдуманны, как первые шаги восставших матросов».

Но как бы ни учитывали восстание различные революционные партии, все они сходились в одном: восстание матросов военного корабля на практике доказало, что восстание, как и переход войск на сторону народа, и в России уже не утопия, а факт.

Матросы Черноморского флота и были первыми организаторами восстания с оружием в руках против самодержавия.

Материалами для настоящей вводной статьи послужили следующие источники: 1) Дела Историко-революционного архива в Петербурге: Ос. отд. №№ 4 ч. 19, 4 ч. 19 л. А, 5 ч. 4 л. А, Б, Ж, 1877 г. 56 л. А. и 3769 за 1905 год. 2) Нелегальная пресса—«Искра», «Пролетарий», «Революционная Россия», «Освобождение», «Последние Изв. Бунда». 3) Отдельные издания и статьи: Кирилл.—«Одиннадцать дней на Потемкине», СПБ. 1907, Матюшенко—«Матросы Черного моря» 1905 г. изд. партии с.-р., Ростоцкая—«Июньские дни в Одессе», «Альманах-сборник по истории анар. движ. в России» ч. I, мелкие брошюры о «Потемкине» и официальные документы.

В. Невский.

19/v 1923 г. Петербург.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Одесское восстание до прибытия «Потемкина».

9-е января застало одесский пролетариат неподготовленным к политическому выступлению. В общем хоре грозных протестов бастующих по всей России рабочих не слышно было его голоса, и одесский помпадур, доблестный Нейдгарт, мог с гордостью донести об исключительном спокойствии и благонадежности своей паствы.

Как ни странно, но на этот раз сей полицейский крючок, неожиданно выступивший в роли агитатора и выпустивший прокламации к рабочим, как только пришло известие о 9-м января, прекрасно понял неблагоприятные для забастовки условия жизни одесского пролетариата.

«Многие фабриканты сократили уже производство вследствие кризиса,—писал в своем воззвании Нейдгарт,—и не закрывают своих заводов и фабрик только из страха быть объявленными банкротами. Если же рабочие устроят забастовку, они, воспользовавшись этим предлогом, окончательно закроют свои фабрики. Тогда тысячи рабочих останутся без хлеба».

В его словах было много правды.

Кризис, вызванный войной и охвативший своими голодными объятиями почти всю Россию, не дошел еще до своего апогея в Одессе. И здесь уже он начинал чувствоваться, и здесь, как верно указал Нейдгарт, многие фабриканты сократили производство, но условия жизни одесской рабочей массы не были

еще так плохи, чтобы породить героизм отчаяния. В то же время возможность более или менее сносного существования сопровождалась все же страхом пред полным закрытием фабрик, в виду растущего кризиса.

Это, с одной стороны, и слабая организованность рабочих масс, с другой, создавали такие неблагоприятные условия, что о них разбились все усилия местной соц.-демократии вызвать всеобщую забастовку.

Товарищи не опустили, однако, рук пред этой неудачей и повели энергичную работу, снова подготовляя всеобщую забастовку. Не дремали также и экономические условия, совершая до конца свой процесс революционизирования рабочих масс: фабриканты все больше и больше сокращали рабочее время, а с ним и заработную плату. Многие фабрики, которые раньше едва существовали, совсем закрылись. И голод ежедневно выгонял на улицу тысячи рабочих и вносил дух отчаяния в бедные жилища пролетариата. Вместе с ним началось и забастовочное движение на чисто экономической почве.

Социал-демократия пошла навстречу этому движению и принялась за его организацию. Войдя в соглашение с Бундом, она образовала соединенную стачечную комиссию, руководившую стачкой. Шаг за шагом подвигала она вперед забастовку, присоединяя к ней все новые и новые заводы.

К маю месяцу вся Пересыпь [1]) и часть города уже бастовали. На многих заводах и фабриках хозяева удовлетворяли требования (большей частью под давлением полиции, опасавшейся, чтобы забастовка не приняла политического характера), и рабочие становились на работу; на некоторых, например, в железнодорожных мастерских, администрация шла сама навстречу требованиям и тем предупреждала забастовку.

Но это было только на руку социал-демократии: рабочие начинали чувствовать свою силу; вместе с тем росло их доверие к руководящему центру.

К июню месяцу почти все заводы в Одессе перебывали в стачке, и стачечное движение казалось уже потухающим. Но именно в это время сильно поднялась революционность, созна-

---

[1]) Рабочее и заводское предместье г. Одессы.

тельность и организованность рабочей массы, и наступил самый подходящий момент для политического выступления ее; а власти, как и всегда, ускорили начало.

В полицию зачем-то были приглашены выборные от бастовавших рабочих и там арестованы. Моментально встала вся Пересыпь; рабочие, мужчины и женщины, длинной вереницей потянулись к участку и потребовали освобождения товарищей. Перетрусившая полиция выпустила арестованных. Громким криком «ура» приветствовала их толпа и с пением «Варшавянки» прошла по главной улице Пересыпи.

Этот стихийный взрыв показал революционность массы, и социал-демократия решила объявить всеобщую забастовку; был устроен ряд митингов, на которых ораторы, говорившие о забастовке, одобрительно приветствовались рабочими. Настроение росло, и на 14-е июня была уже назначена стачка.

12 июня вечером было арестовано собрание пересыпских выборных. Весть об этом взволновала рабочих, и 13 июня 500 рабочих собрались у завода Гана (на Пересыпи), чтобы обсудить положение.

«Не успели мы собраться,—рассказывал мне об этом инциденте один товарищ-агитатор, бывший там,—как пристав, подъехавший к заводу с сотней казаков, потребовал, чтобы мы разошлись». «Освободите наших товарищей, тогда мы разойдемся», — ответили рабочие... Через несколько минут сотня неслась уж на нас, мирно сидевших на камнях. «Ребята, бери камни»,—крикнул кто-то, и град камней посыпался на наступавших казаков. «Храбрые» донцы дрогнули, повернули и, преследуемые рабочими, разлетелись в разные стороны. Они так испугались, что забыли даже об «отступлении в порядке».

«Рабочие торжествовали победу... Часть их увлекалась преследованием, а другая стала строить баррикады: опрокинули два вагона конки и несколько телег. Я хотел обратиться к рабочим, организовать их действия; но среди суматохи не мог привлечь их внимания. А между тем казаки уж спешились и готовились открыть огонь. Я бросился тогда к стоявшему около меня «нелегальному» товарищу Медведеву и спросил, нет ли у него знамени, чтобы видом его привлечь к себе внимание рабочих.

Ни минуты не раздумывая, он вытащил из кармана красную книжку и, вскочивши на баррикаду, высоко потрясая книжкой, громовым голосом крикнул: «Товарищи ...».

«Дальше он не договорил, так как раздавшийся залп мертвым свалил его с баррикады.

«Толпа в ужасе заревела и рассыпалась, оставив двух убитых и несколько раненых.

«Полиция бросилась подбирать трупы, но рабочие снова сбежались и отбили труп Медведева. Несколько человек подняли его и двинулись по улицам предместья. Из всех домов, фабрик, заводов выбегали жители-рабочие и присоединялись к печальной процессии; женщины рвали на себе волосы и оглашали воздух рыданиями и проклятиями по адресу убийц. Рев и стон стояли над нами... так продолжалось до тех пор, пока полиция снова не отбила труп...

«Пересыпь уже стояла, и мы созвали толпу на митинг. Тысячи рабочих со всех сторон города стекались к нему, а стоявшие тут же солдаты не трогали толпу и выражали полную солидарность с ней.

«Первый раз пришлось мне видеть такую величественную и сильную картину рабочей солидарности и братства. Насильники содрогаются, видя разбушевавшееся море гнева рабочего класса»,—закончил свой рассказ товарищ.

В тот же день вечером было решено объявить на завтра всеобщую забастовку, как траур по погибшим товарищам.

С утра 14-го июня уже появилось зловещее предостережение грядущих убийств: короткое, в три строчки объявление градоначальника гласило, что «вчера при столкновении войск с народом было убито два и ранено три рабочих; градоначальник просит мирных жителей во избежание случайностей не присоединяться к толпам рабочих». Мирных жителей, обывателей просят не смешиваться с массой рабочих, подлежащих расстрелу!...

С одиннадцати часов утра начались расстрелы; стреляли в рабочих, шедших «снимать» с работы товарищей. Трехтысячная толпа отправилась «снимать» рабочих с городской водокачки и с загородных заводов. Успешно исполняли они свое дело, пока их не разогнали, открывши огонь, полицейские стражники. Последних было всего несколько человек, и рабочие легко могли

смять их; но полное отсутствие оружия обескураживало массу, лишало ее бодрости и силы.

Величественные сцены происходили в городе, где все усилия рабочих направились на остановку движения конки и омнибуса. По Преображенской улице двигаются большие толпы народа. Все настроены по-праздничному. На балконах и в окнах публика. Вдруг показывается вагон конки; немедленно 30—40 рабочих-подростков бросаются к нему, вмиг выпрягают они лошадей; испуганные пассажиры бегут из вагона, и, при оглушительных криках «ура» и аплодисментах публики, вагон падает на середину дороги. С балконов сыпятся цветы на смелых подростков; с гордостью ловят они их и разбегаются, прежде чем успеют подскочить казаки.

Едва подскачут последние сюда, как, при громком смехе публики, их отзывают в другое место, где точно также снимают с рельс вагоны.

Вообще, дети пролетариата сыграли славную роль в этой забастовке; всюду появлялись они первыми, и любо было смотреть на их отважные, молодые лица и детские ручки, которыми они, в виду казаков, бесстрашно сваливали вагоны или строили баррикады.

А последние уже были на многих местах. Правда, это были игрушечные укрепления, их защищали камнями два, три десятка людей; но самый факт постройки их свидетельствовал о революционном возбуждении.

Террористические акты, нападения на приставов, околоточных не прекращались целый день; я встретил двух товарищей, сообщивших мне, что два часа тому назад они убили помощника пристава и околоточного; за ними гнались, но они успели скрыться. Спокойно рассказав мне это, они пошли дальше в толпу, не слушая моих увещаний скрыться на несколько дней, или хотя бы отдать свои революверы, уличавшие их в преступлении. Так велика была в этот день жажда мести за убитых товарищей.

Забастовка сразу принимала характер восстания. Настроение росло, масса революционизировалась...

Но был один дефект, который понижал настроение массы, удручающе действовал на нее. Когда, с ружьями наперевес,

подъезжали казаки, одна мысль охватывала толпу, один крик вырывался из ее груди: «Оружия...». Но его не было, и масса бежала, бежала перед таким отрядом, который она могла бы разогнать голыми руками...

В 8 часов вечера я с товарищем, переодевшись в рабочие костюмы, отправился на Пересыпь. Тихо было теперь на этих улицах, вчера оросившихся кровью. По дороге мы встречали рабочих социал-демократов. Все сообщали, что настроение падает, что массы требуют оружия и без него отказываются выходить на улицу.

Со всех сторон неслось это требование, и мы чувствовали, что, если социал-демократия не удовлетворит его, массы отвернутся от нас, и забастовка прекратится. А между тем пришли вести о грозном аграрном движении в Одесском уезде и о новых вакханалиях растерявшихся властей. Руки сжимались от злобы; но они были голы, эти крепкие мозолистые руки, и, поднявшись, опускались бессильно...

Когда вечером я возвращался домой и проходил неподалеку от Соборной площади, раздался оглушительный взрыв. Я бросился бежать по направлению взрыва, но появившиеся откуда-то казаки, бешено потрясавшие нагайками, заставили меня повернуть. Только от бежавшей публики узнал я, что на Соборной площади бросили бомбу в городового.

Бешено неслись казаки, избивая встречных, и я поспешил убраться из этого опасного места.

Что предвещал нам завтрашний день? С таким вопросом засыпал каждый из нас в эту ночь, и никто не дал себе настоящего ответа, никто не посмел подумать, что на службе революции уже появилась новая сила, та сила, которая так нужна была нам в эти дни—громадный броненосец, полный оружия.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

В 10 часов утра я вышел на улицу и направился к Николаевскому бульвару.

Гигантская красивая лестница соединяет последний с одесским портом. Роскошный вид на открытое море и одесскую

бухту делают ее любимым местом гуляния аристократической публики. Элегантные дамы снуют целые дни по его тенистым аллеям, а кровные рысаки катят взад и вперед по прекрасной цементной мостовой богатую и расфранченную публику. Этот уголок праздности и веселья, беззаботного веселья и смеха представляет резкий контраст расположенному внизу его порту.

Целые столбы угольной пыли, пискливые свистки паровозов, почтенные басы пароходных гудков, грохот несущихся телег, тысячи человеческих голосов окутывают всякого, вступающего в этот город труда и эксплоатации. Место элегантных дам здесь занимают грязные, оборванные босяки, и вместо дивных звуков бульварного оркестра здесь непрерывно звучит гул торжествующего капитала.

В этот день события должны были перенестись в город, и всем работникам-агитаторам дан был приказ быть на центральных улицах. Я отправился поэтому теперь к знакомому либералу, у которого оставил вчера свой студенческий костюм, чтобы снова облачиться в него.

С невеселыми мыслями шел я по городу; мы переживали громадные события и не могли справиться с ними; массы готовы были итти в бой, мы не могли вести их, так как не было оружия. Мирная же стачка не могла продолжаться: она дошла до своего логического конца. Подняла и воодушевила всю одесскую рабочую массу, подняла крестьянское движение в уезде, расшатала административный аппарат одесской бюрократии, привлекла сочувствие войск к рабочим. Теперь она могла или перейти в вооруженное восстание или... прекратиться.

Для первого необходимо было оружие, хотя бы в небольшом количестве. У нас его не было... И перед этой глухой стеной опускались руки.

Мы решили сегодня употребить все усилия, чтобы продлить стачку, вести рабочих дальше. Но куда? Весь трагизм нашего положения и заключался в том, что мы не могли дать ответа на этот вопрос. Что сказать сегодня массе? Призывать ее к бою? Но она все эти дни давала на этот призыв один ответ: «Мы готовы; вооружите и ведите нас...». Опять все та же глухая стена, и движение, упершись в нее, должно было остановиться. Сегодня

мне рисовалось уж уныние в рядах товарищей и упадок вчерашнего боевого настроения.

Но улица не оправдала моих печальных размышлений; вместо того, чтобы быть пустынной, она кишела громадной, оживленной толпой, быстро двигающейся по одному со мной направлению. По мере приближения к Николаевскому бульвару толпа все увеличивалась, и со всех окрестных улиц выходили такие же толпы. Какой-то особый рокот, всегда присущий толпе, когда она узнает о чем-то новом и неожиданном, несся по улице.

Я был удивлен этим возбуждением, но мой оборванный рабочий костюм, привлекавший внимание полицейских этой аристократической части города, не позволял мне остановиться и приглядеться к настроению толпы. Я лишь ускорил шаги. Скоро я был уж на месте и, благополучно миновав российского цербера в образе дворника, быстро взбежал по лестнице. И тут непонятное мне возбуждение толпы сразу стало мне ясным.

Едва успел я покончить с скучным процессом переодевания, как в комнату вбежал благодушный хозяин квартиры и сообщил мне, что в порт пришел броненосец, команда которого взбунтовалась, перебила офицеров и решила присоединиться к народу.

Эта новость была так велика и неожиданна, что я не смел верить ей и побежал на улицу, чтобы лично убедиться в правоте ее.

Передо мной раскинулось громадное, могучее море, и вдали, на гигантской груди этого колосса, гордо стоял другой колосс— великий броненосец, великий своим подвигом и красным знаменем, которое уже взвилось над ним.

И в немом, благоговейном восторге я остановился перед этим чудным, навсегда запечатлевшимся видением... Но долго нельзя стоять, надо спешить туда, вниз, надо докончить начатое дело, надо начать, наконец, великий бой... И с радостным чувством солдата, внезапно, в момент отступления, увидевшего неожиданное и сильное подкрепление, я бросился в порт.

Вместе со мной бежала толпа, такая же радостная, как и я. Чем дальше, тем гуще и многочисленнее становилась она. Дыхание свободы уж веяло над ней; оно преобразило все лица и на место вчерашнего озлобления поселило в них выражение какого-то трепетного, захватывающего восторга. Крики: «Долой

самодержавие», «да здравствует свобода» несутся кругом, и после них уже не слышно топота казачьих коней и яростных воплей избиваемой толпы.

Вот, наконец, я добежал до палатки, в которой лежал труп убитого матроса. Кругом стояла громадная толпа, и трудно было пройти в средину. Но масса ждала уж руководителей, которые сказали бы ей, что делать, дали бы ей ясные лозунги, вывели бы ее из нерешительного положения. Поэтому лишь только увидели во мне «студента», как тотчас пропустили в палатку.

В середине ее лежал труп. Черты его лица были удивительно спокойны и просветлены. На груди лежала записка следующего содержания:

«Господа одесситы! Перед вами лежит тело зверски убитого матроса Григория Викулинчука, убитого старшим офицером эскадренного броненосца «Князь Потемкин Таврический» за то, что Вакулинчук заявил, что «борщ не годится». Осеним себя крестным знамением и скажем: «Мир праху его». Отмстим кровожадным вампирам! Смерть угнетателям! Смерть кровопийцам! Да здравствует свобода!

Команда эскадренного броненосца «Князь Потемкин Таврический».

«Один за всех,—все за одного».

Я вышел из палатки и узнал в приблизительных чертах историю бунта. Команда взбунтовалась из-за мяса, перебила офицеров и пришла в Одессу на соединение с рабочими. Матросы прогнали казаков и полицию и теперь грузят уголь и припасы.

С поразительной ясностью представилась мне вся картина нашего положения. Власти ошеломлены и растеряны. Войск мало, и те неверны и, отказавшись стрелять в рабочих, уж наверно не будут стрелять по матросам. С другой стороны могучее воодушевление рабочих, организованность, громадная военная сила. Надо, не медля, заставить матросов сойти на берег, вместе с рабочими взять город и основать республику в Одессе; затем из рабочих составить революционную армию и двинуться отсюда дальше, постепенно расширяя область восстания и закрепляя за революцией все новые и новые позиции.

Нужно было спешить на броненосец и начать агитацию; не было времени брать полномочия от организации, и я решил действовать за свой собственный страх.

Рабочие, которым я сказал, что я представитель социал-демократической организации, тотчас же доставили мне лодку, и я поплыл к кораблю. Вместе со мной из гавани выплывал на буксире миноноски громадный угольщик; тысячи голов покрывали его, и звуки «Варшавянки» неслись оттуда; а с берега толпа ежеминутно отвечала могучим «ура». Навстречу мне, плавно рассекая волны, плывет военный катер.

— Куда плывете?—крикнули мне с него.

— К свободному революционному кораблю,—ответил я.

— А вы кто такой будете?—социал-демократ?.

— Да.

— А какое есть у вас доказательство?

— Социал-демократы паспортов не имеют; их и так в Сибири и тюрьмах гноят.

—Ну так садитесь к нам.

Я пересел на катер. Говоривший со мной был Матющенко. Небольшого роста, он, своими резкими, энергичными чертами лица, выдающимися скулами и маленькими глазами, производил впечатление вылитой бронзовой статуи.

— Это наш начальник и командир,—сказал мне один из матросов.

Личность Матюшенки несомненно одна из самых крупных среди всех участников потемкинского восстания: она была рычагом восстания; и потому пусть простит мне читатель за маленькое отступление, в котором я постараюсь правильно осветить эту фигуру.

Матюшенко не был *сознательным* социал-демократом, несмотря на то, что всегда называл себя таковым; я даже думаю, что он никогда не был в организации и не знал социал-демократической литературы; все знакомство его с ней не простиралось дальше нескольких прокламаций и брошюр.

Но природа наделила его мыслью, решительностью, необычайной смелостью.

Он всегда поражал даже начальство своей сообразительностью, быстротой и ловкостью в исполнении всех приказаний;

он считался лучшим матросом и был произведен в фельдфебели.

И еще наделила его природа чутьем: он удивительно понимал настроение массы.

Но он не был вождем: он был сыном массы, он был только первым из массы...

Когда она молчала—он молчал; когда она стала просыпаться—он первый схватился за оружие, первый крикнул: «долой угнетателей». Храбрый, как лев, когда она была сильна, он терялся и шел во главе отступления, когда масса переставала чувствовать себя сильной; жестокий, когда масса ненавидела, он поражал своей кротостью, когда она прощала; полный кипучей энергии во время подъема настроения массы, он впадал в апатию во время упадка его. И мысль его шла впереди массы, но не выходила из круга предрассудков, окружавших его. Он не мог понять положения и, опираясь на силу его, заставить массу итти за собой; но он наделен был чутьем и угадывал не только господствующее настроение массы, но и то, что назревало в ней, и он действовал согласно с этим. . . . .

. . . .

Только мы поплыли, когда один из матросов заметил плывущую невдалеке лодку, в которой сидели два студента. Катер направили к ней.

— Это ваши?—спросили меня матросы.

В лодке сидели два знакомых мне социал-демократа, члены местной группы «меньшинства». Я несказанно обрадовался им, так как втроем было удобнее действовать, и можно было лучше обсудить положение. Поэтому я поспешил заявить матросам, что это товарищи, и после кратких приветствий они пересели к нам. . . . .

Быстрый, как стрела, катер понес нас к гигантскому кораблю. Он все ближе и ближе приближается к нам, и вот, наконец, мы всходим по трапу на него.

Тут сразу стало ясно, что положение не такое благоприятное, как это раньше казалось; что придется приложить много усилий, прежде чем удастся заставить матросов сойти на берег. Вместо ожидаемого энтузиазма, мы встретили здесь серый прием и неопределенное настроение. Матросы как будто сами были

поражены своим делом, не свыклись еще с новизной положения, не знали, что делать, куда итти. Единственно принятое, твердое, определенное решение было против нашего плана: ни в каком случае не покидать корабля и не предпринимать решительных действий до прихода всей эскадры.

От социал-демократической организации они требовали только моральной помощи и посылки делегата в Севастополь, чтобы дать знать о случившемся всему флоту.

Нас повели в адмиральскую, где собралась вся комиссия. Тут только перед нами развернулась картина бунта, и нам стало ясно, что потемкинские матросы далеко не сознательная масса.

Надо было действовать осторожно, чтобы сразу не вооружить ее против себя.

Первую речь сказал товарищ В. Его речь была непродолжительной, но в ней было столько силы и огня, что настроение комиссии сразу изменилось, и члены ее уже стали переходить на нашу сторону. Затем тов. В., заявив, что едет в город сообщить всем организациям, уехал, обещав матросам вернуться. К сожалению, он не мог исполнить этого обещания, так как был занят в это время другим важным делом.

Я остался теперь с товарищем З. в адмиральской; вести агитацию среди команды сейчас нельзя было, так как она занята была погрузкой угля; многие члены комиссии ушли, чтобы распорядиться делами, и мы были обречены на небольшое бездействие.

Я воспользуюсь этим коротким промежутком времени, чтобы рассказать обо всем, что произошло на корабле до моего прихода.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Революционная пропаганда и агитация началась в Черноморском флоте уже в 1903 году. Уже тогда были организованы кружки среди матросов, и началась разброска прокламаций. И эта агитация пустила глубокие корни в матросской массе, чему не мало способствовало невыносимое положение, в котором находились матросы.

Всем известные безобразия солдатской казарменной жизни: варварское обращение, бессмысленное учение, воровство офи-

церов господствуют, но в еще более суровой форме, и в матросской казарме. Здесь воровство офицеров доходило до чудовищных и нелепых форм. Так, напр., матросам во время плавания полагается выдавать сухари и галеты. Так как последние дороже сухарей, то матросам сначала выдают только сухари; в это время галеты сгнивают, и, когда выходят сухари, матросам приходится есть червивые галеты.

Особенно нагло стали эксплоатировать матросов с того времени, когда командующим флотом был назначен Чухнин. Этот адмирал придумал новое средство к обогащению доблестных офицеров на счет матросов: он приказал сократить до минимума число вольнонаемных рабочих на казенных заводах и заменить их матросами. Суммы, оставшиеся от этого остроумного изобретения обер-вора Черноморского флота, переходили в карманы христолюбивых начальников.

Все это проделывалось над людьми, которые составляли наиболее образованную часть русского войска. Дело в том, что служба во флоте требует гораздо больше сознательности и интеллигентности, чем служба в войсках; уход за сложными крепостными орудиями, служба в машинных частях, сигнализация, служба при беспроволочном телеграфе—все это требует грамотных, развитых исполнителей, и потому во флот берутся наиболее образованные слои пролетариата и крестьянства. Понятно, что эти люди должны были острее чувствовать все страшные безобразия казарменной жизни.

Так жилось матросам Черноморского флота; дома, в деревне их угнетал помещик и земский начальник, под эгидой царского самодержавия они выпивали из него его кровь, отнимали у него последний кусок хлеба, который он добывал себе кровью и потом, именем царя его сажали в тюрьмы, секли розгами за малейшее проявление протеста против произвола властей; и, наконец, именем того же царя его тащат в казармы, где те же дворяне его, защитника отечества, обирают бессовестным образом, топчут в грязь его достоинство.

И пока он темен, он сносит терпеливо все издевательства царских слуг; но в душе его зреет глухая ненависть к своим угнетателям. Он таит ее пока в себе, так как не видит ясно своего врага, так как не знает, как бороться с ними. Но пусть только

проникнет к нему луч света, который осветит ему положение, укажет ему врагов и даст ему в руки оружие борьбы, как бессознательная злоба превратится в сознательную ненависть, и покорный раб—в грозного мстителя.

Этот луч проник к матросам в виде социал-демократической пропаганды. Самым главным распространителем ее был не кто иной, как Чухнин. Все, верно, слыхали о бессмысленных речах «очаковского героя», в которых он весьма и весьма часто говорил о крамоле и социал-демократах, ругал их площадно, а заодно с ними и всех матросов.

Эти вылазки храброго адмирала против социал-демократов невольно направили на них мысль матросов.

— Кто такие эти загадочные крамольники?—думали матросы.

— Верно, не так уж они плохи, коли ругает их дракон наш.

А «дракон» не преминул дать возможность матросам познакомиться с ними. Я уже говорил выше, что он стал посылать на казенные работы матросов; тут-то, работая рядом с рабочими, уже давно затронутыми пропагандой, матросы познакомились с социал-демократическим учением, завели связи с организациями, и работа закипела в казармах. А неудачная война, в которой бессмысленно гибли десятки тысяч матросов, и нелепые меры, которыми Чухнин боролся с крамолой, были могучими союзниками социал-демократии.

В ноябре 1904 года случился первый бунт матросов. Вот описание его одним из матросов-очевидцев [1]).

«Наступило третье ноября 1904 года. С утра разнеслась весть, что за ворота не пускают с обыкновенными белыми билетами, а по приказанию Чухнина должны быть какие-то красные. Красных же билетов никто не выдавал; это сильно озлобило матросов. К вечеру, когда вернулись матросы с казенных работ, у ворот второй дивизии собралась толпа матросов человек до трехсот. Стали переругиваться с дежурным у ворот. Выругали, освистали и загикали дежурного офицера. Кто-то из толпы бросил камень в фонарь, зазвенели стекла разбитого фонаря. Это послужило сигналом. Толпа заволновалась, послышались

---

[1]) «Социал-Демократ» № 13. «Революционная работа в Черноморском флоте». (Воспоминания бывшего матроса). Глава 6.

крики: «А, красные билеты!—мы вам дадим красных билетов!— Бей их!—Ура!»—Камни, доски, палки, дрова, все, что попадало под руки, летело в окна, двери, ворота, фонари. Матросы выбегают из экипажей, присоединяются к восставшим. Шум увеличивается. Громкое ура, свист, звон разбитых окон, стук все увеличивается и увеличивается. Вот минута затишья, не слышно голосов. Только звенят окна да слышатся глухие удары в двери, и потом опять долгое, мощное ура! Добрались до офицерских квартир, выбили окна, разбили посуду, порвали подушки, подожгли в одном месте. Офицеров—ни одного, как вымерли. Говорят, что они попрятались в погреба. Добрались и до военно-морского суда, выбили все окна. Вышел дежурный горнист, стал трубить тревогу. Вырвали рожок, положили его; в одном месте послышались звуки Марсельезы: то организованным удалось сплотиться. Слышатся крики: «На арестный дом! Освободить товарищей! В город, в город! Бери винтовки и в город!» А могучее ура не прекращает греметь. Свист, стук и крики сливаются в одно. Вот забили тревогу в соседнем пехотном Брестском полку. Где-то близко раздалось особенное, короткое, сухое трррa! Это дали залп будущие унтер-офицеры с крейсера «Память Меркурия». А грозное, могучее ура, звон стекол, треск пехотного барабана не прекращаются. Вот совсем близко от нас показались белые огоньки, и снова послышалось характерное трррa! И что-то жалобно, жалобно над головами завизжало. То опять будущие унтер-офицеры дали залп по своим братьям-матросам. Шум смолк. Стали разбегаться по экипажам. Кое-где слышны были возгласы: «За винтовки, мы им дадим, проклятым знать, как стрелять в своих».—Но никто не слушал. Снова прорезало ночную мглу и раскатилось тысячами отголосков в соседних горах характерное, сухое трррa. Кто-то жалобно вскрикнул. То опять дали залп и на этот раз убили такого же несчастного, забитого матроса, каковы и сами будущие унтер-офицеры. Паника усилилась. Через некоторое время, когда все матросы были в экипажах и во дворе достаточно было патруля, присланного с кораблей, пришли офицеры. Как приниженно и жалко выглядели они, просто противно было смотреть на них. Зашел к нам мичман Высокосов, командир четвертой роты, и начал: «Братцы! что вы делаете! Теперь такое время,

царь-батюшка, царица-матушка и я плачу, а вы...». «Пошел вон, кровопийца!»—крикнул ему кто-то; на всех лицах написана злоба. Мичман ушел. Во дворе его кто-то угостил камнем в бок. Часов до 11-ти кое-где еще раздавался звон разбиваемых окон; то кто-нибудь из патруля тайком пустит камень в окно, то изнутри экипажа кто-либо запустит доской. Изредка раздавались залпы, вероятно, для острастки. На другой день пошли осматривать дело рук своих. Везде валялись обломки столов, рам, битое стекло, пух с офицерских подушек. В экипажах почти ни одного целого стекла. Офицерские квартиры и помещение суда представляли ужасное зрелище. В квартирах офицеров в некоторых совсем выбиты рамы, и только беспомощно болтается занавеска, в других рамах застряли пудовые камни. В суде ни одного целого окна. Ворота выломаны, устои для ворот тоже. Все вместе выглядело как будто выдержало жаркую бомбардировку... Через несколько дней начались аресты предполагаемых зачинщиков, потом суд над ними, и в результате каторга и арестантские роты».

Это первое массовое движение, хотя и вылившееся в самую бессознательную форму, имело большое значение, так как оно приучило матросов к мысли о возможности протеста. А тут наступило 9-е января, гром которого докатился и до матросского уха; работа усилилась; организация матросов все расширялась, и удалось уже почти на всех кораблях создать организованные группы матросов.

Когда волны революционных событий стали подыматься все чаще и выше, когда поднялось грозное аграрное движение крестьянской массы, невольно среди этих групп стала зарождаться и мысль о восстании всего флота. В то время как среди громадной, разбросанной по всей России, сухопутной армии русский царизм всегда мог найти несколько верных полков и с помощью их задушить солдатский бунт, успех матросского восстания зависел от поведения небольшой сравнительно части военных сил России, от Черноморского флота. Каждый взбунтовавшийся корабль представлял громадную силу-крепость с огромным запасом боевого материала. Никакие сухопутные войска не могли справиться с ней; раздавить ее можно только с помощью таких же морских гигантов, вооруженных верными матросами.

Но матросам, жившим всем в одном городе, сталкивавшимся ежедневно друг с другом, ясно было, что все товарищи недовольны, что все товарищи сочувствуют восстанию, что ни один корабль не будет действовать против восставших. И потому-то психологически понятно, что при оппозиционном настроении севастопольской казармы матросы могли сделать тот шаг, на который так тяжело и трудно было решиться солдатам.

Севастопольские товарищи хорошо поняли особенность положения. Они поняли, что, сделав одновременно решительные шаги на всех кораблях, они легко могут поднять всеобщее восстание. И сообразно с этими соображениями они составили план его.

Оно должно было вспыхнуть на «Тендере», пустынном острове, куда ежегодно выезжает на маневры эскадра. Ночью, в заранее условленный час, на всех кораблях участники заговора бросятся на спящих офицеров, свяжут их, сорвут погоны и объявят республику. Когда вчерашние царьки будут всюду валяться поверженные в прах, когда матросы увидят, как легко было справиться с теми, кто так долго одурманивал их, вырвется накипевшая злоба, все они присоединятся к восстанию, и громадная сила — эскадра будет в руках революции.

Главным препятствием для осуществления этого плана был... «Потемкин». На нем почти не велась агитация, команда его считалась самой отсталой, а это был самый сильный броненосец Черноморского флота, который мог погубить все дело восстания. Но вот и здесь стала назревать мысль о бунте. За несколько дней до выхода в море севастопольский комитет социал-демократической партии получил письмо от команды «Потемкина», в котором она спрашивала, не принесет ли она вреда революции, если подымет восстание. Не желая разъединять действия матросов, комитет просил потемкинцев не предпринимать ничего до действий других броненосцев. Потемкинцы согласились.

«Потемкин» вышел в плавание... Состав его команды не особенно благоприятствовал восстанию; почти половина матросов состояла из новобранцев последнего года. Они только пришли из деревни, где тогда еще не началось аграрное движение; страшная дисциплина оглушила и прибила их; а казарменная про-

паганда еще не захватила их, и систематические издевательства казарменного строя еще не родили в них такой глухой ненависти к офицерам, какая была у старых матросов. В то же время в них не было еще матросской удали и презрения к смерти, составлявших неотъемлемую принадлежность старых матросов. Остальная масса также наполовину состояла из матросов призыва последних годов, и только небольшая группа, человек в сто, состояла из старых матросов. Эта группа и представляла самую решительную часть команды: из нее вышли члены «комиссии» и все вожди восстания. Итак, матросы «Потемкина» далеко не были самым революционным ядром Черноморского флота. Тем сильнее подчеркивается революционное значение Потемкинского восстания...

«Потемкин» вышел в плавание... Команда слыхала что-то о готовящемся восстании флота; среди матросов ходили неясные, тревожные слухи; они вспоминали о социал-демократических прокламациях, речах; вспоминали хорошие слова о дивном царстве свободы и труда. Вспоминали даже и жизнь в деревне; жизнь, полную горя, тоски, лишений и невзгод; думали и о тех, кто делал их жизнь невыносимо-тяжелой, думали они и о казарме, и об офицерах, паразитах-дворянах, как злой рок преследующих их тут так же, как и в деревне. Вспоминали они и о тысячах рабочих, убитых в Петербурге; и слушали рассказы матросов, героев «Чемульпо», которых теперь так же, как и их, били и грабили те же офицеры, которые пустили ко дну сотни братьев их. Слушали и думали...

На страшной жаре целый день производят они никому ненужное глупое учение...

Приходят вести из Одессы, что рабочие и крестьяне поднялись и борются против царских слуг, что они изнывают в борьбе и проклинают своих собственных братьев в солдатских куртках. Сердца встрепенулись; мысль работает живей; учение становится бессмысленней, гнет ужасней. Снова проходит слух о готовящемся восстании матросов; но прибитая мысль не смеет еще перейти страшную черту, и ружья, направляемые до сих пор офицерами в народную грудь, не смеют еще обратиться против самих насильников. Нужен толчок; нужен вызов тиранов и смелый шаг кого-нибудь из массы; и последние не замедлили явиться.

Привезли мясо; мясо для изморенных, измученных людей; оно полно было червей, и отвратительным зловонием несло от него [1]). Ропот негодования проходит среди послушных до сих пор рабов и доходит до ушей начальства, не привыкшего считаться с желаниями матросов.

Судовой врач исследует мясо и находит, что оно прекрасного качества; командир дает приказание приготовить борщ из червивого мяса с отвратительным запахом. Безумец, ослепленный силой штыка, он не видит, что стоит на вулкане, готовом взорваться!...

Прозвонили обед... Молча уселись матросы на своих местах, взяли по куску хлеба и ели его, запивая водой. Никаких требований, никаких протестов...

Но привыкшие к наглой и безграничной власти, всю жизнь топтавшие в грязь достоинство матроса насильники не могут перенести и этого молчаливого протеста...

Гремит барабан, созывающий матросов на шканцы [2]); быстро собираются они и скоро стоят уж, выстроенные в ряды. Командир становится на кнехт [3]) и обращается к матросам с речью.

— Знаете ли вы, чем карается бунт на военном корабле? Видите эту мачту? Все вы будете висеть на ней. Поэтому не бунтуйте и кушайте борщ; кто хочет есть борщ—переходи направо!

Но только 12 человек последовали этому приказу; остальные молча стояли. Ни один звук не раздавался в этой толпе, только глаза всех зловеще блестели.

И «старый волк» устрашился; готовое сорваться с уст его грозное приказание о расстреле остановилось.

— Ну, ладно,—ответил он,—не хотите есть борщ—не надо. Я запечатаю его в бутылку и передам дело на рассмотрение главного командира; пусть он рассудит нас.—С этими словами командир сошел с кнехта и дал приказ команде разойтись.

---

[1]) Пишущий эти строки лично видел, по приезде на броненосец, остатки этого отвратительного мяса.

[2]) Шканцы—открытая площадка на кормовой части корабля. На ней находится башня с двумя 12-дюймовыми орудиями.

[3]) Кнехт—небольшой железный столбик для зацепки каната.

Но тут выступил новый палач—старший офицер Гиляровский.

— Стой!—крикнул он уже начавшей расходиться команде.— Боцман, вызови караул наверх.

Раздался свист; послышались шаги бегущих матросов, и через минуту караул стоит против безоружной команды. Пред видом заряженных ружей, блестящих штыков души самых смелых содрогнулись.

— Кто хочет есть борщ—переходи направо,—повелительно звучит голос Гиляровского, рассекая тишину, повисшую в воздухе.

Передний ряд дрогнул... и перешел на указанное место; за ним второй ряд, и скоро уж вся команда двигалась туда.

Гиляровский торжествовал; но этого мало было насильнику: он хотел раз-навсегда отбить у этих «скотов» охоту чувствовать себя людьми. Соскочив вдруг с кнехта, он бросился к команде и загородил дорогу последним тридцати матросам.

— Стой! Эти не хотят есть борщ. Боцман, принеси брезент, а вы расходитесь,—прибавил он, обращаясь к команде. Но матросы стояли, не двигаясь; лица их были бледны, глаза с ужасом глядели на товарищей, которых будут сейчас расстреливать, как баранов; где-то раздался плач и сдавленное рыдание. Но ослепленные страхом, они не смеют еще поднять руки против убийц.

— Ну, что ж не идете, собаки?!—снова кричит Гиляровский.

Принесли брезент, накрыли матросов.

— Караул, пли!

Все притихло, ожидая чего-то ужасного... Но караул стоит неподвижно.

— А, бунт!—кричит Гиляровский,—стойте, я вам покажу, как бунтовать.

С этими словами он бросился к ближайшему караульному и выхватил у него винтовку.

— Ребята, хватай винтовки; что на них смотреть, окаянных!—раздалось в ту же минуту в толпе матросов.

Масса только ждала этого сигнала; словно ток прошел через нее: она зашаталась и с ревом бросилась в батарейную палубу [1]) за винтовками.

Через минуту корабля нельзя было узнать. Масса людей бегала, суетилась; могучее «ура», крики «долой самодержавие», «бей кровопийц» неслись с батарей; где-то начали стрелять. Только на шканцах было пусто; пять, шесть офицеров стояли тут бледные, не понимая еще хорошо, что случилось.

Первыми выступили из батарейной палубы матросы Матюшенко и Вакулинчук. Первый побежал за убегавшим лейтенантом Неупокоевым, стреляя в него на ходу. Второй, без винтовки, бросился к Гиляровскому, целившемуся в матросов. Желая спасти товарищей, он схватил винтовку за дуло и силился вырвать ее из рук Гиляровского. Последний выстрелил, и Вакулинчук упал навзничь в тот самый момент, когда винтовка была уже в его руках. В это время подбежал Матюшенко и выстрелом из винтовки ранил Гиляровского; тот зашатался и упал в воду. Но, уже падая, этот безумец еще не очнулся.

— Я тебе дам, — крикнул он Матюшенке, — ты у меня будешь знать, как команду бунтовать!... Я тебя знаю!...

А на корабле царит ужас, возбуждение. Крики «долой самодержавие», «ура» перемешиваются с залпами матросов и воплями офицеров. Многие из последних бросаются в воду, и по ним открывают огонь.

В одной рубашке выскакивает на палубу командир Голиков, думая броситься вплавь к миноноске. При виде матросов он бросается на колени и униженно просит о пощаде. Но слишком долго издевался он над матросами, слишком много зла сделал он им; возмущенное достоинство требовало мести за все унижения, и Голиков пал жертвою народного суда.

Вдруг кто-то кричит, что один из офицеров бросился в минное отделение, чтобы взорвать броненосец. Страшная паника овладевает матросами; многие из них бросаются в воду прямо под огонь, направленный в офицеров. Самые решительные бро-

---

[1]) Батарейная палуба—закрытая толстой броней надстройка на средине броненосца. В ней находятся входы в машинные и минные части и в арсенал.

саются в минное отделение и вытаскивают оттуда лейтенанта Тона.

— Если хочешь быть с нами, сними свои погоны, — обратился к нему Матюшенко.

— Дурак, не ты мне их дал, не ты их снимешь, — отвечает он и выстрелил в Матюшенко из револьвера.

Пуля пролетела мимо, и в ту же минуту Матюшенко расстрелял его. Это был единственный офицер, умевший умереть за свою честь.

Между тем некоторые офицеры доплыли до миноноски, и последняя стала вдруг странно маневрировать. Снова на броненосце паника: кричат, что миноноска хочет взорвать корабль. Немедленно заряжают большую пушку и направляют ее на миноноску. Но оттуда матросы дают сигнал, что у них нет мины, и этим спасают себя.

И там теперь арестовали офицеров и привели их на корабль. Но уже раздались голоса против дальнейших убийств; уже прошел первый страшный взрыв, долголетняя ненависть нашла себе выход, и кто-то крикнул: «Довольно убийств; пусть не говорят, что мы похожи на наших «иродов».—Все матросы подчинились этому требованию.

Стали отыскивать попрятавшихся в углы офицеров. Откуда-то приволокли священника. Пьяный угар сошел с лица этого почтенного, всегда нетрезвого мужа; он испуганно водил кругом глазами и смиренно бормотал о каком-то согласии с матросами. Его отправили под арест в офицерскую.

Доктора Смирнова нашли где-то застрелившимся; он едва дышал и просил матросов дать ему спокойно умереть... Труп его выбросили в море.

На щите [1]) нашли инженера Коваленко, мичмана Калюжного и еще одного офицера. Нескольких офицеров нашли в адмиральской.

Со всех сняли погоны, посадили в офицерскую кают-компанию и приставили стражу.

Появился и Алексеев.

---

[1]) **Щит— железное приспособление, служащее прицелом для стрельбы из орудий во время маневров.**

— Не убивайте меня, я всегда с вами,—обратился он к команде. Алексеев действительно всегда обходился хорошо с матросами, и последние только сняли погоны с него.

Наконец, покончили с разрушением старого порядка; теперь надо было создавать новые формы, новую организацию. Привели в порядок корабль и созвали команду.

Впервые свободные речи полились на этом корабле, где до сих пор раздавались лишь грубые окрики офицеров и сдавленные проклятия унижаемых матросов. Говорили о борьбе за свободу, о поддержке восстания всей эскадрой, об одесском восстании, о необходимости итти туда, пока присоединится эскадра. Но пока она не появится, все матросы будут оставаться на корабле, который даст им могучее убежище. И прежде всего нужно выбрать начальство; не то начальство, которое мучило и унижало матросов, а начальство, состоящее из товарищей, любимых и уважаемых. Надо, чтобы на броненосце были порядок и дисциплина, поддерживаемые добровольным согласием и любовью к делу.

Избрали тридцать матросов, из которых составилась комиссия—орган власти на корабле.

Она заведывала всеми действиями матросов, бесконтрольно распоряжаясь всеми деньгами броненосца, могла издавать приказ об аресте и вести переговоры с властями и организациями. Словом, она могла быть полновластным корабельным органом. Но фактически она не была таковым; только в первые дни она решала все по собственному усмотрению. В последнее же время ее влияние сильно упало. Но и в дни наибольшего авторитета своей власти она не решала сама наиболее крупных выступлений, а передавала их на рассмотрение всей команды.— В последние же дни общие собрания устраивались все чаще и чаще.

Комиссия при этом рассуждала вполне правильно: если мы хотим, чтобы масса стойко стояла, чтобы она сознательно относилась к своим обязанностям, нужно вовлечь ее в сферу всей жизни корабля; нужно воспитывать ее самодеятельность и приучать ее к мысли о необходимости самой стоять за себя, быть своим собственным хозяином.

Поэтому и заседания комиссии были гласные, и на них всегда присутствовало 100—200 человек. Эта масса, бы-

вавшая на заседаниях, не относилась пассивно к ним; она выражала свое одобрение или неодобрение речам ораторов, часто высказывала свое мнение и почти всегда голосовала.

Таким образом, фактическим руководителем корабельной жизни была не только комиссия, но значительная и наиболее сознательная часть команды.

Исполнительную власть вручили прапорщику Алексееву и боцману Мурзаку. Первого назначили командиром, второго—старшим офицером.

В своих первых революционных шагах бессознательная масса всегда руководствуется двумя побуждениями: революционным инстинктом и старыми традициями. Первый заставляет ее порвать с прошлым и создать новые учреждения; власть вторых требует себе дани. История давала не мало таких примеров.

«Потемкин» не представлял в этом отношении исключения; и его команда, создав новое революционное управление—комиссию, отдала в то же время дань старым традициям: они говорили ей, что командовать судном должен офицер, и матросы назначили себе в командиры ничтожного Алексеева.

Я говорю так вопреки тому мнению, что это было необходимо, что никто, кроме Алексеева, не умел вести корабль. Это противоречит фактам: броненосец всегда вел не Алексеев, а матросы. Алексеев же почти не заведывал им, а если брал на себя командование, то только для того, чтобы внести расстройство и дезорганизацию в действия матросов.

Это было ничтожество... Испугавшись, чтоб его не убили, он стал убеждать матросов в своей всегдашней с ними солидарности; из этого же страха он принял командование кораблем. Но сделав этот шаг, он стал уж бояться другого возмездия: наказания правительства. И тогда он замыслил измену восстанию; но, как ничтожество, он не решился действовать открыто и лично. Он действовал исподволь и через других. Когда на собрании обсуждался вопрос, стрелять или не стрелять в город, он не проронил ни одного слова, несмотря на усиленные просьбы матросов высказаться. Но однажды, в минуту смятения, он пустил предательское слово «Румыния...». Боясь командовать

судном, он не решился открыто отказаться от этого, но сказался больным. Но в тот момент, когда подходила эскадра, он принял командование в надежде предать нас.

Это не был сознательный провокатор (вроде доктора Голенко), оставшийся на корабле специально для того, чтобы предать его. Для этого он был слишком ничтожной личностью. Но он был провокатор положения, он действовал предательски, чтобы спасти свою маленькую жизнь. И если б история не сыграла с ним такой шутки, сделав его руководителем восстания, он был бы честным человеком. И глядя на его натуришку, невольно вспоминаются бессмертные слова Золя: «Какие подлецы эти честные люди!»

Такому ничтожеству вручили власть матросы. Им необходимо было, чтобы власть находилась в руках офицера, чтобы таковой был вождем их. Они ненавидели «кож»—так называли матросы офицеров, — но все-таки авторитет их был силен. Вспоенные долгими годами казарменной службы предрассудки не так легко рушатся; они имеют таинственную силу над людьми даже тогда, когда последние уже восстали против них.

Алексеев и Мурзак должны были давать отчеты о своих действиях комиссии и исполнять все ее приказания. На самом же деле таких отчетов не было: матросская масса, слишком несознательная, не требовала их, а мы не могли за всем уследить. Это было, конечно, важное упущение с нашей стороны, так как, обличая действия наших командиров, мы могли бы показать команде их непригодность к руководству восстанием. Действуя согласно приказаниям комиссии в фактах повседневной жизни, эти господа в самые решительные минуты оказывались удивительно бездеятельными, нерешительными и тем вносили сильную дезорганизацию в ряды матросов. А между тем от этих решительных минут зависел исход восстания. Чтобы ослабить эту слабую сторону нашей организации, я предложил избрать из среды комиссии исполнительный комитет, который заведывал бы вместе с нашими командирами исполнительной властью. Мы провели туда самых преданных революции людей. Но они были лишены инициативы, и власть все-таки находилась в слабых руках.

Для того, чтоб победить, нам нужен был вождь — сильный, решительный человек из морской среды...

Его не было...

Покончив, наконец, с организацией новой власти на корабле, матросы решили отправиться в Одессу под защиту революционного народа. Собственно, они не понимали ясно, почему они идут в Одессу, что ждет их там. Бессознательно шли они туда, повинуясь революционному инстинкту, говорившему им, что там народ бунтует и окажет им помощь. Это был тот же инстинкт, который заставил их выше поднять свои головы, лишь только услыхали они о бунте в Одессе.

Пока матросы занимались всеми этими делами, в корабельном лазарете тихо умирала первая жертва матросского восстания, Вакулинчук, жизнью своей заплативший за спасение товарищей. В бессознательном состоянии лежал он, не слыша свободных речей на корабле, о которых мечтал он все долгие годы матросской службы.

Кругом столпились матросы; некоторые из них не выдерживали и плакали; плакали, как дети, эти суровые, закаленные в горе натуры.

Только на минуту перед самой смертью пришел в себя Вакулинчук. «Ну, что на корабле?» — был его первый вопрос.

— Отмстили за тебя, дорогой товарищ, перебили офицеров, и теперь у нас свобода,—ответил стоявший вблизи матрос.

— Хорошо, хорошо,—едва слышно промолвил Вакулинчук, и лицо его озарилось светлой радостью.

Он хотел еще что-то сказать, но страшная смерть сжала его в своих холодных объятьях, и через минуту он был уже мертв.

Так умер этот герой, смертью своей указавший матросам тот пролетарский девиз, который выставили они в своем обращении к одесситам: «Все за одного, один за всех».

А корабль, между тем, полным ходом шел в Одессу, и в 10 часов вечера «Потемкин» бросил якорь у входа в одесскую бухту.

Комиссия впервые собралась в адмиральской. Самодовольное чувство испытывали матросы, сидя на мягких адмиральских диванах. Один из них, развалившись на кресле, закурил сигару. Посыпались шутки, остроты. Но скоро они прекрати-

лись, так как дело требовало серьезного обсуждения: необходимо было обдумать дальнейшие шаги.

После долгих прений пришли к следующим решениям: 1) рано утром отправить в город артельщиков для покупки провианта; 2) достать необходимое количество угля; 3) вынести на берег труп Вакулинчука с воззванием к населению; 4) составить подробный протокол событий на «Тендере» и допросить всех офицеров; 5) составить обращения: к населению города Одессы, к казакам и к французскому консулу; 6) снестись со всеми социал-демократическими организациями. Кроме того, пересчитали судовую кассу, в которой оказалось 24.000 рублей. Составление протокола событий и обращений было поручено одному из матросов. Вот копия их:

1) «От команды броненосца «Князь Потемкин Таврический». Просим немедленно всех казаков и армию положить оружие и соединиться всем под одну крышу на борьбу за свободу; пришел последний час нашего страдания, долой самодержавие! У нас уже свобода, мы уже действуем самостоятельно, без начальства. Начальство истреблено. Если будет сопротивление против нас, просим мирных жителей выбраться из города. При сопротивлении город будет разрушен».

2) К французскому консулу. «Его Превосходительству французскому консулу». От броненосца «Князь Потемкин Таврический».

«Почтеннейшая публика города Одессы. Командой броненосца «Князь Потемкин Таврический» сегодня 15 июня было с корабля свезено мертвое тело, которое и было передано в распоряжение рабочей партии для предания земле по обычному обряду. После чего, пройдя несколько времени, была прислана этими рабочими на корабль шлюпка, что и заявила [1]): стражу, стоящую у мертвого тела, казаки разогнали. Тело оставлено без надзора. Команда броненосца просит публику г. Одессы: 1) не делать препятствия в погребении матроса с корабля; 2) учредить общее со стороны публики наблюдение за правилами; 3) требовать от полиции, а также от казаков прекратить свои напрас-

[1]) Здесь, повидимому, кроется противоречие, так как воззвание было составлено еще до того времени, как труп был свезен на берег.

ные набеги, почему это все бесполезно; 4) не противодействовать доставлению необходимых продуктов для команды броненосца рабочей партией; 5) команда просит публику г. Одессы о выполнении всех перечисленных выше требований. В случае, если во всем этом будет отказано, то команда должна будет прибегнуть к следующим мерам: будет произведена по городу орудийная стрельба из всех орудий. Почему команда предупреждает публику, и в случае возникновения стрельбы просит удалиться из города тех, которые не желают участвовать в противодействии. Кроме того, нам ожидается помощь из Севастополя для этой цели несколько броненосцев, и тогда будет хуже».

По своей наивности матросы думали, что представители свободной Франции всюду оказывают свое сильное покровительство свободным движениям, и потому обращение, предназначенное собственно для одесского населения, они решили передать для обнародования французскому консулу.

Уже приближался рассвет, когда комиссия кончила свое заседание; но и теперь не до сна было этим стражам восстания: они стали приводить в исполнение все свои решения.

Три матроса высадились на берег и отправились в город.

Тихо и пустынно было на спящих улицах; лишь опрокинутые трамваи да казачьи патрули говорили о бурях вчерашнего дня.

Беспрепятственно дошли матросы до магазинов, доставлявших всегда провизию флоту, так как никто еще в городе не знал о бунте на «Потемкине». Торговцы немедленно доставили в порт заказанные продукты, и к 7 часам утра, при помощи пришедших рабочих, которым объяснили, в чем дело, перегрузили все на корабль.

Вакулинчука между тем одели в чистое платье и к груди его привесили записку вышеозначенного содержания.

Теперь уже можно было действовать открыто, и Вакулинчука отвезли на берег; его положили на пристани, и несколько матросов с винтовками остались охранять труп. Собрался народ, и матросы рассказали обо всем, что у них произошло.

Неописуемый восторг охватил рабочих; громкие крики «ура» неслись навстречу подходящим матросским катерам; над трупом же сколотили палатку и поставили чашку. На-

род щедро бросал в эту чашку деньги на памятник убитому герою...

Узнав, что матросам нужен уголь, рабочие захватили пароход с углем и на буксире миноноски стали отвозить его к кораблю.

В этот момент я прибежал к пристани и отправился на корабль.

Бунт на «Потемкине» вспыхнул не из-за червивого мяса, как это усердно старались доказать наши «патриотические» газеты. Причины его были более глубокие и серьезные: их нужно искать в страшной неурядице нашей жизни и в революционном движении, охватившем всю Россию. Только оно дало силу и мощь бессознательной массе совершить это славное дело. Если б не атмосфера революции, «Потемкина» не было бы; был бы только серенький, никому не интересный броненосец «Князь Потемкин Таврический».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Я не долго сидел в адмиральской и скоро вышел на шканцы. Снова перед моим взором открылась величественная картина.

Бухта, покрытая целым лесом мачт гигантских пароходов, была усеяна теперь шлюпками; с них неслись революционные песни, развевались красные знамена. До тысячи рабочих везли к броненосцу табак, сахар, чай.

Трогательно было видеть этих изголодавшихся за целый месяц забастовки людей, на последние крохи свои покупавших «гостинцы» братьям-матросам.

Шлюпки подъезжали к броненосцу, опорожнялись и отходили при громких приветствиях матросов; на место их приходили все новые и новые. Люди радостно смеялись, а вместе с ними смеялось и море, и солнце, и вся природа.

Никогда не забуду я этой могучей картины братания народа со своими вернувшимися к нему сынами.

Когда, как очарованный, я стоял и глядел на эту картину, ко мне подошел Дымченко, один из самых преданных революции матросов, бывший в этот день караульным начальником.

Своими загорелыми, неправильными, но удивитедьно мягкими чертами лица, наивными, детскими глазами, он сразу располагал к себе человека. Полный веры в людей и наивной смелости, он походил на взрослого ребенка. И теперь не могу я вспомнить без теплого, симпатичного чувства его задушевного голоса, говорившего: «Вот, товарищи, хороший человек хочет вам слово сказать; а ну-ка послушаем его». Он готов был броситься в огонь и в воду за этого хорошего человека, готов был каждую минуту отдать свою жизнь для общего дела. Но этот мужественный человек лишен был инициативы и в решительные минуты терялся; терялся из-за сознания той громадной ответственности, которая лежала на нем; терялся потому, что от его действий зависела жизнь массы. И он не способен был тогда на резкие, решительные действия. Он не мог быть вождем, а жизнь навязала ему эту роль.

Дымченко сообщил мне, что на броненосец явились два господина, назвавшие себя членами социал-демократической организации, и просил меня удостоверить их личность. Я отправился и увидел Кирилла и еще одного товарища-бундовца.

Большого роста, с крупными чертами лица, с окладистой русой бородой, Кирилл имел вид типичного русского мужика-великоросса и всегда импонировал своим видом пришлым рабочим-серякам.

«Это уж настоящий-то наш заправский мужик; его послушать, братцы, надо»,—говорили всегда при его появлении те самые рабочие, которые не хотели раньше слушать социал-демократических ораторов. И «заправский» мужик могучим голосом начинал свою речь и развивал перед слушателями «заправскую» социал-демократическую программу.

Появление его на корабле было очень кстати, так как Дымченко как раз предложил устроить массовое собрание матросов. Мы, конечно, согласились и скоро стояли уж на баке[1]), окруженные сотней матросов.

Первым говорил я. В общих чертах я обрисовал матросам современное положение рабочих, рассказал о борьбе пролетариата и предложил матросам присоединиться к лозунгу, из-за

---

[1]) Бак—открытая площадка на передней части корабля.

которого умирали тысячи петербургских рабочих: «смерть или свобода». Громовым криком подхватили этот лозунг матросы, и далеко, далеко разнесся он по миру, возвещая ему о новом дне русской революции.

Настроение росло.

Затем стал говорить товарищ бундовец; он говорил о братстве и равенстве, о солидарности пролетариата, о социал-демократической партии, идущей во главе рабочего класса.

— И вместе со всем пролетариатом,—закончил он,—вы, матросы, братья его, издайте могучий клич: «да здравствует социализм», «да здравствует свобода».

Снова могучее «ура».

Матросы уже жадно и нетерпеливо слушают, им хочется снова слышать горячие слова о свободе.

Подымается Кирилл; но в это время раздается звонок к обеду, и матросы приглашают нас с собой. Мы с удовольствием приняли предложение, так как с утра ничего не ели. Окруженные сплошной массой матросов, мы идем вниз; нам подносят чарку; затем усаживают рядом с матросами на длинных скамьях. Лица у всех возбужденные... Радостно бьются и наши сердца. «Неужели это не сон; неужели так близка свободная Россия?».

Мне хочется пожать чью-нибудь руку, мне хочется, в припадке праздничного настроения, обнять всех, и в эту минуту я чувствую, что кто-то жмет мою руку. Я обернулся, это был бундовец. И он переживал такие же минуты. Мы молча стояли, смотрели друг другу в глаза, и один из нас только промолвил: «неужели»?.. В этом простом слове сказано было все.

А кругом все тот же шумный, радостный говор просыпающейся массы.

. . . .

После обеда нельзя было продолжать агитацию, так как необходимо было покончить с погрузкой угля, и всех матросов позвали на работу.

Мы же (Кирилл, бундовец и я) отправились в адмиральскую, где уже находились приехавшие на корабль уполномоченные от всех социал-демократических организаций. Вместе с комиссией они стали обсуждать план действия, а я вышел наверх, так как не был в числе уполномоченных.

Кругом на корабле копошилась масса народа; некоторые из публики занялись осмотром корабля: заглядывали во все отделения и своей толкотней мешали быстрой работе матросов.

И от этого на корабле господствовал хаотический беспорядок. Все это, вместе с новизной положения, не могло не вызвать неудовольствия у привыкших к дисциплине и порядку матросов. И они стали требовать, чтобы вольные ушли с корабля.

Как раз в это время комиссия окончила свое заседание, и ей передали матросское требование. Вполне понимая справедливость его, товарищи не стали протестовать и решили оставить на корабле только трех своих представителей: Кирилла, товарища А. и меня.

Вкратце меня познакомили с только что происшедшим заседанием. Надо отдать справедливость нашим руководителям: на первом же шагу они сделали один из тех промахов, которые не переставали делать и дальше, промах, происходивший от нерешительности, связанной с исключительной новизной положения: они не поднимали вопроса о высадке матросов на берег и взятии города; они не пробовали даже преодолеть нежелания матросов действовать до прихода эскадры.

Таким образом, исключительно на наших плечах лежала эта трудная задача. Мы приняли ее, но при этом ожидали помощи свежими силами из города. Рассчитывая на этот прилив агитаторских и организаторских сил, мы решили прежде всего преодолеть недоверие матросов к «вольным», как они называли всех, непринадлежащих к команде. Ниже читатель увидит, что наш расчет был неверен: новые люди не приезжали, и руководство восстания было взвалено на нас.

* * *

Вот, наконец, отчалила последняя шлюпка с товарищами; на броненосце подняли все трапы, и на сегодня мы были отрезаны от берега.

Наступило начало самостоятельной деятельности в одесском порту. До сих пор он только братался с народом; до сих пор были первые подготовительные робкие слова, речи, действия. Теперь наступил новый момент: начало расширения восстания.

Хотя нельзя было еще ждать прихода эскадры, комиссия решила на всякий случай приготовиться к нему. Погрузка угля была окончена; отдан был приказ скатить [1]) палубу, и матросы занялись уборкой корабля. Я стоял на шканцах и глядел на стаи лодок, покрывающих бухту, когда мой взор, случайно упав на одну из них, остановился в удивлении: в ней сидели два солдата и усиленно гребли к броненосцу.

Лишь только они приблизились, я бросился к ней.

— Зачем приехали сюда?—спросил я солдат.

— Мы депутаты от своих полков.

Я побежал к матросам сообщить новую весть.

Трап был убран уже, и солдатам спустили вязаную лестницу. Чрез минуту они стояли на шканцах, окруженные матросами.

— Братцы,—начал прерывающимся от волнения голосом один из них,—солдаты наших двух полков, Измаиловского и Дунайского, послали нас заявить вам, что они с вами. Можете, братцы, хоть в город итти: никто вас не тронет. Как сойдете на берег, так сейчас и мы к вам перейдем.

— Ну и хорошо,—сказал один из матросов,—а то друг на друга шли; давно бы пора. Только вот что: мы сейчас на берег не пойдем, потому что всю эскадру ждем; а вы пока готовьтесь. Да смотрите, народ не обижайте.

Матросы сочувственно поддержали это заявление, и солдаты, напутствуемые приветствиями, отплыли от броненосца и скоро исчезли за волнорезом.

Отважный поступок этих простых людей, решившихся в солдатских куртках поехать на мятежный броненосец, показал настроение армии и ободряюще подействовал на матросов. С большой энергией и бодростью принялись они за свою работу; я же вместе с А. отправились в адмиральскую, чтобы обсудить план наших общих действий. Кирилл, не спавший прошлую ночь, растянулся на кресле и заснул; мы решили не тревожить его и вдвоем обсудить дальнейшие шаги.

Намерения А. совпадали с моим планом: приложить все усилия, чтобы заставить матросов действовать активно против

---

[1]) Скатить палубу—значит вымыть ее и закрыть люками входы во все находящиеся помещения.

города, не ожидая эскадры. Но действовать надо было осторожно; комиссию не трудно было склонить на нашу сторону, но с командой сладить было не так легко. Мы получили уже предостережение. Товарищ-большевик (девица), приехавший сегодня на броненосец, произнес талантливую речь, в которой убеждал матросов сойти на берег. Я не присутствовал при речи товарища и не видел ни аудитории его ни впечатления, произведенного им. Но один из матросов подошел ко мне и сказал:

— Барышня хорошо говорит; да только то, что предлагает она, нам не сподручно: нам на берег сойти нельзя.

В то же время не дремали и кондуктора, эти «сверхсрочные шкуры», по удачному выражению Кирилла, и вели непрестанную агитацию против вольных и политики. Во время бунта они были арестованы, но потом их освободили, в виду выраженного ими желания присоединиться к восстанию. Это была страшная ошибка, так как они всегда составляли оплот контр-революции. И теперь они дали лозунг: «долой вольных», все сильней и сильней распространявшийся среди команды. Этому не мало способствовала и та дезорганизация, внесенная на корабль большим количеством публики, о которой я уже говорил выше. Надо было беречь и наши силы: только я и Кирилл могли вести агитацию, А. же, вследствие несовершенства своего голосового органа, мог только помогать нам в обсуждении плана действий и организации восстания.

Когда мы так разговаривали между собой, раздался крик «эскадра»; мы бросились наверх, и перед нашими глазами предстала такая картина: все матросы стояли у бортов, устремившись взглядами на горизонт. Там вдали виднелся какой-то дымок; он приближался к нам, и вскоре показалось уж и судно. Оказалось, что это был небольшой, лишенный даже орудий, военный пароход «Веха». Решено было все-таки захватить его.

Командир этого судна, еще утром вышедшего из Николаева, ничего не знал о восстании; он спокойно шел к нам и стал салютовать флагами. С «Потемкина» ответили и дали приказ стать за нашим правым бортом, а командиру с рапортом явиться к нам.

Ничего не подозревавший командир исполнил в точности наше приказание, явился к нам в полной форме, с орденами на

груди. Едва он вошел на корабль, как его окружил караул, и Матюшенко, объявив его арестованным, потребовал кортик и погоны. Командир был изумлен; удивление, страх, гнев попеременно чередовались на его лице; он не знал, шутка ли это пьяного матроса или действительность.

Но решительные лица матросов, заряженные винтовки показали ему, что случилось что-то важное. А Матюшенко объяснил ему, что матросы вместе с народом восстали против угнетателей, и он именем народа объявляет его арестованным. Тут-то понял, наконец, бедный капитан, что случилось, и лицо его исказилось от страха.

— Что вы, братцы? Я всегда за вас: у меня людям хорошо живется,— произнес он заплетающимся от страха языком.

— Ладно, ладно! потом будешь разговаривать, а теперь давай погоны и кортик.

Очень не хотелось расставаться ему с погонами; он обвел всех взглядом, как бы ища поддержки. Но на всех лицах он встретил злорадную усмешку, а против себя жестокое лицо Матюшенко и револьвер в его руках. И доблестный вояка поспешно снял с себя те погоны, которым он служил: жизнь была для него дороже чести.

— Ну, а теперь ступай в адмиральскую; караул на плечо — скомандовал Матюшенко.

Но вояка снова взмолился.

— Пустите, братцы, меня на свое судно, ведь не убегу я от вас. Там у меня женщина с ребенком...

— Жена?

— Нет, чужая...

Матросы дружно захохотали...

— Это, братцы, жена вашего командира, Голикова, с ребенком. Пустите меня к ней; надо же ее защитить от оскорбления.

Последние слова возмутили матросов.

— Что мы, разбойники, что ли? Небось, на вас не похожи; женщину не тронем. А ты ступай, а не то видишь это... — и с этими словами рассердившийся Матюшенко поднял револьвер. Капитан покорно поплелся в адми-

ральскую. Там ему прочитали протокол событий и заставили подписаться под ним.

Затем один из товарищей, не помню точно, кто, Кирилл или А., произнес прекрасную речь, в которой обрисовал тяжелое положение России, приведшее к восстанию народа, а с ним и войска.

Между тем с нашего корабля дали сигнал «Вехе», что командир ее требует всех офицеров к нам на борт. Последние не замедлили явиться, и так же поспешно, как и их командир, отдали свои погоны. Ни один не пробовал протестовать. Их привели в адмиральскую, где собралось уже человек сто матросов. Лишь только ввели их, я произнес речь, которую закончил следующими словами: «Наступил, наконец, давно жданный день, когда восставший народ арестовывает своих палачей и судит их за все прежние преступления». Последние слова, в соединении с револьвером, который я случайно вертел в своих руках, произвели сильное впечатление на офицеров: они позеленели от страха и стали заявлять, что всегда были на стороне народа и сочувствовали освободительной борьбе.

Противно было смотреть на этих перетрусивших рабов, вчера кичившихся своею доблестью и происхождением, сегодня готовых пасть ниц перед теми, кого они всегда били и презирали, только бы спасти свою маленькую жизнь. И понятны становились все наши поражения на Востоке; разве такие вожди могут вести к победам?!

В каюту в это время принесли судовую кассу «Вехи» и стали вскрывать ее. Железная касса с трудом поддавалась; раздались шутки: «Кассы-то они покрепче изловчились строить, чем броненосцы».

— Эка, дурень, сказал; деньги не люди — потеряешь, новых не найдешь.

Наконец, касса поддалась; в ней оказалось около 2000 рублей.

Матросы «Вехи», между тем, сообщили нам, что ничего против офицеров не имеют, и просили не убивать их. Комиссия приняла эту просьбу и решила высадить офицеров на берег. При этом матросы оказались великодушнее офицеров: они решили снабдить последних деньгами и выдали им по сто рублей на брата.

И после этого рептильная пресса еще смела называть матросов «пьяными разбойниками», а госпожа Голикова «преступной шайкой убийц», та самая госпожа Голикова, которой матросы решили не говорить сразу о муже, чтобы не ошеломить ее ударом. Их грубые, непривыкшие к нежностям сердца подсказали им о необходимости уважения к горю человека, хотя и близкого к ненавистному им тирану, не задумавшемуся расстрелять матросов из-за нежелания есть червивое мясо; а нежное сердце этой выхоленной дамочки не постеснялось разразиться неприличными ругательствами и клеветой по адресу даже погибших и арестованных, стоящих у преддверия смерти матросов!

Наконец, покончили с офицерами и свезли их на берег; процедура ареста первого царского судна революционным кораблем была закончена. Это была великая минута—начало расширения восстания; впереди уже виднелся весь флот с развевающимися красными знаменами на всех кораблях.

Особенно хорошо подействовал этот момент на матросов, так много надежд возлагавших на поддержку всей эскадры.

* * *

Вечер совсем уже спустился на море, когда мы, наконец, покончили все дела и можно было устроить собрание. Команда собралась в батарейной палубе, и туда направился я с А. В крытом помещении, где находилось 700 матросов, вблизи от кухни и машины, было жарко и душно. Матросы уместились амфитеатром: первые ряды сидели, следующие стояли друг над другом. В центре круга находились: Алексеев, Дымченко, Матюшенко, А. и я.

Алексеев дал команде краткий отчет о действиях на броненосце; какой-то чисто технический доклад сделал еще один из членов комиссии. Очередь наступила за нами, и Дымченко сказал, что «вот хорошие люди хотят нам слово сказать».

Но кондуктора не дремали: «долой вольных!», раздалось несколько голосов. Команда вся почти подхватила этот крик. Дымченко посмотрел на меня и растерянно развел руками. Наступила критическая минута: если мы сейчас не заставим команду выслушать нас, наше дело проиграно. Теперь или никогда!..

А. нашелся. Он встал и громко и внятно произнес:

— Матросы! Вы не смеете не выслушать нас: мы говорим не от своего имени, а от имени всего русского рабочего люда. Вы сыновья этого народа и должны выслушать его слово. Если не согласитесь с нами, мы уйдем; но выслушать нас вы должны. Именем народа требуем мы этого!

Эти слова произвели на матросов сильное впечатление; многие стали кричать о том, чтобы выслушать нас; кондуктора кричали против. Но все-таки первые одержали победу, и нам дано было слово.

Я стал говорить; сознание, что от моих слов зависит, быть может, судьба революции, придало мне силу; мысль заработала живей, и слова полились. Я не помню точно, сколько времени я говорил, кажется, часа два. Я начал с бунта на «Потемкине» и солдатской жизни.

Я объяснил матросам, что дело не в борще, а в условиях; дело не в офицерах, а в строе, который гарантирует офицерам неприкосновенность за полный произвол. Им дадут сегодня лучший борщ, лучших начальников, а завтра их снова будут кормить червями и пулями. Нужно иметь гарантию против произвола. При самодержавном режиме это невозможно.

Матросов каждую минуту могут погнать на войну; кому она нужна? Самодержавию! Значит нужно бороться с ним. Как же это сделать? Могут ли матросы своими силами победить его? Нет! На кого же они должны рассчитывать? Единственно на народ. Присоединится ли еще эскадра—вопрос; а народ сейчас с ними.

Я рассказал, как страдают рабочие и крестьяне; рассказал, как эти страдания вынудили рабочих пойти к царю. Царский ответ—свинец и нагайка. Борьба всего народа против царя. Русский народ уже ведет страшный бой против царизма и в этом гарантия помощи его матросам. Соединение с ним—победа; без него—поражение. Одесские рабочие уже сегодня показали, что до последней капли крови они будут защищать матросов.

Матросы «Потемкина» первые военные, решившиеся перекинуть мост между казармой и народом. «Пусть же пойдут они смело по этому мосту и, слившись с народом, в могучей

борьбе завоюют ему свободу. С народом на смертный бой за свободу».

По мере того, как я говорил, настроение росло. Этому не мало способствовало то, что я заставлял массу участвовать в моей речи и после каждого положения спрашивал ее, верно я говорю или нет.

Сначала она отвечала нерешительно, как бы боясь согласиться с этими чужими «вольными» людьми, как бы боясь, что они заведут ее в какую-нибудь ловушку. Но чем дальше, тем дружней подхватывала она «верно» и даже вставляла собственные замечания; а конец моей речи подхватила могучим, долго не смолкавшим «ура». Особенно сильно подействовал на матросов рассказ о девятом января; А. говорил, что многие матросы плакали, услышав от меня подробности страшного предательства царя.

Настроение переменилось в сторону, благоприятную нам. Теперь ни один изменник не смел крикнуть «долой вольных», и матросы просили, чтобы еще кто-нибудь из нас говорил. Но страшная духота не позволяла нам оставаться дольше в батарейной палубе, и решено было перенести собрание на шканцы.

Резко изменилось и отношение к нам. Я был без сюртучка; а между тем стоял уже холодный вечер. Кто-то из матросов подошел ко мне и сказал, что я могу простудиться; несколько других побежали за сюртучком. Я попросил напиться, и мне сейчас же принесли чаю.

Мы вышли на открытую палубу. Стояла свежая, темная ночь; но лучи прожектора, радостно прыгая, рассекали эту тьму. Тут мы нашли Кирилла, вернувшегося с «Вехи». Я рассказал ему о просьбе матросов, и он, став на кнехт, начал говорить. Звучно раздавался в ночной темноте его голос, и казалось, что это луч света пронизывает такую же темноту, окружавшую до сих пор этих забитых людей. Его речь была как бы продолжением моей. Он говорил об Учредительном Собрании, об экономических и политических требованиях рабочих и крестьян.

Сочувствие было уже на нашей стороне; но все-таки нам предстояло еще много работы: надо было глубже познакомить матросов с нашим учением. Для этого нужны были новые силы. Нужно было целые дни вести пропаганду среди матросов и осве-

тить им многие неустройства нашей жизни. Мы вели агитацию вширь; надо было углубить ее. Мы поднимали настроение; надо было закрепить за собой сочувствие, вызванное нашими речами. Но этого сделать мы не могли; нас было всего трое, а на нас лежало руководство восстанием. У нас не было физической возможности делать больше того, что мы делали; а этого было мало. Мы ждали помощи, а она не появлялась. В этом был страшный грех наших социал-демократических организаций.

Дудка, созывающая комиссию в адмиральскую, прервала дальнейшие речи. Гуськом вошли члены комиссии в адмиральскую и расселись на стульях вдоль длинного стола; за ними стояли матросы, не принадлежавшие к комиссии.

Свободные речи лились в этой комнате, на порог которой до сих пор не вступала еще нога оппозиции. Портреты императоров и великих князей с грустью смотрели со стен и вспоминали о лучших днях. Вообще они вносили резкий диссонанс в эту залу свободы; но все были так заняты, что не догадались снять их или разбить.

Алексеев решил выслушать трех офицеров, желавших присоединиться к нам. Предложение это вызвало много споров; ораторы перебивали друг друга, не давали говорить. Страшный шум поднялся в адмиральской, и ясно стало, что мы ни к чему не придем, пока не назначим председателя. А. познакомил матросов с этим учреждением, и они охотно приняли предложение избрать председателя. Избранным оказался товарищ А.

Теперь только комиссия пришла к решению выслушать офицеров, и вскоре под конвоем вооруженных матросов в адмиральскую были введены доктор Голенко, мичман Калюжный, инженер-механик Коваленко.

Первым стал говорить Коваленко.

Это был совсем еще молодой человек с большими, светлыми волосами, с добрыми, мягкими чертами лица. По своим убеждениям скорее либерал, чем революционер, он обладал нежной натурой, неспособной к борьбе. Но великий момент народной революции пробудил в нем силу, и он стал в ряды борцов ее.

Переход на нашу сторону искреннего офицера мог бы сильно помочь успеху дела; но для этого ему нужно было отличаться

решительностью, непоколебимой стойкостью. Для этого ему нужно было уметь ни перед чем не останавливаться; его голос должен был звучать всегда властно и решительно.

Этими качествами не обладал Коваленко. В его речи всегда была какая-то неуверенность. Его нежная натура не могла примириться со всеми жестокостями восстания. Он готов был отдать свою жизнь народу, но звать к этому других, не останавливаться перед пролитием крови, он не мог. И поэтому он не давал нам того, что мог бы дать.

Коваленко стал говорить о том, что он всегда сочувствовал движению, что работал раньше в малороссийской партии, что теперь он, присутствуя при таком моменте, считает позором для себя сойти на берег и не стать в ряды восставших.

Его речь дышала искренностью, но в ней, как и во всех его речах, не было силы вождя.

Затем говорил Голенко.

Совершенно лысый, беленький, чистенький, он производил впечатление настоящего выхоленного дворянчика.

В его речи, по общему содержанию тождественной с речью Коваленко, не было, однако, неуверенности последнего; но и не было в ней его искренности. От нее несло каким-то самодовольством и отчасти лестью матросам. Но во всяком случае в нем нельзя было угадать будущего провокатора.

Калюжный, молоденький, маленький, тщедушный мичман, сказал только несколько слов о желании присоединиться к нам.

Я часто спрашивал себя: что побудило его сделать этот шаг. В продолжение всего восстания он неподвижно лежал в офицерской на диване, вставая только для того, чтобы проглотить свой голодный обед. Его глаза всегда равнодушно блуждали по каюте, и что-то тупое и пришибленное было во всей его маленькой фигурке. Ясно было, что не из любви к свободе он остался на корабле; ни разу, даже при самых удачных шагах восстания, ни одного проблеска радости не видел я в его тупых глазах. Но и не желание провоцировать нас заставило его остаться на корабле: ведь лежа целые дни на диване, безучастно относясь к корабельной жизни, он ничего не мог предпринять против нас...

Только в тюрьме от судебного следователя узнал я о тайных пружинах его поступка. Ему грезилось, что город находится

в руках революционеров и там его ждет справедливая месть народа. Все безнаказанные, совершенные во тьме застенка преступления его среды сразу заговорили о грядущей мести и наполнили таким страхом его молодую, быть может, еще несогрешившую душу, что он потерял способность ясно видеть и мыслить.

Когда офицеры высказались, их вывели, чтобы вести прения в отсутствии их.

Я почувствовал какое-то инстинктивное недоверие к ним (может быть, тут сказалось сложившееся годами предубеждение против офицеров) и энергично выступил против принятия их в наши ряды. Я задал такой вопрос: «Где они были тогда, когда командир собирался расстреливать матросов? Почему тогда у них не заговорил голос совести и не заставил их броситься к командиру с требованием прекратить издевательства?!»

Но возражения моих товарищей и указание на то, что присоединение офицеров может принести нам большую пользу, а учреждением строгого надзора можно обезвредить их «ядовитые жала», заставили комиссию принять их предложение, и они были освобождены из-под ареста. Остальных же офицеров на другой день мы свезли на берег.

* * *

Не успел еще смолкнуть голос Алексеева, отдававшего приказ об освобождении офицеров, как в адмиральскую вбежали матросы и сообщили, что весь порт в огне. Заседание было прервано, и все мы побежали на шканцы.

Страшное зрелище открылось перед нашими глазами. Громадное зарево освещало почти всю бухту; куда ни падал взгляд, всюду он встречал гигантские огненные языки. Они взвивались все выше и выше; распространялись все шире и шире и как бы говорили о всепожирающей мести старого режима.

Это не был красный огонь революции—это было белое пламя реакции!...

Безумные вопли неслись над этим морем огня. Вдруг раздалось страшное трра-тата.

— Стреляют в народ!...—вырвалось из всех грудей. И как безумные, объятые ужасом за своих погибающих, безоружных братьев, мы стали бегать кругом, не зная, что делать, что пред-

принять. Все были охвачены одним порывом: прекратить вакханалию, хотя бы ценой собственной жизни.

Но как? Стрелять в город? Куда? Разве можно было стрелять в этот ад? А если мы как раз попадем в своих? И рвущаяся вперед мысль билась в этом страшном тупике.

Там были безумие и ужас, там гибли за нас; а мы, сильные, вооруженные, сложа руки, стояли в безопасности...

В этот страшный момент, когда самые трусливые делались львами, когда самые нерешительные готовы были итти на все, только бы спасти несчастных, Алексеев обрисовался во всем своем ничтожестве.

Когда, затаив дыхание, мы прислушивались к новым и новым залпам и после каждого крик отчаяния вырывался из наших грудей, он вдруг подошел к нам и сказал: «Да что вы глупости говорите; разве так стреляют? Это просто крыши от огня лопаются».

В эту страшную минуту безумец, дрожавший за свою жизнь, вспомнил, что помощью братьям мы можем подвести его под суд; в эти безумные часы он мог думать о жизни и орденах; в эту кровавую ночь он мог ставить на карту жизнь тысячи людей и отдать их в объятия смерти лишь бы спасти себя!... И для этого он не задумался пуститься на кровавый обман.

Заявление Алексеева, сказанное авторитетным тоном, несколько успокоило нас. Но скоро матросы опытным солдатским ухом различили выстрелы; и снова безумие овладело нашими душами. Как бы боясь этого ужаса, все говорили шопотом. Боялись громко вздохнуть, сказать громкое слово.

Так мы пережили эту страшную Варфоломеевскую ночь; никто из нас даже не думал о сне.

Еще одну маленькую подробность перед тем, как окончить рассказ о первом дне «Потемкина» в Одессе.

Когда порт был объят уже пламенем, наша шлюпка пошла на разведки к берегу, чтобы узнать, нельзя ли как-нибудь помочь рабочим. Около волнореза кто-то стал кричать матросам; они подъехали. Оказалось, что это был солдат морского батальона, который шел к нам заявить от имени батальона полную солидарность его с нами.

Таким образом, громадная часть войск, расположенных в Одессе, явно выразила свое сочувствие восстанию.

И после этого служитель Фемиды, приехавший ко мне в тюрьму из Москвы для того, чтобы снять с меня допрос, заявил мне, что «армия была верна».

ГЛАВА ПЯТАЯ.

К пяти часам утра, измученный нравственно и физически, я сел на кресло в адмиральской и заснул.

Чей-то громкий, возмущенный голос скоро, однако, разбудил меня. Я вскочил и увидел в каюте группу матросов, окружавшую нашего санитара. Он возбужденно говорил, требуя, чтобы команда немедленно отправила в город людей для похорон Вакулинчука. С подъехавшей шлюпки ему сообщили, что целую ночь шел в порту бой из-за трупа между полицией и рабочими; что много рабочих погибло в этом неравном бою.

— Нельзя, чтобы и дальше народ перебивали из-за мертвеца; нужно, наконец, похоронить его. Если никто не поедет со мной, я сам поеду,—взволнованно закончил санитар.

Я успокоил его и, согласившись с справедливостью его требования, настоял на созыве комиссии. Она же решила немедленно отправить депутацию в город к главнокомандующему, чтобы потребовать от него разрешения на похороны Вакулинчука.

В числе вызвавшихся войти в состав депутации находился и я. Меня могут осуждать за то, что я отправлялся в такие рискованные предприятия в то время, когда мое присутствие было необходимо на корабле. Но нам надо было показать матросам, что мы не только на словах, но и на деле готовы отдать свою жизнь за их дело. Это и заставило меня вызваться.

Мигом достали мне новый тельник, матросскую рубашку, брюки, и я, скинув свой франтоватый костюм, превратился в настоящего матроса. Попрощавшись с матросами и крепко пожав руку А., я прыгнул в шлюпку.

Остальные матросы сидели уже там.

— Ну, трогаем, братцы,—сказал я им.

— Да вот еще батюшку ждем.

— А зачем он нам?

— Да вот панихиду по умершем справить; да и в город со священником лучше итти: потому видят сразу, что с мирными целями идем.

Вскоре явился и батюшка.

Жалкий вид имел этот служитель бога; кто-то ударил его во время бунта по носу стулом, и перевязка никак не держалась на его толстом, мясистом носу. Она ежеминутно спадала, и он весь сосредоточился на ней.

Попрощавшись еще раз с товарищами, мы поплыли.

Страшная тишина господствовала в бухте, всегда оживленной и шумной. Лишь одна лодка попалась нам: это была та самая, с которой сообщили нашему санитару о расстрелах. Находившиеся в ней рабочие не успели вчера сойти на берег и теперь, из боязни быть расстрелянными, целую ночь провели на воде.

Наша шлюпка причалила к тому месту, где лежал труп. На всем берегу дымились еще развалины. Кое-где взвивались красные языки. Всюду смерть и пустота; только возле трупа сидело несколько рабочих. Несмотря на угрозу быть расстрелянными, несмотря на опасность огня, они всю ночь стерегли труп и деньги, собранные на похороны Вакулинчука...

Мы вышли на берег, и батюшка стал служить панихиду. Когда открыли Вакулинчука, страшно было смотреть на него: от близости огня он разложился и был уже черным. Страшное зловоние шло от него. Дорогие матросам черты ужасно исказились, и с болью они поспешили закрыть труп...

Надо было спешить к командующему, но отсюда нельзя было пройти в город, так как дымящиеся развалины заграждали дорогу; поэтому мы снова сели на лодку и высадились в более удобном месте.

В качестве депутатов шли два матроса и я. Имени одного я не знаю; другой же матрос К. был один из самых преданных революции людей. Он принадлежал к числу немногих матросов «Потемкина», бывших до бунта в социал-демократической организации. На него всегда можно было положиться, как на каменную гору. Жаль только, что в самые решительные минуты он находился в машинном отделении.

Мы отправлялись без оружия, в сопровождении священника.

Не могу не передать тут один комичный эпизод, характеризующий тот страх, который нагнали пушки «Потемкина» на храброе казачье войско. Едва наша маленькая депутация вошла в порт, она наткнулась на пять казаков. Мы решили подойти к ним, чтобы узнать, где находится командующий войсками. Но лишь только казаки заметили нас, они, повернувшись, стремглав полетели. Напрасно мы кричали им, что мы без оружия, что с нами священник. Храбрые воины, ничего не желая слушать, летели от нас на крыльях страха.

От души посмеявшись этому зрелищу, мы стали по лестнице подниматься на Николаевский бульвар. Там сейчас же заметили наше приближение, и началась суматоха; видно было, как строятся солдаты и бегут офицеры.

Спокойно, медленно двигаемся мы вперед. Лишь на минуту мы остановились в ужасе, чуть не наткнувшись на труп рабочего, лежавшего на лестнице.

Молодое лицо было искажено от испуга; на груди виднелись пятна крови. Вероятно, предательская пуля попала ему в грудь в ту минуту, когда он бежал по лестницам, спасаясь от пуль портовых солдат. Очевидно, что он один бежал по этой дороге, так как кругом не было ни трупов ни крови. И вот его одного, беспомощного, безоружного, гонимого страхом, как дичь, подстрелили царские опричники...

Мы втроем переглянулись; кроткий же служитель бога спокойно пошел дальше. Но и нам стоять долго нельзя было; и мы двинулись за ним. Наконец, мы пришли. Против нас стоял взвод солдат и группа офицеров. Один из них отделился, подошел к батюшке, взял его за руку и, сказав ему: «мы к вам отнесемся с полным почтением», отвел его в сторону. Затем он отдал приказ окружить нас. Моментально мы были окружены лесом штыков. Я пробовал заговорить и заявил офицеру, что мы пришли требовать разрешения на похороны матроса.

— Ладно, ладно, — промолвил он в ответ и вместе со священником удалился во дворец командующего войсками.

Мне стало ясно, что нас сегодня расстреляют. Признаюсь, что от этого сознания мне сделалось немножко жутко. Военный вид бульвара, жерла пушек, направленные на нас, озлобленные

лица офицеров, вся обстановка военного лагеря кровожадного неприятеля наводила какое-то уныние.

К этому прибавилось сознание, что нелепо умирать из-за такого, в сущности, неважного дела: матроса мы могли похоронить и в море, отдав ему должные почести.

Но я понимал, что нахожусь перед таким врагом, которому нельзя показаться трепещущим, иначе он пожрет тебя. Я быстро оправился, и лицо мое было настолько спокойное, что К. говорил мне после, что удивлялся моему спокойствию.

Не долго пришлось нам ждать. Скоро явился прежний офицер и заговорил с нами совсем другим тоном:

— Матросы, ваш батюшка поехал к градоначальнику за разрешением, а вы отправитесь во двор командующего. Мы не арестовываем вас, нет; это только для того, чтобы не возбуждать внимания публики.

И нас, все-таки под конвоем, отвели во двор, переполненный казаками. К., сам происходивший из казачьего сословия, стал расспрашивать казаков, нет ли среди них земляка из его станицы. Но казаки молча проходили и не удостаивали ответом мятежника.

Такое отношение к земляку, которого, быть может, сейчас расстреляют, оскорбило честную и прямую душу К.

— Эх, вы Каины, а не люди,—сказал он, обратившись к ним,—меня сейчас, может, повесят, я поклон хочу передать домой, а вы бежите от меня, как от прокаженного. Да за кого мы умирать идем? за себя?..

И возбужденная речь полилась из его уст. Горькой обидой на солдат, стреляющих в своих товарищей, звучала она. А под конец он не выдержал и заплакал.

Но не слезами малодушия плакал он; это плакала честная натура, оскорбленная злобой и ненавистью близких, родных людей.

Его горячая речь проняла даже казаков. Они стали собираться, оставили шутки и с серьезными лицами стали слушать его; некоторые начали даже оправдываться: «Не мы, а начальство делает все; разве мы сами? Начальство приказывает».

Я хотел было ответить им, как раздавшийся залп заставил вздрогнуть нас. Все улыбнулись.

— Ничего, не пужайтесь, братцы. Это так, в воздух стреляют, народ пужают.

Такие залпы раздавались через каждые пятнадцать минут. Мы стали снова разговаривать с солдатами и казаками о положении дел в Одессе и узнали важные новости. Со всех сторон стягиваются войска. Сегодня придет из Кишинева целый полк с мортирами; завтра придут войска из Николаева. Ждут крепостную артиллерию. С каждым часом враг усиливался и оправлялся. Чем позже мы начнем действовать, тем большее сопротивление встретим мы. Я решил, если удастся мне снова попасть на броненосец, немедленно начать агитацию в пользу наступательных действий.

Но вернусь ли я? Батюшки все нет, и мы снова начинаем думать, что нам подстраивают какую-то ловушку...

Но вот, наконец, показался и батюшка, и вздох облегчения вырвался из наших грудей. Сразу сделалось светло и хорошо. Священник подошел к нам с каким-то полковником.

— Вам разрешают хоронить матроса в 2 часа ночи,— заявил нам последний,—днем нельзя.

Я знал, что это возмутит матросов, и громко с достоинством ответил:

— Наш товарищ—не вор, чтобы хоронить его ночью.

— Ну, как знаете,—ответил полковник,—а теперь можете итти.

Самодержавие осталось верно себе; почувствовав за нами внушительную силу, оно не посмело арестовать нас и обнаружило удивительное благородство.

Мы, конечно, поспешили воспользоваться предложением полковника и отправились в порт...

Сойдя с лестницы, мы снова встретили около церкви похоронную процессию. Встреча эта была очень кстати, так как нам надо было заказать гроб для Вакулинчука.

Переговорив с управляющим процессией, мы отправились к своей шлюпке. Мы шли теперь по другой дороге, полной ужаса: она была усеяна трупами, и нам приходилось осторожно двигаться, чтобы не наступить на них. Все они обгорели. Встретившиеся рабочие описали нам картину вчерашнего расстрела. Весь вчерашний день в порту происходили собрания. У трупа Вакулинчука устроили трибуну; ораторы сменяли друг друга

и в горячих речах звали народ на решительный бой с царизмом. Тысячи народа уходили, их сменяли другие.

Какой-то пьяный восторг господствовал тут: люди обнимались, снимали с себя все, что на них было, и отдавали в пользу общего дела. Кругом лежали громадные богатства, груды провизии, напитки, но ни одна рука не смела грабежом осквернить эти святые часы. Наоборот, всюду царствовали порядок и спокойствие. В одном месте какой-то хулиган стал кричать: «бей жидов», его тотчас же убили.

В четыре часа дня приехали на берег представители социал-демократических организаций, ездившие на броненосец. Один из них взошел на трибуну и объяснил, что матросы не сойдут на берег, просил рабочих мирно разойтись по домам и ничего не предпринимать до наступательных действий «Потемкина».

Рабочие стали медленно, с пением «Варшавянки», уходить из порта.

Но движение народа в порт не прекратилось. Навстречу уходившим рабочим шли тысячи обывательской публики. Расфранченные буржуа, приличные чистые лавочники сменяли теперь рабочих. И они хотели побывать на первых народных собраниях, и их охватило общее воодушевление и выгнало страх из их трусливых сердец.

Но с уходом рабочих ушла из порта и та сила, которая поддерживала порядок и сознательность. Полиция же не дремала и повела ловкую агитацию за разгром товаров. Скоро уже послышался стук разбиваемых бочек с вином.

Находившиеся еще в порту сознательные рабочие всеми силами боролись с разгромом; они скатывали в море бочки с вином, пускали в ход силу убеждения. Но ничто не могло удержать разбушевавшейся стихии.

Где-то вспыхнул огонь, в другом месте разбирали драгоценные товары и запихивали их в карманы. Пламя все разгоралось; горели миллионы, горели и люди, перепившиеся дорогими напитками...

А страшные залпы прибывших войск наполнили порт воплями расстреливаемых людей. Толпа бросилась в город, но тут ее встретили новые залпы. Казаки рубили шашками, никому не давали спастись и гнали обратно. И под их натиском толпа

двигалась все ближе и ближе к морю; многие обрушились в море и погибли в его объятиях.

Ужас и безумие господствовали тут; море и воздух наполнены были кровью людей, и кровавый «красный смех» повис над землей.

Пришибленные этой страшной картиной, мы молча добрались до шлюпки и поплыли к кораблю, оставив у трупа стражу в пять человек.

* * *

Мой ответ властям не оказался пустой фразой: матросы, действительно, не пожелали хоронить ночью. Посылку же новой депутации с требованием о разрешении дневных похорон они считали рискованной, и раздались голоса, что Вакулинчука можно похоронить и в море со всеми почестями, что из-за похорон нельзя жертвовать товарищами. Я также склонялся на сторону этого мнения; но, как увидит ниже читатель, перетрусившие генералы предупредили наше решение.

Приближалось время обеда.

Матюшенко поехал на берег отвезти провизию матросам, стерегшим труп.

Я же, Кирилл и А. собрались вместе и начали обсуждать положение в зависимости от привезенных мною вестей; мы уже решили было потребовать от команды решительных действий против города, как раздавшийся крик «эскадра» и поднявшаяся суматоха прервали наше совещание. Не успели мы расспросить, в чем дело, как просвистела дудка, созывающая комиссию, и мы бросились в адмиральскую. Оказалось, что вдали виднелся дымок и флаг военного судна.

Совещание [комиссии длилось не долго. Говорили Кирилл и я.

— Не будем же теряться, будем стойко стоять на своих постах и смело, с достоинством встретим врага. С нами народ, с нами правда, с нами сила. В бой за свободу смело пойдем,—закончил один из нас свою речь.

— За свободу!—воскликнули, как один человек, члены комиссии, и каждый бросился к своему месту. Адмиральская опустела. Мы последовали за всеми и вышли на шканцы.

Вдали виднелся дымок; уже должна была раздаться тревога, как сигнальщик крикнул, что это «Прут» и что он поворачивает к Николаеву. Кто-то предложил нагнать и захватить его. Но на это ответили, что он быстроходен, и его невозможно догнать. Таким образом, «Прут», бывший так близко от нас, не присоединился к нам, так как не знал еще о нашем восстании. Этот инцидент, сам по себе не имеющий большого значения, показал нам, как велико было среди матросов ожидание эскадры. За каждым дымком военного корабля им чудилась вся эскадра.

Тревога уже совсем улеглась, когда приехал Матюшенко с новыми вестями: власти разрешили хоронить матроса в два часа дня; его может сопровождать почетный караул из 12-ти матросов, которым гарантируется неприкосновенность. Таким образом вопрос о похоронах разрешился очень просто и почетно для нас.

Солдаты, принесшие это разрешение, пришли говорить с матросами не только от имени начальства, но и от имени солдат. А от последних они заявили следующее: солдаты также сочувствуют матросам: но между ними нет единодушия, и они боятся начать. Пусть матросы сделают первый шаг, и одесский гарнизон перейдет на сторону восстания.

В городском театре заседает военный совет; пусть дадут матросы залп из орудий по театру, и они перебьют всех генералов. Тогда солдаты бросят винтовки и присоединятся к нам.

Матюшенко вполне сочувствовал этому плану и решил провести его. Эта неожиданная помощь человека, пользовавшегося большим влиянием на команду, значительно облегчала нашу задачу. Мы решили немедленно созвать комиссию.

Первые шаги в этом отношении увенчались полным успехом. Мы сумели так воодушевить членов комиссии, что они решили сегодня же начать бомбардировку. Был выработан следующий план действий: мы даем три холостых выстрела, чтобы предупредить население, и два боевых по театру. Затем депутация из трех человек отправляется в город и предъявляет главнокомандующему следующие требования: 1) немедленное освобождение всех политических; 2) немедленное прекращение расстрела мирного населения города и 3) как гарантию этого—вывод

всех войск из города и передачу арсеналов в руки народа. Если власти не исполнят наших требований, мы завтра же начинаем бомбардировку города. Если же сегодня к нам присоединятся солдаты, мы немедленно завладеваем городом и сделаем из него базу восстания.

Хотя комиссия и приняла весь план целиком, она все же не решилась предпринять такой важный шаг без согласия всей команды; решено было устроить общее собрание. Проиграли сбор, и на шканцах стали собираться матросы.

Живописное зрелище представляли эти собрания. Первые ряды сидели амфитеатром, вторые стояли, третьи стояли на каких-нибудь возвышениях. На громадных башнях и чудовищных жерлах 12-дюймовых орудий в непринужденных позах сидят матросы. Всюду сверкают своей белизной матросские куртки; рослые фигуры дышат силой и здоровьем; лица у всех серьезные и вдумчивые. В центре круга стояли два кнехта и с них говорили ораторы и председатель.

Собственно, эти собрания не имели правильно организованного председательства; но такую роль исполнял обыкновенно Дымченко или кто-нибудь из влиятельных матросов.

Так и теперь Дымченко встал и произнес свое вечное, добродушное: «Вот, ребята, хороший человек хочет вам слово сказать». Я встал на кнехт и начал говорить.

В своей речи я прежде всего напомнил матросам, что они перешли уже ту черту, до которой еще могли получить помилование; корабли сожжены. Рубикон перейден. Перемирия с царизмом уже не может быть. Только победа одной из сторон и полное уничтожение другой может решить дело. Значит, война беспощадная. Нужно приобрести возможно сильных союзников, нужно нанести врагу страшный удар. Одесские войска готовы перейти на нашу сторону; им нужен первый шаг; этот шаг должны сделать матросы. Пока враг растерян, пока не собрал свои силы, надо нанести ему решительный удар; каждую минуту он усиливается, оправляется; он стягивает новые войска. Первый страх проходит, а вместе с ним проходит возможность оглушить врага одним решительным ударом. Каждая минута промедления усиливает врага и ослабляет нас. Вывод: немедленно приступить к решительным действиям.

И тут я познакомил матросов с выработанным планом.

И во время этой речи я, после каждого положения, спрашивал матросов, согласны ли они с ним. Всегда раздавалось «верно». Когда я кончил, речь была покрыта громким «ура». Казалось, дело уже было окончено; надо было только провести определенную резолюцию. Но вдруг раздался где-то возглас:

— В город нам стрелять нельзя.

Кто-то подхватил его, потом еще несколько голосов, и скоро уже значительная часть команды стала кричать, что в город стрелять нельзя.

Ко мне подошел Кирилл и сказал:

— Слишком круто вы взяли, нельзя так.

Я и сам уже понял, что поступил неосторожно, сразу заговорив о выработанном плане. Это надо было предоставить сделать кому-нибудь из матросов. Сознание этой ошибки привело меня в отчаяние: ведь дело шло о таких шагах, рисковать которыми было почти преступлением. Пока я грыз себя, команда волновалась. Она разделилась на две партии: одна требовала немедленной бомбардировки города, другая протестовала против этого. И последняя стала одерживать верх. Раздались даже голоса: «долой вольных»; «пусть офицеры скажут свое слово».

Все взоры обратились к Алексееву; но он молчал. Молчал, несмотря на то, что его слово могло доставить победу его партии. Молчал потому, что его ничтожная личность боялась броситься в пучину страстей.

В это время на кнехт вскочил Матюшенко. Его появление сразу прекратило споры и крики.—«Стойте, братцы,—начал он,— тут, я вижу, у нас раздоры завелись; у нас такое делается, что одна часть команды на другую встает. Нам, братцы, единение нужно, а у нас так делается, что одни матросы возьмут винтовки и переколют других. Нет, братцы, так нельзя. Довольно нас начальники друг на друга травили; теперь вы сами хотите в резню вступить. Теперь на вас смотрит весь народ, он ждет вас, как своих избавителей, а вы тут спорите между собой».

И полились простые, полные скорби за измученный, исстрадавшийся народ, слова. Говорил теперь народный трибун, в простых словах изливавший тысячелетнюю народную скорбь.

И оттого души всех переполнялись ненавистью и злобой к вековым угнетателям. Но вот кончил говорить трибун, теперь заговорил матрос, хорошо знающий психологию своих товарищей.

— Вот тут нас на судне 300 социал-демократов. Мы решили отдать свою жизнь за народное дело и бороться до последней капли крови. Если вы не хотите стрелять, мы сами пойдем к пушкам и пошлем царю наши грозные снаряды. А вы, если хотите, присоединяйтесь к нам, или берите винтовки и перестреляйте нас всех. Или же свяжите нас и выдайте начальству. Оно встретит вас с музыкой, наградит вас орденами...

— Нет, не хотим,—заревела вдруг взволнованная этой картиной команда.

— Так как же, значит согласны стрелять в город?

— Согласны,—кричат матросы, и уже ни один протестующий голос не смеет врезаться в этот единодушный подъем массы.

— Может, кто не согласен, но голоса его неслышно?—продолжает неумолимый Матюшенко,—так мы так сделаем: кто за то, чтобы стрелять, переходи направо, а кто против — налево.

Вся команда двинулась направо.

— Вот видите, какие среди вас подлые души есть: за спиной, чтобы не видно было, команду бунтуют, а открыто свое мнение боятся сказать.

Кондуктора были пристыжены.

— Ну, братцы, теперь стойко стой. Иди по своим местам.

Оживленная команда рассыпалась по кораблю и начала готовиться к действиям. Машинисты побежали в машинное отделение разводить пары, комендоры бросились чистить орудия, остальные матросы стали скатывать палубу. Санитары приготовили лазарет и перевязочные препараты. Для лазарета доктор приспособил «Веху».

Еще до собрания мы отправили в город 12 матросов для похорон.

Теперь раздались голоса, чтобы не стрелять, пока не воротятся наши, так как их перебьют. Однако, это совершенно основательное соображение было забыто в общей суматохе. Было уже пять часов вечера, когда раздалась боевая тревога.

Я никогда не присутствовал на военных кораблях во время учения и теперь поражен был быстротой и порядком исполнения.

Раздался звук трубы; стоявшие около меня матросы побежали куда-то, и открытые части корабля сразу опустели; зато по трапам и спардеку [1]) люди бегали с ужасной быстротой. Через 3 минуты все уже было спокойно: к пушкам подкатили снаряды, и у каждой стояли комендоры; входы в адмиральскую были закрыты железными люками, и я долго не мог сообразить, где ж это я очутился. Здесь только что были лестницы в адмиральскую, а теперь их нет... Вдруг мои ноги обдало холодной водой: это спустили шланги с водой, чтобы не загорелся от снарядов деревянный пол палубы. Я поспешил убраться отсюда во внутреннюю часть корабля. И тут меня поразил удивительный порядок: каждый стоял на своем месте, и не видно было ни одного праздного матроса.

Указав сигнальщику театр, я отправился на мостик, с которого при помощи подзорной трубы наблюдали за городом. Там нашел я Коваленко и матроса З., сообщивших мне, что стрелять будут из шестидюймовых орудий.

Но вот раздался сигнал, и грянул первый холостой выстрел. Затем второй, третий. Чрез четверть часа должен был раздаться первый боевой.

Жуткое и вместе радостное чувство овладело мной в эти минуты. Мы переходили, наконец, в наступление! Кто знает, что нас ждет? А если наши снаряды попадут не в театр, а в дома мирных жителей, и вместо счастья мы принесем народу гибель и разрушение? И мне рисовались ужасные картины... Но скоро эти картины сменила другая — картина народного восстания. За дымом сейчас пронесущегося выстрела я уже видел красные батальоны революционной армии, победоносно шагавшие все дальше и дальше в глубь России. За гулом первого снаряда я уже слышал торжество и пир победившего народа...

Заиграла труба. Все притихло. Вот блеснул яркий свет и вслед за ним раздался оглушительный грохот; и долго еще

---

[1]) Спардек — площадка, образуемая потолком батарейной палубы; на ней находятся открытые капитанские мостки, боевая рубка, помещение беспроволочного телеграфа.

раздавалось эхо его. Снова тишина, которую прерывает резкий крик: «перелет» стоявшего около меня сигнальщика...

Пред нашими глазами предстали дети и женщины, погребенные под развалинами разрушительных снарядов.

Но вот снова сигнал; за ним оглушительный залп, и снова все тот же режущий ухо крик: «перелет».

Наши снаряды не попали в цель; рука царского ставленника, гнусного изменника, отвела их от врагов народа. Они не пробили стены театра; но они пробили другую, более толстую и крепкую стену: стену солдатской казармы. И чрез пробитую брешь ворвался огонь революции и зажег казарму пожаром, в ярком пламени которого сгорали последние остатки верноподданнических чувств. А грохот их пронесся по всей России от Черного до Балтийского моря, от Кавказа до Сибири, и всюду он будил спавшего долгим, непробудным сном русского солдата...

* * *

Неудача нашей короткой бомбардировки сильно огорчила нас; нам, естественно, казалось, что снаряды попали в дома мирных жителей и причинили много несчастий тем, за кого мы боролись. Все мы бросились к сигнальщику Ведермееру с вопросом, почему снаряды не попали. Последний не заикаясь ответил, что для правильного прицела необходима карта с масштабом. У нас не было специалистов, которые могли бы изобличить его; а главное, никто не подозревал о возможности предательства и не думал возражать ему.

Только в Феодосии, один из офицеров, охранявших меня, поручик Померанц сказал мне, что неверный прицел был дан умышленно Ведермеером. Я не придал бы особенного значения его словам, если бы не простое соображение о том, что ведь во время морских сражений нет карты расположения неприятельских судов с точно вымеренным расстоянием, однако же снаряды попадают в них. Когда я встретился уже заграницей с некоторыми товарищами по восстанию, они подтвердили известие, сообщенное мне Померанцем. Тогда же я узнал еще об одном предательском акте того же Ведермеера: вечером того дня, в который мы стреляли по городу, береговые солдаты дали нам следующий сигнал: «Продолжайте бомбардировку, утром присоеди-

нимся к вам». Ведермеер принял сигнал, но скрыл его от команды...

Мы поверили Ведермееру и решили достать такой план; пока же побежали в офицерскую [1]), куда свисток созывал уж комиссию.

На очереди стояло избрание делегации к главнокомандующему. Выбрали меня и еще двух матросов, имена которых неудобно называть. Подали катер, и мы, торжественно попрощавшись с товарищами, обещавшими открыть огонь из всех орудий, если мы не вернемся к 10 часам вечера, отплыли от корабля.

Стояли уже сумерки; день умирал и погружал свои последние беловато-темные лучи в засыпавшее море. Все говорило о закате, все полно было какой-то тихой, щемящей грустью. И невольно печальные мысли о близком закате и моей жизни охватывали меня... Навстречу нам шла частная шлюпка с двумя матросами. Мы подошли к ней... На лодке сидел матрос Микишкин и еще один товарищ, возвращавшиеся с похорон Вакулинчука.

Высокий, худой, всегда серьезный, с большими вдумчивыми глазами, устремленными в какую-то даль, в грязной, сальной куртке, резко выделявшейся среди белоснежных рубашек остальных матросов, Микишкин походил скорей на философа, чем на солдата. Его всегда можно было видеть с книжкой о. Петрова в руке, толкующим матросам о религиозно-политических воззрениях этого священника. Торопливо и быстро неслась его речь; но аудитория не всегда оставалась внимательной к нему и часто, спустившись из заоблачной сферы своих мечтаний, он не находил около себя ни одного слушателя. Это, однако, не смущало его, и скоро он уж говорил в другом месте.

Но философия любви не одурманивала его: он прекрасно понимал, что есть враги, против которых нужно действовать не словом, а силой. В продолжение всего восстания он отстаивал в комиссии и среди команды самые смелые шаги и всегда вызывался

---

[1]) Сегодня утром заседания комиссии были перенесены из адмиральской в офицерскую, которая, находясь на спардеке, была ближе к исполнительной власти.

итти на выполнение их. Так и теперь он вызвался хоронить Вакулинчука.

— Почему вас двое? Где другие? — спросил его Матюшенко, командовавший катером.

— Ох, братцы, стреляли в нас, — начал Микишкин свой торопливый рассказ.—Как шли мы туда—ничего, не тронули, а вот обратно шли, как спускались с моста, рота стояла. Мы ничего, идем; вдруг как грохнут в нас!... Мы давай бежать. Да только солдатики-то в нас не целят: шныряют пули эти между ногами, а ни одна не попала.

— Где же остальные!

— Да вот шесть на берегу дожидают, а четыре в город побежали.

— Когда же в вас стреляли, до или после наших залпов?— спросил я, полагая, что наша бомбардировка была причиной предательского расстрела.

Но Микишкин, к моему удивлению, ответил, что выстрелы наши раздались уже тогда, когда матросы уже прибежали к берегу.

— А вы куда, братцы? — спросил нас Микишкин.

Мы рассказали.

— Ой, не ходите, братцы, — возбужденно заговорил он, перепугавшись на минуту. — Расстреляют вас, право.

Мы, конечно, не послушались Микишкина и отправились. Но предостережение его не было пустой фразой: если власти не сдержали слова и стреляли по матросам, которым был обещан пропуск, то после нашей бомбардировки они придут в такую ярость, что нас, пришедших с революционными требованиями, наверное не пощадят.

Но раздумывать долго было нельзя: катер пристал уже к берегу, и мы высадились. Здесь мы нашли еще шесть матросов и несколько рабочих, уже второй день блуждавших среди этих развалин.

Когда мы сообщили им, что идем к командующему, они поставили нам на вид то обстоятельство, что порт оцеплен войсками и отдан приказ стрелять в первого показавшегося матроса, так как власти боятся, что после бомбардировки «Потемкин» высадит десант. Хотя мы были без оружия и с белым парламентер-

ским флагом, но все-таки солдаты могли не заметить этого и расстрелять нас, прежде чем мы успеем сказать о цели нашего прихода. Поэтому я предложил отправиться в находящуюся в порту церковь и заставить священника ее пойти к командующему войсками предупредить о нашем приходе. Все согласились с моим предложением, и мы направились в церковь.

После наших залпов, нас особенно поразила мертвая тишина, господствовавшая в порту: ни одного голоса, как будто все вымерло. Кое-где лишь раздавался треск разрушавшихся от огня зданий. По дороге валялись еще не убранные, обгоревшие трупы; и нам невольно представилось, что, может быть, в городе можно видеть сейчас такие же картины, но произведенные уже не самодержавием, а нами. Как бы в подтверждение нашей мысли, в тот момент, когда мы входили в церковь, мимо проскакала карета «скорой помощи».

Мы вошли в церковную ограду и нашли там какую-то женщину и детей. Это были жена и дети священника. Мы просили ее вызвать батюшку; но бедная женщина, перепуганная событиями этих дней, происходившими почти на ее глазах, испугалась нас и дрожащим голосом стала просить не губить священника.

— Ведь он бедных любит, он рабочему человеку всегда добро делает,—просила она.

Мы поспешили ее успокоить и объяснили ей цель нашего прихода.

Но много еще пришлось убеждать нам, прежде чем она согласилась вызвать священника.

Батюшка, высокого роста, с мягкими, симпатичными чертами лица, на которых лежала теперь печать измученности и страдания, без возражений согласился исполнить нашу просьбу. Он отправился по лестницам на бульвар, а мы остались в церкви и стали расспрашивать жену его о новостях. Но она, не выходившая эти дни из церкви, не знала, что делается в городе и куда попали наши снаряды. Но зато много рассказывала она о страшной ночи в порту.

Между тем вернулся батюшка и сказал нам, что власти согласны нас принять и гарантируют неприкосновенность. Поблагодарив его, мы стали подниматься по лестницам.

На самой верхней площадке сидел на кресле какой-то генерал [1]), небольшого роста, с седой бородой и резкими чертами лица, окруженный целой свитой офицеров.

Товарищ, несший парламентерский флаг, опустил его, согласно обычаю, к ногам генерала, после чего тот спросил о цели нашего прихода.

Я ответил ему:

— Мы дали сегодня два выстрела, как демонстрацию того, что во всякую минуту мы можем приступить к решительным действиям; но мы не желаем напрасного кровопролития. Поэтому мы предлагаем командующему войсками явиться к нам на корабль или послать уполномоченного для выслушания наших требований.

— А если мы не исполним этого требования?

— Мы тогда оставляем за собой свободу действий.

— Хорошо, я передам командующему ваше требование.

— Еще одно предупреждение, — остановил я его, когда он уже поднялся, — если мы к 10 часам вечера не вернемся на корабль, по городу откроют огонь из всех орудий.

Генерал и офицеры вздрогнули...

— Я все передам командующему, — сказал генерал и удалился.

Мы стали ждать.

Казачий офицер, по чину полковник, говоривший с нами утром, подошел и стал разглядывать нас. Увидев меня, он промолвил:

— А! этот был сегодня утром!

Подошел еще какой-то полковник и спросил нас, что мы сделали с оставшимися в живых офицерами. Мы не успели ответить любознательному полковнику, так как подошел какой-то генерал и, сердито прикрикнув на офицера, запретил ему разговаривать с нами.

— Я только один вопрос, ваше превосходительство, — виновато промолвил полковник.

— Ни одного слова нельзя говорить с ними, — буркнул генерал, и полковник отошел в сторону.

---

[1]) Насколько мне помнится, нам сказали, что это помощник командующего войсками, генерал Протопопов. В обвинительном акте сказано, что это был временный генерал-губернатор г. Одессы, Карангозов.

Через 15 минут явился прежний генерал и передал нам следующий ответ командующего:

— Ни в какие переговоры с царскими бунтовщиками командующий вступать не желает. А если хотите бросить еще несколько снарядов в дома мирных жителей, то бог и царь будут вам судьями. Теперь же можете итти — никто вас не тронет.

Высокомерный тон ответа возмутил нас, но мы решили не словами, а делом выразить свое негодование. Мы повернулись и ушли.

В порту мы стали перекликаться с матросами, сидевшими на катере; таким образом мы добрались до него и очутились на корабле.

Матросы ожидали нас с нетерпением и массой хлынули за нами в офицерскую, где заседала комиссия.

Среди воцарившегося молчания мы передали ответ командующего.

Как и следовало ожидать, он вызвал бурю негодования.

— Мы покажем ему, какие мы бунтовщики!

— Не хочет с нами разговаривать, так будет с 12-дюймовыми толковать, — непрерывно раздавались угрожающие возгласы.

Но председатель заставляет всех молчать и дает слово одному из матросов, участвовавших в похоронах.

Рассказ о восторженном приеме населения и предательском расстреле матросов подлил масла в огонь. Страсти разгорались. Возбуждение росло, и ясно было, что масса готова с завтрашним рассветом начать решительные действия против города.

Но среди этой решительности все-таки раздавалось одно характерное для настроения лицо «только».

— *Только* эскадра пришла бы, уж заговорил бы он у нас не так, — говорили матросы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Это «только» обусловливалось страстным ожиданием эскадры. Подняв бунт, матросы имели в виду восстание всей эскадры, о котором ходили неясные слухи. Они были убеждены, что

эскадра не только не будет стрелять в них, а присоединится к ним; со всей же эскадрой не страшно: это уж такая могучая сила, с которой не справится самодержавие. С эскадрой победа, без нее поражение.

Такое ожидание эскадры, как фактора, могущего решить судьбу восстания, было чрезвычайно опасным для революции. Если надежды не оправдаются, если эскадра не присоединится, если в ней произведут такую чистку, что матросы будут стрелять! Тогда неожиданность погубит дело; ибо если крепость не защищают могучие духом солдаты, то самый слабый неприятель без труда возьмет ее.

Наша задача и заключалась в том, чтобы внушить матросам мысль, что они сами представляют самостоятельную силу; что не от эскадры, а от народа надо ждать помощи. Медленно, шаг за шагом, мы подвигали вперед сознание массы. Матросы уже начинали чувствовать свою силу и решились действовать самостоятельно. И только благодаря нашей агитации и событиям этих двух дней, «Потемкин» так гордо и стойко, с полной готовностью победить или погибнуть, встретил эскадру...

Мысли всех были обращены к эскадре, всюду можно было слышать разговоры о том, где эскадра. Этот вопрос мучил и тревожил всех; мы останавливали каждое судно, шедшее с моря; за каждым военным кораблем нам чудилась эскадра. Это слово не сходило с уст.

И в комиссии неоднократно обсуждался вопрос о том, что делать при встрече с эскадрой. На этот случай был принят план, предлагавший использовать боевое преимущество «Потемкина»: дальнобойность наших орудий, превосходившую таковую других броненосцев. На расстоянии нашего пушечного выстрела было предложено дать эскадре приказание остановиться, под страхом открытия огня. Если она остановится, послать к ней миноноску для переговоров с командой; если же эскадра будет продолжать итти на нас, мы откроем огонь в то время, как сами будем находиться за «пределами досягаемости» ее снарядов. Таким образом, прежде чем эскадра получит возможность действовать против нас, она будет ослаблена настолько, что мы сможем справиться с ее подавляющей силой.

Этот план, вполне годный при встрече с неприятельскими суднами, готовыми к бою, мог оказаться гибельным для восстания при встрече с нашей эскадрой. Он упускал то обстоятельство, что матросы совсем не думают сражаться с нами; что мы имеем неприятеля только в лице офицеров. Нужно было, чтобы со стороны их раздался первый приказ о стрельбе; тогда матросы эскадры восстанут, и она окажется в наших руках; а если бы с нашей стороны раздался первый выстрел, который попал бы не только в офицера, но и в дружелюбного нам матроса, то чувство самосохранения заставило бы последнего взяться за оружие и действовать против нас.

Но в комиссии не раздавалось ни одного подобного возражения; мой проект был принят, и Алексееву дали соответствующие приказания. Но план этот не был приведен в исполнение, и тем мы были спасены, благодаря... Алексееву. Конечно, последний не из сочувствия к нам подпустил так близко эскадру, не давая приказа стрелять; я думаю, что другие мотивы заставили его действовать так.

* * *

Утро следующего дня началось для меня с магического слова «эскадра», раздавшегося в офицерской и разбудившего меня. В каюте стояло человек 15 матросов, и телеграфист рассказывал о телеграмме, перехваченной им по беспроволочному телеграфу. Она состояла из двух слов: «ясно вижу» и шла с «Ростислава»; этого было достаточно для того, чтобы догадаться о близости эскадры.

Скоро собралась созываемая уже комиссия. В беглых чертах был снова разработан прежний проект встречи с эскадрой, и команде отдали приказ приготовить корабль к бою.

Работа закипела; матросы, узнав о приближении давно жданной эскадры, работали за десятерых; незанятые же не отходили от помещения телеграфа, надеясь, что получится еще одна телеграмма. Эта надежда не была обманчива, и скоро была перехвачена телеграмма «Ростислава» к «Трем Святителям» следующего содержания: «Мы телеграфируем к вам на расстоя-

нии 5»; на этом месте телеграмма оборвалась. Это было очень неприятно, так как, если бы мы знали, на каком расстоянии находятся друг от друга броненосцы, мы могли бы догадаться об их действиях. Цифра же 5 без указания величины ничего не говорила нам. Во всяком случае ясно было, что эскадра недалеко... Тут кому-то пришла прекрасная идея: захватить один из стоящих на рейде быстроходных пароходов «Русск. Общ. П. и Т.» и, спрятав в нем несколько матросов, отправить его на разведки. Предложение было принято; катер немедленно притащил пароход; вызвали охотников; нашлось человек 25. Дали им винтовки, бинокли и подзорные трубы и, приказав командиру парохода во всем слушаться начальника отряда, отправили его на разведки. Часа через два (было уже 9 часов утра) он вернулся с известием, что эскадра приближается.

Действительно, скоро сигнальщик через подзорную трубу увидел дымок.

Пробили боевую тревогу; всеми овладело какое-то трепетное чувство; наступал великий исторический час; что он принесет?

Вместе с товарищем А. я стоял на капитанском мостике и, напряженно вглядываясь вдаль, старался увидеть эскадру. Скоро мы разглядели простым глазом дымки, а немного погодя и самые броненосцы. Их было три: «Двенадцать Апостолов», «Синоп» и «Георгий Победоносец»; минная флотилия сопровождала их. У нас все готово; комендоры у пушек; туда же на проволоках подкачены снаряды, ужасные орудия смерти и разрушения. В лазаретах готовы койки, и санитары с носилками стоят на спардеке.

Снова раздается тревога, взвилось красное, боевое знамя, и «Потемкин», грозный в своей готовности, плавно понесся навстречу эскадре.

В эскадре произошло какое-то замешательство; видно было, как корабли остановились и стали изменять свое взаимное расположение.

— Строятся в боевой порядок, — сказал стоявший возле меня матрос.

Но он был слишком лестного мнения о храбрости высших офицеров; оказалось, что не в боевой, а в беговой порядок строи-

лись броненосцы, увидя «Потемкина», готового к бою. Они повернули и на всех парах стали уходить от нас [1]).

У меня явилась мысль напасть на эту часть эскадры, пока она не успела соединиться с остальными броненосцами; мы немедленно распустим все пары, полным ходом пойдем за эскадрой, затем посылаем ей приказ остановиться и, в случае отказа, открываем огонь и силой захватим броненосцы.

Я побежал к Алексееву и предложил ему провести этот план, но он, конечно, поспешил отказаться, говоря, что эти броненосцы могли нарочно завлекать нас в море, где ждет остальная эскадра.

Это возражение не имело никакого основания, так как встретиться со всей эскадрой мы все равно должны были сейчас или через несколько часов; а встреча у одесских берегов не представляла никаких преимуществ перед встречей в открытом море. Убегавшие броненосцы были как раз те, с которых впоследствии команда кричала «ура». Кроме того, это были самые старые и слабые броненосцы флота.

Будучи изолированы от остальных броненосцев, очень сильных и враждебно настроенных к восстанию, и имея перед собой могучую силу «Потемкина», которая разнесла бы их в случае неприсоединения и оказала бы им защиту в случае присоединения, команда этих броненосцев присоединилась бы к нам после первых же выстрелов, данных нами, особенно если бы наши снаряды перелетали через них (об этом я говорил, когда предлагал свой проект встречи с эскадрой). Если бы власть в эту минуту находилась в наших руках, эскадра была бы нашей, и дело восстания обеспечено... Но кораблем командовал Але-

---

1) Кошуба, матрос с «Георгия Победоносца», перешедший потом на наш корабль, в ярких красках описал страх, обуявший офицеров эскадры, когда они увидели, что «Потемкин» идет на них под боевым флагом. Офицеры в ужасе стали бегать по кораблям, крича, что, если «Потемкин» начнет стрелять, он всех их пустит ко дну. Командир эскадры приказал повернуть и итти в море. Офицеры то и дело прибегали в машинное отделение, прося машинистов дать полный ход и обещая им от себя денежную награду. Эта картина, описанная таким человеком, как Кошуба, заслуживает безусловного доверия; да и в ней нет ничего противоречащего тому, что мы знаем о русском офицерстве.

ксеев... и мы, вместо погони за эскадрой, повернули к гавани и бросили якорь на прежнем месте.

Тут к броненосцу подъехал на шлюпке доктор Голенко, находившийся на «Вехе» и, взойдя на корабль, стал радостно пожимать наши руки.

— Ах, как хорошо, братцы, что вы вернулись. А я уже испугался, думая, что без меня уехали. Я ведь с вами заодно.

На этот раз он, вероятно, искренно радовался нашему приходу: ведь он еще не успел сделать своего дела; как же он предстал бы перед начальством? А вдруг оно не поверит, что он остался для предательства; ведь оно строгое, словам не верит— ему дело подавай.

Доктор радостно говорил и, семеня ножками, подходил к группам матросов и поздравлял с первой победой.

Хотя эскадра и бежала от нас, но мы прекрасно понимали, что в каждую минуту она может снова вернуться уже во всем своем составе, и поэтому немедленно сделали смотр боевой способности корабля. В офицерскую, где заседала комиссия, были созваны заведующие всех частей корабля, которых спросили, все ли у них в порядке и нет ли каких-нибудь недостатков. Выяснилось, что у сигнальщиков не было достаточного количества угля для прожекторов и у машинистов ощущался недостаток серной кислоты.

Эти дефекты необходимо было немедленно исправить, так как иначе корабль не был бы в полной боевой готовности, и с этой целью решили мы отправить в город одного матроса и товарища А. [1]). Их переодели в штатское платье и на частной шлюпке

---

[1]) В своей книжке «Матросы Черного моря» Матюшенко, на стр. 23, говорит, повидимому, об этом товарище, как о мужчине, приехавшем на корабль с женщиной-врачем. «Приехавший мужчина,—говорит он,—вместе с одним матросом отправился на берег закупать материал для прожектора, но на корабль не вернулся, и больше мы о них ничего не слыхали».

Все это верно; товарищ А., действительно, приехал с женщиной-врачем. Но откуда взял Матюшенко, что тов. А. заявил себя социалистом-революционером, покрыто мраком неизвестности. Тов. А. был членом одесского социал-демократического комитета, принадлежавшего к так называемому «большинству», и таковым заявил себя по приезде на броненосец. Его письмо о «Потемкине» находится в 13 номере социал-демократической газеты «Пролетарий».

осторожно высадили на берег. К сожалению, эти товарищи не могли вернуться к нам.

На этом же заседании комиссии еще раз обсуждался план действий при встрече с эскадрой. Простодушный М. предложил потребовать к нам адмирала для переговоров, а эскадре дать приказ остановиться. Когда адмирал взойдет на корабль, мы даем приказ от его имени всем офицерам эскадры явиться к нам на совещание с адмиралом. Затем мы арестовываем их и без труда завладеваем броненосцами. Если же адмирал не согласится явиться к нам, мы откроем огонь.

Предложение было принято.

Не долго пришлось нам ждать вторичного прихода эскадры; часов в 12 показались броненосцы. На этот раз их было пять.

Снова раздалась боевая тревога, и взвилось красное знамя. В тот же момент мы получаем по беспроволочному телеграфу телеграмму от адмирала Вишневецкого следующего содержания: «Черноморцы удручены вашим поступком. Сдайтесь».

Мы отвечаем: «Эскадра стой на якорь; адмирал к нам на борт для переговоров. Обещаю неприкосновенность».

Эскадра, не уменьшая хода, идет на нас.

Снова летит к нам телеграмма: «Безумные, что вы сделали? Сдайтесь! Повинную голову меч не сечет». В ответ прежняя телеграмма с грозной прибавкой: «иначе буду стрелять».

На «Ростиславе» и «Синопе» подняли сигналы—застопорите машину, но все-таки эскадра продолжала двигаться на нас. Первое бегство эскадры сильно подняло настроение матросов, показало им их силу, и теперь они были охвачены совсем другими чувствами, чем при первом приближении броненосцев. Если тогда настроение массы можно было охарактеризовать словом «трепетное», то теперь оно было могуче-спокойное. Все чувствовали и свою силу, и важность момента, и каждый решил победить или умереть. Это не были нервно взвинченные или наэлектризованные речью люди, готовые в первую минуту ринуться в бой, но потом так же скоро обратиться в бегство. Нет! Это были спокойные, готовые на все ветераны... Движения каждого быстрые, энергичные, но удивительно ровные; лица бесстрастные, важные, а глаза смело и зорко следят за врагом. Это были 700 избранных, 700 обреченных на смерть.

А эскадра, громадная, с губительными миноносками, подвигается на нас огромной пастью. Впереди идут самые сильные броненосцы—«Ростислав» и «Три Святителя».

Вдруг «Потемкин» снялся и, спокойный и смелый, как дух его команды, гордо врезался в пространство между ними...

На них все по-боевому; нигде не видно матросов, и лишь кучка офицеров стоит на мостике «Ростислава». Наши пушки медленно поворачиваются за уходящими кораблями. Вдруг громадное 6-дюймовое орудие «Потемкина» направляется на мостик «Ростислава», и группа офицеров посыпалась с него вниз.

Тихо, торжественно тихо у нас на корабле; прекратились шум и крики, и матросы, молча и сурово, исполняют раздающиеся приказания...

Но вот приближаются другие броненосцы. Снова с обеих сторон грозные пушки. Мы точно в страшном кольце...

Но и наши пушки также зорко глядят за врагом и за каждым из них следуют страшные жерла.

Минута... и море огласится ревом и воплями и покроется кровью.

Но вместо страшного пушечного рева с кораблей вдруг раздается могучее «ура». Это братья наши приветствуют зарю свободы. И все мы, те, кто не занят был сейчас делом, бросились к бортам и ответили таким же могучим, радостным «ура». Шапки летят в воду; из всех сил мы приветствуем матросов и кричим им, чтобы они перебили своих «кож»...

Но там нет инициаторов...

Мы, между тем, выходим из строя эскадры и идем в море. Эскадра стала. Стали и мы, но, не желая быть отрезанными от своей базы, задним ходом направляемся к Одессе.

Эскадра идет навстречу нам; снова мы в кольце, и снова могучее «ура».

А пушки делают свое дело и, спокойно и грозно, передвигаются вместе с кораблями...

Мы снова у Одессы, а эскадра на всех парах мчится от нас.

«Неужели ни один из броненосцев не пристанет?» Но вот один из броненосцев, «Георгий Победоносец», остановился и

дает сигнал по семафору [1]). Наш сигнальщик принимает. Я стою около него и слышу, как он выговаривает слово за словом. По мере того, как он говорит, промежутки между словами кажутся томительнее и длиннее.

— «Команда «Георгия Победоносца»,—медленно выговаривает он, через подзорную трубу вглядываясь в быстрые движения флагами, производимые сигнальщиком «Георгия»,—хочет к вам присоединиться. Просим «Потемкина» подойти к нам».

Общий крик радости вырвался из наших грудей, когда сигнальщик объявил просьбу «Георгиевской» команды. Я снова предложил стоявшему около меня Алексееву немедленно подойти к «Георгию», арестовать офицеров, полным ходом двинуться за эскадрой и захватить ее. Но Алексеев боится, что «Георгий» затевает предательство, желая выпустить на нас свои мины, отказывается подойти к нему. Боязнь за общественную жизнь, которую не могло спасти самодержавие от брошенной им самим мины, заставила его стать настраже «Потемкина».

Каждый раз, когда «Георгий» пытался подойти к нам, Алексеев давал задний ход. Так прошло полчаса, а адмирал тем временем, идя от нас полным ходом, спасал эскадру от заражающего влияния революции.

Наконец, мы решили послать на «Георгий» миноноску с уполномоченными для ареста офицеров. На миноноске отправились Кирилл, Матюшенко и матрос К.

Я стоял на спардеке, рядом с Алексеевым, и следил за миноноской. Она подошла к правому борту «Георгия», и несколько человек перешли с нее на броненосец. Минут 15 нет никакого сигнала. Затем уже с миноноски нам дают сигнал подойти. Но Алексеев и теперь не желает: «Георгий» приближается к нам, Алексеев дает задний ход.

— Пока офицеры «Георгия» не будут на броненосце, я его не подпущу близко к нам, — сказал мне Алексеев. Я решил тогда поехать на «Георгий», арестовать офицеров и привезти их на

---

[1]) Сигнализация по семафору совершается следующим образом: на одном корабле матрос делает двумя флагами различные движения, соответствующие буквам. Сигнальщик другого корабля с помощью подзорной трубы принимает их.

«Потемкин». Мне дают восьмерку [1]), и я еду. На полпути к нам подъезжает шлюпка с двумя матросами, один из которых передает записку следующего содержания: «Команда «Георгия» не решается арестовать офицеров. Пришлите караул».

Я немедленно поворачиваю к броненосцу за караулом. На «Потемкине» нам не пришлось долго ждать: немедленно вызвались шестнадцать человек; этого было достаточно, и я снова плыву к «Георгию». Быстро идет лодка под дружными усильями здоровых, опытных гребцов; плавно опускаются восемь весел и рассекают бурлящие волны; еще один взмах, и мы у «Георгия».

— Караул наверх, — командую я.

Матросы быстро взбегают по трапу.

— Здравствуйте, товарищи, — обратился я к ожидавшим нас «Георгиевским» матросам, — где ваши офицеры?

— В адмиральской.

— Ведите нас к ним.

«Георгиевский» матрос пошел впереди, а мы с винтовками двинулись за ним. У адмиральской произошла траги-комическая сцена. Лишь только мы подошли сюда, я отдал приказ караулу строиться. Матросы построились по два человека в ряд против лестницы, ведущей в адмиральскую.

— Шагом марш! — скомандовал я.

Среди матросов произошло замешательство; они молча стоят и не двигаются. Я понял их. Не трудно встретиться с неприятелем лицом к лицу; но быть убитым из-за угла, из засады, не видеть тех, кто стреляет в тебя, не имея возможности ответить врагу, было очень тяжело; и поэтому самые храбрые стояли в нерешительности.

— Матросы, неужели страх так сковал ваши сердца, что они не горят местью к вашим угнетателям; неужели он так сковал ваши руки, что они не могут направить штыков против тиранов; неужели он так закрыл ваши глаза, что они не видят насмешки на устах товарищей, которых вы просили присоединиться к вам? Как же они могут верить вам, что вы будете бесстрашно бороться против самодержавия, когда вы боитесь кучки офи-

---

[1]) Лодка на восемь гребцов.

церов, вооруженных револьверами? Не покроем же себя позором и смело двинемся вперед.

С этими словами я стал спускаться в адмиральскую. За мной двинулись и матросы. Медленно, держа винтовки на перевесе, спускаемся мы. Вдруг шаги... Мы насторожились, и перед нами выплывает... Кирилл.

— Куда вы?

— Арестовывать офицеров.

— Да они уже арестованы и обезоружены.

Мы невольно улыбнулись; значит, все наши слова и страхи оказались напрасными. В то время, как мы готовились умереть от предательских залпов офицеров, они спокойно собирали свои пожитки, не думая даже прибегать к оружию. Караул нужен был только для того, чтобы везти их на «Потемкин».

Офицеры, наконец, собрались и вышли на палубу. Матюшенко, принявший от меня начальствование караулом, скомандовал, и они были моментально окружены; затем их повели к трапу.

Когда их садили на шлюпку, матросы «Георгия» просили не убивать никого из них. Мы обещали.

В этой просьбе, как и в нежелании дать караул для ареста офицеров, ясно проглядывало желание георгиевцев не брать на себя большой ответственности. Бунт на «Георгии» произошел благодаря энергичным действиям нескольких матросов, понявших нерешительное и сочувственное восстанию настроение всей команды. Они застопорили машину; произошло замешательство. Эскадра, шедшая на всех парах, тем временем далеко ушла от «Георгия», и последний был уже ближе к нам. С одной стороны от него удалилась сила эскадры, с другой стороны стоял «Потемкин», поднявший борьбу против ненавистного и георгиевцам режима и готовый оказать ему могущественную поддержку в случае присоединения и потопить его в случае бегства. И георгиевцы склонились пред этой силой. Все это, конечно, ничуть не умаляет революционного значения Георгиевского восстания, так как энергичные действия сознательных матросов могли иметь успех только в атмосфере общего сочувствия. Но пристав к «Потемкину», георгиевская команда бессознательно хотела себе оставить возможность отступления, возлагая ответственность

за бунт на потемкинцев. И мы делали большую ошибку, потворствуя этим желаниям команды «Георгия»...

Вместе с офицерами уехал с броненосца и Матюшенко. Я остался на броненосце.

Расхаживая по корабельной палубе и приглядываясь к матросам, я наткнулся на одного кондуктора. Довольно плотного сложения, с приплюснутым немного носом, он произвел на меня какое-то отталкивающее впечатление. Смесь жестокости, наглости и холопства была написана на его лице. Он так поразил меня, что я немедленно подошел к нему и спросил его, что ему надо на свободном корабле. Каково же было мое удивление, когда я узнал, что георгиевцы избрали его командиром. Я спросил тогда матросов, чем они руководствовались при этом избрании; и они мне объяснили, что только он один хорошо знает корабль и может командовать им. Однако, избрание это не предвещало ничего хорошего.

Не знаю, поняли ли георгиевцы, что я «вольный», но, во всяком случае, для них ясно было, что я принадлежу к вожакам потемкинцев. Ко мне подошел матрос высокого роста, в широкой русой бороде; бледное лицо его, изрытое оспой, было бы безобразным, если бы печать духовного величия, лежащего на нем, не делала его удивительно привлекательным.

— Поклон и просьба моя к тебе, братец, и к вашим матросам,—обратился он ко мне.—Я, видишь ли, штундист и кровопролития не признаю; наша религия не велит нам участвовать в нем, а потому не хотим мы при орудиях служить, и всякое нам затеснение было, пока не назначили нас в кухню. Так вот, братец, сделай божескую милость, не давай никакой нам другой работы; оставь при кухне.

— Это верно, они крови не признают, потому — штунда, — подхватили стоявшие кругом матросы.

— Ладно, — ответил я, — если начальство уважало твои убеждения, то мы, наверное, насиловать тебя не станем. А теперь, братец, окажи и ты услугу: угости-ка нас борщом, потому что с утра ничего не ели.—Стоявший около меня матрос К. поддержал мою просьбу, и добродушный кашевар немедленно повел нас в кухню, поставил перед нами бак с борщом, и мы, вместе с не-

сколькими матросами, принялись за его уничтожение, под аккомпанимент душеспасительных речей штундиста.

А «Георгий» уже вслед за «Потемкиным» шел к Одессе и бросил якорь у входа в Одесскую бухту.

Мы же, удовлетворив, наконец, требования проголодавшегося желудка, созвали команду и приступили к выбору комиссии. Матрос К. произнес красивую речь, в которой объяснил важное значение комиссии и предложил матросам избрать членов ее.

Стали выкрикивать имена, которые, большей частью, подхватывались командой. Выбрали несколько кондукторов; они согласились участвовать в комиссии. Вдруг один из них отказался, тотчас же отказались и другие. Это показало, что матросы не понимают еще истинного значения комиссии и не производят строгой оценки избираемых членов. Мы объяснили тогда георгиевцам, что в комиссию должны пройти самые достойные, самые смелые, самые самоотверженные. Матросы, поняв, наконец, это, раскассировали прежнюю комиссию и стали избирать новых членов.

Вечер спускался уже на корабль, когда мы покончили с организацией комиссии. Приближалось время молитвы, пробили сбор, и раздалось стройное пенье.

Странно звучали теперь здесь, на свободном корабле, среди свободного моря, патриотические слова этой молитвы. Они как бы напоминали, что, хотя свергнуты уже кумиры, но не разрушена еще власть их...

Подошедший к «Георгию» катер от начальника порта отвлек меня от моих печальных мыслей. Я бросился к борту и спросил у командовавшего катером, что ему нужно.

— Я послан к вам командиром порта, спросить, не нужно ли чего новому броненосцу, — ответил мне последний.

— Идите к флагманскому кораблю революционной эскадры, — ответил я, указывая рукой на «Потемкина», — там находится командир «Георгия», и он сообщит вам о наших нуждах. — И катер царского генерала повернул к грозному пришельцу, чтобы получить от него приказания.

На «Георгии», между тем, окончилась молитва, и освободившаяся комиссия собралась в адмиральской. Я отправился

туда же и начал говорить речь, в которой хотел обрисовать ход русской революции, приведшей к восстанию «Потемкина», а за ним и «Георгия». Но в середине меня прервал матрос, заявивший, что меня вызывают на «Потемкин», к которому идет миноноска от адмирала для переговоров. Я должен был отказаться от мысли докончить свою речь, немедленно сел вместе с К. на шлюпку и отправился на «Потемкин». Тут я узнал, что наша команда, считавшая опасным подпустить близко к кораблю неприятельский миноносец, послала навстречу ему катер, чтобы принять посланного к нам офицера.

Уже было темно, и с миноноски разговаривали посредством огней. Вдруг последние стали удаляться и скоро совсем исчезли. Вернувшийся катер объяснил нам, в чем дело; оказалось, что при приближении катера посланцы струсили и позорно удрали, несмотря на то, что им обещана была неприкосновенность.

Таким образом, тревога оказалась напрасной. Я не вернулся однако на «Георгий», так как у нас в комиссии надо было обсудить важное предложение, внесенное одним из «георгиевских» товарищей, кажется, Денигою [1]).

Он предложил половину георгиевской команды пересадить на «Потемкин», и наоборот.

Это предложение вызвало много возражений, сводящихся главным образом к тому, что, действуя таким образом, мы ослабим боевую способность обоих кораблей, так как матросы, не знающие хорошо корабля, не смогут быстро и легко исполнять свои обязанности во время боя. Решили поэтому пересадить на «Георгий» только шестьдесят, семьдесят человек, без которых мы могли бы обойтись во время боя, и заведывающим всеми частями отдали приказ составить списки матросов, которых они могут уступить «Георгию».

Комиссия занялась теперь разрешением мелких вопросов; я же вышел из офицерской и стал бродить по кораблю.

Стояла уже темная ночь. Но прожекторы, теперь уж с двух броненосцев, неутомимо работая, прорезывали ночную мглу.

---

[1]) Денига—один из главных деятелей восстания на «Георгии» — был приговорен к смертной казни и расстрелян в Севастополе.

Матросы все бодрствовали и делились впечатлениями сегодняшнего дня. Настроение у всех было боевое; они видели, как перед ними отступила без боя грозная эскадра, как те, кто должен был громить их, защищая старый режим, выразили им свое полное сочувствие; и, наконец, они обладали новой боевой силой. Теперь они уж были готовы на самые решительные действия.

Всюду, где бы я ни был, слышались возбужденные речи...

Только на минуту все смолкли, когда со спардека, где стоял прожектор, раздались страшные слова: «мина плывет». Вмиг все замерло; затем раздался короткий шум—то комендоры бросились к пушкам—и снова могильная тишина...

Я бросился на бак, у которого стоял катер, готовый итти навстречу мине, и едва успел соскочить в него, как он отплыл.

Мы плыли навстречу ужасу; все притаили дыхание, как бы чувствуя его. Вот впереди лучи прожектора освещают какое-то белое пятно; мы плывем прямо к нему. Оно все ближе и ближе, и все тише становится у нас на катере, и слышно, как бьются сердца... Вот мы совсем близко... Вдруг раздается веселый смех, а за ним восклицание: «Да ведь это солома!»

Действительно, это оказался пук соломы, выброшенный, вероятно, каким-нибудь проходившим судном.

Посмеявшись над нашей тревогой, вызванной такой ерундой, мы отправились к кораблю, где комендоры стояли готовые при первом же нашем сигнале дать залп по полосе прожектора. Наше сообщение и тут вызвало смех.

Я отправился в офицерскую, где ко мне подошли матросы К. и Дымченко и стали говорить, что хорошо бы отправиться кому-нибудь на «Георгий», чтобы противодействовать там агитации консервативной части корабля. Я согласился с этим и вместе с К. отправился на «Георгий».

Тихо и спокойно было тут; команда вся почти спала, и только несколько матросов бродили по кораблю. Один из них, Денига, подошел ко мне и стал рассказывать о положении дел. Оно было довольно печальное: настроение команды—нерешительное и вялое, а кондуктора и командир ведут агитацию за сдачу.

Мы подошли к адмиральской, и у дверей ее я увидел командира, беседовавшего с каким-то матросом.

Я вытащил из кармана револьвер и с решительным видом подошел к нему.

— Вы агитируете за сдачу? — сказал я. — Смотрите... с нами шутить опасно. Вас не задумаются спустить туда же, куда отправились уже изменники народу. Я советую вам честно и добросовестно исполнять свои обязанности, иначе возмездие не заставит себя долго ждать.

Но этот человек не был похож на офицеров и отличался большим самообладанием и мужеством. Он ответил мне спокойно и с достоинством:

— Что ж, если я вам не нравлюсь, отправьте меня на берег. Нет, без всяких «если»,—добавил он вдруг решительно,— я прошу немедленно отправить меня на берег.

Мне нужно было воспользоваться этой просьбой и, сейчас же созвав комиссию, добиться его высадки. Но я решил, что еще рано принимать такие меры, которые могут озлобить против нас несознательную еще команду. Поэтому я заявил ему, что его высадят, когда найдут это нужным, и, снова пригрозив ему расстрелом в случае неповиновения, вместе с К. и Денигой спустился в адмиральскую.

Тут мы снова стали обсуждать положение. Необходима была агитация энергичная, продолжительная; весь завтрашний день должен был пройти в ней. А между тем у нас не было сил для нее. Я совершенно охрип после трехдневных, почти непрерывных речей. С Кириллом было то же самое, а Матюшенко совсем почти потерял голос. Необходимы были свежие силы, а из города никто не приезжал.

Решив, что на другой день я вместе с вооруженными матросами отправлюсь в город за новыми товарищами, и положив перед собой на всякий случай заряженные револьверы, мы заснули крепким сном.

Так кончился для меня этот богатый событиями день, более богатый, чем вся моя жизнь. Ибо за всю мою жизнь не пришлось испытать столько восторга, столько сомнений, как в этот день.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Проснувшись в 7 часов утра, я вместе с К. вышел из каюты, чтобы узнать, все ли благополучно.

Стояло чудное летнее утро, и море нежно ласкало нашу живописно расположенную эскадру.

Впереди стоял «Потемкин»; вокруг него шныряли наши катера и шлюпки; дальше стояла «Веха», а между двумя колоссами весело купались миноноски.

Да! революция уже располагала громадной силой. Успех ее обеспечен, и дни самодержавия сочтены. Через день, другой мы возьмем Одессу, вооружим рабочих, и тогда уж ничто не сможет удержать натиска народа, вооруженного гневом и пушками. Одним могучим взмахом он разорвет свои цепи и страшным ударом разнесет вдребезги здание произвола и насилия...

Мои размышления были прерваны командиром и несколькими кондукторами «Георгия», снова потребовавшими, чтоб их высадили на берег.

Я дал уклончивый ответ и вместе с К. отправился на «Потемкин».

И пока мы плыли к нашему кораблю, я любовался им, таким стройным и красивым. Я начинал чувствовать уж любовь к этому кораблю, который носил теперь наши надежды, такие же великие и гордые, как он сам.

Веселые и дружелюбные лица матросов приветствовали нас на «Потемкине». Мы поздоровались с ними и отправились в офицерскую, где как раз происходило заседание комиссии. Настроение тут было бодрое и решительное. Все отдохнули после вчерашнего дня и занимались обсуждением дальнейших наступательных шагов. При таком настроении печальные вести, принесенные мною с «Георгия», не могли произвести подавляющего впечатления. Комиссия не упала духом и надеялась поправить все энергичной агитацией. На «Георгий» сейчас же отправили Кирилла, Коваленко и Голенко, а мне поручили ехать в город за свежими силами.

Задача, поставленная перед мной, не отличалась легкостью, и я принялся за ее решение.

Прежде всего надо было изменить свою наружность, чтобы не быть узнанным офицерами и солдатами, видевшими меня во время наших депутаций. Я сообщил об этом матросам, и несколько человек принялись за это дело. Живо достали матросы парикмахера, притащили из каюты какого-то офицера прибор для бритья, и через полчаса я уже был без волос и бороды.

Надо было достать еще штатское платье, так как свой костюм я отдал матросу, уехавшему с А. Пошли делать клич по матросам и достали где-то непомерно широкие брюки, жилет, сюртук и ботинки. Так как брюки были очень широки, то кто-то из матросов, вооружившись портняжескими инструментами, быстро исправил этот недостаток. Все это проделывалось под веселые, полные русского юмора, шутки матросов.

Когда я вышел наверх, матросы не узнавали меня и с удивлением смотрели на нового «вольного». Где-то достали частную шлюпку, и наша экспедиция была готова.

Мы готовились уже отплыть, когда явился Матюшенко, отправлявшийся сегодня в город, чтобы передать 1000 рублей на имя жены одного из наших офицеров, и привезенные им вести заставили меня отложить на время нашу поездку. Он проник в город, дошел до городского театра; там был остановлен и приведен к какому-то генералу. Последнему он заявил о цели своего прихода, и генерал согласился передать деньги по адресу; но Матюшенко не поверил ему на слово и потребовал расписку о получении 1000 рублей.

На что нужна была ему расписка, не знаю, но блестящий генерал не замедлил выдать ее ничтожному матросику. Воображаю, каким гневом обливалось генеральское сердце, когда последний заявил, что не верит его офицерскому слову. Но страх перед «Потемкиным» был так велик, что генерал поспешил сдержать свой гнев и почтительно расписаться в бессилии и трусости самодержавия.

Возвращаясь на корабль, Матюшенко встретил нескольких солдат, которые предложили ему снова начать бомбардировку, обещая присоединиться. Хорошо заметив расположение Николаевского бульвара, Матюшенко удивительно верно начертил его план и предложил открыть огонь по дворцу командующего войсками. Предложение это так увлекло нас, что мы немедленно

принялись за его обсуждение; но оно было скоро прервано нашими депутатами, вернувшимися с «Георгия» вместе с несколькими георгиевскими матросами. Их приход сразу спустил нас с высоты смелых проектов на не столь привлекательную действительность. Оказалось, что положение на «Георгии» скверное, что кондуктора открыто убеждают команду итти в Севастополь сдаваться, и половина команды на их стороне. Нашим они прямо не давали говорить, шикали и прерывали их, лишь только те обращались к команде.

Как ни хотелось нам скорей начать действия против города, мы не могли сделать это, не обеспечив за собой броненосец «Георгий», водворив на нем единство. Лишь твердо опершись на это единство, могли мы решиться дать сражение царизму.

Поэтому мы занялись обсуждением положения.

Теперь стало ясно нам, как ошиблись мы, не увезши вместе с офицерами и кондукторов. Что можно было ожидать от солдата, который добровольно сверх срока оставался на службе? Ведь своему веселому, беспечному житью он обязан был царизму! Значит, он был заинтересован в существовании самодержавия. И, наконец, на чем, большей частью, основывались отношения между кондукторами и матросами? На кулаке и на силе! Выслужившись из простых матросов, кондуктора ненавидели последних, напоминавших им их прошлое. Выросшие на рабских отношениях к офицерам, эти господа, как это всегда бывает, сами требовали теперь покорности и рабства, сами культивировали кулак и плетку; за редким исключением, они жестоко обращались с матросами. И если матросы их не перебили во время бунта, то только потому, что это были авторитеты, вышедшие из их матросской среды.

Нам надо было принять во внимание эти соображения и удалить кондукторов в тот самый момент, когда мы завладели «Георгием». Не рискуя итти напролом против предрассудков массы, мы не решились сделать это даже тогда, когда обнаружились их происки.

Теперь мы ощущали последствия этой ошибки; команда уже раскололась на две части, и одна была явно враждебна к нам, другая же была нерешительна, и за нее мы не могли ручаться.

Надо было немедленно исправить ошибку решительными мерами, чтобы дезорганизация не прошла еще глубже.

Сообразно с этим, комиссия решила немедленно отправить на «Георгия» депутацию из нескольких человек с вооруженным караулом, чтобы арестовать кондукторов и привести их на «Потемкин».

Несколько наших ораторов должны были объяснить значение этой революционной меры, чтобы не возбудить против себя георгиевской команды.

Но теперь возник вопрос—кому ехать в качестве ораторов? Кирилл решительно отказался, ссылаясь на слабость своего голоса; то же ответил Матюшенко. Они были правы, так как едва говорили, и перед командой, да еще волнующейся, на открытом воздухе голосов их не было бы слышно. Тут доктор Голенко, еще утром говоривший на «Георгии» против сдачи, предложил свои услуги.

Это предложение отчасти разрешало затруднение, так как доктор, хотя и не обладал ораторским талантом, мог действовать на матросов авторитетом офицерского мундира, и мы приняли его. К доктору присоединили еще двух матросов. Я решил также ехать, несмотря на свою хрипоту; но я не был готов, так как на «Георгий» нельзя было ехать в штатском платье. Попросив товарищей подождать меня, я побежал в офицерскую, где оставил свою матросскую форму.

Но Голенко уж задумал измену, и в его виды совсем не входило мое присутствие на «Георгии». Поэтому, выбежав через 15 минут из офицерской, я не застал товарищей, отправившихся уже на «Георгий».

Мне надо было немедленно отправиться вслед за ними. Но я стал вдруг думать о том, что ведь в сущности, я ничего не смогу сказать, так как голос окончательно отказывался служить мне, что мое присутствие будет бесполезным и что доктор и матрос З. сумеют сами выполнить поручение.

Я остался... и совершил страшный исторический грех. Ни долгие, бессонные ночи раскаяния в тюрьме, ни сама висевшая почти на мне петля никогда не искупят его. Это была страшная, роковая ошибка, переходящая в преступление перед делом революции, перед дорогой родиной,

пред товарищами, вверившими мне такое большое и славное дело...

Я остался и стал следить за кипевшей вокруг корабельной жизнью...

Уж было 4 часа дня. Огромная одесская бухта, лежавшая перед нами, была пуста; только кое-где виднелись на ней горевшие остатки пароходов. Все же неповрежденные пожаром корабли вышли из нее и живописным кругом расположились на рейде...

Вдруг на этой пустынной поверхности показался катер. Я встрепенулся, думая, что это едут товарищи из организации, и стал внимательно вглядываться в катер. Но вместо красного флага товарищей я увидел белую кокарду служителя царизма. Оказалось, что это шел катер от начальника порта, везший нам вытребованную вчера провизию для больных.

Командовавший этим катером какой-то штурман, с красным носом и типичным бурбонским лицом, пока разгружали провизию, взошел на корабль и каким-то образом попал в офицерскую. Очутившись здесь в достойном обществе Алексеева и кондукторов, он стал разглагольствовать на тему о самодержавии, православии и народности. Начальство, очевидно, поручило ему разведать о нашем настроении, и сей достойный исполнитель, горя рвением, пустился философствовать о жидовском нашествии. В своем рвении он даже забыл, что на корабле есть «студенты», которые в его маленьком чиновничьем умишке совершенно сливались с жидами. Тем ощутительнее для него была встряска, полученная им от Кирилла и вызвавшая дружный смех матросов. Оскорбленный чиновник поспешил удалиться; и это было очень кстати, так как наступил страшный час—измена «Георгия».

Все мы были уверены, что наша делегация сумеет арестовать кондукторов и привлечь на свою сторону матросов «Георгия». Поэтому, мы спокойно грузили уголь и занимались своими делами. Наши рассуждения не были бы обманчивы, если бы мы не забыли, что послали действовать против контр-революции офицера-дворянина, вспоенного и вскормленного старым режимом, если бы не забыли, что во время Французской революции за каждым таким служителем ее следило бдительное око демокра-

тии и меч, готовый поразить его при первой попытке измены, непрестанно висел над ним. Жестоко поплатились мы за эту ошибку....

Лишь только мы проводили ревнителя веры и народности, как ко мне и Матюшенко подбежал какой-то матрос и сообщил, что с «Георгия» получен сигнал, что он снимается с якоря и идет на Севастополь; команду «Потемкина» он приглашает следовать за собой. Это известие было так неожиданно, что мы не хотели верить ему; не хотели верить этому и матросы, среди которых оно распространилось с быстротой молнии.

Но вскоре «Георгий» заставил нас поверить; он снялся с якоря и стал выходить в открытое море.

Такой решительный шаг с его стороны при грозном соседстве «Потемкина» рассчитывал на панику и дезорганизацию, которую, вероятно, обещали внести в ряды наших матросов потемкинские кондуктора.

Этот расчет оказался верным.

Изменнический поступок «Георгия» возмутил нашу команду.

«Как? Они изменяют товарищам!»—«Они хотят отдать броненосец самодержавию!»—«Нет, уж броненосца не отдадим. Спустим этих поганых трусов на берег, сами будем нести службу на «Георгии», день и ночь работать будем, а броненосца не отдадим».—«Постойте-ка, голубчики, мы вам покажем Севастополь».

Так говорили кругом возмущенные матросы в то время, как «Георгий» уже проходил мимо нас.

Но и у нас не дремали. Быстро закончили уборку палубы, оттащили в сторону угольщик, и, когда раздалась боевая тревога, все уж были на местах. Зашевелились пушки и грозные 12-дюймовые жерла повернулись, подпрыгнули и уставились своей страшной пастью прямо на изменника. Через минуту раздастся новый сигнал — и «Георгий» потонет под огненным дождем наших снарядов. Но он опомнился и дал сигнал: «Иду на место». Затем он сделал поворот и двинулся на прежнюю стоянку.

Сознание силы и победы мелькнуло на наших лицах, а «Георгий», приниженный, побежденный, снова проходит мимо корабля, который он только что хотел оставить одним в борьбе с царизмом.

Вот он уж пришел на прежнее место. Но что это? Он не останавливается, а поворачивает в бухту; и не успели мы сообразить, что он делает, как с размаха он сел на мель в середине гавани.

Наступила страшная, решительная минута, и произошло что-то неожиданное и ужасное.

Положение наше теперь сделалось опасным; опасным потому, что представилась возможность соединения «Георгия» с берегом. На него могли теперь по молу взойти солдаты и тогда в распоряжении правительства та сила, которой не доставало ему. С другой стороны через день-другой может притти очищенная от революции эскадра, и мы очутимся между двух огней. Но решительные и быстрые действия с нашей стороны могли бы предотвратить эту опасность.

Надо было немедленно послать к броненосцу миноноску, чтобы арестовать кондукторов, расставить на «Георгии» у пушек наш караул и затем заставить один из стоящих на рейде пароходов снять с мели «Георгия» и нашими пушками не допустить соединения его с войсками. Матросы «Георгия» не посмели бы противодействовать нам, имея перед собой грозную силу «Потемкина».

Но власть бездействовала...

Вдруг раздался где-то крик: «В Румынию»; кто-то подхватил его, затем дальше раздался он, и через две минуты вся почти команда, как заколдованная, выкрикивала эти слова. Это была минута паники, вызванная неожиданным и опасным поворотом дела.

Если б власть решительно и грозно приказала всем матросам смирно стоять на местах и затем раздались бы спокойные и властные приказания, паника прошла бы, и кораблем снова управляли бы могучие духом солдаты.

Но власть молчала, а появившиеся откуда-то матросы, очевидно раньше сплоченные в какую-то тайную организацию и исполнявшие намеченный план действия, бегали по кораблю и, наводя панику, кричали: «В Румынию, в Румынию!»

Я бросился к матросам, стоявшим на спардеке.

— Братцы, товарищи! Что вы делаете? Вы губите все дело...

Но мне не удалось окончить: несколько матросов подбежали ко мне и, грозя кулаками, стали кричать:

— Куда ты нас ведешь? Чего ты хочешь? Хочешь, чтобы нас, как баранов, потопили! Вот поговори-ка еще, сейчас за бортом очутишься.

— Молчите, изменники! — крикнул я им и хотел продолжать свою речь, когда ко мне подбежал матрос К. и, отведя меня в сторону, умоляющим голосом стал просить меня перестать говорить.

— Все равно, команду сейчас не переубедите; только себя и дело погубите. Подождите, еще не все потеряно. Завтра они опомнятся, и тогда мы свое вернем. А если пойдете круто, то погубите все!

Не зная, что делать, я стал глядеть кругом, ища чьей-нибудь помощи и поддержки. Вдруг я увидел Матюшенко. Вместе с Кириллом, очутившимся каким-то образом около меня, мы подбежали к нему. Каково же было наше удивление, когда мы услышали, что и он произносил все те же проклятые слова: «В Румынию!»

— Матюшенко, опомнись, — крикнул ему Кирилл, — на нашей совести 600 рабочих, убитых в порту.

— А вы что, трусите? За шкуру свою боитесь? Так я вас могу сейчас на берег высадить.

Матюшенко, верный себе, потерял голову, как только массу охватила паника.

А она все усиливалась и усиливалась... Видно, какой-то механизм, ловко воспользовавшись моментом, все сильнее и сильнее вертел колесом ее.

Наше дело проиграно... Уж отданы приказания распустить пары, и «Потемкин» сейчас снимется с якоря.

Вдруг я вспомнил о наших матросах, о докторе, которые находятся теперь на «Георгии» и попадут в руки властей. Эта страшная мысль о предательстве товарищей, как гром, поразила меня, и я снова побежал к Мурзаку.

— Ведь там доктор и матросы наши; нельзя ж товарищей предавать; пошлите за ними миноноску.

— Да уж послана; вон плывет, — успокоил меня Мурзак.

Действительно, к «Георгию» плыла миноноска.

Несмотря на всю панику, матросы все же хорошо помнили о товарищах и не хотели спасать себя, прежде чем они не спасут их. И я думаю, что если бы георгиевцы отказали в выдаче наших

товарищей, возгорелся бы бой, паника прошла бы и «Потемкин» не удрал бы в Румынию.

Я вперился взглядом в миноноску и в изменника «Георгия», так безжалостно погубившего наши планы. Вот какие-то пятна бегут по его трапу, а вот они уж бегут и по молу.

— Это наши бегут, — крикнул кто-то, и вздох облегчения вырвался из всех грудей.

Подошедшая миноноска подхватила их, и скоро они были у нас на броненосце. Я бросился к ним навстречу и вдруг заметил отсутствие доктора.

— А доктор? Где он? Почему оставили его? Ведь его повесят!

— Как же, повесят! Только не за шею, а на шею!—последовал озлобленный ответ матроса З.

И он рассказал мне про измену доктора.

Пришедши на «Георгий», Голенко вдруг заявил матросам, что команда «Потемкина» хочет сдаться и просит георгиевцев итти с ней в Севастополь; что только несколько человек хотят бороться и держат в своих руках команду; что не сегодня-завтра матросы сбросят их власть и пойдут в Севастополь.

Такая речь доверенного депутата «Потемкина» произвела потрясающее впечатление на команду. З. пробовал было отвечать, но доктор и кондуктора не давали ему говорить. Так продолжалось часа два, и, наконец, доктор вместе с командиром «Георгия» выполнили весь маневр. Они неожиданно дали приказ сняться с якоря и так же неожиданно посадили корабль на мель.

Очевидно, тут действовала, согласно с заранее обдуманным планом, одна и та же организация на обоих кораблях. И если бы этой организации мы противоставили небольшую, сплоченную группу, нам удалось бы разрушить все ее замыслы. Но... но об этом после.

Через несколько минут после возвращения товарищей мы снялись с якоря и поплыли в Румынию.

Тяжело было смотреть на уходившие одесские берега. Сколько надежд, сколько смелых планов мы оставляли там!... На этих уходящих берегах стояло 600 рабочих, 600 трупов, которые погибли в страшную ночь. Они, эти окровавленные мертвецы, стояли на берегу и то молили нас вернуться, отмстить за них, то грозили нам проклятием за измену и предательство.

В ужасе, преследуемый призраками, я бросился в офицерскую. Мысль моя беспомощно и трепетно билась. Сдаться без боя, в то время, когда мы были в полной боевой готовности, обладали гигантской силой, в то время, когда вся Россия ждала нашего слова, казалось страшным, невыносимым позором, пережить который было невозможно... И мысль о смерти делалась близкой и приятной, давала успокоение и разрешала все страшные сомнения.

Я подошел к Кириллу. Его глаза выражали тот же ужас...

Я стал делиться с ним моими мыслями. В офицерской никого, кроме нас, не было, и в тишине ее раздавались наши страшные слова.

— Да, у нас нет другого выхода, — сказал Кирилл, — но мы не должны забывать, что, кроме личного успокоения, мы должны думать и о деле. Пока мы не увидим, что все окончательно потеряно, мы должны жить и бороться; а этого пока не видно.

И как бы в подтверждение его слов в офицерскую вошел оправившийся уже Матюшенко и, направившись к нам, стал утешать нас, что еще не все потеряно, что команда еще одумается и что мы вовсе не должны в Румынии сдаваться.

Ободренные его словами, мы вышли из офицерской на спардек.

Одесса уж совсем исчезла с горизонта и кругом нас простиралось широкое море. «Потемкин» мчался навстречу другим, чуждым берегам. Что они принесут нам? Неужели вечный, неслыханный позор сдачи?

Кругом стояли группы матросов и оживленно о чем-то спорили. Я подошел к ним и услышал, что в каждой шел спор о сдаче. Лучшая часть матросов уже опомнилась и вела страстную агитацию против сдачи; остальные матросы еще упирались, но видно было, что и они начинают переходить на сторону этого мнения и что к приходу в Румынию настроение совсем изменится.

Мое предположение оправдалось прежде, чем я думал.

Уже вечером этого же дня состоялось многолюдное заседание комиссии, в котором решался вопрос о сдаче. Раздались горячие речи и призывы к дальнейшей борьбе. Мысли всех уже стали склоняться на эту сторону, когда в разгаре прений вошел матрос К. и, положив на стол шапку с деньгами, заявил,

что команда отдала все свои личные деньги в общую кассу матросов. Этот поступок команды, свидетельствовавший о ее воодушевлении, решил вопрос, и комиссия немедленно постановила не сдаваться в Румынии, а потребовать там только уголь и провиант. Все точно сняли с своей совести пятно; на всех лицах, до этой минуты тревожных и мрачных, появилось удовлетворение и спокойствие.

Только кондуктора молчали и бросали на нас угрожающие взгляды. Ясно было, что эти господа не подчинились общему решению и замышляли что-то против нас...

Когда заседание комиссии было распущено, я подошел к Дымченко и поделился с ним моими опасениями. Винтовки у нас стояли в открытых пирамидах, и кондуктора, вооружив ночью своих сторонников, легко могли перебить наиболее сознательную и передовую часть команды. Все зависело в этом случае от того, из каких людей состоял караул.

Дымченко согласился со мной и немедленно отправился искать матроса, заведывавшего в этот день караулом. Вскоре он вернулся с ним, и последний успокоил нас, заявив, что караул состоит из самых надежных матросов.

Так закончился этот день, который утром сулил нам так много. Утром мы были господами положения; утром мы надеялись сразиться с царизмом и к вечеру победоносно вступить в город. А вечером... мы позорно удирали от врага и, ложась спать, боялись быть переколотыми кликой самодержавных слуг.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Дорофей Кошуба.

«Пускай ты умер!..
«Но в песне смелых
«И сильных духом
«Всегда ты будешь
«Живым примером,
«Призывом гордым
«К свободе, к свету!»
(М. Горький, «Песнь о соколе»).

С момента измены «Георгия» на «Потемкине» появилась новая крупная матросская фигура—Дорофей Кошуба, товарищ-герой, расстрелянный потом в Севастополе.

Великие события рождают великих людей, и часто эти великаны выходят из самой темной среды. Скованные цепями жизни, они тихо спят; но вот проносится буря, всколыхнулось застоявшееся болото жизни, и великан проснулся, расправил свои могучие члены и встал во всей своей громадной величине и росте... К таким великанам, проснувшимся с ураганом революции, принадлежал Кошуба.

Как живой стоит передо мной Кошуба, маленький, тщедушный, с некрасивыми и неправильными чертами лица. Ни фигура ни лицо его не говорят ничего о скрытой в нем духовной мощи. Только живые, маленькие глаза свидетельствуют о непрерывно работающей мысли.

До «Потемкина» Кошуба не участвовал в политической жизни, свою громадную мощь и силу этот титан-человек тратил на мелочи. Его живая натура не могла ужиться с узким и однообразным складом казармы и, не находя себе другого выхода, со страстной любовью набросилась на матросское дело. Но грубое начальство оттолкнуло его и дало ему хороший урок: когда в страшном рвении Кошуба замечал недостатки на кораблях и доносил об этом начальству, оно за излишнее усердие сажало его в карцер. И Кошуба, поняв, наконец, своих начальников, поняв, для чего служат наши броненосцы, ушел от этого дела.

Но его энергия искала выхода, а ужасные условия русской жизни мешали ему войти в партию и в борьбу за освобождение дорогой ему родины вложить свою мощь и силу. Он направил тогда их на мелкие удальства матросов по части ловеласовских похождений. И, погрузясь в них с головою, он спал... Но вот раздались грозные залпы «Потемкина» и всколыхнули до самого дна матросскую казарму.

Кошуба проснулся...

Храбрость льва, свирепость и кровожадность тигра по отношению к тиранам соединялась в нем с удивительною кротостью и любовью ко всем угнетаемым. Страстный борец, он в то же время был и художником... В каждый момент борьбы он умел вносить удивительную поэзию. Он рисовал такие яркие картины народного восстания и торжества народной победы, что души всех невольно просветлялись, и дыхание то смерти, то счастья проносилось над всеми.

Я впервые увидел Кошубу у нас на корабле после измены «Георгия». Он успел с нашими депутатами уйти с «Георгия» и прибыл на «Потемкин». Едва взошедши на него, он обратился к матросам с страстным призывом наказать изменника «Георгия» и не покрывать себя позором сдачи. Группа изменников помешала ему закончить свою страстную речь.

Но Кошуба не был такою натурою, которую можно было угрозой заставить бросить борьбу. Скоро в другом месте можно было видеть его маленькую фигурку, всю преображенную под влиянием внутреннего воодушевления. И снова чудные картины, одну за другою, рисовал он.

Вот у него возник новый, чудовищный, смелый план.

— Вот что, братцы, сделаем мы: подойдем верст на сто к Севастополю, высадим человек сто решительных матросов. Набьют они рубашки патронами и ночью, разбившись на патрули, войдут в город. Незаметно пройдут они в крепость, выдавая себя за правительственные войска, арестуют там офицеров и провозгласят восстание.

Дальше следовала страшная картина мести народа над тиранами, а затем глубоко художественное описание народной радости при встрече «Потемкина», на которую сойдутся все страждущие, все угнетенные, весь русский народ и, расположившись на крышах и деревьях, они будут слезами радости, от которых море выйдет из берегов, приветствовать давно жданного «Потемкина».

Всюду и всегда слышались его возбужденные, смелые речи. Сам полный неутомимой энергии, он будил всех и никому не позволял на минуту забыться.

Помню, как раз в Феодосии он пристыдил меня и Кирилла. Было 8 часов вечера, и нам после восьмидневной голодовки подали горячий мясной ужин. Мы так изнервничались, так изголодались за эти 8 дней напряженной жизни без мяса и пищи, а в каюте было так светло и уютно и так вкусно дымился суп, что невольно захотелось хоть на полчаса отдохнуть от этой нервной сутолоки, хоть на миг забыться... А как раз было время отправить в город ультиматум об угле. Но мы поддались желанию отдыха и решили сделать это после ужина.

Вдруг вбегает Кошуба и возбужденно обращается к нам:

— Как, товарищи, вы не отправили еще ультиматума и собираетесь ужинать? И вам не стыдно? Или вы думаете, что если выпьете рюмочку водки и скушаете кусочек мяса, то все будет хорошо и начальник гарнизона умилится перед такой картиной и доставит вам уголь?! Или вы хотите за рюмочку водки променять наше дело?

Краской стыда покрылись наши лица от этих простых слов неутомимого матроса-борца, и, пристыженные, мы немедленно принялись за составление ультиматума.

Но Кошуба умел не только будить и звать всех матросов на борьбу за дорогое ему дело; он и сам умел бороться и быть первым во всех выступлениях. Он всегда вызывался на самые рискованные предприятия, и надо было видеть его огорченное лицо, когда его почему-либо отстраняли от дела...

Лишь только в Феодосии было решено силой захватить судно с углем, он вскочил на катер, отправлявшийся для этого в порт. И едва мы доплыли до судна, он первым вскочил на него. Неутомимо работал он над поднятием якоря, ободряя немного оробевших матросов до того самого момента, когда раздались первые выстрелы. После геройской попытки пробраться на броненосец он был схвачен и одновременно почти со мной приведен на гауптвахту. Но и арест и страх перед казнью не могли сломить этого героя-борца; все так же неутомимо продолжал он вести агитацию. Едва очнувшись, он в присутствии офицеров обращается к солдатам со страстным упреком за их стрельбу по матросам; везут нас этапом в Севастополь, он убеждает конвойных никогда не стрелять в рабочих; приводят нас в севастопольские экипажи, где нас окружают матросы и офицеры, он обращается к матросам с призывом последовать примеру потемкинцев и перебить всех офицеров. А на «Пруте», превращенном в пловучую тюрьму, только его голос бодро и смело звучал среди всеобщей паники, охватившей матросов. Только он один убеждал матросов не выдавать товарищей и спокойно, с достоинством принять наказание.

Матросы и солдаты, запомните этот образ героя-мученика, этого солдата, славно умершего на посту защиты своей родины!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Утро 18-го июня встретило нас в широком безбрежном море. Кругом не видно было берегов, и лишь вольные волны да игривые дельфины целыми стадами бегали за нами. Все как бы говорило о воле, о веселье... И настроение матросов также соответствовало окружающей природе.

Команда снова ободрилась, решила не сдаваться; все были веселы и довольны. На баке расположились живописные группы матросов; в одной играли на гармонике, и забавный матрос, фельдфебель Журавлев, смастерив солдатскую куртку и эполеты, разыгрывал «армяка»; матросы стояли кругом и весело смеялись; шутки и остроты так и сыпались по поводу заплат на платье бедного «армяка»; вдруг заиграли «Камаринского», и Журавлев пошел в плясовую; за ним еще несколько матросов, а толпа кругом била в ладоши и весело гоготала. Вот другая группа матросов-песенников; дружно выводят они веселые, залихватские ноты. Кирилл и я подошли к этой группе и стали учить их пению революционных песен; матросы обрадовались этому и вскоре дружно распевали марш «Смело, товарищи, в битву».

Широкое удальство и беспечный, несмотря на близкую опасность, размах русского человека отразился в этой веселой, неунывающей толпе, быть может, обреченной на близкую смерть.

Трудно было поверить, что это люди, предпринявшие страшную борьбу, голодавшие уже пятый день и окруженные многочисленными опасностями. Ведь только вчера мы узнали от командира одного из пришедших из Севастополя кораблей, что государь отдал приказ взорвать нас и что уже посланы миноноски для исполнения приказа. И все матросы знали об этом. Но не уныние, а еще большее озлобление внесло в ряды матросов это известие; они только зорче следили за тем, не появится ли гду-нибудь дымок,

Так проходило плавание в Румынию.

В 4 часа показался уже румынский берег. Сперва мы проехали мимо какого-то пустынного острова, называемого Островом Змей, и затем на горизонте показался и самый берег. Все встрепенулись...

Еще утром у нас состоялось заседание комиссии, обсуждавшее вторично наше положение.

Хотя матросы были против сдачи, но все-таки можно было ожидать, что, когда румынские власти предложат нам сдаться, среди матросов произойдет колебание, и кондуктора начнут открытую агитацию за сдачу. Нужно было приготовиться к этой агитации и дать ей надлежащий отпор. Поэтому весьма кстати была находка Кирилла, который, роясь среди капитанских книг, извлек какую-то книжку с правилами о дезертирах. В каждом параграфе этой книжки говорилось о том, что дезертиры выдаются, что международное право обязывает каждое государство выдавать дезертиров. Заручившись, на всякий случай, этим весьма весским аргументом против сдачи, мы перешли к обсуждению других вопросов.

Что будем мы делать, придя в Румынию? Куда потом направимся? Отказ от сдачи предполагал одно неизменное следствие: продолжение борьбы с правительством. А опыт этих дней ясно показал, что пока мы не установим тесной связи с революционным народом, пока морское восстание не сольется с береговой революцией, до тех пор наше дело не подвинется вперед, и потому нам надо было двинуться сейчас в такое место, где мы безусловно могли бы поднять восстание. Мысли всех обратились на Кавказ.

Революционность кавказских рабочих и крестьян служила гарантией в том, что они присоединятся к нам; восстание охватит Кавказ, укрепится в его горных ущельях и отсюда широкой волной разольется по всей России.

А здесь, в Румынии, мы запасемся только необходимым для войны запасом угля и провианта.

Таковы были решения, принятые утром относительно дальнейших действий. Но, кроме угля, нам нужно было позаботиться в Румынии и о другом: о приобретении сочувствия западноевропейского общественного мнения. Самая серьезная опасность для нас заключалась в возможности вмешательства западноевропейских держав. Русское правительство не могло справиться с нами: орудия его броненосцев склонялись перед «Потемкиным», и ни одна рука не смела отправить с них снаряда в своего восставшего брата. Но при нашем двусмысленном и подозрительном положении взбунтовавшихся солдат, при реакционности не-

которых европейских правительств, самодержавие, тенденциозно освещая наше восстание, выставляя нас в виде пиратов, могло добиться вмешательства европейских держав. А перед преобладающей силой их эскадры, которая безусловно будет действовать против нас, мы не могли устоять.

Нам необходимо было поэтому заявить всей Европе, что мы не пираты, что мы ведем борьбу только против самодержавия, только против варварства, за прогресс и цивилизацию. И поэтому-то мы составили и напечатали два воззвания: одно—«ко всему цивилизованному миру», т.-е. к общественному мнению Западной Европы, другое, краткое обращение—ко всем европейским державам. Вот точная копия этих документов.

«Ко всему цивилизованному миру».

«Граждане всех стран и всех народов! Перед вашими глазами происходит грандиозная картина великой освободительной борьбы: угнетенный и порабощенный русский народ не вынес векового гнета и своеволия деспотического самодержавия.

Разорение, нищета и бесправие, до которого русское правительство довело многострадальную Россию, переполнили чашу терпения трудящихся масс. По всем городам и селам вспыхнул уже пожар народного возмущения и негодования. Могучий крик многомиллионной русской груди — долой рабские цепи деспотизма и да здравствует свобода! — как гром, раскатился по всей необъятной Руси.

Но царское правительство решило, что лучше утопить страну в народной крови, чем дать ей свободу и лучшую жизнь. И невинная кровь самоотверженных борцов полилась целыми потоками по всей родине.

Однако, обезумевшее правительство забыло одно, что темная и забитая армия, это сильное орудие ее кровавых замыслов, есть тот же народ, есть те же самые сыны трудящихся масс, которые решили добиваться свободы. И армия рано или поздно поймет это и сбросит, наконец, с себя позорное пятно палачей своих же отцов и братьев. И вот мы, команда эскадренного броненосца «Потемкин-Таврический», решительно и единодушно делаем этот первый великий шаг. Пусть все те братские жертвы рабочих и крестьян, которые пали от солдатских пуль и штыков

на улицах и полях нашей родины, снимут с нас проклятье, как с их убийц.

Нет, мы не убийцы, мы не палачи своего народа, а защитники его. И наш общий девиз — смерть или свобода для всего русского народа!

Мы требуем немедленной приостановки бессмысленного кровопролития на полях далекой Манчжурии. Мы требуем непременного созыва Всенародного Учредительного Собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права. За эти требования мы единодушно готовы, вместе с нашим броненосцем, пасть в бою или выиграть победу.

Мы глубоко уверены, что честные и трудящиеся граждане всех стран и всех народов откликнутся горячим сочувствием нашей великой борьбе за свободу.

Долой самодержавие! Да здравствует Учредительное Собрание!

Команда эскадренного броненосца «Князь Потемкин Таврический» и миноносца № 267».

«Ко всем европейским державам».

«Команда эскадренного броненосца «Князь Потемкин Таврический» начала решительную борьбу против самодержавия. Оповещая об этом все европейские правительства, мы считаем своим долгом заявить, что гарантируем полную неприкосновенность всем иностранным судам, плывущим по Черному морю, и всем иностранным портам, здесь находящимся.

Команда эскадренного броненосца «Князь Потемкин Таврический».

Этими воззваниями мы хотели обеспечить себе поддержку и помощь западно-европейской демократии против реакционных поползновений европейских правительств. И действовать мы решили согласно с нашими заявлениями: в Румынии мы не будем требовать, а только просить провианта.

Итак, все было готово и предусмотрено у нас, когда мы подходили к румынским берегам. А они уже совсем близки. Скоро показался порт «Констанци», и мы бросили якорь. В ту же минуту сигнальщик сообщил, что с берега едут к нам румынские офицеры. Все бросились к правому борту и увидели при-

ближающийся катер с румынским флагом. Немедленно раздалась команда, и пушки заревели, салютуя, по международным обычаям, прибывающим иностранным властям. Катер тем временем подошел к нашему трапу, и два молодых румынских офицера взошли на корабль.

Салют прекратился, и Кирилл, Коваленко, я и матрос, умевший говорить по-румынски, подошли к ним. Коваленко, через переводчика-матроса, объяснил цель нашего прихода и рассказал о нашей борьбе. Офицеры рассыпались в похвалах по нашему адресу; они, точно так же, как и вся Европа, безусловно сочувствуют нам; они считают наше дело геройским подвигом; если бы они были русскими, они были бы в наших рядах. Но нужно было перейти от слов к делу—и эти джентльмены сразу повернули фронт. Они, конечно, с удовольствием дали бы нам уголь, но должны спросить позволения у своего правительства.

Как будто запрещалось продавать уголь военным кораблям без разрешения правительства?!

Но не хотим ли мы сдаться? Они убеждены, что их правительство обещает нам неприкосновенность.

Эти господа, называвшие только что нас героями, считали, что мы удовлетворены уже тем, что немного покричали о себе, а теперь сдача не будет для нас позором!...

Мы поспешили отказаться от благородного предложения и попросили их только поскорей снестись с Бухарестом. Мы просили также начальника порта разрешить нам своею властью купить провизию на один день. Этот день мы проведем в Румынии, следовательно, она не будет нам помощью в борьбе с самодержавием и Румыния этим разрешением не нарушает нейтралитета.

Начальник порта согласился на это и, взяв наши прокламации, обещал огласить их в печати и переслать через консулов европейским правительствам, удалился с корабля под гром пушечных выстрелов салюта.

Перед своим уходом офицеры сообщили нам, что в порту стоит русский стационер, и спросили, не хотим ли мы захватить его. Но мы отказались от этого любезного предложения, так как оно грозило нам осложнениями, могущими повлечь за собой западно-европейское вмешательство. Но не успело еще заглох-

нуть эхо салюта, как нам сообщили со спардека, что к кораблю плывет шлюпка с командиром русского стационера. Впереди мчался на всех парах к броненосцу наш катер; это Матюшенко, отправившийся на берег закупать провизию, завидя ненавистный офицерский мундир, мчался на корабль, чтобы приготовить ему достойную встречу. Мы бросились к Матюшенко и стали его убеждать не трогать офицера, находящегося под защитой румынского флага; после короткого, но горячего спора он согласился с нами.

Шлюпка между тем уже подошла к трапу; построили почетный караул, и командир стационера, увешанный орденами, вошел к нам на корабль с рапортом в руках.

Это был человек небольшого роста, довольно плотного сложения, с тупыми и обрюзглыми чертами лица. Оно вдруг сделалось удивленно-гневным, когда Матюшенко, Кирилл и я подошли к нему в матросских куртках и спросили его, что ему нужно.

— Как вы смеете так разговаривать со мной? Где ваш командир?

Такой вопрос человека, живущего в Западной Европе, газеты которой были полны известиями о «Потемкине», несколько удивил нас; но Матюшенко спокойно ответил:

— На дне морском.

Лицо капитана передернулось, и он запыхтел.

— Неужели вы не знаете, что произошло у нас?—спросил его Кирилл.

— Да нет, братцы, не знаю,— залепетал капитан,—я, знаете, все время у себя, на стационере, мы тут стоим, русских рыбаков охраняем; я газет не читаю и, право, не знаю, что у вас случилось.

Кирилл снова заговорил и стал рассказывать о революции в России, о переходе войск на сторону народа, о близком конце самодержавного режима. Внушительный вид Кирилла, а главное грозное содержание его речи, произвели потрясающее впечатление на бедного толстяка; он попеременно краснел, бледнел и пыхтел, беспомощно озираясь на окружающих матросов. Но увы! ничего утешительного не говорили лица этих людей для перетрусившего капитана.

— Так теперь, братцы, что вы с нами сделаете?—заговорил

он, заикаясь от страха, когда Кирилл окончил. Но мы попросили его только убраться с корабля, и капитан приободрился.

— Ну, так, братцы, прощайте; всего вам хорошего!

И среди смеха и шуток матросов он спустился по трапу. Капитан так расхрабрился, что даже попросил, чтобы его свезли на берег на нашей шлюпке, так как началась буря и на его маленькой шлюпочке опасно было ехать к берегу.

Матюшенко, снова отправившийся в город за провизией, сжалился над ним и взял его с собой...

Приближался вечер, а вместе с ним возник вопрос и о мерах против ночной атаки миноноски. Необходимо было, чтобы прожектор следил за горизонтом. Но мы не решились пустить его в ход без разрешения румынских властей. Уже был поэтому снаряжен депутат в город, чтобы просить соответственное разрешение, когда с румынского крейсера «Елизавета», стоявшего в гавани, попросили нас прислать депутатов для переговоров.

Очевидно, речь шла о сдаче. Комиссия приняла предложение и избрала меня в качестве делегата. Я сел в приготовленный катер, и мы отвалили. Не зная, где находится «Елизавета», мы направились к какой-то пристани; навстречу нам плыла шлюпка. «Куда идете?»—крикнули нам оттуда на русском языке. Оказалось, что это был Матюшенко; катер круто повернул и остановился рядом со шлюпкой. Новости, сообщенные им, были плохие; румыны что-то замышляли против нас: Матюшенко пошел в город, чтобы закупить провизию; взявши извозчика, он приказал ему ехать на рынок; но последний стал куда-то завозить его, и Матюшенко с трудом, грозя стрелять, заставил его остановиться и пешком пошел в гавань.

Очень вероятно было, что румынские власти думают провоцировать нас на какие-нибудь решительные шаги, чтобы вызвать европейское вмешательство.

То, что известно было мне о реакционности румынского правительства, ничуть не противоречило этому предположению. Матросы также поняли поведение румын и убеждали нас вернуться на корабль; но я и Матюшенко решили выслушать предложения румынских властей и, заявив матросам, что мы идем на «Елизавету», просили товарищей ничего серьезного не предпринимать против Румынии в случае нашего ареста.

Мы решили, что лучше нам вдвоем попасть в руки русского правительства, чем рисковать общим делом.

Матюшенко пересел на катер, и по его указаниям мы разъискали «Елизавету». Нас уже ждали у трапа румынские матросы и предложили нам взойти на корабль. Я хотел подняться вместе с Матюшенко, но он предложил мне остаться на катере, команда которого вдруг оробела, чтобы в решительную минуту не позволить катеру удрать и тем унизить нас. Я согласился, и Матюшенко отправился один, предварительно зарядив револьвер.

Прошло четверть часа томительного ожидания, а Матюшенко не показывался; мы начали уже волноваться, и я хотел даже передать стоявшим на трапе румынским матросам требование о немедленном возвращении Матюшенко, когда последний появился сам. Мы все облегченно вздохнули, и быстрый катер понес нас к нашему убежищу-кораблю.

А на море, между тем, разыгралась буря, ветер шумел, и волны катились нам навстречу; катер бросало из стороны в сторону, но он гордо несся вперед, рассекая встречные волны...

Наши загадки о предложении властей оправдались. Матюшенко встретили на «Елизавете» два прежние офицера и еще какой-то генерал и очень красноречиво убеждали его сдаться. Выслушав их речи и обещания неприкосновенности, Матюшенко спокойно ответил, что корабль принадлежит не матросам, а русскому народу, и только ему отдадут матросы броненосец.

Этот ответ не пришелся по вкусу румынским властям, и они отняли прежнее позволение о закупке провизии; но работу прожектора они все-таки разрешили...

Немедленно заработал прожектор, этот неутомимый часовой нашего восстания, а комендоры, одетые, легли при орудиях. Пусть-ка попробовали бы миноносцы подойти к нам, они немедленно узнали бы, что защитники революции лучше бодрствуют, чем слуги самодержавия, не сумевшие при помощи целой системы прожекторов предупредить нападения японских миноносок.

* * *

С рассветом перед всеми нами встал новый вопрос: куда итти? Почти ясный уже отказ румын в исполнении наших требований заставлял нас двинуться в другое место, где бы мы могли

найти необходимое нам количество провианта, угля и пресной воды. Ибо без всего этого нельзя было начать правильную войну с царизмом. Правда, мы могли продержаться еще неделю, употребляя для топки деревянную палубу; но это нужно было оставить на крайний случай; правда, мы могли лить в котлы соленую воду, но наши котлы покрывались осаждающейся солью и портились. Необходимо было достать и провизию, так как команда уже седьмой день питалась хлебом и пшеном, да и те были на исходе; и хотя команда не роптала, не требовала в первую голову провизии, но все-таки недостаточное питание ослабляло ее энергию. Только в России, где мы могли свободно действовать, где наши требования подкреплялись ревом пушек, мы могли достать все, что нам нужно. И так как на Кавказе, кроме Батумской крепости, куда мы не решались итти, не было больших торговых портов, где безусловно находился бы большой запас угля, то мы должны были предварительно отправиться в какой-нибудь торговый порт Черноморского побережья и, запасшись там углем и провизией, двинуться на Кавказ.

Комиссия, созванная уже в 5 ч. утра, приступила к обсуждению этого вопроса.

Лица были серьезны; напряженная работа мысли виднелась на них; не было слышно веселых шуток, сопровождавших обыкновенно заседания комиссии; каждый понимал важность вопроса; каждый понимал громадную ответственность, принимаемую на себя поданным советом. И все свои знания, всю силу ума он направлял на разрешение этого вопроса.

На столе разложили карту Черноморского побережья, сигнальщик принес путеводитель по Черному морю.

Все прежде всего вспомнили про Одессу, где пролетариат оказал нам такую славную поддержку; там, в порту, всегда находилось громадное количество угольщиков, и нам ничего не стоило захватить один из них. Кирилл первый выступил с этой мыслью и энергично звал нас в Одессу. Но я решительно высказался против этого плана; в Одессе уже готовы к нашему приходу; тамошние власти уже оправились от первого острого замешательства, свыклись с мыслью о «Потемкине», и лишь только мы уйдем из Румынии, власти будут ожидать нас в Одессе. Они могут убрать все угольщики, зная, что мы нуждаемся в

угле; наконец, возможно, что на Одесском рейде заложены уже мины, и мы взлетим на воздух, прежде чем одесское население узнает о нашем приходе.

Ведь власти понимали, как должны мы тяготеть к Одессе после восторженной встречи «Потемкина» ее населением.

Нет! нам надо итти в новый порт и, воспользовавшись первой растерянностью властей, захватить необходимые припасы. Но в каком порту есть достаточное количество угля?

По этому вопросу мы предложили высказаться специалистам-матросам.

Эскадра всегда грузилась у Керченского пролива; через него непрестанно выходили угольщики в Черное море. И некоторые матросы предложили подойти к проливу и силой захватить какой-нибудь русский угольщик. Но против этого плана выставили то соображение, что власти, зная из Румынии о нашей угольной нужде и понимая, что только ею могут они взять нас, могли закрыть теперь Керченский пролив и не выпускать угольщиков из портов Черного моря. (Полное отсутствие торговых судов во время дальнейшего нашего плавания по Черному морю, всегда кишащему ими, подтвердило правильность этого соображения.)

Я уткнулся в путеводитель и читал о черноморских портах; вдруг бросились мне в глаза слова:

«Феодосия — торговый порт».

Я немедленно стал читать и узнал, что там часто стоят угольщики и, кроме того, в городе есть железная дорога. Значит, там безусловно имеется большой запас угля, сложенный в одном месте, откуда мы могли бы достать его. В то же время, идя в Феодосию, мы не уклоняемся от главной своей цели — Кавказа.

Я поэтому немедленно внес проект итти в Феодосию, и комиссия занялась обсуждением его. Мнения по этому вопросу раскололись; наиболее горячим оппонентом был Кирилл, попрежнему звавший нас в Одессу. Я стал возражать ему.

Но тут выступило новое лицо—Алексеев. Храня до сих пор полное молчание, он вдруг потребовал слова.

— Братцы,—заговорил он,—ничего они оба не понимают. В Одессу итти нельзя: там наверное заложены мины. А в Феодо-

сии угля никогда нет. Мой совет итти в Евпаторию; я хорошо знаю побережье Черного моря, я изъездил его и говорю на основании своего опыта, что только в Евпатории можем мы достать уголь. Верьте моему слову.

Этот негодяй задумал новое предательство: Евпатория, маленький городок, торгующий только овцами, не имеет даже гавани для судов; пассажирские пароходы Черного моря не могут подходить к берегу и останавливаются за две версты от города. Я хорошо знал этот городок, так как жил там целое лето, и помнил, что там не стоял ни один большой океанский пароход; только парусные шкуны, нагруженные овцами, отправлялись отсюда в Турцию и другие места Черноморского побережья. Там нет также железной дороги.

Но Евпатория находится на расстоянии 4-х часов езды от Севастополя, и Алексеев задумал подвести нас к этой твердыне самодержавия. Мы не поняли тогда его планов, так как мысли всех были заняты разрешением вопроса об угле; но я сейчас же стал горячо возражать против его предложения, доказывая, что в Евпатории нет угля. Мне не стоило больших усилий доказать это, так как матросы и сами хорошо знали этот порт, и план Алексеева потерпел фиаско.

Бедный, бедный Алексеев! Так и не удалось ему молодецким делом заслужить помилование начальства!...

После долгого обсуждения был принят мой проект, и решено было немедленно по получении окончательного ответа румын двинуться в Феодосию.

Решение наше созрело как раз во-время, так как катер от начальника порта привез нам отказ в выдаче угля и приглашение прислать депутатов на берег для получения королевской телеграммы. Мы сначала не хотели даже отправляться за этой телеграммой, но потом передумали и послали Матюшенко на берег, решив передать все на рассмотрение команды.

Скоро вернулся Матюшенко и привез телеграмму, в которой нам предлагали сдачу и обещали неприкосновенность. Собрали команду, и Матюшенко, снова воспрянувший духом, произнес горячую речь против сдачи.

— В каждой стране,—закончил он,—есть свои законы и обычаи. Но одно есть чувство, которое свято чтится всеми наро-

дами: это чувство гражданской ответственности перед родиной. Теперь же, братцы, подумайте, как будет относиться к вам румынский народ, когда узнает, что вы изменники родине и, имея возможность спасти ее от тиранов, сдались, подло спасая свою шкуру!... И какая тут будет жизнь у вас, когда каждый румын будет встречать вас с презрением, когда дети будут указывать на вас, как на изменников своей родине, и всеобщая ненависть будет окружать вас?

Эти простые, но доходящие до глубины сердца слова так подействовали на матросов, что дальнейшая агитация была лишней, и вопрос об уходе из Румынии был немедленно решен в утвердительном смысле. Румынам послали отрицательный ответ на предложение, а сами подняли якорь и скоро удалились от негостеприимных румынских берегов.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

И снова, как призрак, скитаемся мы по широкому морю; только оно, гордое и могучее, дает приют «красному» кораблю. Только оно ласкает его своими мягкими водами и поет ему песни о воле и свободе.

Уже спускался вечер, когда мы отошли от берега, и скоро черная ночь, полная опасностей, окутала нас своим мрачным покровом. Сегодня мы не решились бороться с этой тьмой и прорезать ее яркими лучами прожектора, боясь выдать себя искавшим нас миноноскам. Ни одного огня не было на корабле. Только в закрытых каютах да в машинном отделении яркие огни освещали бодрые лица матросов.

Теперь уже было сказано открыто то, чего никто не решался до сих пор сказать прямо: мы вступаем одни, без помощи эскадры, в настоящую борьбу с царизмом. Теперь уже не было места колебаниям; перед нами стояла альтернатива: сдаться под покровительство румынских властей или начать беспощадный бой с царизмом. Мы выбрали последнее. И это страшное сознание решительности и бесповоротности положения ярко сказалось в решении, которое мы, немедленно после отплытия из Румынии, провели в комиссии — вывесить красное знамя. Хотя матросы, уже самим фактом восстания, заменили знамя царизма красным

флагом революции, но все-таки формально сделать это они не решались. Тут говорило много чувств: и старое суеверное уважение к Андреевскому флагу, и сопровождающее красное знамя представление о виселице, а может быть, боязнь матросов самим себе ясно и открыто назвать свои действия, увидеть ту пропасть, которую они перешли.

Все наши попытки уничтожить Андреевский флаг и поднять красное знамя были напрасны. Но теперь положение было настолько определенное, что наше предложение принято было с восторгом.

Немедленно выбрали комиссию для редакции знамени. Не помню хорошо состава этой комиссии, но зато хорошо помню выработанные ею надписи; на одной стороне была надпись— «Свобода, равенство и братство», на другой — «Да здравствует народное правление». Притащили громадное красное полотно, призвали красильщика и скоро огромное знамя с белыми надписями, высушиваясь, висело в офицерской. Оно должно было взвиться над кораблем к приходу его в Феодосию.

К этому же моменту решено было вообще украсить корабль флагами, чтобы население поняло, что это не мрачные пираты пришли, а друзья и братья. Что не грабить город пришли мы, а просить помощи для борьбы с общим врагом.

С этой же целью решено было немедленно пригласить к себе представителей города и, объяснив им цель и характер нашей борьбы, потребовать у них необходимое количество угля и провианта.

Весь следующий день мы провели в море. Корабль, которому нарочно дали такой ход, чтобы притти в Феодосию утром следующего дня, медленно двигался среди тех же широких, громадных вод.

Хотя море давало нам надежный приют, но все-таки начиналась чувствоваться оторванность и изолированность.

Снова мы одни на всем этом громадном пространстве, одни против врага, одни в страшном предстоящем бою... Правда, впереди поддержка народа; но пока ни одного союзника нет у нас. И от этого одиночества становилось жутко; оно влезало в душу и наполняло ее тоской и сомнением...

Самые смелые легко боролись с ним, но слабые начинали поддаваться; а змеиные жала кондукторов тайно вливали новый

яд сомнения в окружающую атмосферу... В глубине подвала в темных углах эти гнусные кроты подтачивали корни нашего дела.

Матюшенко поймал одного из них и тут же хотел расстрелять его. Это было бы великой мудростью: страхом и ужасом надо было сковать сердца этих негодяев, так безжалостно губивших наше дело...

Но мы обнаружили глупое, бессмысленное, преступное великодушие; преступное, ибо тысячу раз был прав Имар, воскликнув, что «в деле политической свободы простить преступление — значит сделаться соучастником его».

Мы простили их, а они продолжали свое дело... На канве изолированности писали они свои узоры; и именно в Феодосии удалось им победить нас, в Феодосии, где не было многочисленного рабочего населения и где нам не могли устроить восторженную, ободряющую встречу.

Был еще один фактор, подтачивавший настроение команды: отсутствие провианта и угля. Уже восьмой день, как никто из нас не ел мяса; хлеб, пшено и вода составляли единственную нашу пищу. Это тогда, когда мы расходовали ежедневно громадную нервную энергию.

Особенно тяжело было положение машинистов: им приходилось работать в 40° жаре, день и ночь проводить в раскаленном аду. Тяжело было смотреть на этих измученных, истощенных людей. Помню, как однажды, когда я вошел в машинное отделение, ко мне подошел матрос К., служивший при машине, и заплетающимся от усталости языком стал говорить мне, что работать в такой жаре летом да еще на голодный желудок нет возможности.

— Сил не хватает, руки опускаются. Кажется, вот-вот упадешь.

Надо было обладать той преданностью делу, какая была у машинной команды, чтобы с таким самоотвержением работать в этом аду. Я пробыл здесь только час и долго потом не мог притти в себя от жары, шума и толкотни. Но, кроме голода матросов, был другой голод, более страшный своими последствиями—голод броненосца. Уже давно вышла вся пресная вода. Опреснитель мог обслуживать только нужды людей; для котлов

же надо было во время плавания слишком большое количество воды, чтобы опреснитель мог удовлетворить эту нужду. В котлы стали пускать соленую воду; но соль осаждалась и портила цилиндры. И хотя заведывавший машинным отделением матрос Денисенко, не пуская в ход всех котлов, чистил испортившиеся, все-таки они постепенно приходили в негодность. А главное— этим пользовались кондуктора, распространявшие среди матросов слухи, что котлы откажутся служить, если мы не достанем пресной воды.

Уголь также был на исходе, и его могло хватить, даже при самом экономном расходовании, всего на 2—3 дня.

Однако не недостаток угля, не недостаток воды, как бы сильно ни понижали они боевую способность корабля, заставили сдаться «Потемкин». Мы могли еще долго продержаться, а главное могли достать все, что было нам нужно. Но кондуктора, ловко воспользовавшись этими дефектами и, сделав их орудиями своей агитации, распространяли среди команды слухи, что броненосец скоро совсем потеряет свою боевую способность, и правительство без труда возьмет нас.

Эти факторы имели скорее психологическое, чем действительное значение, повлиявшее на сдачу броненосца.

* * *

Целый день мы плыли по морю, зорко следя по сторонам, не покажется ли где-нибудь угольщик. Но ни одно судно не попалось нам навстречу; один только раз какой-то болгарский военный корабль прошел мимо нас; прошел и отдал приветствие кораблю будущей свободной России.

На минуту вдали показались снежные вершины Кавказских гор; открылась дивная панорама белых вершин, тонущих в ясно-голубом эфире. Показалась и скрылась.

И снова мы одни, одни в громадной водной пустыне...

Так прошел этот день; ночь мы опять провели во тьме.

* * *

На рассвете следующего дня я проснулся и отправился бродить по кораблю. Команда уже вся была на ногах и шла уборка: корабль приготовляли к Феодосии. Комендоры сняли чехлы с пушек и чистили черновато-коричневые жерла их.

Сигнальщики протягивали веревки и развешивали на них разноцветные флаги. Корабль был убран по-праздничному; все улыбалось, блестело, и среди этих праздничных цветов невольно преобразились и лица матросов; и они светились радостью и бодростью.

Но вот уж показались берега; теперь корабль шел полным ходом. Взвилось красное знамя, и свободный революционный броненосец гордо стал на якорь неподалеку от входа в Феодосийскую бухту.

Феодосия—небольшой, торговый порт, живописно расположен у подножия высоких гор между двумя крепостями: Севастополем и Керчью. Горные возвышенности, окружающие ее со всех сторон, сильно облегчили бы ее оборону, а немногочисленный гарнизон (600 ч. пехоты без артиллерии) позволял нам захватить ее без особенных усилий.

Но, несмотря на это, я горячо восстал против предложения захвата города, предложения, внесенного в этот день Кириллом. В Феодосии нет почти промышленного пролетариата, т.-е. нет солдат для революционной армии. Из кого мы будем вербовать войско? Кто будет защищать город? В то же время Феодосия находится между двух крепостей, которые немедленно ударят всей силой своего вооружения на восставший город; а чем тогда его защитить? Где взять пушки, когда даже здешний гарнизон их не имеет. Оставаться же защищать город—значило ограничить район восстания одним уголком, значило сразу обречь его на неудачу. А оставить Феодосию на произвол судьбы после ареста властей было бы предательством по отношению к населению...

По этим соображениям решили мы не захватывать Феодосию, а только добыть в ней необходимые нам запасы.

Лишь только мы стали на якорь, наши представители, Кирилл и еще два матроса, сошли на берег. Здесь они увидели ту же картину, какую пришлось наблюдать и в Одессе: сочувственная встреча со стороны населения города и царское воинство, всегда храброе пред безоружною толпой, но бегущее в паническом ужасе при виде вооруженного противника.

Так и теперь, полиция не только не арестовала наших делегатов, но и не посмела разогнать толпу, перед которой Кирилл произносил зажигательные речи.

После произнесения речей, наши делегаты потребовали, чтобы городские представители немедленно явились на корабль. Стоявший на берегу член управы обещал тотчас же передать это требование городскому управлению. Действительно, скоро из гавани уже плыл катер по направлению к броненосцу; спустили трап, и через несколько минут представители города были уже на нашем корабле.

Их было пять: городской голова, человек довольно плотного сложения, член управы, высокий, живой, с умными и выразительными глазами господин (впоследствии я узнал, что фамилия его — Крым), его товарищ, блондин с удивительно симпатичными и мягкими чертами лица, какой-то инженер (как я потом узнал, провокатор, снимавший нас во время работ на угольном судне) и городской врач, вытребованный нами для больных матросов.

После короткого приветствия, их привели в адмиральскую, где уж собралась вся комиссия. Кто-то из нас (хорошо не помню — Кирилл или Коваленко) произнес речь, в которой указал, что мы боремся за свободу для всей России, что мы выставляем требования Учредительного Собрания. Обязанность каждого гражданина, каждого общественного учреждения помочь нам, как привлечением на нашу сторону сочувствия всего народа путем оповещения целей нашей борьбы, так и реальной помощью — доставкой необходимых нам припасов. Мы обращаемся, поэтому, к феодосийскому городскому самоуправлению с требованием, чтобы оно немедленно устроило гласное заседание городской управы, рассказало широкой публике о наших политических требованиях и доставило бы нам необходимые припасы.

Таково было содержание речи товарища, говорившего от имени комиссии.

В ответной речи г. Крым подчеркнул свою солидарность с нами в требовании Учредительного Собрания, оговорившись, впрочем, что он против прямого избирательного права. Обещав исполнить наши требования, он спросил, какие припасы нам необходимы. Находившийся тут же Мурзак представил список; он состоял из продуктов провизии, некоторых предметов, необходимых для машины, угля и воды.

Городские представители согласились на выдачу всего этого, кроме воды, говоря, что население само страдает от недостатка ее. Поговорив еще немного с нами, представители города уехали, обещав все доставить к 4-м часам.

Было уже 11 ч. утра. Команда собиралась приняться за свой скудный обед. Принесли водку, и каждый матрос, по обыкновению, стал подходить и получать свою чарку. Подошел и я, и вместе с матросами пошел обедать.

Я уже давно не обедал вместе с матросами и теперь пожалел об этом: здесь, в темноте, шла агитация кондукторов, и можно было бы убедиться в истинном настроении всей команды. Теперь я увидел, что здесь, внизу, настроение у матросов совсем другое, чем наверху; здесь у людей какая-то нерешительность, придавленность.

И я понял, что нужна немедленная, энергичная агитация. Но для этого нам нужны были новые люди, так как мы вдвоем не успевали справляться с выпавшей на нашу долю задачей.

Лишь только я вышел на шканцы, как мне попался Кирилл, приехавший с берега и привезший правительственное сообщение о «Потемкине». Мы решили использовать его в целях агитации и немедленно созвали команду.

Солнце сильно пекло, но никто не считался с этим; все с напряженным вниманием слушали Кирилла, читавшего сообщение; все было тихо, и голос его так ясно разносился по всей площадке, что самые последние матросы слышали его... Лишь изредка эта тишина прерывалась меткими замечаниями или возгласами негодования.

Ложь, пропитывающая это сообщение, а главное обещание сильными и крутыми мерами подавить восстание, возмутили матросов. И теперь, как всегда, правительство явилось прекрасным агитатором. Немедленно вскочил на кнехт Матюшенко и произнес горячую речь, затем Дымченко, Кошуба и, наконец, Кирилл.

Последний удивительно импонировал матросам своими шутками, и они непрерывно смеялись.

Хотя настроение и подымалось, но все-таки не было того могучего подъема, который замечался в Одессе после бомбар-

дировки и прибытия эскадры: слышалось что-то неуловимо-робкое, проходившее через всю команду.

Я не успел говорить на этом собрании, так как сигнальщик дал знать, что с берега машут какие-то люди. Предположив, что это товарищи социал-демократы, я решил ехать к ним, чтобы расспросить хорошо о положении дел в городе и призвать новых людей на корабль. Кошуба, я и Резниченко, славный, преданный революции матрос, сели в шлюпку и отплыли к тому месту берега, где стояли люди. Волны высоко подбрасывали нашу шлюпку, шедшую на буксире катера, и она ежеминутно зарывалась носом в воду. Но берег уж близко; дальше виднеются камни, и катер остановился. Мы отцепились и на веслах поплыли к берегу. Небольшой путь, который нам предстояло проплыть, был очень опасен, так как волны ежеминутно ударяли нас о камни. И тут, как всегда, Кошуба обрисовался во всей своей преданности делу; он волновался, боясь, что товарищи уйдут, ежеминутно оглядывался на берег и энергично греб, убеждая и товарищей грести скорей. Матросы и я даже рассердились на него и попросили быть спокойней. Бедный товарищ! самые близкие не поняли твоей бесконечной любви и преданности делу...

Но вот мы подплыли уж настолько близко, что один из стоявших на берегу рабочих, сняв сапоги и засучив свои бесконечно-широкие шаровары, мог подойти к нам.

К сожалению, это были самые несознательные члены рабочей организации, которые не могли дать нам необходимые сведения; они обещали только немедленно передать социал-демократам нашу просьбу о присылке новых товарищей. Передав им письма, врученные нам матросами, мы отправились обратно на корабль.

Здесь уже окончилось собрание команды, и матросы готовились к выгрузке подходившего громадного баркаса с припасами.

Приветливо мычали на нем быки, встречая радостный отклик в наших пустых желудках; громадные кули муки, пшена и картошки уютно улеглись на дне баркаса; а куры беспокойно кудахтали, не чувствуя себя совсем хорошо в новой обстановке среди моря.

Баркас подошел к левому борту; открыли люки и энергично стали выгружать его.

Прежде всего взялись за быков. Я с любопытством стал глядеть за быстрой и ловкой погрузкой. Быков связывали, а затем перекидывали чуть пониже передних ног кольцо из веревки, привязанной к лебедке. Раздается команда, и животное взлетает на воздух. Все это делается так быстро, что прежде, чем бык успеет замычать, он находится уже на спардеке.

Затем началась погрузка других товаров.

Наблюдая за дружной работой матросов, я вдруг заметил, что к нам направляется шлюпка с двумя штатскими, и побежал к трапу, полагая, что это члены местной организации. Но увы! это были член управы и корреспондент французской газеты, попросивший у нас позволения снять фотографии с частей корабля.

Пока он занимался этим делом, член управы сообщил мне, что начальник гарнизона препятствует доставке нам угля. Это известие заставило Кирилла снова отправиться на берег, чтобы энергично потребовать уголь. Но напрасны были его угрозы: власти решительно отказались пропустить уголь, ссылаясь на телеграмму из Питера. Мы снова послали депутатов...

Так прошел день в бесплодных переговорах.

Вечером ясно стало, что сегодня угля мы не получим. Пропадало драгоценное время, враг усиливался, а настроение массы падало. Только решительные, энергичные действия с нашей стороны могли разрешить вопрос. Но насильственный захват угля затруднялся тем обстоятельством, что в порту, по собранным справкам, не было угольщиков; надо было, следовательно, захватить город и там добыть уголь. В этом же случае мы должны были подвергнуть его бомбардировке, т.-е. действовать против мирных жителей. Вот это-то обстоятельство и вносило раскол и неуверенность в ряды самых решительных матросов. Однако, другого исхода не было, и вечером мы составили и послали в городскую управу следующий ультиматум:

«Если завтра к 6 ч. утра на корабль не будет доставлен уголь — в 10 ч. броненосец открывает огонь по городу. Просим предупредить мирных жителей».

* * *

Поздно вечером вместе с Коваленко я вышел на капитанский мостик. Тихая ночь спустилась на море... Уже появился

новый месяц, и скоро полная луна должна была сделать безопасными для нас происки царских миноносок.

Не знаю почему, но у нас завязался разговор о возможности близкой гибели — вопрос, никогда не поднимавшийся у нас за недостатком времени. Дела было так много, оно так захватывало нас, что буквально не было времени думать о смерти, об опасности... Но сегодня, почему-то, мы заговорили об этом; может быть, потому, что царизм ясно указал нам сегодня виселицу, говоря в правительственном сообщении о двух студентах и офицерах, приставших к восстанию.

Но оба мы были спокойны и бодры. Только раз дрогнули добрые и честные черты Коваленко: когда он заговорил о старушке-матери и представил ее горе...

Долго говорили мы с ним. Было уже поздно, когда, крепко пожав друг другу руки, мы отправились в офицерскую и бросились, не раздеваясь, на первое попавшееся кресло.

И когда мы прощались, никто из нас не думал, что это будет последнее наше братанье на «красном корабле»...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Удивительная картина открылась перед нами с рассветом следующего дня: бегство жителей из города. Женщины и дети, старики и молодые шли, таща на своих спинах котомки и узлы; среди этой копошащейся, как муравейник, толпы мчались экипажи богачей. Сердце невольно сжималось при этом зрелище от мысли, что, быть может, мы сегодня разрушим жалкое имущество этой бедноты.

Но не было времени для сердечных излияний: время шло, и надо было узнать ответ на ультиматум.

Матюшенко и я сели на катер и направились к берегу. Там уже ждал нас представитель управы.

— Нет, не разрешает начальник,—быстро и отрывисто заговорил он,—погодите до 11 ч.; мы вызвали по телеграмме губернатора и уверены, что он разрешит выдать вам уголь. Ради господа бога ждите!—умоляюще закончил он.

Но пред нами стояла альтернатива: или не щадить дома феодосийских обывателей или медлительностью рисковать восстанием.

Я выбрал первое и в таком духе ответил гласному, обещав, впрочем, передать на рассмотрение комиссии.

Мы уже направились к кораблю, когда у меня мелькнула мысль исследовать гавань и узнать, в каком месте ее находится уголь. Матюшенко согласился со мной и направил катер вдоль берега. Каково же было наше удивление и радость, когда мы наткнулись на три парусные судна, на которых в общей сумме было 30.000 п. прекрасного угля. Хозяин согласился отдать нам уголь, но с условием, чтобы мы сами притащили судно к кораблю.

С радостным чувством поплыли мы к броненосцу; вопрос разрешался теперь очень просто, так как под прикрытием миноноски легко было захватить эти судна и на буксире катера притащить к кораблю.

Быстро собрали мы человек 15 из комиссии и так же быстро и, увы, легкомысленно решили вопрос об экспедиции. Вместо того, чтобы созвать команду и потребовать от нее клятвы в том, что она будет защищать нас, отправлявшихся за углем, затем пробить боевую тревогу, чтобы, в случае сопротивления властей, все были бы на местах и пушки дали бы грозный ответ, прежде чем мелькнула бы мысль о бегстве, мы ограничились только тем, что посадили на катер 25 решительных матросов, вооруженных винтовками, и приказали миноноске двигаться за нами. Эта ошибка вытекала как из увлечения неожиданной находкой, так и из уверенности, что солдаты не будут стрелять в нас, уверенности, погубившей всю экспедицию.

План был составлен таким образом, что катер возьмет одно судно на буксир, а миноноска, вооруженная малокалиберными пушками и командою в 10 человек, будет защищать нас от действия войск. Но и тут мы сделали важный промах, посадив на катер Матюшенко, Кошубу и меня, т.-е. самых решительных людей. Всем нам надо было быть на миноноске, чтобы заставить ее действовать в решительный момент...

Настроение у всех ехавших в катере было бодрое: никто не сомневался в успешном исходе предприятия, и матросы даже смеялись над теми, кто заряжал винтовки. До того они были убеждены, что солдаты не будут стрелять. Этим чистым, только что проснувшимся душам, казалось немыслимым, чтобы их братья-солдаты стреляли в них. Они твердо верили, что пришел

час общего восстания, и солдаты только ждут сигнала, чтобы обратить свое оружие против народных врагов...

Жестоко они поплатились за эту веру...

Когда наш катер подошел к судну с углем, все мы, за исключением нескольких матросов, взошли на него. Нужно было поднять якорь, и мы, приказав нескольким матросам смотреть за берегом, деятельно принялись за нашу работу.

Энергичнее всех работал Кошуба; я тащил якорь рядом с ним и удивлялся его железной энергии, он работал без устали и, когда у нас опускались руки от усталости, он то громовым, то умоляющим голосом заставлял нас забыть об усталости и снова приниматься за работу.

Якорь поднимается все выше и выше, сейчас он вынырнет из воды—и судно наше.

Вдруг на берегу появляется рота солдат, и прежде чем мы успели сообразить, что нам делать, раздается залп и сразу несколько матросов падает в воду. «Ребята, бери винтовки»,— крикнул стоявший рядом со мной матрос Никишкин. Вместе с ним я схватил винтовку, и мы направили их на солдат. Но в ту же минуту Никишкин упал в воду, раненый пулей в сердце. Я посмотрел кругом—ни одного матроса; я бросил взгляд на воду и там увидел страшные, полные тоски и боли, глаза умирающего Никишкина. Они как будто молили о помощи. И не помня себя, видя перед собой только эти глаза, я бросился к нему на помощь. Схвативши его, я поплыл к катеру. Но по катеру открыли огонь, и он, спасаясь от пуль, стал уплывать от нас.

Кругом нас падали пули и барахтались раненые и тонущие матросы. А солдаты пришли в исступление, стреляли по плывущим и добивали раненых.

При страшном ужасе, окружавшем меня, я не догадался плыть к берегу, а стал догонять катер. Но катер уплывал все дальше и дальше. Когда я опомнился и повернул к берегу, было уже поздно: я выбился из сил и едва держался на воде.

Пули так и сыпались кругом нас. Вдруг одна из них попала в Никишкина; он судорожно метнулся; моя ослабевшая рука выпустила его, и он камнем пошел ко дну. Я сейчас же нырнул, но не мог поймать его... Он погиб...

Кое-как доплыл я до стоявшего вблизи судна и схватился за железную якорную цепь его. А братоубийственные залпы все продолжались... Схватившись за цепь, я стал раздеваться. Так продержался я некоторое время... пока прекратилась стрельба.

У меня явилась мысль взобраться на судно по цепи. Я стал взбираться... Но силы изменили мне, и, почти поднявшись наверх, камнем падаю в воду. Несколько раз возобновлял я свою попытку—и всякий раз тот же результат.

В это время я услышал неподалеку от себя, как что-то упало в воду. Я оглянулся; то Кошуба и матрос Задорожный бросились в воду с того судна, где мы брали уголь. Пули не задели их и, выждавши прекращения стрельбы, они решили плыть к броненосцу.

— Куда плывешь? — спросил я Кошубу.

— К броненосцу!

— Плыви, товарищ, и передай матросам, что их расстрелянные товарищи вопиют о мести. Смотри же, доплыви, не взирая ни на какие опасности.

— Ладно,—ответил Кошуба и исполнил свой долг.

Солдаты, заметив его, приказали ему остановиться, грозя стрелять, но он плыл дальше; раздался выстрел, пуля слегка задела его, но он плыл все дальше и дальше.

— Стой, иначе убьем,—кричат ему снова солдаты, но Кошуба плывет, помня мой завет.

Что было с ним дальше, я не видал, так как в это время солдаты заметили меня и вытащили из воды.

Но уже в тюрьме Кошуба мне сообщил, что солдаты догнали его на шлюпке.

Я уж совсем окоченел, когда проходивший по берегу солдат заметил меня и послал за мной шлюпку. Сознание оставляло меня и смутно, сквозь сон, помню я вопрос офицера, ранен ли я, носилки и, затем, зеленые спины людей.

Очнулся я уже в палате Красного Креста; надо мной стоял военный врач и поил меня ромом. Приятная теплота разливалась по телу, и я с наслаждением пил живительный напиток. Но воспоминанье о водяном холоде снова бросало меня в дрожь.

— Что ты, матросик, не бойся,—ласково обратился ко мне врач,—ты уже в безопасности, тут тебе ничего не сделают...

С трудом объяснил я ему, что дрожу от холода, а не от страха. Он приказал тогда покрыть меня шинелями. С наслаждением уткнувшись в теплую, хотя и жесткую шинель, я стал осматривать новую обстановку.

Я лежал в большом павильоне с эстрадой и длинными скамейками по бокам его. Больше всего меня поразило тут обилие офицеров: их было человек 12. Казалось, что теперь, когда ждут сражения, они должны быть на местах. Или тут главный штаб?

Молоденький офицерик разрешил мои сомнения; подошедши ко мне, он ласковым голосом спросил:

— Послушайте, матросик, сюда не будут стрелять с броненосца? Ведь тут флаг Красного Креста висит.

— Где увидишь оттуда,— ответил я. Офицер вздрогнул и перекинулся взглядом с другим офицером.

Доблестное офицерство попряталось в палатку Красного Креста, под флагом его ища спасения от мстительных снарядов броненосца.

Офицеры попробовали со мной заговорить еще о чем-то, но в это время принесли новые носилки с матросом.

— Ранен?—бросился к нему доктор.

— Никак нет, ваше благородие.

Мой взгляд устремился на эту группу, в надежде найти там Кошубу. Но это оказался матрос Задорожный, которого нашли под пароходной пристанью.

Я совсем уже пришел в себя и сел на скамейку; рядом со мной посадили Задорожного.

— Ну что теперь будет?—спросил я его.

— А что ж, пойдут в Румынию сдаваться! это уж, как бог свят.

И ответ его показал, что в низах команды велась уж агитация за сдачу, и кондуктора располагали сильной организацией.

Новые носилки прервали мои размышления.

— Раненый,—крикнули солдаты.

«Кошуба»,— мелькнуло у меня в голове, и я бросился к нему. Но меня усадили на прежнее место.

— Э, пустяки,—сказал доктор.—Сейчас встанет.—И действительно, Кошуба скоро очнулся, встал и сел рядом с нами.

Офицеры удивительно ласково обходились с нами; узнав, что мы голодны, они велели принести нам яичницу и чай. Советовали нам, как держаться на допросах, спрашивали нас, был ли кто-нибудь из властей на корабле, и предлагали ли нам сдаться. Получив отрицательный ответ, офицеры удивились, и один из них, вернувшийся из Порт-Артура, капитан, выразил даже желание просить у начальника гарнизона разрешения съездить на корабль и убедить матросов сдаться. Но я поспешил уверить его в тщетности такой поездки. Это предупредительно-ласковое отношение к нам со стороны офицеров продолжалось до того момента, как «Потемкин» скрылся с горизонта. Ужас грядущей мести матросов заставлял этих трусов льстить и сочувствовать нам.

Только поведение начальника гарнизона, полковника Герцыка, звучало резким диссонансом в этом хоре сочувствующих и подпевающих нам офицерских голосов. Пришедши на несколько минут в палатку, Герцык, увидя нас, пришел в такую ярость, что потерял даже способность говорить; он яростно потрясал кулаками, грозил нам виселицей и издавал какие-то нераздельные звуки. Наконец, он удовлетворил себя и ушел.

Нас вывели на солнечную аллею; хорошо и тепло было на солнце, и я на минуту забыл обо всем, подставляя свое продрогшее тело под жаркие лучи солнца.

Вдруг какой-то штатский господин вышел в сад и стал приближаться к нам. Всмотревшись, я узнал в нем члена управы г. Крыма, который был у нас вчера на броненосце.

— Что, господа, будут стрелять с броненосца?—обратился он к нам.—Мне нужно это знать, надо предупредить жителей; ведь в городе уж грабежи пошли.

Я ответил ему, что не знаю, посоветовал отправиться на броненосец спросить об этом у матросов. Он согласился с нами и стал уходить. Сердце забилось в тревоге. Может быть, он расскажет матросам, что мы не убиты, и они откроют огонь и потребуют нашего освобождения. Хотелось притти к ним хоть на минуту; я бы рассказал им, как умирали их братья, я бы сказал им это так, что души самых слабых, самых трусливых загорелись бы ненавистью и желанием мести.

Но недолго я волновался; не успел г. Крым дойти до ворот сада, как подъехавший верховой произнес роковые для нас слова: «Броненосец скрылся с горизонта»...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Через три дня от стерегших меня на гауптвахте солдат узнал я, что «Потемкин» сдался. А еще через три месяца, уже будучи заграницей, я узнал от Кирилла подробности переполоха на корабле, вызванного стрельбой солдат и заставившего «Потемкин» итти в Румынию сдаваться. В общем картина была та же, что и при измене «Георгия».

Командой, вследствие неожиданности, овладела паника; минная и машинная — самые лучшие части команды — бросились в свои отделения; власть бездействовала...

Снова кто-то крикнул: «в Румынию»... снова появились какие-то незнакомые матросы и, бегая по палубе, увеличивали панику... снова Кирилл бросился к Матюшенко, и снова последний ответил, что он «вольный» и ничего не понимает. Разница была лишь в том, что теперь и наиболее сознательная часть команды колебалась, так как не хотела стрелять в дома мирных жителей...

Громадная и славная крепость сдалась в полной боевой готовности...

Только на свободе, когда прошел первый ужас и кошмар этой сдачи, я мог хладнокровно и объективно обдумать все причины крушения наших планов. И, разбираясь во всем происшедшем, я увидел, что главная причина, из-за которой наше восстание фатально было обречено на неудачу, лежала вне нас: она скрывалась в недостаточном развитии береговой революции.

Могли ли мы, действительно, победить, когда вся окрестная Россия так бездеятельно относилась к нашему восстанию? Почему рабочие окрестных городов, из которых подвозились в Одессу войска, молчали? Почему они не разрушали железных дорог, не взрывали мостов, не изолировали одесские власти? Почему окрестные крестьяне не посылали отряды своих сыновей на помощь одесским рабочим?

Потому что они не были достаточно подготовлены к революции. А если это так, то сами мы, предоставленные своим собственным силам, не могли победить такое, веками укреплявшееся, чудовище, как царизм.

— Но ведь вы даже не пробовали его побеждать? Разве вы пробовали взять город? Разве вы не решились сделать это *потому*, что боялись не одолеть находящихся там войск? И не безразлично ли было для вас в таком случае количество одесских войск?

Да, это верно: мы даже *не решались* начать настоящий бой с царизмом.

Но разве самый факт этой нерешительности не подтверждает еще более моей мысли? Мы не дерзали потому, что берег молчал.

Незначительная потемкинская масса, только что порвавшая со старым порядком, не могла решиться сама действовать против царизма. Она инстинктивно искала союзника... Взоры ее обратились к эскадре, потому что в ней она видела реальную силу.

Но значило ли это, что и народ должен был ждать всего от эскадры? Не должен ли был он, наоборот, развернув громадную революционную энергию, показать потемкинцам, что в нем должны они искать могучего и верного союзника?

Если бы матросы услыхали, что рабочие разрушают железные дороги, чтобы воспрепятствовать подвозу войск, что со всех местностей двигаются отряды рабочих и крестьян на помощь восставшим, что одесские рабочие куют на заводах оружие; если бы одесские рабочие, владея в первый день портом, не ушли бы оттуда, а, не взирая на нежелание матросов действовать, забаррикадировались бы там, словом, если бы берег не ждал, а боролся, то и матросы, не ожидая эскадры, бросились бы на помощь восставшему народу. Они бросились бы уже потому, что не могли бы равнодушно присутствовать при кровавой борьбе своих братьев. Ведь во время пожара хотели матросы сойти на берег и прекратить расстрел.

Что сделал берег?

Он ждал слова «Потемкина»... Вспомните, что сказали представители социал-демократических организаций стоявших на берегу рабочих. Они предложили рабочим спокойно разойтись по домам и не предпринимать ничего до действий «Потемкина».

Рабочие разошлись...

В город беспрепятственно приходили все новые и новые войска; матросы видели все растущую сиду одесских властей и чувствовали, что там, на берегу, у них нет активной и сильной поддержки.

Еще сильней почувствовали они, что только в эскадре найдут они могучего союзника...

«Георгий» изменил, и рухнула последняя надежда на помощь эскадры. В умах матросов промелькнуло сознание своего одиночества; оно смутило их души и помогло кондукторам выполнить свой план, — бегство в Румынию.

Самый удачный момент для развития восстания был потерян. В первые дни, когда, благодаря растерянности властей, колебаниям одесских полков, было очень легко овладеть городом, мы бездействовали. И в нашем бездействии в значительной степени виновна наша изолированность. А дальше этот фактор чувствовался еще сильней.

Были, конечно, и очень важные недостатки на корабле, значительно повлиявшие на нашу бездеятельность и сдачу.

Наиболее ощущительный дефект заключался в том, что в самые решительные минуты власть находилась в самых нерешительных руках. Я думаю, что, если читатель вспомнит главы о приходе эскадры, измене «Георгия» и феодосийской экспедиции, ему ясно станет, как сильно повлияло это обстоятельство на неуспех нашего восстания.

Серьезную ошибку сделали и мы, Кирилл, товарищ А. и я, не устроив, в противовес тайной организации кондукторов, сплоченный кружок из наиболее решительных матросов. Читатель помнит, верно, что действия контр-революционеров были правильно организованы, что они имели успех благодаря тому, что революция не противоставила им такой же организованности; наоборот, она была крайне дезорганизована. Лучшие матросы в эти моменты находились в машинных частях корабля, а та кучка решительных людей, которая была наверху, где решались судьбы восстания, была рассеяна и действовала вразброд.

Если б 30—40 человек решительных матросов, повинуясь своему центру, схватили бы винтовки и угрожали бы расстрелом всякому, вносящему панику в среду матросов, затем созвали бы

всю команду на собрание, то можно было бы снова овладеть командой и исправить тот недостаток, который происходил от отсутствия власти в наших руках.

Но мы, боясь внести раскол в среду команды, боясь прямо посмотреть в глаза тому, что уже существовало, не сделали этого...

Слабая агитация, обусловленная малым количеством агитаторских сил, и целый ряд других промахов, сделанных нами, дополняли друг друга и отрицательно действовали на ход восстания.

Не трусость и малодушие заставили матросов «Потемкина» сдаться; тут был целый ряд причин, лежащих вне их. И если кто-нибудь хочет правильно понять действие этих сил, то пусть он помнит, что матросы «Потемкина» не были какими-нибудь необыкновенными людьми, остававшимися непроницаемыми для условий окружающей среды; пусть он помнит, что как ни смелы и самоотверженны эти люди, у них в момент восстания не было той могучей сознательности и веры в успех народной революции, которые позволяют обладателям их действовать прямо и решительно, без колебаний продолжать начатое дело. Пусть он помнит и то, что это были первые солдаты, вступившие на путь революции, не имевшие еще никакого предшествующего опыта, который показал бы им, что не они одни, а вся армия находится уже в оппозиции.

И как ни трагична была для революции развязка этого восстания, оно само все-таки не перестало от этого быть великим моментом русской революции. Достаточно вспомнить последующие восстания моряков и солдат, чтобы понять ту роль, которую сыграл «Потемкин» в великой и мировой трагедии—в русской революции.

Конец первой части.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

«Броненосец скрылся с горизонта»?.. Весть эта отозвалась во мне мучительной болью. Сразу все то светлое и сильное, чем жили мы все эти дни, оборвалось, и бесконечная щемящая душу тоска охватила меня... Все окружающее отвечало ей: мертвая тишина шла со всех сторон опустевшего города; солдаты и офицеры, пораженные только что происшедшей драмой, угрюмо молчали....

Чем вызвано было это настроение? Изменой ли товарищей, оставивших нас в руках правительства или смутной уверенностью в предстоящей сдаче?... Я до сих пор не могу ответить на эти вопросы, разобраться в своих тогдашних переживаниях. С грустью вспоминал я о том, как миноноска в решительную минуту бежала, не подобрав даже раненых товарищей... Но еще больше томила меня неизвестность о будущих дйствиях «Потемкина». Мне вспоминался упадок настроения, вещие слова Задорожного о бегстве в Румынию, все это я сопоставлял с угольной нуждой и с бегством из Феодосии, и невольно в душу закрадывалось сомнение, а мысль о том, что такое славное дело может закончиться сдачей, бесконечно мучила меня... Куда ушел броненосец? На запад иль на восток? Сражаться иль сдаваться? Если б на восток... я бы простил тогда матросам и бегство и измену...

Самый же арест не страшил меня. Предыдущие дни так приучили стоять лицом к лицу со смертью, что и сама казнь не страшила. Наоборот, я настолько бодро глядел в будущее, что ощущал в себе силы бороться и в самых когтях властей: мысль о суде, на котором я сумею обнаружить перед всем миром слабость самодержавия, сменялась мыслью о побеге... До

суда я решил приложить все усилия, чтоб вырваться из рук палачей.

Мысль немедленно перешла к практической форме осуществления этого желания. Необходимо было сразу обставить себя так, чтоб была наибольшая возможность побега. Я прекрасно понимал, что надзор за мной будет гораздо строже, если обнаружат во мне «вольного», и я решил пока выдавать себя за матроса. Но опытность жандармов и предательство уже через несколько часов разоблачили меня.

Вскоре после ухода броненосца у ворот сада показались два жандармских офицера и властно и уверенно направились к нам. Охранявший нас офицер попытался было не пропустить их, ссылаясь на военное положение, но жандармский полковник грубо прикрикнул на него и подошел ко мне.

— Матрос?

— Так точно, ваше высокородие.

— Какой статьи?

— I статьи, ваше высокородие.

— Покажи руки. Ну, плохой же ты матрос,—продолжал полковник, рассматривая протянутые мною ладони, на которых не было и следа тяжелой матросской работы.

— Как зовут?

— Федор Мякишкин.

— Запишите его имя,—обратился полковник к сопровождавшему его офицеру,—и справьтесь немедленно по телеграфу в Севастополь, есть ли такой.

Жандармы перешли к Кошубе.

Почему-то Кошуба назвался сначала не своим именем.

— Что, раскаиваешься ты в том, что столько бед натворил?—обратился полковник к третьему матросу, Ивану Задорожному.

— Чего жалеть-то? Хиба мы плохое что сотворили,—просто и спокойно ответил Задорожный, добродушный хохол.

— Ну, ладно! Когда вот перейдешь в мои руки, тогда пожалеешь!

Но прекрасным желаньям полковника не суждено было сбыться, так как почти в ту же минуту во двор вошла рота солдат, посланная начальником гарнизона Герцыком, с приказанием препроводить нас на военную гауптвахту.

Расставив роту в круг, офицер поместил нас в средине его и повел нас по совершенно пустым улицам, только около гауптвахты откуда-то появилась толпа рабочих и работниц и двинулась за нами... Лица их выражали сострадание и готовность помочь нам. Но... штыки сверкали...

На гауптвахте мы встретились с шестью другими матросами, уцелевшими каким-то чудом во время стрельбы, с ними был еще седьмой матрос, накануне ночью уплывший с броненосца на берег с тем, чтобы предаться в руки властей; он увидел меня и закричал: «Да ведь это наш студент!»—Таким образом мое происхождение было сразу открыто.

Посадили нас в темные сырые одиночки, окна которых были плотно закрыты тяжелыми ставнями; свет и воздух проникали только через маленькое отверстие в дверях, выходивших в грязный коридор.

Через несколько дней после нашего заключения к дверям моей камеры подошел какой-то солдатик-еврей. Назвавшись барабанщиком Могидловером, он стал говорить о том, как тяжело ему переносить мысль о недавнем расстреле матросов солдатами:

— Я не могу молчать, я должен протестовать!—заключил он свою возбужденную нервную речь. И тут же предложил мне свою помощь для побега.

Обстоятельства были довольно благоприятные: окно моей камеры выходило на улицу, где не было солдатского поста; оно было настолько невысоко, что подошедший с улицы человек мог легко распилить решетку и освободить меня.

Таким же образом можно было устроить побег и Кошубе.

Могидловер взялся исполнить все в эту же ночь...

Через несколько часов он стрелял в Герцыка.

Солдаты рассказывали, что Герцык, делая смотр солдатам, стал хвалить их за молодецкую стрельбу по матросам. И его наглая, полная цинизма речь прорвала накипевшее за эти дни в душе Могидловера чувство обиды и злобы к палачу, он выхватил винтовку из рук стоящего вблизи солдата и дал два выстрела по Герцыку.

Но волнение, вполне понятное при таком внезапном и сильном порыве, помешало ему попасть в цель, и на этот раз жертвою

святой мести пал невинный солдат. Через месяц он был казнен... Так погибла эта чистая душа, неумевшая снести издевательства насильников...

Вместе с арестом Могидловера исчезла надежда на побег из феодосийской гауптвахты, так как в тот же день меня перевели в камеру, выходящую окном во двор гауптвахты, где поместили целую роту солдат. Кругом всего здания расставили часовых. Караул гауптвахты, едва насчитывавший прежде до тридцати человек, был увеличен теперь до двух рот.

Это усиление надзора было произведено, как сообщил мне один офицер, по телеграфному приказанию Чухнина и продолжалось за все время нашего пребывания на гауптвахте, что сильно обозлило и без того негодовавших против начальства солдат. Эти неочередные, лишенные всякого смысла дежурства в жаркую летнюю пору как бы говорили им, что они находятся не на родине, а в какой-то вражеской стране.

— Точно на войне с японцами, — говорили они друг другу.

Часто подходили они к нашим окнам и просили рассказать им, как мы начальство перебили.

И по мере того как мы объясняли им, из-за чего и против чего мы боролись, лица их оживлялись, и все больше собиралось их около окон.

— Правду, ребята, матросики говорят,—раздавались восклицания, — и нам бы так давно... Да только... Эх! не люди мы!...

Иногда начиналось даже обсуждение плана восстания и главным препятствием служила неуверенность в других частях армии.

— Вам хорошо начинать: затворились на одном броненосце, у вас уж и сила, крепость... Там хоть пристанут другие, аль нет, а все же обороняться можете. А у нас—рота подымется, выйдет с своими винтовками, а на нее десять рот. Да и патроны опять же: наберем полные пояса патронов, а как расстреляем их, так нас без боя, как кур, возьмут,—говорили солдаты.

— Ну да, впрочем, не унывайте: авось выручим еще вас,—заканчивали они свои речи, стараясь ободрить нас.

Только солдаты седьмой и девятой роты, те самые, которые стреляли по нас, сердито и угрюмо молчали во время своего дежурства. Да и эти вели себя так не из вражды к нам, а от

стыда, пробудившегося в них под влиянием бойкота со стороны других солдат.

Совсем другое представляли из себя господа офицера феодосийского гарнизона. Они частенько захаживали на гауптвахту и беседовали с матросами и солдатами. И таким диким человеконенавистничеством дышали их речи, что иногда страшно становилось за человеческую душу.

Особенно отличался в этом отношении некий поручик Померанцев. Признаюсь, я долго не мог решить, офицер это или жандарм: до того гнусно и дико было его поведение.

Как-то ночью я проснулся от стука и увидал в камере двух офицеров; в одном из них я узнал поручика Померанцева, другого же, блестящего жандармского офицера, я видел в первый раз.

— Ваше имя и фамилия,—обратился ко мне последний, лишь только заметил мое пробуждение.

— Это вас не касается,—ответил я, совершенно проснувшись и поняв ночной визит жандарма. — Но нельзя ли избавить меня от ночных посещений?

— Простите,—с чисто жандармской вежливостью сказал офицер,—но я только что приехал из Петербурга и мне надо немедленно ехать обратно. Так почему вы не хотите назвать своего имени? Ведь вас все равно откроют. Ну, а в последнем случае вы не станете ведь отрицать себя?

— Вероятно.

— Удивительная логика у всех революционеров. Вот Каляев, представьте себе, точно так же говорил со мной, а когда открыли его, признал свое имя... Не все ли равно вам, часом раньше или позже откроем мы вас?

— Об этом предоставьте мне судить самому.

— Может быть, вы передумаете, я останусь до завтра?

— Как угодно.

— Господин капитан занят,—сказал вдруг Померанцев.—Вы скажите, можете ли вы завтра изменить свое решение, тогда он останется.

— Думаю, что это будет бесполезно.

Офицеры удалились; но все-таки жандармский и на другой день снова явился ко мне, тщетно стараясь узнать мое имя.

С тех пор Померанцев задался целью узнать мою фамилию и степень моего участия в бунте. Ради этого он заходил к матросам и обращался к ним с речью, в которой всячески убеждал их сказать мое имя.

— Если назовете его, братцы, то вам ничего не будет. А он жид, что его жалеть-то. А не объявите имя его, вам же плохо будет, всех перевешают.

Но увы! все красноречие этого добровольного жандарма заранее было обречено на неудачу, по той простой причине, что никто из матросов не знал моего имени.

Погромная проповедь также была любимым занятием поручика Померанцева и прочей офицерской братии. Помню, как, зашедши вечером к нам на гауптвахту, он стал говорить с солдатами об акте Могидловера:

— Что это, ребята, думаете, он нечаянно солдата убил? Какой там! Ему лишь нашего брата православного уничтожить. И всю смуту ради этого жиды-то делают. И вы их бейте, режьте, штыками колите! Все равно в ответе не будете. Так и знайте: как еще один из них нашего брата убьет, так сейчас выходи на улицу и всех жидов режь!

Приблизительно то же самое говорил на гауптвахте и сам Герцык.

Таково было феодосийское офицерство.

* * *

На четвертый день нашего пребывания на гауптвахте мы узнали из газет, что «Потемкин» сдался...

Кто из читателей помнит, какими смелыми и гордыми надеждами мы жили на «Потемкине», тот может понять, какие чувства вызвала в нас сдача «Потемкина».

В те минуты я не мог еще хорошо разобраться в причинах сдачи... и она казалась мне изменой родному делу, страшным позором. Мне казалось, что весь мир с презрением и ненавистью смотрит на нас, что слово «потемкинец» стало синонимом измены и трусости. Я чувствовал и слышал кругом гул общественных негодований и понимал, что я сам, как участник вовсстания, разделяю позор этой сдачи... С ужасом думал я о суде, на котором я предстану перед всем миром, и он казался мне днем

всенародного поругания; отсюда явилась боязнь суда, страстное желание бежать от него, снять с себя позорное имя «потемкинца».

С жадностью ждал я газеты, и когда получал ее, то боялся раскрыть: мне казалось, что сейчас со столбцов ее на нас посыпятся негодующие речи.

До сдачи «Потемкина» я бодро переносил свой арест. Прошедшие дни давали мне силу смело глядеть в будущее... Сдача затуманила блеск прошлого; оно на время ушло куда-то, и только одно слово «измена» осталось на месте его.

Так прожил я три недели.

* * *

Через десять дней после ареста нас перевели в пересыльную тюрьму.

Еще утром этого дня кто-то сообщил Кошубе, что ночью нас увезут в Севастополь, а на гауптвахте целый день совершались какие-то приготовления: к нам приходил какой-то писарь и снимал с нас подробный допрос о наших именах, чине и т. п.; во двор ввели еще несколько рот.

В десять часов вечера стало слышаться уже бряцанье офицерских шпор и слова команды.

В два часа ночи двери моей камеры растворились, и дежурный унтер-офицер произнес обычное «собирайтесь».

Я быстро натянул сапоги, накинул солдатскую шинель и, под конвоем нескольких солдат, ожидавших меня у дверей, вышел в караульное помещение [1]).

Тусклая лампа слабо освещала движущуюся массу людей. В центре помещения стояли все арестованные в Феодосии матросы, переодетые в солдатские платья, а кругом стояли солдаты с винтовками... Унтер-офицер торопливо бегал между солдатами и шопотом давал им какие-то объяснения.

Сквозь темный покров ночи я увидел, что на улице и во дворе также стоят солдаты. В темноте все принимало фантастические формы, и чудилось, что хищники совершали какое-то страшное дело...

---

[1]) Комната, где находятся все свободные в данный момент солдаты.

Но вот вошел офицер, сделали перекличку, раздалась команда, и мы тронулись в путь. Кошуба и я шли рядом, мы чувствовали себя бодро.

— Все ближе к нашим матросикам будем; они в обиду не дадут! Да и скорей видно станет, что с нами будет, — сказал мне Кошуба.

Остальные матросы чувствовали себя, наоборот, очень плохо: им почему-то показалось, что их ведут на казнь. Кошубе и мне стоило больших усилий доказать им, что без суда нас не казнят... Но было действительно что-то жуткое во всем этом шествии... Гулко раздавались шаги двухсот человек в ночной тишине. Впереди были штыки, кругом штыки, позади штыки... Мы выходили на все более и более глухие улицы и, наконец, вышли в поле... И по какому-то странному стечению обстоятельств, лишь только мы вышли в поле, где-то раздался залп... И невольно на ум приходила мысль о казни; думалось, что вот через месяц-другой также поведут на нее, а каждый шаг наш все ближе и ближе приводил нас к этой развязке...

Но вот перед нами вынырнула тюрьма. Медленно растворились тяжелые ворота, и черный, как бездна, двор поглотил нас. Снова перекличка и обыск, после которых всех нас поместили в пересыльном помещении. Здесь я впервые получил возможность поговорить с остальными матросами, узнать их настроение.

Тот упадок духа, который чувствовался в последние дни на броненосце, отразился и на этих товарищах. Славные дни «потемкинского» господства были забыты; место их заняла сдача, измена товарищей, а впереди — голая плаха... И хотя матросы не выдавали открыто своей боязни, но чувствовалась в них какая-то пришибленность. Она ярко отразилась в их отношении к побегу.

В этот же день представилась возможность бежать из пересыльной тюрьмы. Можно было бежать всем нам; но матросы энергично протестовали и всячески убеждали меня и Кошубу, решившихся уже бежать, оставить эту затею.

— Все равно переловят, и хуже будет; а так, может, помилуют, — аргументировали они.

Только Задорожный спокойно и даже с оттенком хохлацкого юмора относился к своему положению. Совсем иначе чувствовал себя Кошуба. Я встречался с ним два раза в день,

во время обеда и ужина, и поражался его уменью заполнять свою жизнь. Он переживал время неофитства.

— Вот сегодня какое счастье мне привалило, — рассказывал однажды Кошуба, — знаешь, девушка одна подходила — товарищ, своя. Поглядела на меня этак грустно, грустно, а потом и пошли мне воздушный поцелуй...

И столько восторга и светлой радости было в его глазах, когда он произносил слова: «девушка-товарищ», что она невольно сообщалась и мне, и я чувствовал, что и со мной случилось сегодня что-то хорошее, светлое...

Или он начнет петь мне сложенные им стихи о славных черноморских днях и о бедной доле матроса. Это было самым любимым его занятием.

Вообще же его любовь к «матросикам» заполняла все его существование и выражалась в крайней идеализации их: до восстания он любил их, как веселый удалой народ, теперь он восторгался ими, как первыми защитниками народа. Тем ужаснее было для него издевательство Чухнина, заставившего этих же самых «матросиков» расстрелять Кошубу.

* * *

В пересыльной тюрьме нас держали всего только сутки, но за это короткое время представилась удобная возможность побега.

Уголовные, узнав о грозящей нам казни, решили помочь нам бежать и для этого составили простой и хороший план.

Окна пересыльного помещения выходили в пустынный и небольшой двор, служивший для прогулок; в нем не было специальной стражи, но изредка его обходили часовые, дежурившие в других дворах тюрьмы.

План был составлен таким образом: в шесть часов вечера, когда по окончании прогулок двор пустеет, мы, посредством переданного нам лома, должны были проломить стену (работа эта, вследствие тонких стен, не должна была занять более двух часов) и, через образовавшуюся брешь, выйти во двор, а отсюда при помощи кошки [1]) выбраться на улицу. Здесь нас должны

[1]) Особое приспособление, состоящее из веревки, на конце которой привязано нечто вроде железного якоря. Якорь перекидывается через стену так, чтоб он вонзился своими остриями. Затем по веревке лезут на стену.

были ждать «свои люди», которых уголовные известили о готовящемся побеге.

Совершенно обособленное, лишенное стражи помещение пересыльного отделения позволяло нам, без всякого риска быть замеченными, производить свою работу, а о часовых нас предупреждали уголовные пением определенных песен.

Но этот план не удался по нашей же собственной оплошности. Еще утром, когда нам ничего не было известно о нем, мы потребовали от начальника тюрьмы прогулку; последний отказал нам. Тогда мы призвали его к себе и обещали перебить все, что было в номере, если наше требование не будет удовлетворено. Перепуганный старик обещал нам.

И когда в шесть часов вечера надо было начать работу, нас вызвали на прогулку. Отказом от нее, после таких настойчивых требований, мы могли сразу возбудить подозрение начальства и потому пришлось итти во двор. Прогулка продолжалась целый час, а после нас во двор вывели женщин... Только в восемь часов вечера могли мы начать работу. Но увы! через полчаса нас вызвали в контору: за нами явился конвой.

* * *

Мы в арестантском вагоне. У дверей стоят часовые с обнаженными шашками. Остальные конвойные сидят в разных местах между арестованными, размещенными на скамьях, по два человека на каждой.

Входит офицер... Раздаются грубые и жесткие слова:

— При малейшей попытке бегства пускать в ход оружие. Убивать без пощады.

— Слушаюсь, — отвечает унтер.

Офицер удаляется... Звонок... и платформа вокзала убегает от нас...

Все сразу изменилось в вагоне: конвойные оставили свою напускную строгость и превратились в добродушных русских солдатиков. Появился табак, водка... Раздались песни; посыпались рассказы и циничные анекдоты.

Особенно усердствовал в этом отношении маленький, тщедушный солдат-арестант. Отправляли его в симферопольский военный госпиталь для испытания умственных способностей.

Служил он раньше денщиком: «в строй не взяли, потому курица, а не солдат». Но за сравнительно короткое время службы бежал он уже три раза; его ловили, сажали в карцер, били; но ничто не могло его исправить: месяца четыре посидит смирно, а потом опять в бегах. Теперь его, наконец, отправляли в госпиталь.

— Да что же ты бежишь от службы, тяжело тебе, что ли? Плохо живется?—спрашивал я его.

— Чего плохо? Служить хорошо. Офицер у меня хороший— не бьет. А у жены его любовником состоял...

Дальше следовало циничное выражение, вызывающее дружный хохот солдат.

— Так зачем же ты бежишь? Ведь наказывают тебя за это,—продолжаю я свой допрос.

— Да—так! Тянет что-то, и бегу. Посижу время смирно; а там хватит за душу... Что-то в поле хочется... ну, сейчас казенные вещи спущу, денег малость наберу—и гуляй себе!...

— Ну хорошо, а вот тебя теперь, если больным не признают, в дисциплинарный батальон упрячут!

— Ну что ж, и оттуда сбегу.

И, отвернувшись от меня, он снова стал рассказывать солдатам, как он «любовником офицерской жены состоял»...

...Два часа ночи... в вагоне все уже спит... только чей-то бодрый голос говорит о царе, об угнетении, о восстании. Это Кошуба разговаривает с конвойными... Глаза его горят, он не чувствует усталости... и вдохновенная речь льется рекой...

А поезд мчится вперед...

Полная луна далеко освещает поля, покрытые стогами скошенного сена. Какое оно душистое! Как хочется припасть к нему... Неужели никогда я не буду глотать его пьянящий запах?.. Поезд быстро мчится. «Нет, нет—никогда; нет, нет— никогда»,—поют его колеса.

Как хочется вырваться на волю...

Хоть на минутку, на час, для того только, чтоб упиться жизнью, взять всю ее во всем ее богатстве. Потом и умереть можно.. Минуту, только минуту свободы... И как люди не умеют ценить жизнь, свободу!... Как не чувствуют они ее ежеминутно, ежечасно... Вот мы промчались мимо какого-то мужичка... Вот

и он идет спокойно по полю и не чувствует своей свободы, того счастья, которым он располагает.

И все так; и я раньше не чувствовал его... но если бы сейчас я был там, на свободе, о, как любил бы я жизнь...

«Нет, нет — никогда; нет, нет — никогда...» — насмешливо поют колеса.

Однообразно бегут поля, и кажется, что это сама жизнь бежит так же быстро, так же однообразно... И остановится она так же скоро, как и этот поезд...

Неужели так и отдать свою жизнь, неужели я не вырвусь из их рук?.. Чу!... кажется, все заснули... все смолкло... Осторожно поворачиваю я голову, оглядываю часовых; спят... Выпрыгнуть сейчас же, минута — и я на свободе!... Но двери заперты на крепкие замки, а в окнах решетки.

«Нет, нет — никогда... нет, нет — никогда...» — злобно-торжественно поют колеса.

* * *

В десять часов мы прибыли на станцию Джанкой, и здесь стояли четыре часа в ожидании поезда из Харькова. Наш вагон, отцепленный от других, стоял не у станции, а далеко от нее на полотне железной дороги.

Сквозь решетчатые окна видны только крыши станционных строений, ни души кругом, ни одного признака жизни. Иногда только пройдет рабочий в синей куртке или тяжелый паровоз, с шумом и скрипом, медленно тянет за собой бесконечную цепь товарных вагонов...

У нас между тем этапная жизнь была в полном разгаре: конвойные принесли кипяток и под звуки полных цинизма речей медленно, со вкусом распивают чай. Остальные же обитатели клетки жуют хлеб с солью и черной как уголь колбасой и умилительно смотрят на конвойных в надежде получить от них кружку желтоватой влаги.

Я присел к конвойным и стал разговаривать с ними. Речь зашла о службе, о народном движении и, наконец, о «Потемкине».

Из этой беседы я увидал, что и здесь таится крамола; и эти люди сочувственно относятся к революционному движению; и они подчиняются царизму из-под плети.

Когда подошел «Потемкин», они ждали только первого выстрела с него, чтоб бросить винтовки. Но у них оппозиционное настроение соединялось с каким-то удивительным покорством и исполнительностью. Несмотря на совершенно дружелюбное, сочувственное к нам отношение, они зорко стерегли нас и не задумались бы пустить в ход оружие и жестоко наказать нас при первой же попытке бежать. Эта черта ярко отразилась в нескольких случаях из жизни сибирских конвойных, о которых рассказал мне один из моих собеседников. В Нарымский край везли партию политических; конвой попался хороший—все солдаты распропагандированы; отношения между солдатами и политическими были чисто-товарищескими. Один из политических задумал побег и, когда конвойные отвернулись, выпрыгнул из окошка, сделав это так неудачно, что упал без чувств у будки железнодорожного сторожа. Последний заметил его и втащил к себе. Через полчаса прибежали конвойные с остановленного поезда и, увидя политического, подвергли его страшному истязанию; в своем исступлении они дошли до того, что отрубили несчастному пальцы.

К моему удивлению конвойный, рассказывавший об этом, похвалил истязателей и высказал мысль, что и сам бы он так поступил.

— Как же так—товарищи, и вдруг такое зверство?

— А он, думаешь ты, не зверь? Разве он конвойных не подводит под дисциплинарный? А у них дома жена да ребятишки. Вот дойдешь до назначения, тогда и беги. По крайности, никого не подводишь. Тогда и я тебе помогу... Да вот с одним политическим такой случай был. Привез его конвой на место назначения, а он через месяц и убеги. Пришел на железнодорожную станцию, а денег в кармане ни шиша. Что тут делать?... Сидит он эдак, пригорюнившись, кто-то его по спине ударил... Оглянулся, а перед ним прежний конвойный. Ну, разговорились как следует, по-дружески. И что ты думаешь!? Эти же конвойные сами и денег ему промеж себя на билет собрали...

— Ну вот хорошо,—прервал его я,—что его на вольное-то поселение сослали. Он и знал, что ему оттуда удрать можно. А мне вот как быть: с дороги аль с виселицы удирать?!

Солдат виновато опустил глаза; что-то болезненное пробежало по его лицу...

— Зачем с виселицы? Из тюрьмы удрать можно!...—сказал он, но, сейчас же почувствовав неискренность своих слов, с какой-то захватывающей тоской добавил:

— Эх, брат, и пустил бы я тебя; нешто самому мне не тошно человека-то на казнь возить... Да силушки нет, как вспомню я про начальство и суд, так и зверем гляжу. Попробуй-ка бежать, вот и прикончу. Не сам я, а рука моя так и пустит пулю...

Невдалеке просвистел паровоз, и послышался шум подходящего поезда.

— Готовься!—скомандовал вошедший унтер-офицер. Все изменилось...

Конвойные обнажили шашки и снова приняли важный и строгий вид. Нас построили в ряды по два человека, приставили с обеих сторон каждого ряда по два солдата, и в таком порядке мы двинулись к арестантскому вагону харьковского поезда, где нас должен был принять новый конвой.

Через несколько минут мы уже находились в длинном арестантском вагоне, наполненном арестованными всех профессий. Здесь были рабочие, высланные административным порядком, солдаты и даже несколько моряков...

Я обрадовался новым людям и подсел к компании, состоящей из нескольких старых рабочих-мужиков и одного моряка.

Между ними шла довольно оживленная беседа: старый, седой, как лунь, рабочий рассказывал о своих похождениях. За свою долгую жизнь он исходил всю Россию: побывал и на Волге и на Урале, на Кавказе и в Крыму, и всюду он видел страшную нищету и горе. Все виденное им породило в нем дух протеста и, несмотря на свои старые годы, он горел вдохновенным огнем ненависти к произволу. Последние годы он жил в Питере и участвовал там в Гапоновской процессии. По доносу шпионов полиция выслала его с товарищами в какой-то уездный город. Но, когда их привезли этапом на место ссылки, власти отказались принять их и этапным же порядком выслали в другой город. Но и тут повторилась та же история. Так уж семь месяцев путешествуют они этапом из одного города в другой! Теперь их

выслали их Харькова в Симферополь. Но и сюда они едут без всякой надежды на освобождение.

— Чего же вы не протестуете?

— Да как его протестовать-то будешь? Разве только с нами так поступают? Нонче таких много развелось. Вот намедня партию из пяти человек встретили, тоже больше полугода маются... И кличка-то у нас особая: «этапники»—так и величают.

Из дальнейшего разговора я узнал, что существует целый разряд людей, проводящих многие годы своей жизни в этапах. В числе этих «этапников» очень много и уголовных преступников, странствующих по милости начальства из города в город, везде получая отказ в принятии. Это явление особенно увеличилось с тех пор, когда усиленная охрана была распространена на целые губернии России.

Пока мы разговаривали об этом, поезд подошел к Симферополю, и конвойный унтер-офицер вызвал «этапников». Я остался наедине с матросом, выглядывавшим старым морским волком.

Разговор зашел о побегах из севастопольских тюрем. По уверениям матроса, побег возможен был только из сухопутных мест заключения; в особенности легко бежать из морских экипажей [1]), где сторожа состоят из матросов, безусловно преданных революции. Единственное место, откуда побег совершенно невозможен — плавучая тюрьма.

— Как попадешь туда — тут и крышка... Никуда не уйдешь...—сказал мне матрос.

* * *

Уж спустилась ночь, когда мы приехали к Севастополю.

На вокзале нас окружил присланный специально за нами конвой и повел в морские экипажи.

Не без трепета вступал я в этот город, к которому непрерывно обращались наши взоры во время всего восстания. Здесь находилась эскадра и самые сознательные части флота, от слова которых зависел успех восстания... С жадностью прислушивались мы ко всему, что шло оттуда... Но Севастополь загадочно

---

[1]) Морскими экипажами называются в Севастополе флотские казармы для матросов.

молчал... И когда уже все кончилось и «Потемкин» сдался, мы все еще надеялись, что Севастополь заговорит, заговорит так, что затрясется самое подножие трона...

В глубине души таилась даже надежда на то, что товарищи матросы освободят нас...

С напряженным вниманием вглядывался я в темные улицы, думая, что вот-вот попадется нам навстречу отряд моряков. Известие о том, что нас ведут в экипаж, придало мне бодрости, и надежды, одна радостнее другой, сменялись в моем воображении.

Скоро мы уже были в экипаже и остановились перед зданием морского суда. Дежурный матрос побежал докладывать офицеру, и через несколько минут последний появился вместе с отрядом вооруженных матросов.

Отпустив конвой, дежурный офицер послал одного матроса за приказаниями к начальнику экипажа, а сам расположился невдалеке от нас. Но тут Кошуба не выдержал и обратился к матросам с горьким упреком за то, что они не поддержали «потемкинцев», и призывал их исправить скорей свою ошибку, переколов всех офицеров.

Терроризированный, очевидно, тендровским избиением, офицер молчал и только нервным потаптыванием ноги выдавал свое волнение и злобу...

Наконец, прибежал матрос с приказанием от начальства; нас окружили и повели в здание какого-то экипажа, где и разместили в двух больших камерах...

Офицер удалился, и моментально рослые матросы с сочувственными лицами подбежали к нашим дверям... Некоторые «потемкинцы» встретили здесь своих прежних товарищей. Посыпались приветствия, вопросы... Но новости, сообщенные матросами, были плохи: весь флот разоружен; с броненосцев выгрузили снаряды; из экипажей отобрали ружья; на многие корабли введена вооруженная пехота. Аресты произведены во всех частях; арестовано уж более трех тысяч матросов; все тюрьмы крепостные, городские и плавучие переполнены, и недавно «Прут» превратили в плавучую тюрьму! Ходят слухи, что тридцать пять матросов расстреляны без суда, что остальных ожидает суровая кара... Некоторые, впрочем, были настроены более оптимистически и говорили, что государь сам взялся за

это дело, что Чухнина отставят, провинившимся матросам дадут легкие наказания.

Я, конечно, не придавал никакого значения последним слухам и, наоборот, считал первые вполне вероятными. Придавленный этими вестями, я не спал всю ночь. В восемь часов утра нам приказали готовиться и вывели во двор. Там уж стоял взвод матросов и морской офицер. Ожидали только винтовок для конвойных матросов, за которыми отправили людей в солдатские казармы [1]).

Наконец, принесли винтовки, и мы двинулись.

Конвойные матросы сообщили нам, что нас везут на плавучую тюрьму «Прут». И действительно, нас привели к берегу и посадили в шлюпку. Сомнений больше быть не могло: нас везут на плавучую тюрьму! «Как попадешь туда, тут уж и крышка. Никуда не уйдешь!...»—вспомнил я слова матроса.

Стояло роскошное июньское утро. Солнце весело играло, погружая свои жгучие лучи в прохладные воды, а они точно томились в неге от этой горячей ласки... Все говорило о жизни, о красоте и так жить хотелось!... А мы все ближе и ближе приближались к могиле..

Наконец, шлюпка остановилась у трапа «Прута». Дежурный матрос побежал докладывать командиру. Но последний, подошедши к трапу, заявил, что принять нас не может, так как на корабле нет больше свободных одиночек.

Минута напряженного ожиданья, смутных надежд—и вдруг раздался чей-то голос, сразу разбивший эти надежды:

— Темные есть.

Нас повели наверх; мы были встречены командиром, окруженным морскими офицерами, и каким-то армейским поручиком. Последний, исполнявший на корабле добросовестно и усердно роль тюремщика, вызвал солдат, которые обыскали нас и повели в тюремное отделение корабля, т.-е. трюм.

Небольшое отверстие, ведущее в трюм, было почти наглухо завешено парусным брезентом, для того, чтоб к заключенным не проникало слишком много света и воздуха. Страшное злово-

---

[1]) В казармах русского флота не было 20 винтовок! Такова была победа царизма над восстанием.

ние и мрак охватили нас, лишь только мы вошли в трюм, где содержались сотни арестованных. Воздух очищался только при помощи одного вентилятора и маленьких окошечек, какие бывают в трюмах больших пароходов... В наскоро построенных камерах, рассчитанных maximum на восемь человек, с двумя или тремя такими оконцами, сидело по 20—30 матросов. Было до того жарко и душно, что матросы сидели совершенно раздетые; было до того тесно, что люди при малейшем резком движении топтали друг друга, а солдаты, стоявшие на часах, были мокры от пота... И при всем этом мириады клопов...

В светлых одиночках сиделось несколько легче... Нас рассадили по камерам.

Абсолютная темнота и удушливый воздух охватили меня; казалось, что я очутился под землей... Свежего воздуха почти не прибывало, а раскаленный борт корабля, к которому примыкала моя камера, обдавал меня страшным жаром. Я был лишен света и воздуха...

Камера моя была величиною в три шага, а когда я выпрямлялся, я доставал головою потолок.

Это была не камера, а клетка.

Ощупью нашел я койку и бросился на нее. Три прошедшие бессонные ночи сказались теперь, и я заснул сном праведника.

Проснувшись, я почувствовал, что тело мое горит и что что-то большое и скользкое ползет по мне. В ужасе скинул я рубашку и прикоснулся рукой к голому телу, но в ту же секунду почувствовал, как сотни клопов ползут по моей руке; я был весь облеплен клопами. Я стал стучать, но получил ответ, что унтер с ключами ушел. Я стал сбрасывать с себя гадов, а они облепляли меня все новыми и новыми легионами. Наконец, мне удалось изгнать их. Тело мое было покрыто укусами, начался страшный зуд, и скоро весь я был в крови.

Я решил не прикасаться больше к койке и все время своего пребывания на «Пруте» провел в хождении из угла в угол... Спал я стоя...

Едва справившись с клопами, я открыл новых обитателей в своей клетке: я вдруг услышал писк и вслед за тем что-то пробежало между моими ногами. В недоумении я стал шарить кругом, но скоро все объяснилось: это были крысы. Они появи-

лись откуда-то в несметном количестве, бегали и сновали у меня между ног и сидели на моих сапогах... Я прогонял их, но они снова являлись громадными толпами...

Меня, очевидно, посадили сюда с тем, чтоб заставить меня просить пощады; но, затаив все глубоко в себе, я молчал...

Так самодержавие праздновало свою победу.

* * *

На «Пруте» содержались матросы самых различных частей флота.

Ужасные условия заключения и слухи о бывших и грядущих казнях не могли не наложить самого тяжелого отпечатка на настроение заключенных матросов, почти сплошь принадлежавших к самым несознательным элементам флота. Все они были охвачены паникой. Какая-то пришибленность, уныние лежали на всех... И иногда даже полз тихий, но страшный шопот провокации... В этом отношении отличался вернувшийся из Румынии какой-то «потемкинский фельдфебель».

Однажды на судно приехал жандармский полковник для производства следствия. Вызвали и меня к нему. После непродолжительного допроса, он приказал ввести кого-то. Солдаты ввели вышеупомянутого фельдфебеля.

— Этот? — спросил его жандарм, указывая на меня.

— Точно так, ваше высокородие.

— Как назывался на броненосце?

— Ивановым Матвеем, ваше высокородие.

Дальше следовало сообщение о моей преступной деятельности.

Через час меня отвели в камеру. Я предался было размышлению обо всем происшедшем, когда раздавшееся на лестнице, ведущей в наше отделение, бряцанье шпор заставило меня насторожиться.

— Отопри камеру! — раздался голос, по которому я узнал прежнего жандармского полковника.

Вблизи открыли чью-то камеру.

— Тебя зовут Иваном Задорожным? — донеслось до меня.

— Так точно, ваше высокородие.

— Знаешь его? — продолжал полковник, обращаясь, повидимому, к выдававшему фельдфебелю.

— Так точно, ваше высокородие. Самое первое участие принимал; в комиссии участвовал, офицеров убивал.

Последнее утверждение было одной ложью, так как Задорожный принадлежал к комендорам и во время бунта находился в своей батарее и даже спрятал там одного офицера.

— А коли ты знаешь, кто я, так скажи, в какой я части служил, — нашелся Задорожный.

— В машинной команде, — ответил фельдфебель.

Провокатор был уличен во лжи.

В таком же духе продолжались его дальнейшие показания.

Весть об этой провокации удручающе подействовала на матросов... В их среде поселился дух взаимного недоверия; ежеминутно возникали слухи о новых провокациях... Единственный человек, умевший разогнать темную тучу, нависшую над нами, был Кошуба. Выйдет, бывало, к обеду из своей камеры этот маленький невзрачный человек:

— Эй, что приуныли, ребята!—раздается его бодрый голос, и сразу оживляется все кругом, точно луч солнца прорвется сквозь черную пелену туч... Раздаются песни, смех, и через несколько минут нельзя узнать прежних измученных людей... На третий день моего пребывания на «Пруте» меня вызвали в каюту капитана. Едва вошедши в нее, я увидел Алексеева.

В то время я еще не разобрался хорошо во всех его действиях на броненосце, и вид человека, с которым мне пришлось так много пережить, заставил меня забыть всю прежнюю вражду к нему. С неподдельной радостью бросился я к Алексееву и протянул ему руку. Но он холодно отвернулся и, не ответив на мое приветствие, сказал кому-то:

— Да, это он.

Тут только я заметил, что в каюте находится прежний жандармский полковник.

Меня, очевидно, вызвали сюда для удостоверения личности. Прежде чем я успел опомниться, солдаты вывели меня. Я весь дрожал от возмущения и крик «негодяй» невольно вырвался из моих уст, когда я уже был за дверью. Не знаю, слышал ли его

Алексеев, но думаю, что вряд ли бы он пробудил движение совести в душе этого «честного буржуа».

На другой день мое имя было открыто, а еще через день меня перевели в гражданскую тюрьму.

Еще утром этого дня меня предупредил об этом командир «Прута», и в четыре часа дежурный унтер-офицер приказал мне собираться.

Наступила тяжелая минута последнего прощанья с товарищами и Кошубой. Последний, увидав, что меня уводят, стал бешено стучать в двери своей камеры; я бросился к нему, но конвойные удержали меня. Однако, сильным движением я вырвался из их рук и подбежал к Кошубе...

. . . .

Катер быстро и шумно мчал меня к берегу.

Но теперь я не радовался тому, чего раньше так страстно и сильно желал: мысль о том, что Кошуба остался один, бесконечно мучила меня. Его образ в минуту прощания стоял передо мной, а в глазах его я читал немой укор за то, что я покидал его... А в ушах непрерывно звучали его последние пламенные слова о мести...

Катер пристал к берегу; грубый толчок одного из конвоировавших солдат вывел меня из задумчивости.

Через полчаса мы уже находились в тюремной конторе. Дежурный помощник вызвал надзирателей, приказал обыскать меня и отвести в больницу, где меня посадили в большую и светлую палату.

Едва успел я войти в нее, как в одну из стен ее раздался стук. Прислушавшись, я различил обычный вопрос:

— Кто сидит?

— Социал-демократ,—ответил я. В ответ послышалось приглашение подойти к окну.

Оказалось, что в соседней палате сидел товарищ.

— Когда вас арестовали?—спросил он меня.

Я назвал себя «потемкинцем» и с трепетом ждал слова товарища. Но, к моему искреннему удивлению, вместо слов укоризны, я услышал приветственное слово. Обрадованный этим, я разговорился было с товарищем, но подошедший к окну часовой заставил нас разойтись.

Где-то прозвонило шесть часов, и вслед затем раздалось стройное пение: то уголовные пели молитву. Через несколько минут произошла обычная проверка, и мою палату заперли на ключ. Я бросился в постель и, утомленный бессонными ночами, проведенными на «Пруте», и всем пережитым, заснул мертвецким сном.

Утром следующего дня следователь по моему делу, военно-морской судья, полковник Воеводин, в присутствии военно-морского прокурора, снимал с меня первый допрос.

На основании военного положения, меня предавали военно-морскому суду, по обвинению (100-я статья) в вооруженном посягательстве на целостность государственной власти в России. Обвинение основывалось, главным образом, на той из моих речей, в которой я убеждал матросов стрелять в город; подробное показание о ней давал мичман Калюжный, случайно присутствовавший при ней. В разговоре со мной следователь старался развить передо мной ту мысль, что бунт на «Тендере» возник не случайно, не благодаря провокации офицеров, а вследствие заранее обдуманного намерения вожаков-матросов. Для этого они, якобы, сговорились с артельщиком, поставлявшим мясо, доставить червивые продукты, чтобы таким образом поднять команду. В своем мудрствовании судьи дошли до подозрения в том, что я знал о бунте еще до прихода «Потемкина» в Одессу и заранее обещал матросам свою помощь. Словом, получилась обыкновенная картинка следственной мудрости российских судей, старающихся всякое случайное и массовое движение выдать за планомерные и обдуманные действия революционных организаций.

Не вдаваясь в опровержение этих обвинений, я назвался социал-демократом и заявил, что на броненосец я пришел для того, чтоб бороться за Учредительное Собрание, созванное на основании четырехчленной формулы.

— А какое наказание полагается мне по 100-й статье? — спросил я, между прочим, Воеводина.

Полковник замялся.

— Не стесняйтесь: я ко всему готов.

— Смертная казнь — maximum, каторжные работы — minimum.

— А скоро ли будет суд? — продолжал я.

— О, еще не скоро; я думаю, раньше, как через три, четыре месяца он не совершится. Ведь по вашему делу семьсот обвиняемых!

— Но они в Румынии?..—удивленно спросил я.

— Ну что же?—ответил полковник,—сегодня они в Румынии, завтра они в России...

Очевидно, он намекал на возможную выдачу «потемкинцев» румынами.

Обещав мне дать свидание с родными, когда будет составлен окончательно следственный материал по моему делу, полковник удалился.

* * *

Больничное здание севастопольской тюрьмы было расположено в особом небольшом дворике, который одной своей стеной упирался в здание женского корпуса, а другой отделялся от улицы. Полное отсутствие часовых, за исключением одного надзирателя, дежурившего в больнице, само по себе наталкивало мысль на побег. Не завязав еще сношений с товарищами, я решился познакомиться еще поближе со стерегшими меня надзирателями [1]) и действовать на свой собственный риск. Один из них оказался поляком. Из разговоров я узнал, что он настроен оппозиционно; что находится на тюремной службе только потому, что, не зная никакого ремесла, не может взяться за физический труд; что тюремная служба ему надоела, и он бросил бы ее с удовольствием. Из Польши он уехал только потому, что стыдно было перед товарищами служить в тюрьме. Много рассказывал он о родине, о кровавых расстрелах, которых свидетелем он был, и рассказывал это так искренно, что не могло быть и сомнения в честности этого человека. Все это так расположило меня к нему, что после трехдневного знакомства с ним я предложил ему удрать ночью вместе со мною. Поляк выслушал очень внимательно мое предложение и нашел побег вполне возможным, но окончательный ответ обещал дать вечером.

Через два часа его сменили; следующее его дежурство должно было начаться только в двенадцать часов ночи.

---

[1]) В тюрьме каждый пост обслуживают два надзирателя, сменяя друг друга через каждые шесть часов.

Томительно долго тянулось время и, наконец, пробило полночь; в коридоре раздался стук: произошла смена. Но к моему удивлению, поляк не подошел ко мне; я провел еще несколько часов в напряженном ожидании и, решив, что он еще раздумывает, лег спать.

Однако, на другой день утром у меня возникли подозрения в честности поляка. Случай помог мне. Товарищи передали мне газету и, зная, что сейчас дежурит поляк, я без всякой осторожности принялся за чтение ее; вдруг кто-то подошел со двора к моему окну и, крикнув: «спрячьте газету, ваш надзиратель заметил и донес начальству», скрылся, прежде чем я успел заметить его.

Не особенно доверяя этому извещению, я все-таки спрятал газету; но через несколько минут ко мне в камеру, действительно, вошел старший надзиратель и потребовал газету.

— Ищите, если вам угодно, — ответил я.

Обыск не дал никаких результатов, так как газета была спрятана в очень укромном месте.

— Чего же ты звал меня? — огрызнулся «старший» на поляка.

— Да я сам видел газету в их руках, — виновато ответил последний.

— Плохо глядишь ты, — проворчал старший и вышел из камеры.

— Почему вы донесли? — обратился я к поляку.

— А не читайте так, чтоб вся прогулка видела; я не могу из-за вас места лишиться.

Но этот ответ не удовлетворил меня, и я стал подозревать в поляке предателя.

Мое предположение не было напрасным: в тот же день меня перевели из больницы в тюремный корпус, а через неделю я узнал через товарищей о том, что поляк передал весь наш разговор начальству.

* * *

Перевод в тюремный корпус, однако, не очень огорчил меня: хотя исчезла надежда на скорый побег и надзор за мной был усилен, я радовался тому, что очутился среди товарищей, очень

тепло принявших меня. Близкое соприкосновение с ними и разговоры о «Потемкине» заставили меня снова передумать всю историю его, и так как в это время прошел первый острый период горя, которое вызвала во мне потемкинская сдача, я мог спокойно и объективно отнестись к ней.

«Потемкинское» восстание перестало казаться мне «авантюрой», как выразился я о нем в своем письме к друзьям из тюремной больницы, наоборот, теперь я видел в нем один из великих этапов революции. Сознание, что я участвовал в нем, вливало в меня новую струю бодрости. Суд уж не страшил меня, и снова я думал о нем с гордо поднятой головой.

Через неделю я получил первую записку от друзей, приехавших устраивать побег. Содержание было следующее:

«Ключ [1]):

Город, где жил N...

Город, где M... была арестована.

Город, где P... жил в ссылке.

Город, где R... жил в 19... году.

Город, где вы жили в 19... году.

При помощи этого ключа условьтесь о более богатом»... Дальше следовали зашифрованные строчки, в которых товарищи спрашивали, есть ли надежда на побег и что для этого нужно.

Записка была составлена очень умело: она позволяла нам условиться о ключе так, чтобы наш почтальон не знал его, и сразу обнаруживала свое непровокаторское происхождение, так как только близкие друзья могли знать такие подробности о жизни моих товарищей.

Немедля я составил ответную записку, в которой уславливался о шифре, просил сообщить о том, кто из друзей приехал, и указывал на возможность побега.

Переписка была организована. Началось обсуждение побега, для организации которого было прислано несколько энергичных и опытных товарищей следующими организациями: одесским комитетом с.-д. партии; одесским комитетом «Бунда»,

---

[1]) Ключом называются те слова, при помощи которых шифруют записки. Обыкновенно для этого служат страницы какой-нибудь книги.

киевским комитетом партии «меньшинства»; севастопольский комитет партии был тоже привлечен к участию.

В тюрьме также образовался своего рода объединенный комитет из одного социал-демократа, которого я назову N..., социалиста-революционера и меня; позднее в него вошел еще один с.-революционер Мышкин. Каждый шаг, каждый план дружно обсуждался им. Чтобы меня не замечали в переписке, наш «почтальон» приносил записку с воли одному из членов комитета, большею частью N..., который расшифровывал ее, делал свои заключения и отсылал мне. Я обдумывал ее и, если дело было серьезное, передавал другим товарищам; сделав затем сводку всем мнениям, я писал ответ на волю тем же порядком, т.-е. отсылал его N..., который зашифровывал все и передавал «почтальону».

Прежде всего решили послать на волю план тюрьмы; два дня мы трудились над ним и, наконец, после единогласного утверждения отправили его «вольным».

Через неделю из массы предположений и планов выдвинулись два проекта. Первый, исходивший от нас, отличался большим риском; было много шансов быть пойманным погоней, которая должна была последовать через три, четыре минуты после побега. Второй план, исходивший от «вольных», отличался меньшим риском и бил почти на верный успех, но на устройство его понадобилось бы не менее двух недель. Вот из-за последнего-то обстоятельства второй проект казался неприемлемым тюремному «комитету». Дело в том, что я находился под военным судом и содержался в городе, который был на военном положении. Благодаря доносу больничного надзирателя, власти были предупреждены о подготовке к побегу; их подозрение усиливалось ежедневно, и надзор за мной с каждым днем делался все строже.

Все это давало повод предполагать, что меня могут снова перевести на одну из плавучих тюрем. В таком случае промедление было величайшим риском: оно могло привести к абсолютной невозможности побега. Между тем как при участии смелых и решительных людей, первый проект имел много шансов на успех. Исходя из этих соображений, мы настаивали на приведении в исполнение нашего плана; но все-таки нам пришлось

уступить «вольным», так как выяснилось, что при нашем проекте рискуют многие товарищи.

«Вольные» принялись за подготовку своего плана, а мне надо было терпеливо ждать...

В продолжение нескольких дней все шло своим чередом; «вольные» ежедневно осведомляли нас о ходе подготовительных работ; я вел себя чрезвычайно тихо, не вступал в пререкания с начальством, и казалось даже, что мне удалось рассеять его подозрения.

Только один раз разгневал я начальника тюрьмы: моя камера находилась на четвертом этаже, я прекрасно видел все, что происходит на улице, и поэтому усиленно просил одного из «вольных» пройти мимо здания тюрьмы. Товарищ согласился исполнить мою просьбу и однажды прошел несколько раз мимо тюрьмы. Это свидание привело меня в такой восторг, что я из всех сил стал горланить какую-то революционную песню.

Как раз по двору проходил начальник тюрьмы. «Тише, перестаньте петь!» — кричали мне товарищи. Но, опьяненный восторгом, я не слышал их и продолжал свое занятие. Очнулся я уже в новой камере на первом этаже, куда разгневанный начальник приказал перевести «соловья».

— Здравствуйте, товарищ, — раздался откуда-то с потолка чей-то мягкий и задушевный голос, лишь только надзиратель захлопнул дверь моего нового обиталища.

Я оглянулся и сразу понял, в чем дело: товарищ-сосед, очевидно, проделал отверстие в стене и говорил через него; вскочив на скамью, я, не видя товарища, стал разговаривать с ним. Он назвал себя социалистом-революционером Мышкиным; встреча с ним оставила во мне такие светлые воспоминания, что я не могу не поделиться ими с читателем...

Приглядываясь к революционной среде, я с грустью думал о том, что носителей идеи нельзя смешивать с самыми идеями. Тип идеального революционера, живущего всецело идеей, вносящего элемент идеализма в каждое движение свое, все реже и реже встречался в революционном подполье. А за последнее время, когда революция охватила самые широкие массы населения, в среде революционной интеллигенции такие идеалистические личности становятся единицами.

Но Мышкин оживил передо мной образ революционера семидесятых годов...

В то время, когда я с ним встретился, он сидел в одиночном заключении четвертый год, и все это время он находился под следствием. Товарищей, арестованных по одному с ним делу, давно уже сослали в Сибирь и некоторые отбыли даже наказания. Но Мышкина, вследствие пустого знакомства с Фомой Качурой, жандармы заподозрили в участии в боевой организации и три года ищут улик против него.

Товарищи забыли про него; человек, состоявший с ним в близкой связи, ушел от него; и уже полтора года Мышкин сидел без свиданий. Но он не обвинял друзей и не разочаровался в товариществе; напротив, выше всего он ставил последнее. Поведение же товарищей он объяснял отсутствием в них сентиментальности и делом, занимавшим их.

— Революционерам нельзя жить личностями; их притягивает дело, и ему они должны отдавать все свои силы и время,— сказал он мне,—я даже думаю, что мы совсем должны отречься от личной жизни: ведь столько сил отнимает она...

Печать мученичества лежала на всех его мыслях и порывах.

Мысль о том, что рядом с ним сидит товарищ, которому грозит казнь, страшно угнетала и мучила Мышкина. С чрезвычайной мягкостью и чуткостью, присущей его натуре, он относился ко мне и старался ободрить меня. Каждую минуту чувствовал я, что рядом со мной сидит человек близкий и любящий, который без колебания принял бы на себя мою участь.

Но, бесконечно страдая за товарищей, любя их всей силой своей души, он требовал от них прежде всего гордости и непреклонности по отношению к врагам.

— Ни одной мольбы, ни одного звука страдания не должны они услышить из наших уст,—часто говорил он мне,—и если вы хотите сохранить душевное равновесие, то держите себя так, чтобы враг преклонил колени перед вашим мужеством. Помните, что дороже всего в мире для революционера честь; и если на ней будет пятно, то оно отравит последнее утешение—сознание своей правоты; тогда ваши же товарищи отвернутся от вас, и я первый брошу в вас грязью.

Когда он говорил так, я чувствовал, что в этом случае не найдется слова прощения в душе этого мягкого человека.

В часы, которые я проводил с Мышкиным, я забывал и о тюрьме и о казни; предо мною витал только идеал социализма, лучезарный и ясный, и дорога к нему, усеянная трупами и покрытая страданиями, по которой гордо и смело шествует революционер, такой же прекрасный, как сама идея, осеняющая его. И когда я вспоминал о Мышкине, я думал, что и он будет в числе бесчисленных трупов, валяющихся на ней... Я не ошибся... Через месяц после освобождения Мышкин был убит во время феодосийского погрома.

* * *

Для успешного выполнения задуманного плана мне надо было быть переведенным в другую камеру. По совету товарищей, я должен был за два дня до побега попросить начальника тюрьмы перевести меня в другое место, на том основании, что работающий по соседству с моей камерой сапожник-уголовный своим стуком не дает мне спать. Так как свободной камеры, кроме той, которая нужна была мне, не было, то предполагалось, что меня именно переведут в нее.

Когда в шесть часов вечера ко мне вошел для обычной проверки начальник тюрьмы, я обратился к нему с соответствующей просьбой.

В ответ раздались слова хуже отказа:

— Да вам все равно не долго здесь сидеть: скоро вас переведут в другую тюрьму!

«Скоро» на языке начальника значило «завтра». Завтра меня снова переведут на плавучку или в тюрьму, откуда побег невозможен. Наши опасения не оказались напрасными.

На Мышкина эта новость подействовала так удручающе, что даже мне пришлось утешать его. Когда оба мы справились, наконец, с первым впечатлением неожиданной вести, у нас явилось желание бороться до последней крайности. Снова стали мы перебирать в уме все входы и выходы тюрьмы, и вдруг обнаружили новую возможность побега; все можно было устроить в следующую ночь.

Я изложил весь новый план на бумаге и переслал другим членам нашего комитета, но было уже четыре часа ночи; товарищи уже спали и записку только могли получить с утренней проверкой.

Утром на прогулке я встретился с N... Известие о переводе подействовало на него так же, как и на Мышкина; он уже передал записку в город, но, как бы предчувствуя, что все напрасно, с грустью смотрел на меня. Проходя после прогулки к себе, он подбежал к дверям моей камеры, открыл волчок [1]) и горячо пожал мою руку.

Волнение товарища сообщилось и мне, и я захотел увидать Мышкина. Несмотря на всю нашу близость, мы еще не видали друг друга; маленькое отверстие, через которое мы говорили, не позволяло нам видеть лица собеседника; на прогулку же нас выводили в одно время, но гуляли мы на разных дворах.

Я сообщил о своем желании Мышкину.

— Ладно, — ответил последний, — я сегодня откажусь от прогулки и буду сидеть у окна, таким образом мы увидимся, когда вас будут выводить гулять.

С нетерпением ждал я прогулки... и, когда отворили двери моей камеры и надзиратель прокричал «на прогулку», я почти бегом бросился во двор.

За решеткой окна Мышкина я увидел большие черные глаза... Эти глаза, полные тоски и ласки, занимали все его лицо; никогда не забыть их мне!... Увидев меня, Мышкин попробовал ободряюще улыбнуться... но в эту минуту отворились тюремные ворота, и во двор вошли два конвойных солдата.

— За вами, — невольно вскрикнул Мышкин.

Он не ошибся: через несколько минут мне приказали собираться. Когда я подходил к дверям камеры, Мышкин стал неистово стучать в дверь. Испуганный надзиратель поспешил открыть ее, и мы бросились друг к другу.

— Прощайте и будьте бодры, — прошептал он.

— Помните обо мне, — ответил я.

---

[1]) Волчок—небольшое отверстие в дверях камеры, через которое надзиратели наблюдают за арестованными и передают им пищу.

Через несколько минут я уже шагал по тюремному двору к воротам; все товарищи стояли у окон.

— Прощайте, товарищи!—крикнул я им.

— До свиданья, товарищ!

— Мы еще придем за вами!...

— Освободим вас!...—загудела тюрьма.

Ворота захлопнулись...

* * *

Мы шли по пыльным и жарким улицам, тяжелая солдатская шинель, висевшая у меня на плечах, душила меня, но еще больше томила меня неизвестность. Из разговора с солдатами я узнал, что меня ведут в штаб крепости, а оттуда проводят в другую тюрьму. О последней солдаты сами ничего не знали.

Был табельный день, и перед зданием штаба крепости происходил парад, на котором должен был присутствовать Чухнин. Офицеры штаба участвовали в параде, и мне пришлось долго ждать окончания его. Чтобы убить время, я стал наблюдать за ним через открытые окна штабного помещения. Живописно расположенные отряды солдат и матросов, стоявших в ожидании парада в свободных позах. Группы смеющихся офицеров; лязг оружия и весело блистающие на солнце яркие краски военщины создавали такую праздничную картину, что я невольно залюбовался ею. На минуту я даже забыл, что все эти люди пришли сюда по приказу, что по этому же приказу они начнут делать сейчас какое-то ненужное и неинтересное им дело; казалось, напротив, что все присутствующие охвачены одной идеей, одной общей радостью.

Но вот где-то раздается и проносится по рядам крик «смирно». В ту же минуту офицеры бросились по местам, солдаты выпрямились, и все застыло...

Где-то раздалось солдатское приветствие и, приближаясь к нам, остановилось у окон штаба: перед ними появился Чухнин.

Маленького роста, толстый, с большой головой на короткой шее, он производил впечатление какой-то каракатицы. И каракатица повернулась лицом к матросам и стала произносить речь...

Я оглянулся кругом и увидел, что конвойные всецело поглощены происходящим на параде; дверь на улицу была открыта.

Осторожно сделал я несколько шагов вперед... минута... и я свободен.!.. Вдруг раздалось бряцанье шпор и прямо против меня в дверях вырос офицер. Услышали бряцанье и солдаты, и мелькнувшая передо мною свобода снова исчезла.

— По распоряжению главного командира вице-адмирала Чухнина, вас переводят в военную гауптвахту,—обратился ко мне вошедший, который оказался адъютантом начальника штаба капитаном Олонгрэн.—Всякие заявления о книгах, продуктах вы можете делать мне лично при обходах. Но советую вам держать себя осторожно: знаете, на гауптвахте все по-военному: винтовки заряжены, охрана имеет полномочия действовать оружием... Солдаты!—добавил он,—отведите арестованного на главную военную гауптвахту.

Конвойные снова окружили меня, и мы тронулись. Солнце уже перевалило за полдень, когда мы вошли, наконец, в гауптвахту. Она представляла однообразное здание, обнесенное со всех сторон высокой стеной. Небольшая дверь, около которой ходил непрерывно часовой, вела в большую и светлую комнату—караульное помещение, наполненное солдатами, которые обыскали меня и через длинный коридор провели в камеру.

Тяжелая, покрытая железом дверь захлопнулась за мной, и я очутился один в довольно большом и светлом помещении. При первом же беглом осмотре ее я заметил, что побег отсюда невозможен: толстые стены, высокие с прочными решетками окна, часовые, гуляющие вдоль окон и дверей, множество солдат, рассеянных повсюду, делали мысль о побеге невозможной и абсурдной.

Сначала меня охватила бешеная злоба на Чухнина, по милости которого я попал сюда; я вспомнил его коротенькую фигуру и готов был бы изорвать ее, если бы только она попалась в мои руки.

Но вскоре это чувство злобы к Чухнину сменилось другим—мне было больно за товарищей: я понимал, как тяжело было и тем из них, которых я оставил в тюрьме, и тем «вольным», которые отклонили мой проект побега из тюрьмы.

Маршируя в таком настроении из угла в угол, я почувствовал с особой чуткостью, развивающейся во время одиноч-

ного заключения, что кто-то стоит у моего волчка. Я подошел к двери.

— Не нужно ли чего в город передать, господин студент, — раздался в ту же минуту из-за нее чей-то голос.

— А вы кто такой? — спросил я говорившего.

— Сторож при гауптвахте.

Я, конечно, согласился на это предложение, и через несколько минут Б. (так буду я называть его) отправился в город с запиской.

Вечером Б. вошел в мою камеру и передал ответ товарищей. Только теперь я увидал хорошо этого человека, сыгравшего впоследствии такую важную роль в моей жизни.

По его длинным русым усам, немного калмыцкой голове, бесконечному юмору и плутовству, светящемуся на его лице, в нем сразу можно было узнать малоросса, умного, пронырливого и беспечно-веселого.

«С ним нужно держать ухо востро: вокруг пальца объедет» — подумал я, глядя на него.

— Если хотите, я завтра еще могу одну записочку снести, — сказал мне Б.

— Ладно — ответил я, — завтра поговорим.

Б. удалился.

Несколько дней прошло в самой пустой переписке, но ясно было, что обе стороны, т.-е. я и «вольные» товарищи, с одной стороны, а Б., с другой — смотрят на нее, как на что-то необходимое, за чем должно последовать другое, более важное. И мы и Б. чувствовали, что пока идет только настройка инструментов, а самая игра еще впереди. Но никто из нас не решался начать ее.

В таком ожидательном положении прошла неделя.

Переписка не занимала пока у меня много времени, и, пользуясь этим обстоятельством, я стал наблюдать жизнь тюрьмы.

* * *

С внешней стороны эта жизнь мало отличалась от жизни гражданской тюрьмы.

В шесть часов утра служителя-солдаты входили в камеры арестованных и тушили лампы. Через несколько минут де-

журный унтер-офицер отворял камеры: арестованные начинали их уборку и шли умываться. Продолжительность этой уборки всецело зависела от дежурного унтера; если последний был «человеком», он отворял одновременно все одиночки, и уборка длилась два-три часа; за это время арестованные ходили по камерам, разговаривали между собой и отдыхали от жизни в своих клетках. Последняя была еще тем тяжелее в военной тюрьме, что арестованным запрещалось иметь какие бы то ни было книги или занятия. Понятно, что при таких условиях одиночного заключения время уборки вносило большое разнообразие в жизнь арестованных, и они были глубоко благодарны тем унтер-офицерам, которые удлиняли его. Это уменье заключенных ценить человеческие к себе отношения удивительно ярко проявилось в одном факте, имевшем место в севастопольской гауптвахте незадолго до моего прибытия туда.

В одной из общих камер подготовлялся побег. Арестованные, в числе семи-восьми человек, сняли несколько досок в потолке и завешали его полотном; они должны были бежать через приготовленный таким образом пролом.

Но как раз в этот день на гауптвахте дежурил унтер-офицер, хорошо относившийся к арестантам; и вот, когда все уже было готово, один из арестованных сказал:

— Слышь, ребята, ведь мы-то унтера подводим, а он «человек». Это не гоже; надо бы другого подождать — сволочь какую-нибудь.

Остальные согласились, и побег был отложен. Но на другой день, как на беду, снова явился хороший унтер, и побег вторично был отложен. Такая история продолжалась пять дней; и все это время, только для того, чтоб не подвести под суд человечно-относящегося к ним унтер-офицера, люди жили в камере с плохо скрытым проломом, рискуя ежеминутной возможностью открытия его.

На шестой день пролом был обнаружен...

...В десять часов утра на гауптвахте раздавался бой барабана, извещавший о приходе новой смены солдат, и все камеры закрывались. Начиналась проверка... Обыкновенно она происходила в присутствии двух офицеров, дежуривших в этот день на гауптвахте.

Один из них — караульный начальник (обыкновенно в чине подпоручика) — заведывал собственно гауптвахтой. Другой, всегда капитан, заведывал в этот день караулом всей севастопольской крепости, но находился на гауптвахте.

За небольшим исключением, эти офицеры мало чем отличались от черносотенников и хулиганов. К арестованным, а в особенности к политическим (на гауптвахте в это время сидело четыре солдата, арестованных за пропаганду в армии) они относились с дикой ненавистью. Один, например, дошел до того, что, увидав во время обеда миски в камерах арестованных, стал кричать, что «эти скоты (дословное выражение капитана) могут и из помойных ведер кушать».

Со мной они обыкновенно начинали говорить очень грубо и только после нескольких внушительных отпоров переменили тон. Меня они ненавидели еще за те льготы, которыми пользовался я на гауптвахте: прогулки, собственная пища, книги. Последние особенно выводили из себя г.г. офицеров. Увидев у меня на столе кипу книг, они обыкновенно с торжеством обращались ко мне:

— А... книги?! запрещенные вещи? на каком основании?

— Просмотрите, если вам угодно, — отвечал я.

«Волки» бросались к книгам, но увы! — на всех стояла печать: «разрешено начальником штаба». Книги швырялись в бессильной злобе на стол, и начинались другие придирки.

— Почему белье у вас валяется под койкой?

— Потому что мне разрешено начальником штаба иметь свое белье.

— Но под койкой ему не место!...

— В таком случае поставьте мне в камеру шкаф.

— Обыщите его, — кричит разгневанный капитан. Солдаты обыскивают, и капитан, горя благородным негодованием, выходит из камеры.

Совсем иначе вели себя офицеры штаба, под непосредственным и постоянным надзором которых находилась гауптвахта. Они (всего их было трое: полковник Шемякин, начальник штаба крепости; капитан Олонгрэн и еще один капитан, имени которого я не знаю) всегда поражали меня своей интеллигентностью и внимательным отношением к заключенным вообще и ко мне

в частности. Посещая раз в неделю гауптвахту, они внимательно осведомлялись о моих нуждах; просили извещать их о случаях грубого обращения со мною армейских офицеров, обещая принять против этого меры; Б. передавал мне, что даже они оставили на гауптвахте специальный приказ дежурным офицерам о вежливом обращении со мною...

...Поверка кончалась обыкновенно к обеду; камеры снова открывались, и, если попадался хороший унтер, снова часа два арестованные проводили вместе. В шесть часов вечера следовал ужин и вечерняя поверка; вносились лампы, и арестованные запирались на ночь.

Но если внешним складом своей жизни гауптвахта мало чем отличается от гражданской тюрьмы, то взаимные отношения ее обитателей ставят резкую грань между этими двумя учреждениями.

Все жители гражданской тюрьмы резко делятся на два совершенно различных, враждующих между собою лагеря: заключенных и охрану. Совсем другое на гауптвахте: здесь лучше всего можно видеть внешний блеск и внутреннее бессилие самодержавия.

Самый незначительный процент арестованных на гауптвахте солдат обвиняется в общих уголовных преступлениях. Большая же часть заключенных содержится за чисто-военные проступки: бегство со службы, неотдание чести офицеру, избиение унтер-офицера и т. п. Наказания, даваемые военными судьями за эти преступления, воистину драконовские.

Против моей камеры, например, сидел запасный солдат, приговоренный к двенадцатилетним каторжным работам. Все преступление его заключалось в том, что он в пьяном виде не захотел отдать чести офицеру. Когда же последний приказал полицейскому арестовать его, солдат бросился на колени и, прося прощения, дотронулся до светлейшей руки офицера. Такое наглое поведение холопа-солдата в конец рассердило благородного воина, который представил дело в таком виде, что солдат покушался его ударить. Военный суд приговорил беднягу к каторге.

Этот приговор не был исключительным по своей жестокости; напротив, он представлял самый обыкновенный образчик военного правосудия.

Естественно, что такие арестованные не чувствовали себя преступниками; наоборот, они считали себя невинными людьми, страдающими от деспотизма и несправедливости офицеров.

С другой стороны и солдаты, стерегшие заключенных на военной гауптвахте, не чувствовали себя тюремщиками. Попадая раз в месяц на такую службу, они встречались здесь с такими же солдатами, как и они, страдавшими за те проступки, в которых каждый из них мог провиниться ежеминутно, и не врагов, а родных людей чувствовали часовые в заключенных солдатах. Никакой вражды не чувствовалось между этими людьми, и те и другие прекрасно понимали, что поставлены они в такое, якобы враждующее положение не добровольно, не по своей вине, а по милости ненавистных офицеров.

И если бы арестованные устроили бунт, то ни одна рука не направилась бы против них; для усмирения их понадобилось бы привести самые развращенные части.

Читатель видит, что страшные слова о «заряженных винтовках» и «широких полномочиях охраны», сказанные мне капитаном Олангрэном, были пустой фразой: малейший бунт заключенных мог обнаружить это бессилие правительства.

* * *

Однажды, передав мне записку с воли, Б. лукаво подмигнул мне и сказал:

— Ну что же, господин студент, бежать надо?!

— Да, это не мешает, — спокойно ответил я. — А разве отсюда уйдешь?

— Уйти-то можно, только бы деньги были, чтобы солдат подкупить.

— Ну, ладно, — ответил я, — переговоришь сегодня с «вольными».

Я часто задавал себе вопрос о том, что заставило Б. сделать этот первый шаг, и сначала не мог дать себе прямого ответа. Было в нем что-то плутовское, что не позволяло вполне доверять ему; и я думаю, что подошел он к нам из корыстных целей.

Не особенно доверяя ему, и «вольные», и я занялись пока пропагандой его; мы пользовались каждым моментом, чтобы

пробудить в нем хорошие чувства и сделать сознательным и честным человеком.

Умный и впечатлительный, как и все матросы, Б. скоро начал поддаваться нашей пропаганде, и мне пришлось наблюдать замечательное явление: перерождение человека. С каждым днем можно было наблюдать, как он все строже и вдумчивее относился к нашим словам и из ловкого авантюриста превращался в вполне убежденного человека, готового пойти на все, чтобы спасти товарища.

Тогда вольные и я поняли, что наступил самый подходящий момент для решительных действий.

Снова начались для меня тревожные дни обсуждения проектов побега. Усиленная переписка отнимала массу энергии, так как сильно затруднялась тем положением, в котором находился Б.

Дело в том, что караул на гауптвахте менялся ежедневно; но, кроме часовых, здесь были еще сторожа, исполнявшие чисто хозяйственные функции: приносили арестованным обед и ужин, тушили лампы, убирали коридоры.

Сторожа эти (всего их было шесть человек) находились постоянно при гауптвахте: а начальником их был Б., состоявший в чине ефрейтора. Но сторожам запрещалось подходить к камерам арестованных, за исключением времени обеда и ужина, когда тут же находился унтер-офицер.

Благодаря этому обстоятельству, сношения со мной были крайне затруднены, и понадобилась вся хитрость и смышленость Б. для того, чтобы при таких условиях вести частую переписку и продолжительные разговоры.

Меня эта переписка изнуряла до крайности. Бывало, в двенадцать часов ночи я просыпался от стука, предо мной стоял унтер-офицер и Б., в руках которого чайник с кипяченой водой.

— Вам фельдшер приказал на ночь кипяток. Получите, — обратился он ко мне, ставя чайник на стол, ловким движением кладет под него записку.

Двери затворяются, и мне, несмотря на бешеное желание спать, приходится начинать чаепитие.

Утром просыпаться с зарей, чтобы не пропустить удобного момента для передачи ответной записки; и целый день прохо-

дит в таком ожидании; ни на минуту не решаешься заснуть, чтоб не пропустить прихода Б..., а вечером опять ждешь письма «вольных», часто до двух часов ночи.

После двухнедельной переписки было намечено несколько планов. Все эти планы можно было разделить на такие, при выполнении которых мы обходили всех часовых, и такие, для которых нужно было заручиться помощью хотя бы одного часового.

Первые, конечно, были сопряжены с известным риском и отличались большой сложностью; вторые, наоборот, отличались простотой и били на верный успех; но короткие дежурства солдат не позволяли нам привлечь их к нашему делу.

В виду этого обстоятельства, мы сделали попытку привести в исполнение один из первых проектов. Он состоял в следующем: я уже говорил, что утром арестованных выводили умываться. Умывальники [1]) были расположены в небольшом коридоре (Б), который соединялся с караульным помещением; против же самых умывальников находилась небольшая комната (4), служившая цейхгаузом [2]). Рядом с последней находилась надзирательская, помещение сторожей. Сторожа же носили особую форму и благодаря этому могли свободно входить и выходить из гауптвахты; за короткое время дежурства часовые не могли знать в лицо сторожей и различали их по форме. На этом последнем обстоятельстве мы и построили довольно простой план побега.

Пользуясь своим почти бесконтрольным заведыванием хозяйством гауптвахты, Б. решил в утро, когда будет дежурить «хороший» унтер, устроить проветривание тюремных постелей. Арестованные должны были внести их в цейхгауз (4), из которого сторожа выносили их во двор гауптвахты. Для этого последним надо было войти в караульную, пройти ее и через дверь, выходящую на площадку часового, выйти на улицу. Затем они заворачивали за угол стены и через тюремные ворота (6) входили во двор гауптвахты.

Выйдя в этот день умываться вместе с несколькими арестованными, я должен был незаметно, в тот момент, когда Б.

---

[1]) См. план тюрьмы.

[2]) Склад солдатского инвентаря.

отвлекал внимание часовых при помощи порнографических открыток, войти в цейхгауз (4), быстро переодеться в заранее приготовленное платье тюремного сторожа, накинуть на голову тюфяк и, под видом сторожа, выйти на улицу, завернуть за угол и затем бежать.

Однажды вечером Б. сказал мне, что завтра свершится побег. На другой день действительно уже с шести часов утра открыли камеры всех арестованных, и они целыми толпами шли умываться. Открыли и мою камеру; сквозь решетчатую дверь, отделявшую наш коридор (А) от коридора (Б), я увидел сторожей, выносящих тюфяки, и Б., показывавшего солдатам какие-то открытки. Я готов был итти... но Б. не дал мне условленного пароля. В ожидании его я занялся уборкой своей камеры; кончил и это дело, а Б. все не давал пароля. Мне же и в голову не приходила мысль, что Б. мог забыть это сделать. Когда же он опомнился, было уже поздно: унтер заметил мою возню, и, когда я пошел, наконец, умываться, отправил за мной двух часовых...

Эта неудача заставила нас попытаться провести другой проект, с которым я сейчас познакомлю читателя.

Принцип его был тождественен с вышеописанным проектом: я должен был выйти из гауптвахты под видом тюремного сторожа. Но для этого мы решили воспользоваться другим моментом—тушением фонарей, производящимся сторожами, между 3—4 часами утра. Фонари (8) эти находились перед входом в здание гауптвахты и во дворе последней, где непрерывно шагали часовые.

Таким образом, переодевшись в платье сторожа, я, под предлогом тушения фонарей, находящихся во дворе, мог выйти на улицу, направиться к нему, но, скрывшись с глаз часовых, пойти по другому направлению в город; но и в этом случае побег был очень рискован, так как в караульном помещении находились и унтер-офицеры и солдаты и меня легко могли бы знать. Тогда наш план несколько видоизменился.

В три часа ночи я должен был выйти в большой коридор (А), в котором находилась моя камера, а оттуда в коридор (Б), повернуть направо в небольшую прохожую комнату (5), выйти в другой цейхгауз (3), переодеться там и, выйдя снова в кори-

дор, войти в офицерскую комнату (1), находящуюся против цейхгауза. Другая дверь офицерской также выходит в караульное помещение, но около самого выхода из последней на улицу. Таким образом, я мог пройти через караульное помещение так быстро, что находившиеся здесь солдаты не могли узнать меня.

Существовали три обстоятельства, препятствующие проведению этого плана: часовой, непрерывно марширующий в коридоре (А), замок в дверях моей камеры и офицера, находившиеся в офицерской. Однако, с последними Б. справился очень скоро.

Однажды он напоил дежурного унтер-офицера и, во время его сердечных излияний, снял мерку с ключа для одиночных камер; а по снятой мерке товарищи приготовили новый ключ.

Офицеров Б. обошел еще проще. Пользуясь неограниченным доверием в штабе крепости, Б. заявил, что «офицерская» нуждается в немедленном ремонте. Штаб распорядился о ремонте; офицеров перевели в другую комнату и, благодаря этому, «офицерская», по ночам, была пуста.

Но если эти два препятствия мы обошли очень легко, то первое было почти непреодолимо: привлечь на свою сторону часового, за шесть часов его дежурства, было невозможно.

Решено было, поэтому, усыпить его соответствующими папиросами. Сначала Б. сочувственно отнесся к этой мысли, но когда надо было приступить к делу, Б. стал оттягивать и предлагал снова подождать немного, пока удастся привлечение часового. Эта уверенность Б. в возможности даже за такой короткий срок приобрести сочувствие часового основывалась на его могучей вере в «еврейство». Он верил, что каждый еврей сочувствует революции, и стоит ему сказать одно слово, чтобы заставить действовать с нами.

— Уж ты, Костенька, подожди, — часто говорил он мне, — только придет на этот пост часовой-еврей! Как придет, так сейчас и уйдешь; и в этом не сомневайся! Эх, евреи золотой народ! — доканчивал он, захлебываясь даже от восторга.

Сомневаюсь, прав ли был вообще Б. в своей вере в еврейскую революционность. Но на этот раз «еврейство» не обмануло его.

Как-то утром, когда, вследствие бесконечного оттягивания Б. своего обещания усыпить часового, мы решили уже проститься с вышеописанным планом и испробовать другие способы бегства, Б. подошел к моей камере и сказав: «Сегодня в третьей смене часовой-еврей, действуй!»—куда-то исчез.

Попав уже однажды на предателя в опыте с поляком и не разделяя веры в «еврейство», я отнесся скептически к его словам и про себя решил даже не говорить с часовым.

Но все-таки, когда, в час дня, вступила третья смена, я подошел к дверям и разговорился с часовым.

— Что же заставило вас пойти на «Потемкин»? — спросил он меня после того, как я рассказал ему о причине моего ареста.

Тогда, насколько мог я сделать это, сжато и сильно рассказал ему о тех ненормальностях современного общества, которые сделали меня социалистом и заставили участвовать в революционной борьбе.

Ш. (так буду я называть часового) слушал меня с напряженным вниманием. Когда я кончил, он как-то невольно стал рассказывать о своей солдатской жизни, тяжелой, полной униженья и горя.

— И для чего все это делают с нами, не знаю. Вот мне через три месяца уже срок кончается, а нас на войну, говорят, скоро гнать будут. Пойду и я; убьют меня, а зачем? для кого?

— Почему вы не бросаете службы?

— Эх, давно бы ушел! — да денег нет; ремесла тоже никакого не знаю... Что буду делать я?

— Ну, в таком случае, — сказал я, поняв, что наступил удобный момент действовать решительно и прямо,—я помогу тебе в этом отношении, но ты уже возьми и меня с собой! согласен?!...

В первую минуту Ш. опешил.

— Да что вы, разве отсюда можно уйти? Ведь это могила?!...

— Ну, уж это другой вопрос, — сказал я ему. — В этом отношении задача облегчается тем, что у нас тут есть верный друг и помощник. Если ты согласен помочь мне в этом деле, то он подойдет к тебе через час и расскажет весь план; и если найдешь его возможным, то действуй с нами.

Ш. согласился.

Как ни значительно для меня было согласие Ш., меня не охватило то радостное чувство, которое я рисовал себе мысленно в этот момент. Напротив, я проникся спокойствием и сознанием необходимости развить в эти несколько часов самую сильную деятельность.

— Спокойствие и энергия! — сказал голос внутри меня, и, повинуясь ему, я немедленно сел за работу.

Надо было написать записку Б. и объяснить ему, как говорить с солдатом; надо было обдумать все до малейшей мелочи и известить «вольных». В числе разных указаний, я писал последним о том, чтобы Б. не забыл приготовить для меня машинку для бритья, достаточных размеров сапоги и кушак.

Последний был особенно важен, так как у всех арестованных отнимались кушаки и отсутствие его могло бы вызвать подозрение у встречных солдат...

Едва успел я окончить это письмо, как в мою камеру вошли два солдата и дежурный унтер-офицер.

— На прогулку! — услышал я.

Но в мои виды не входило проходить лишний раз через караульное помещение, где меня видели бы все солдаты и, сказавшись больным, я отказался от прогулки.

— Пришлите только кипяток, — сказал я унтеру, очень обрадовавшемуся моему отказу.

Через несколько минут Б. уже стоял в моей камере с чайником в руках. Как раз в эту минуту в коридоре раздался чей-то крик, унтер-офицер отвернулся и, воспользовавшись этой минутой, я передал Б. записки.

Было шесть часов вечера, когда Б. известил меня об окончательном согласии Ш. действовать с нами.

Я снова продумал весь план бегства; все было уже готово и предусмотрено; даже широкое одеяло для устройства чучела было приготовлено заранее. Занятий больше никаких не было, а до той смены, в которой я должен был бежать, оставалось еще девять часов.

«Однако, как долго придется мне еще сидеть тут!» — подумал я.

Подумал и вспомнил, с каким трепетом и захватывающим восторгом думал я вчера только о долголетней каторге. Вчера не было ничего впереди, а сегодня целая жизнь! И как подумать,

что меня от жизни отделяет всего одна дверь и эта решетка. Маленькая решетка! От нее зависит жизнь... Вчера, сегодня, сейчас еще, она стоит передо мной и мучит меня; а завтра я буду по ту сторону ее, с усмешкой буду думать о ней, презирать ее...

Пробило восемь часов вечера.

— Третья смена! — раздался где-то крик.

Ш. снова появился в коридоре.

— Что нового? — спросил я его.

— А вот записка, — Ш. передал мне записку от друзей.

«Все будет приготовлено, — писали друзья, — вы выйдете сначала с Б.; Ш. передаст свой пост другому часовому и выйдет позже вас. Под горой вас будут ожидать товарищи. Б. подведет вас к ним; пароль . . . . Будьте тверды и спокойны».

— Ну, вот видите, как товарищи заботятся о нас; с такими помощниками можно не сомневаться в успехе! — сказал я Ш.

— Я не боюсь! — ответил Ш., — только одно меня беспокоит, что, если товарищи не будут ждать меня? Куда я пойду? Я не знаю в городе ни одного человека!

Повинуясь его просьбам, я дал ему имевшийся у меня в кармане адрес конспиративной квартиры наших друзей. И как впоследствии я благословлял ту минуту, в которую я сделал это!...

В девять часов вечера кончилось дежурство Ш. На пост вступил тот самый часовой, который должен был заменить Ш. после побега. Его надо было приучить к виду чучела, и потому я лег на койку, накрывшись одеялом через голову, притворился спящим.

«А вдруг я засну!» — мелкнуло у меня опасение. Но тотчас же я сам рассмеялся ему.

Тихо, томительно тихо на гауптвахте... Кругом все замерло... Только за окном раздаются мерные шаги часовых, да по временам доносится протяжное и гулкое «слушай»... то унтер проверяет караул. Медленно ползет время, такое же томительное, как и сама тишина, и кажется, что оно остановилось и желанный момент никогда не настанет...

Но вот раздается условный стук в дверь; я вскакиваю: у дверей стоит уже Ш.

Снова исчезло томление, и прежнее спокойствие и деловитость охватили меня.

— Приготовьте чучело, — говорит мне Ш.

Из находившихся у меня в камере белья, книг, посуды я приготовил чучело-человека и покрыл его одеялом через голову. В продолжение всей предыдущей недели практиковался я в приготовке чучел, и потому оно вышло у меня так удачно, что я сам иногда, забывая о нем, пугался его.

— Ну теперь я открою дверь и передам вам машинку для бритья, — сказал Ш.

Но ключ не подходил к замку...

В нашем распоряжении оставалось полтора часа. Не было никакой возможности сделать за это время новый ключ для замка.

— Ну что, как дела? — раздался из окна, ведущего во двор гауптвахты, голос Б.

— Ключ не подходит, — сказал Ш., подходя к нему.

Б. взял ключ и подбежал к товарищам, дежурившим недалеко от гауптвахты.

К счастью, между ними оказался рабочий-слесарь; он тут же подпилил ключ, и, когда Б. снова принес его, Ш. открыл дверь.

— Ну сейчас надо выходить, — сказал мне Ш., когда я окончил бритье; но в эту минуту снова выросло неожиданное препятствие.

Как раз в этот день на гауптвахте дежурил «плохой» унтер-офицер. В таких случаях заключенные солдаты мстили ему всеми имеющимися в их распоряжении способами: не давали возможности унтеру спать, целую ночь просясь из камер.

И вот в два часа ночи раздался стук в дверь; за ним другой, третий...

Теперь я снова не мог выйти, так как уборная находилась в коридоре (А), а там сейчас находился унтер.

Время шло, а стук не прекращался...

— Половина третьего, — шепнул мне Ш., проходя мимо камеры.

Еще полчаса, и дело потеряно, а стук все продолжается...

Но и в эти ужасные минуты меня не покинуло спокойствие.

— Остается двадцать минут борьбы... что еще нужно делать? — спросил я себя.

«Mens sana in corpore sano». А ведь я еще с вечера ничего не ел.

И я полез в корзину, извлек остатки провизии и расположился ужинать.

— Осталось пятнадцать минут, — снова раздался шопот Ш. Стук вдруг прекратился. Несколько минут продолжалась тишина.

— Ну, идите! — сказал Ш., снова отворяя дверь моей камеры. Я сделал уже несколько шагов к двери, но вдруг я вспомнил про Чухнина, по милости которого меня перевели сюда, и меня охватило желанье посмеяться над ним. Вспомнив, что для меня в штабе крепости осталось десять рублей, из которых я израсходовал 60 копеек, я схватил карандаш и написал записку следующего содержания:

«Оставшиеся в штабе крепости девять рублей сорок копеек прошу передать на чай главному командиру Чухнину за то, что он позаботился перевести на гауптвахту и тем помог бежать». Положив эту записку на стол, я почувствовал себя удовлетворенным и побежал в цейхгауз. Едва я вбежал в него, пробило три часа, и произошла смена.

Я стал надевать на себя солдатское платье... И тут увидел, что мои напоминания товарищам о кушаках и сапогах оказались напрасными: кушака не было, а приготовленные сапоги не налезали на ноги. Это обстоятельство вывело меня из терпенья, и я с бешенством набросился на Б., когда тот вошел в цейхгауз.

— Ну об этом не беспокойся, — ответил мне Б. с чисто калмыцким спокойствием. — Вместо кушака получай шинель, а сапоги сейчас достану.

С этими словами Б. вышел из цейхгауза. Я с любопытством стал следить за ним через коридорную дверь, недоумевая, где может он достать в такое время сапоги. И вот вижу я, как мой Б. входит в караульное помещение и оглядывает ноги спящих солдат.

«А, есть!», — мелькнуло у него на лице. И подошедши к какому-то солдату он стал стаскивать с него сапоги.

— Га! чаво? — пробурчал последний сквозь свой богатырский сон.

Но Б. невозмутимо продолжал свое дело, и через несколько минут сапоги были уже на моих ногах.

— Ну теперь идем! — сказал мне Б., — часового я отвлек, — сказал ему, что ко мне должна девчонка с левой стороны притти на свиданье. Дал ему полтину на чай, чтобы смотрел — он и уставился туда.

Вместе с Б. мы вышли в офицерскую. Тут я остановился на минуту, а Б. пошел вперед. Когда я вышел на улицу, он уже стоял на площадке.

— Вот бери лестницу и иди туши, сперва во дворе, а потом тут, — громко сказал мне Б., указывая на лестницу, стоявшую у фонаря. Ленивой походкой я направился к углу гауптвахты.

— Скорей! да пошевеливайся, — крикнул Б., сопровождая свои слова крепким ругательством. Я немного ускорил шаги и через минуту скрылся с глаз часового.

Тут только я почувствовал себя на свободе...

Какой-то вольный и живительный воздух охватил меня, и все внутри отозвалось на его ласку.

В ту же минуту я услышал за собой шаги: это бежал Б.

Действуя до сих пор удивительно спокойно, он вдруг потерял самообладание.

— Бежим, Костенька, бежим! — сказал он мне и, схватив меня за руку, стал увлекать меня под гору.

Напрасно я успокаивал его, убеждал итти спокойно, указывая на опасность слишком поспешного бегства. Гонимый каким-то духом, Б. тащил меня все дальше и дальше и остановился он тогда, когда мы давно пробежали то место, где нас ожидали товарищи. Когда мы вернулись обратно, товарищей уже не было.

— Ну что теперь будем делать? — вскричал Б., хватая себя за голову.

— Ты знаешь какой-нибудь адрес? — спросил я его.

— Нет!

— А квартира, в которой ты встречался с товарищами, где находится?

— Туда нельзя итти в солдатском, там полиция стоит.

И действительно, я был без кушака и каждый городовой мог арестовать меня за непорядок формы.

— Знаешь ты кого-нибудь, где бы можно было переодеться?

Но Б. совсем растерялся и в продолжение целого часа тащил меня по каким-то темным, грязным улицам. Наконец, он очнулся.

— Ну, ладно, есть у меня хорошие люди на примете, — вымолвил он, наконец, — пойдем к ним! — и свел он меня к хорошим людям.

Сначала он завел меня к одному куму—дворнику; тот понял, что дело неладно, и хотел нас арестовать. Надо было действовать; я размахнулся изо всех сил, ударил его в одно ухо, Б. в другое, и кум упал без чувств на землю.

Тогда мы выскочили, закрыли снаружи дверь его комнаты и удрали.

Второй «хороший человек», к которому привел меня Б., оказался один из сторожевых солдат. Этот просто выгнал нас, но зато у него я достал кушак. Между тем уже совсем рассвело, и приближалась минута, в которую должен был обнаружиться мой побег.

— Ну теперь идем на квартиру! — сказал я и решительно направился к извозчику.

Б. и тут упирался и все предлагал зайти в харчевню и обдумать положение, но моя решимость подействовала на него, и Б. вместе со мной подошел к извозчику. За несколько кварталов до нашей квартиры мы остановили извозчика.

— Плати!—сказал я Б. У него, как на беду, оказалось только две пятирублевые монеты, и одну из них я дал извозчику.

— Сдачи нет!

— А у меня других нет!

— Ну, меняй!

Лавки все были закрыты, пробовали менять у прохожих, но все напрасно. Наша группа уже стала обращать внимание улицы.

Между тем уже был шестой час, каждая минута промедленья была опасна. Что было делать? Дать извозчику пять рублей значило сразу возбудить его подозренье. Я пустился на хитрость: классическим жестом я почесал свой затылок и, обратившись к извозчику, сказал:

— Да дай же, братец, сдачу! Мы и так загуляли; офицер поди встал уже! Знаешь, наше дело солдатское!..

— Да нет у меня, толком говорю тебе!

— Ну, нам стоять нельзя. Бери ты пять рублей, да скажи, где стоишь; приду к тебе за сдачей. Отдашь ведь? — умолял я его.

Извозчик и тут запротестовал:

— Не хочу твоих денег, потом скажешь, что десять аль двадцать рублей дал мне.

Долго мне еще пришлось убеждать его, прежде чем он согласился отпустить нас... Ворота того дома, где жили товарищи, были уже открыты, и дворник заметал улицу. Выждав минуту, когда он отвернулся, мы незаметно проскользнули во двор. Но вход на лестницу, где находилась квартира товарищей, был закрыт. Тут уж мы не вытерпели и с такой силой нажали на дверь, что она подалась. Через минуту мы были окружены своими.

Началось переодеванье, но вдруг на лестнице промелькнула солдатская форма, и раздался звонок.

— Обыск! — пронеслось в головах товарищей, но робкий, почти умоляющий голос, раздавшийся в передней, заставил нас вспомнить о забытом часовом Ш.

В три часа ночи подвел он сменявшего его солдата к дверям моей камеры и, указав на чучело, передал ему пост.

До рассвета он находился на гауптвахте и затем незаметно вышел и направился к городу. Между тем, товарищи, прождав меня лишний час, решили, что побег не удался, и отправились домой.

Не найдя их на условленном месте, Ш. ужаснулся: ему показалось, что он сделался жертвой обмана. Полный самых страшных сомнений, он отправился по данному мной адресу. Лицо и голос его были полны ужаса, когда он рассказывал, что переживал он до прихода сюда.

В Севастополе мы пробыли несколько дней.

На моих глазах совершались поиски, разъезжали патрули; товарищи говорили, что весь порт и вокзал оцеплен войсками, и производится строжайший осмотр всех прохожих. Весь город был взволнован побегом; а Чухнин пришел в ярость.

Мне самому пришлось слышать из уст севастопольского полицеймейстера рассказ о том, как Чухнин звал его к себе, топал на него ногами и приказывал в тот же день разыскать всех троих. «А не найдете — всех под суд отдам!» — кричал адмирал, задыхаясь от злобы.

— А где их найдешь? Они, почитай, давно уж в Румынии,— сокрушительно говорил полициймейстер, не подозревая, что я так близко от него нахожусь.

Такие сцены, когда мне самому рассказывали о ловком побеге Фельдмана, происходили, впрочем, очень часто. Особенно запомнилась мне одна из них, происходившая в одном русском городе через три недели после моего побега.

Я жил в доме одного либерального чиновника; но ни хозяин ни гости его не знали моего настоящего имени. Как-то утром, в комнату, которую я занимал, вбежала знакомая девица, и, всплеснув руками, почти истерически вскрикнула:

— Послушайте!... Фельдмана поймали!

— Что вы говорите? — спросил я с притворным ужасом и удивленьем,— этого быть не может!

— Да вот телеграмма в газете!—сказала девица и трясущимися от волнения руками указала на то место газеты, где находилась телеграмма о поимке Фельдмана на одной из пограничных станций.

Я хотел было пожалеть Фельдмана, но девица была так расстроена, что мне стало жаль ее, и я поспешил успокоить ее.

— Телеграмма, может быть, ложная; в таких случаях газеты врут,— сказал я ей...

Выезд мой из Севастополя был прекрасно обставлен: в богатом ландо, запряженном четверткой коней, сидела веселая компания, состоявшая из роскошно одетой девицы, одного высокопоставленного в Севастополе лица, Б. и меня. Мы пели, шутили, смеялись, и никто не мог заподозрить, что в этой компании есть люди, которым грозит казнь...

Едва отъехали мы, как я почти невольно вскрикнул:

— Караульный начальник!

Прямо против меня, верхом на лошади, проезжал офицер, дежуривший за неделю до моего побега на гауптвахте. Еще там он показал свои хулиганские инстинкты, натравляя на меня часовых. Теперь, очевидно, он выехал на дорогу искать меня...

Дружный взрыв хохота товарищей заглушил мой крик, и офицер, не узнав меня и не заметив замешательства, проехал мимо нас.

Этот случай заставил нас поменяться местами: я сел спиной к дороге, а X. (так буду называть я высокопоставленное лицо) сел на мое место.

— Этак лучше,—сказал X.,—как увидят меня эти прохвосты, так и повернут.

Эта предосторожность не была излишней, так как через несколько минут мы встретили одного из унтер-офицеров, стерегших нас, а через час Б. увидал невдалеке от нас своего капитана. Все эти господа, очевидно, искавшие нас, никак не могли предположить, что в такой обстановке, среди белого дня, ехали государственные преступники. Они, вероятно, представляли себе меня унылым и мрачным, украдкой пробирающимся по дороге...

Много помог и X., при виде которого все, с кем имели мы дело, вытягивались в струнку и с головокружительной быстротой летели исполнять все его приказания.

Помню, как во время одной стоянки к нашей карете стал приближаться урядник; она, очевидно, вызвала в нем подозрение, и он решил заглянуть к нам. Я шепнул об этом X., и тот немедленно вышел из кареты навстречу уряднику. При виде его, последний выпрямился, отдал честь и, как бы боясь, что X. догадался о его скверном намерении заглянуть в карету, удалился быстрыми и мелкими шажками.

Так мы доехали до Симферополя. Здесь я расстался с Б. Он отправился одной дорогой и, встретившись в ближайшем городе с Ш., через неделю вместе с ним перешел границу.

Я же еще целый месяц странствовал по России; не мало забавных эпизодов случилось со мной во время этих скитаний.

В продолжение некоторого времени мне пришлось жить в имении одного чиновника. Вместе с ним я часто отправлялся на охоту, ездил по окрестностям; при этом мы всегда выбирали такие пути, где нас никто не мог встретить.

Однажды в деревне случился пожар; я как-раз ворочался из лесу, и, проходя мимо пылающих строений, остановился, пораженный беспомощностью человека перед силой стихии. Ветер разносил кругом горящие искры, и они, падая на соломенные крыши бедных избушек, быстро воспламеняли их... Огонь распространялся с страшной силой. Было что-то жалкое в воплях и стоне обездоленной бедноты...—и забыв про свое

нелегальное положение, я бросился к горящим избам, стал спасать имущество и распоряжаться тушением огня.

Опомнившись, я заметил возле себя какого-то судейского чиновника, пристава и нескольких полицейских. Они строго и подозрительно смотрели на меня, и негодующий вопрос уже готов был сорваться с уст пристава, когда откуда-то появился товарищ, у которого я жил. Он подбежал к нам и, обращаясь к приставу, произнес:

— Позвольте представить вам моего кузена.

— Очень рад, — промолвил пристав, вежливо осклабясь, — а я было думал допрос учинить вашему кузену, — такие уж времена нынче, — добавил он, желая смягчить впечатление своей неумеренной подозрительности. Мы обменялись рукопожатьями и, как самые лучшие друзья, сообща уж стали распоряжаться тушением. Через несколько дней после того я был поставлен еще в более неловкое положение.

Однажды во время отсутствия товарища мне пришлось занимать приехавшего к нему в гости соседа-чиновника К. Посреди беседы гость вдруг задал мне вопрос, в каком ведомстве я служу.

Я назвал какое-то учрежденье.

— А знаю, знаю! — радостно сказал мне мой собеседник, — там у меня кузен служил. А кто у вас начальником состоит теперь?

— Не хотите ли чаю? — предложил я, уклоняясь от ответа.

К. согласился, и мы отправились с ним в столовую.

— Так кто же у вас начальником состоит? — повторил свой вопрос неугомонный чинуша.

— Протасьев, — сказал я наугад.

— Какже-с, и его знаю! В некотором роде даже сослуживцы. Евгеньем Александровичем величают?

— Да, да, — подтвердил я и, ободренный своим удачным ответом, прибавил: — В чине статского советника он теперь!

К. вытаращил глаза.

— Да позвольте, три года назад он уж в «действительные» произведен?!

Я тоскливо посмотрел на часы...

Товарищ приедет только через три часа... что мне ответить ему?...

Вдруг послышались неожиданные шаги, и вслед за ними приветственный голос товарища:

— А, Евгений Федорович! — и К. поднялся навстречу.

* * *

Через месяц после побега, в сопровождении опытного в контрабандных делах товарища, я ехал к границе. На вокзале маленького пограничного города нас встретил контрабандист, которому мой товарищ заранее дал телеграмму. Вместе с ним мы сели в приготовленный экипаж и отправились в маленькое местечко, лежавшее верстах в тридцати от границы. Здесь в маленьком и грязном домишке контрабандиста должны были мы ждать наступления вечера.

Как только мы вошли в его парадную комнату, нас окружила целая толпа молодых и здоровых парней—детей контрабандиста. Воспитанные на опасном промысле своего отца, они были так же ловки и пронырливы, как само их ремесло. «Что слышно, как дела?» — набросились они на моего спутника, их старого знакомого.

Пока он удовлетворял их любопытству, в комнату вошел сам контрабандист. Орлиный нос, проницательный взгляд и мягкие кошачьи движенья делали его похожим на хищника. Сорок лет подпольного ремесла наложили резкий отпечаток на этого человека...

— Когда мы выедем? — обратился к нему товарищ.

— В девять часов вечера... Политический? — в свою очередь спросил старик, окидывая меня испытующим взглядом.

Не желая возбуждать подозренья старика и стараясь обставить сегодняшний переезд лучше обычного, товарищ выдал меня за своего компаньона, едущего в Австрию за большим транспортом товара.

— Мы направим этот товар через вас же, — сказал он, — но дело это спешное и через неделю должно быть окончено. Поэтому вы устройте сегодняшний переезд так, чтобы не было никаких задержек.

— Тогда я сам поеду с вами, — сказал старик.

В девять часов вечера нас повели через потаенную дверь в конюшню. Здесь уже стояли лошади, запряженные в телегу; мы взлезли на нее.

— Готово? — спросил возница.

— С богом, — ответил старик, — поезжай!.. У пруда я тебя нагоню.

Ворота распахнулись, и мы выехали.

— Почему уже здесь принимают такие предосторожности, — спросил я у товарища.

Он объяснил мне. Оказалось, что у этих контрабандистов дело поставлено так, что самый переход через границу не представляет никакой опасности—переводят сами же караульные солдаты. Но опасна, одинаково при переходе в Австрию или обратно, дорога до границы, так как за двадцать верст до нее производятся объезды. Объездчики же неподкупны и арестовывают всякого встречного...

В условленном месте нас догнал на маленькой одноконной тележке старик с одним из своих сыновей.

С какою-то особенной осторожностью доехали мы до границы—небольшой деревушки.

— Стойте! — сказал нам старик, а сам поехал вперед. Видно было, как он скоро остановился, слез с тележки и куда-то пошел. Через десять минут он вернулся и сказал, что жандарма в условленном месте нет.

— Постойте еще тут, я еще поищу! — сказал он нам и с проворством кошки исчез в темноте.

Прошло полчаса. Мы стояли в самом опасном месте и ежеминутно могли быть захваченными объездом. Естественно, что в ночной темноте — кругом рисовались призраки, и товарищ вдруг сказал мне:

— К нам едут солдаты! Слезайте, спрячемся в овраге!

Мы осторожно слезли и ползком спустились в какую-то яму. Там пролежали мы целый час; солдаты были порождением фантазии.

Наконец, к нам спустился старик.

— Надо ехать обратно: жандарм надул нас и не пришел,— сказал он.

Пришлось снова проезжать все опасные места. Поздно ночью мы возвратились в дом контрабандиста.

С утра следующего дня старик послал уже своего сына предупредить жандарма о ночном переезде.

Как раз в этот день вся полиция местечка, в котором мы находились, была поставлена на ноги: накануне арестовали шесть человек, приехавших из Австрии. Трое из пойманных утром же удрали из полицейского участка. По всем дорогам были расставлены полицейские посты, и только благодаря ловкости и опытности старика нам удалось миновать их.

В двенадцать часов ночи мы подъехали к границе; жандарм уже ждал нас, но объявил, что переход будет возможен только в три часа ночи.

Покамест нам разложили в поле брезент, лежа на котором мы должны были ждать момента переправы. Дождь лил и отчаянная сырость и холод охватывали нас... Прижавшись друг к другу, мы с товарищем старались согреться теплотой своих тел.

Ровно в три часа ночи к нам подошли солдат и жандарм.

Последний взвалил на плечи нам багаж, и мы тронулись. Вскоре перед нами была дорога. Солдат остановился, передал жандарму свою винтовку, сказав: «Это граница! старайтесь не делать следов!» и двинулся вперед. Через минуту мы были в пределах Австрийской империи.

Конец второй части.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Дорогой товарищ!

Вы просите меня, как одного из устроителей вашего побега, описать его. Охотно исполняя вашу просьбу, я не могу не высказать своего опасения, что, быть может, по конспиративным причинам мое описание выйдет далеко не полным. Я, например, не смогу описать подробно те проекты вашего освобождения, которые у нас были и которые мы готовились привести в исполнение, по той простой причине, что, быть может, эти же самые проекты могут пригодиться еще когда-нибудь.

Тем более жаль не иметь возможности описать все, что, поистине, «Потемкиниада» и ваш побег составляют светлый эпизод русской революции. Ваш побег, в частности, нанес чувствительную пощечину русскому самодержавию. Поймать «важнейшего» государственного преступника, да еще «жида», держать его своими цепкими щупальцами, чувствовать свою силу, чувствовать возможность жестоко отмстить хотя бы одному из штатских лиц, принимавших деятельное участие в этом огромном, небывалом еще до этого времени проявлении революционного огня среди войска, желать показать всему миру, что матросы — жертва «жидовской» пропаганды...—и вдруг... вместо торжества победы — новое поражение, новый позор, новый глубокий удар в самое сердце самодержавия. «Этот жид» бежал, бежал из военной цитадели, из места, окруженного лесом штыков, охраняемого денно и нощно бдительными царскими войсками.

И весь позор, все значение этого побега, весь ужас этого дела для самодержавия заключался в том, что даже здесь, даже

14*

среди войска, приставленного охранять царских бунтовщиков, проклятая бацилла революции успела свить себе гнездо.

Есть от чего притти в ярость!

И недаром, видно, Чухнин назначил за вашу голову 5.000 руб. из своих собственных средств, как об этом упорно говорили в обществе. «Очаковский» герой сразу понял, как важно для престижа самодержавия поймать «этого жида», а черносотенные газеты занялись интересными вычислениями, сколько стоит ваш побег. «Киевлянин», кажется, говорил, что 10.000 руб., некоторые другие газеты, помнится,— еще больше.

Тот же «Киевлянин» нарисовал даже сентиментальную картину о том, как «подачки, водка и лживые обещания заставили честного русского солдата забыть присягу и своего царя!» [1]. Бедные «русские» — «истинно-русские» люди! Всегда и везде им мерещатся водка, денежная субсидия! Продавая правительству весь пыл своих рабских душ на пропаганду человеконенавистнических идей, они не понимают, не могут понять другой силы, другого импульса, кроме денежного; они забыли ту великую фразу Софьи Бардиной, ту великую мысль, подтверждение которой ежедневно, ежечасно чувствует на себе наше правительство, несмотря на военные и осадные положения, несмотря на военно-полевые суды, сотнями посылающие на смерть лучших сынов нашей измученной родины. Они забыли, что «сила идей на штыки не улавливается».

Так помните же это вы, «истинно-русские» люди, вы, разбойники пера и гасители мысли, помните, что «идея» революции — это тот страшный тиран, который размозжит все устои вашего бытия, что это—та сила, которая, через стон и слезы, чрез нищету и голод, чрез потоки крови, пролитой современным режимом, доходит до самого сердца народа, будит его мысль и зовет на борьбу со всеми вами и «иже с вами». Помните, что нет такой силы, которая сможет остановить, затушить огонь революционного просветления!

Да! «Сила идей на штыки не улавливается».

* * *

---

[1] Цитирую на память, поэтому за точность выражений не ручаюсь, но смысл был приблизительно таков.

Гордо и плавно, под красным флагом революции, исчезал «Потемкин» с горизонта одесских берегов и уносил с собой тысячи упований, тысячи надежд одесской революции.

Все мы, все, пережившие эти дни стоянки и действий «Потемкина» у берегов Одессы, с каким-то ужасом и вместе с тем с какой-то мучительной неизвестностью смотрели вслед уходившему гиганту и каждый задавал себе один и тот же вопрос. «Что же дальше?» Куда идет этот революционный титан? Уходит ли он в полной боевой готовности к другим берегам Черного моря? Водрузит ли он еще где-нибудь свое славное знамя восстания или... или... и здесь не было конца догадкам и предположениям, страху и надеждам... Проходит 2—3 дня, и мы узнаем о появлении «Потемкина» у берегов Феодосии, а еще через два-три дня о том, что «Потемкин» сдался в Румынии и вся команда броненосца осталась там.

Где же товарищи, оставшиеся на «Потемкине»? Там ли они тоже? В безопасности ли они? Вот те проклятые вопросы, которые вставали пред нами, и скоро мы узнали от товарища Кирилла, что тов. Фельдман арестован в Феодосии. Это же известие было подтверждено одним возвращавшимся в Одессу порт-артурским врачем, который привез привет нам от тов. Фельдмана.

Участь попавшегося в цепкие руки самодержавия товарища была для всех нас вполне ясна. Мы знали, что царское правительство на нем одном выместит всю свою злобу, и пред всеми нами вставала страшная, леденящая душу картина казни самоотверженного товарища. И рядом с жгучей болью от этой картины еще более страстно звал нас к освобождению товарища мощный голос совести и ненависть к проклятому режиму.

Нам, одним сильнее, другим слабее, представлялась возможность этого освобождения при дружной и энергичной работе в этом и, одновременно со сладостной перспективой освобождения товарища, рисовалась картина того удара, который будет нанесен самодержавию освобождением этого штатского товарища, попавшего в его руки! И рядом с каким-то отчаянием в удаче затеваемого предприятия, где-то, в самых тайниках души, шевелился теплый луч надежды, который и был путеводной звездой всем

нам, участникам этого дела, в минуты полного отчаяния. А таких минут пришлось нам пережить не мало за все время подготовления и исполнения задуманного побега.

Луч надежды! — вот тот великий импульс, который вдохнул в нас энергию, бодрость, решимость, и с этими тремя голыми элементами мы горячо взялись за дело освобождения тов. Фельдмана.

Я живо помню, как в течение двух дней была собрана в Одессе необходимая сумма в такое время, когда каждый обыватель дрожал за свою шкуру под влиянием только что пережитых ужасов смерти и разрушения, сотворенных массовыми залпами войск, наводнивших Одессу. От революции с ужасом отворачивались, все трепетали! И все же «для спасения от смертной казни» была собрана необходимая сумма. В это же время один товарищ, бывший член ростовского комитета Р. С.-Д. Р. П., выехал в Феодосию для зондирования почвы, а в организации затеваемого предприятия приняли участие, кроме одесского комитета, еще одесские организации Бунда и киевский комитет, которые обещали свое содействие и помощь по мере надобности. Я не говорю уже о крымском союзе, участие которого было обязательным, так как все предприятие происходило в районе его влияния. От выехавшего товарища мы получили известие из Феодосии, что тов. Фельдман переведен в севастопольскую тюрьму, что и он едет поэтому туда, и просил выслать еще одного товарища, так как одному очень трудно вести дело. Один из товарищей — женщина, — тогда временно не принимавшая участия в работе, целиком отдала себя в распоряжение этого дела и, оставаясь в Одессе, принимала самое деятельное участие в обсуждении и разработке планов побега, заведывала посылкой необходимых вещей и людей в Севастополь, не раз поднимала наш упавший дух и вообще отдала на это дело много энергии и сил. Я же выехал в Севастополь.

Для полноты картины внешней стороны организации скажу еще, что один из товарищей выехал заграницу (Берлин) и там при энергичной помощи представителя берлинской группы меньшинства достал для побега еще 1000 марок у одного немецкого либерала.

В севастопольской организации мы встретились со старым товарищем, рабочим, с которым мне уже раньше приходилось

работать и который выказал в этом деле знание человеческой души, здоровое пролетарское чутье, большую опытность и решительность.

Такова с внешней стороны организация этого предприятия. Теперь приступлю к описанию наших действий, как только мы прибыли в Севастополь.

Переехавший из Феодосии в Севастополь вышеупомянутый товарищ Х. (назовем его отныне так) обладал удивительным хладнокровием и осторожностью и вместе с этим совмещал большую решимость и энергию. Еще до моего приезда, в самое короткое время ему удалось завязать сношения с севастопольской тюрьмой, и с тов. Фельдманом у нас установилась самая оживленная переписка. Не было дня, чтобы мы не получали по «голубиной» почте записки и не передавали обратно в тюрьму ответ.

Все шло как по маслу, был составлен великолепный план, который удался бы наверняка, если бы . . . адмирал Чухнин не перевел товарища на гауптвахту.

Виновником этого был сам тов. Ф. Не зная вначале о том, что его стараются освободить и зондируют для этого почву, он сам, сгоряча, заговорил с одним из надзирателей, который его и выдал. Следствием этой провокации явился перевод товарища на гауптвахту. Адм. Чухнин чутьем ищейки сразу понял, что тут дело не ладно, что сначала Фельдман сам пробует, а потом его попробуют освободить, и не имея права по закону заключать штатских на военную гауптвахту, Чухнин все-таки переводит туда товарища, чтобы «этот студент-жид» очутился в таком положении, откуда он и думать не смел бы о побеге, где бы его достать нельзя было...

Весь ужас состоял в том, что перевод состоялся за два дня до выполнения нашего плана...

У нас опустились руки: все наши труды, изучение тюрьмы, изучение мест стоянки часовых, все связи, все планы пошли прахом...

Приходилось начинать с начала...

«Связи, связи с солдатами гауптвахты» — был единственный наш вопрос! Есть ли, существуют ли они?

Бросаемся к севастопольскому комитету.

— Есть связи с гауптвахтой?

— Нет.

— Хоть какая-нибудь! Хоть один захудалый солдат, быть может, есть оттуда?

— Нет! Там сборные, сменяющиеся каждый раз солдаты, и у нас ничего нет!

Ужас!... Время бежит... Уже несколько дней июля прошло... Мы узнаем, что следствие идет гигантскими шагами и скоро заканчивается... Вот оно, когда смерть идет уже над головой товарища!

Что делать, что делать? Мы строим планы один фантастичнее другого, один смелее другого, и в этой смелости, в этом безумии мы чувствуем свое бессилие...

Тов. Х., сильно скомпрометированный сношениями по «голубиной» почте, сменяется товарищем Ф., приехавшим из Киева.

Тов. Ф., этот опытный, смелый товарищ, бежавший уже несколько раз из «мест заключения», оказался таким именно человеком, который больше всего нужен был для данного дела. Он не был настолько осторожен, как Х., но он был хитрее, что было очень важно при изменившихся условиях...

Но . . . как начать? Где найти зацепку?

И вот из нашего трудного положения нас вывел сам товарищ Фельдман, который умудрился как-то завести сношения со старинным сторожем гауптвахты [1])...

В один из мрачных своими перспективами дней к нам прибегает одна девушка-товарищ, адрес которой был на всякий случай передан тов. Фельдману еще в тюрьму, и говорит: «Идите, идите скорее! у меня солдат с гауптвахты!»

— Солдат?!!... С гауптвахты?!...

— Да... да... скорее... он не может ждать долго!...

Мы бросились с быстротой молнии!...

---

[1]) Б., как известно, вместе с другим солдатом-евреем, бежал одновременно с т. Фельдманом. Как тов. Фельдману удалось завести сношения с Б., я описывать не буду; я стараюсь дать описание организации побега только с воли.

Мы все же решили, что с пришедшим солдатом будет встречаться один, другой же будет в соседней комнате, чтобы во всякую минуту можно было посоветоваться и вынести определенное решение...

Тов. Ф. увидел пред собой маленького, невзрачного человечка, повидимому, малоросса, который передал ему записку следующего содержания:

«Шлю привет».

Стало ясно: это первая проба сношений.

— Вы кто такой? — спрашивает его тов. Ф.

— Я солдат, — скромно ответил Б.

— Вы оттуда? С гауптвахты? Там всегда находитесь?

— Да, я старый сторож!

— Вот славно, братец! Можете услужить нам и передать от нас записку Ф.? А мы уж, конечно, в долгу пред вами не останемся, за услугу поблагодарим!

— Отчего же! Можно, пишите!...

Мы почувствовали соломинку, за которую можно ухватиться; но надобно было испытать этого человека! Кто он? Откуда мы его знаем? Не выдаст ли он нас?

Мы послали записку такого же содержания: «шлем привет» и дали рубль Б.; при этом мы просили его еще раз принести записку, если нужно.

И дело пошло... На другой день снова обменялись записками, и снова Б. получил рубль, хотя и сказал, что он не из-за денег принес записку.

Получая все же за каждую записку мзду, Б. так вошел, очевидно, во вкус и роль почтальона, что однажды сказал: «Я могу два-три раза в день приносить, если нужно». Конечно, мы согласились.

Не могу не сделать маленького отступления. Вероятно, многих интересует вопрос, что руководило Б. при устройстве побега? На этот вопрос ответить не легко. Сознательным Б. не был, но атмосфера всеобщего сочувствия заразила и его. Он начинал понимать, что не все так, как учит мудрая солдатская словесность и мудрое начальство, он слышал о только что сдавшемся «Потемкине». Отчасти тут были и денежные соображения. Говорю: отчасти, так как из-за денег Б. никогда не пошел бы на такое дело.

Вообще Б.—умный, смышленый малоросс, хитрый, прекрасно умевший надувать начальство, и был у него на хорошем счету.

Что Б. принимал участие и из-за сочувствия, видно из того, что после побега, как мне передавали, из него выработался вполне сознательный человек...

Итак, при помощи Б. мы начали сноситься очень правильно; две-три записки бывали у нас ежедневно и столько же передавалось на гауптвахту [1]).

Снова засиял луч надежды! Снова мы верим, мы хотим верить в счастливую звезду революции. Снова впереди были «огоньки».

Помните, читатель, этот дивно-художественный маленький рассказ Короленко «Огоньки»? Помните эту ночь в Сибири, темную, темную; ни звездочки, ни огонька; и реку, по которой плывут, не зная куда, путешественники... Но вот они, огоньки, один, другой, третий... и в душе загорелась эта дивная вера—убеждение, что там... впереди... огоньки... Вот нечто подобное переживали и мы... вновь загорелся огонек надежды, и мы снова бросились за работу.

А она была не легка.

Интересна та обстановка, в которой происходили наши свидания с Б.

Севастопольская полиция поставлена очень примитивно. Настоящих шпионов там вовсе нет и, зная это, мы вначале встречались с Б. всегда в одной и той же квартире. Из предосторожности у этой же квартиры часто стояли наши «дозорные», т.-е. товарищи, а раз вышло даже интересное qui pro quo.

Севастопольской организацией (кроме лиц, непосредственно принимавших участие, все остальные члены организации не знали ничего о готовящемся побеге и тем более о квартире, в которой происходили наши свидания с Б.) в этом же доме была

---

[1]) Черносотенные газеты, вроде «Киевлянина», говоря о побеге, лгали, что записки писались на сковородках, на которых приносился обед т. Фельдману. Читатель видит, как блестяще понимало дело начальство, а из его слов и черносотенные газеты.

устроена массовка. Как раз в это же время происходило свидание с Б., и наш «дозорный»—женщина находился на своем посту. Некоторые из собравшихся на массовку обратили внимание на нашего «дозорного» и приняли его за правительственного шпиона.

Поэтому массовка не состоялась. На другой день вся организация говорила о том, что правительство берет в шпионы женщин... Недоразумение скоро рассеялось, и наши товарищи успокоились [1]).

Впоследствии мы стали бояться пользоваться одной и той же квартирой, а другой подходящей не было, и свидания стали устраиваться в разных местах, за городом, вечером в укромных уголках, которых так много в Севастополе, на море, во время купанья и т. д.

Чтобы дать ясную картину условий, в которых нам приходилось работать, я расскажу еще об одном интересном эпизоде. Все мы жили нелегально. Только один товарищ Ф. достал себе настоящий хороший паспорт окончившего университет. Все же, чтобы не прописываться, тов. Ф. устроился в одной из тех гостиниц Севастополя, содержатели которых имеют на откупе всю полицию и в которых поэтому проживают евреи, не имеющие права жительства, когда им, по каким-нибудь делам, приходится приезжать в Севастополь.

Содержатель гостиницы, умный еврей, сразу стал втупик: «зачем Ф., имеющий хороший паспорт, не хочет прописаться и живет у него?» С таким вопросом он и обратился к тов. Ф.—«Видите ли,—нашелся тот,—вы знаете, что я еврей, ну я и хочу дать заработать еврею же, а не русскому, мало разве вы платите полиции?»

Этот ответ вполне удовлетворил содержателя гостиницы.

Но что было делать другим?

Некоторое время я имел квартиру у одной учительницы, но я, во-первых, не хотел стеснять ее, во-вторых, опыт говорил, что ночевку нужно часто менять.

---

[1]) Наш «дозорный» - женщина не раз следовала по пятам Б., так как мы не были уверены в опытности Б. и боялись, как бы за ним не было «хвоста». Сам Б., конечно, об этом не подозревал!

Поэтому я с тов. Ф. проделывали очень часто такую штуку: ровно в 11 час. ночи наш еврей запирал тяжелым засовом выходную дверь, а через $^1/_4$ часа он уже обыкновенно крепко спал. Тогда я подходил к окну тов. Ф., вызывал его свистом или стуком. Он тихонько, босиком, подходил к выходной двери и впускал меня. Затем мы оба, крадучись, пробирались в его комнату. В этом клоповнике приходилось терпеть довольно много лишений: одному из нас приходилось спать на трех стульях, положивши кулак вместо подушки под голову, так как кровать была одна и очень узкая.

Утром проделывалась та же история, но в обратном порядке. В 6 ч. утра тов. Ф. выпускал меня, а к $7^1/_2$ я приходил, здоровался с хозяином, который и вводил меня торжественно к тов. Ф.

И так изо дня в день!

Общество, так называемые либералы, тогда до того сильно боялись военного положения, недавно введенного в Севастополе, что не хотели, за немногими исключениями, оказать даже маленькой услуги. Сейчас же вставал шкурный вопрос...

Но время летело... скоро конец июля... Сами мы сильно измучились вследствие такой нервной жизни; посудите сами: ночевки были невероятные; днем делать было нечего за исключением двух-трех часов, которые отнимал у нас Б.; днем пойти на квартиру куда-нибудь без дела не хотелось, боялись «запачкать»; шляться по одними тем же улицам тоже нельзя было— примите все это во внимание, читатель, и вы поймете, как сильно взвинчивались наши нервы, а нервничать было нельзя: нужно было все обдумать, все предусмотреть. Спасало лишь море... Мы решили покончить дело. Сношения у нас установились прочные; оставалось дело за планом побега. План гауптвахты был изучен, но надежд было мало... Наибольшее количество планов составлял Б., но все его планы были настолько фантастичны, что не выдерживали самой легкой критики. Впрочем, кто знает! При колоссальной глупости всех офицеров на гауптвахте, мог бы выгореть и самый чудовищный план!

Скоро мы стали приводить в исполнение довольно рискованный план. Говорю: рискованный, так как вначале Б. сам не хотел бежать. Поэтому, чтобы подозрение не пало на него, приходилось выбирать такие планы, при которых люди организации

могли тем или иным путем проникнуть в тюрьму для освобождения. Конечно, малейший непредусмотрительный шаг мог бы выдать таких товарищей и погубить и их и все дело.

Но как только Б. сам тоже решился на побег, шансы на удачу сильно поднялись. Окончательно план был составлен в таком виде: при помощи подобранного ключа и своего часового (если же часовой будет не свой, то было приготовлено средство, чтобы его усыпить) нужно было отворить камеру товарища. Последний, сделав чучело и положив его вместо себя на постель [1]), должен был выйти, переодеться солдатом-сторожем, помощником Б., и вместе с ним они должны были ночью выйти тушить лампы во дворе, а затем на улицу, где их, в условленном месте, должны были ждать свои.

План этот проведен был в совершенстве, но до развязки он отнял у нас не мало нервов и здоровья.

Дело в том, что Б. часто в решительную минуту откладывал выполнение плана: то ему казалось что-либо подозрительным, то не успевал приготовить какой-нибудь принадлежности солдатского туалета.

Все это действовало на нас угнетающим образом. Каждую ночь приходилось сторожить недалеко от гауптвахты, приходилось обращаться в вопросительный знак!.. Шорох... они идут... сердце хочет выпрыгнуть... прошел другой солдат... опять шорох, шаги... видны две фигуры... они... опять не то.

И так из ночи в ночь...

Если прибавить, что другие проходящие не должны были видеть дозорных, то получится верная картина, как приходилось прилегать к земле, прятаться в тени заборов и т. д.

Не мало хлопот причинило нам и приискание квартир для бежавших. Говорить об этом заранее с кем-нибудь невозможно: мы боялись, чтобы слухи о готовящемся побеге не распространились широко.

И вот накануне одной из таких ночей, в которую должен был, но к счастью не совершился побег, я отправился к одному

---

[1]) Мы настолько все предусмотрели, что в записке условились с тов. Фельдманом, что он должен спать, перекрывшись через голову, чтобы приучить тюремщиков к бесформенной массе на постели.

домовладельцу, о котором мне говорили, что он даст свою квартиру наверняка, если ему сказать правду. Прихожу. Меня приветливо встречает этот господин. Даю рекомендации, излагаю дело: так и так, мол, дайте квартиру для Фельдмана, для него устраивается побег!

— Да этого быть не может; мыслимо ли из военной тюрьмы?

— Я его уверил.

— Когда?—спрашивает он.

— Сегодня!

Мой господин посмотрел на меня, глаза у него так расширились, покраснели, и сказал: «Б.... б... боюсь!...» Этим было сказано все!

Он начал извиняться, говорил что-то об обыске, бывшем у него с десяток лет тому назад, а я, взявши с него слово, что он никому не расскажет ничего и выслушав полдюжины советов, ушел не солоно хлебавши.

Положение было трагическое. Местные товарищи говорили, что квартиры достать нельзя, что все перетрусили, что единственное средство сейчас же уезжать бежавшим. Но это, конечно, было страшно рискованно...

Тут меня озарила блестящая, давшая великолепные результаты, мысль — солгать, да простится мне это прегрешение. Дело в том, что тов. Фельдман, как он писал, оброс в тюрьме бородой, ему необходимо было побрить и бороду и усы, чтобы изменить свою наружность; значит, у него будет очень молодой вид; поэтому, если на первые два дня нарядить его гимназистом, то «гимназиста», верно, местное общество не побоится. Так и было. Разговор с врачем, к которому мы обратились, был приблизительно таков.

Член организации: — Не можете ли вы, доктор, позволить переночевать две ночи у вас гимназисту, который приедет с поручением на этих днях от одесской организации?

Докт.:—Гимназисту?

— Да!

— Почему же ему в гостинице не оставаться?

— Видите ли, в гостинице ему, как гимназисту, неудобно, это может привлечь внимание полиции, во-вторых, он едет без отпуска, в-третьих, он еврей и не имеет права жительства!

— Гм! Хорошо! Пусть переночует у меня две ночи, но позвольте мне вам сказать несколько слов: оттого в обществе так мало денег дают и так мало услуг оказывают вам, социал-демократам, что у вас в партии разные гимназистики и гимназисточки! Какое доверие можно питать к вам, если у вас с *революционными* поручениями посылают *гимназиста*!

Члену организации пришлось только кисло улыбнуться!

Не правда ли, читатель, как это характерно для нашего российского «обывательского» гражданина! Но... слушайте дальше!

На второй день пребывания «гимназиста» у доктора, последний смекнул, в чем дело, так как об этом говорил весь Севастополь, и попросил «гимназиста» как можно скорее избавить его от себя! А чрез несколько месяцев наш доктор, встретившись в Москве со своим знакомым—членом партии, хвалился своей услугой революционному делу и рассказывал о том, как он, доктор, с радостью дал свою квартиру Фельдману после его побега. Так пишется история...

Итак, мы остановились на вышеупомянутом плане.

Б. умудрился сделать слепок с ключа, который постоянно находился у дежурного старшего унтер-офицера, а мы по этому слепку сделали ключ. Все это мы успели за один день. Костюм «гимназиста» тоже был приготовлен. Затем начались опыты со снотворным.

Один из товарищей, назовем его «Игреком», широкоплечий, сильный малый, химик, специально выписанный с Волги и игравший тоже крупную роль в побеге, пробовал снадобье на себе. Мы (член Бунда [1]) и я) сидели тут же и страшно волновались. Снадобье оказалось «чересчур» хорошим: товарищ начал было терять сознание, но вода, крепкое кофе, холодные компрессы привели его в себя. Во всяком случае пришлось пережить несколько очень неприятных, тяжелых минут.

Теперь все было готово. По нашему плану—ночью опять дежурство. Двое опять на улице; я в квартире. Условленное время между $1^1/_2$ и 3-мя часами ночи. Томительно долго тянутся

---

[1]) Член Бунда, присланный одесской организацией Бунда.

эти $1^1/_2$ часа; волнение достигает крайних пределов... весь организм напряжен до последней крайности... Бегут... Показались две фигуры, которые так быстро пролетели... Бросились за ними... Не догнали... Значит, не они; они не пробежали бы мимо своих... $3^1/_2$ часа ночи... Товарищи возвращаются, измученные, усталые! И на этот раз ничего не вышло!... Было тяжело!... В 7 часов утра я отправился на «свидание» к товарищу на берег моря. Прихожу. Меня уже ждут!

— Опять сорвалось! — говорю я. — Проклятье!!...

— Тс... они уже в безопасности!...

— Как!... Так это они пробежали так быстро!

— Да! давайте инструкции, скорее!...

Мы отправились...

Впоследствии я узнал, что Б., который вел себя с необыкновенным хладнокровием все время, пока выходили из тюрьмы, страшно расстроился на улице... Слишком много нервных сил ушло у него — и реакция сказалась: он на воле все перезабыл и летел, сломя голову, а за ним и тов. Фельдман, не понявши сначала состояния Б.

Все же в конце концов Б. успокоился и привел тов. Фельдмана на только одному ему известную квартиру, на которой происходили свидания с ним... Туда же пришел и третий, бежавший, солдат-еврей, пришел и разрыдался. И немудрено: его должны были ждать, но его не ждали, раз не удался побег первых двух. И вот, этот солдат приходит к условленному месту. Никого!... «Значит, надули!» — решил он... у него нет денег... не знает ни одной квартиры, кроме случайно ему данной, но и туда он не решается пойти, решив, что он обманут... Ему некуда деться, а чрез 3—4 часа уже хватятся беглецов, и он будет арестован.

Понятно, как переволновался бедняжка, прежде чем очутиться в надежном месте.

Но вот все трое на свободе... Оставалось и самое легкое и самое трудное в одно и то же время: вывезти всех из Севастополя.

Железная дорога из Севастополя, по каким бы направлениям ни уезжать, одна и та же, чуть ли не в продолжение 12-ти часов. Это было опасно... Пришлось быть поэтому сугубо осторожным. Конечно, беглецов разделили и отправили каждого порознь,

впрочем, в решительную минуту, Б. на первых порах до Симферополя ехал вместе с тов. Фельдманом.

Первым отправили солдата-еврея. Подыскали ему жену, ребенка, которого он держал на руках, и выпроводили... Сошло удачно. Оставались Фельдман и Б. Их нужно было отправить уже по другой дороге. Б. перекрасился так, что свои его не узнавали, тов. Фельдман тоже сильно изменил свою наружность. И они тоже, в компании еще двух лиц, уехали благополучно.

До чего все декоративно хорошо было обставлено, показывает тот факт, что вторая группа—тов. Фельдман, Б. и К-о, встретила по дороге их офицера с гауптвахты, который разыскивал их. Офицер, посмотрев на них, пропустил их мимо себя...

Опасность миновала...

На дальнейшем пути новая опасность—встреча с урядником.

Последний даже разговаривал с ними, но ничего не заподозрил.

Наконец они в Симферополе.

Здесь уже нашлись действительные граждане, которые не побоялись дать своей квартиры для беглецов.

В дальнейшем пути Фельдман ехал в качестве сына одной богатой дамы.

Не могу не воздать должное мужеству этой дамы. Она поехала только потому, что знала, кого она везет, и выказала в дороге много гражданского мужества! О дальнейшем писать почти нечего.

Много труда и энергии пришлось еще положить на дальнейшую организацию побега, было еще много забавных происшествий вроде официального знакомства тов. Фельдмана с приставом.

Все эти подробности, вероятно, расскажет сам тов. Фельдман.

К сожалению, неудачно для партии окончились дальнейшие попытки освобождения других товарищей-матросов. Было, насколько мне известно, потрачено и больше сил, и больше денег, но ... к несчастью, ничего не вышло.

* * *

Такова внешняя организация побега тов. Фельдмана. Побег совершился в ночь на 13-е августа, а через месяц с лишним

тов. Фельдман был уже заграницей, т.-е. в полной безопасности от ярости царского правительства, которое с необычайной энергией принялось разыскивать по всем направлениям «царского бунтовщика».

Но горе русского самодержавия заключается именно в том, что существует так называемая «атмосфера всеобщего недовольства», «атмосфера всеобщего сочувствия» революции и революционерам.

Только благодаря этому, многим нашим товарищам, которым грозила смертная казнь или долгая ссылка в Сибирь, удавалось спасаться и благополучно избежать предстоящей участи.

История русской революции последних лет дает нам целый ряд исторических побегов, как одиночных, так и массовых из тюрем, из далекой Сибири, с каторги.

И будущий историк русской революции не сможет пройти мимо этих побегов, составляющих отдельную главу Великой Русской Революции.

Бывший член
Одесского Комитета Р. С.-Д. Р. П.
Ев.

ИЗ ДЕЛА

№ 3769—1905 г.

Д-та Пол. 7-го делопроизводства

О бунте матросов на броненосце „Князь Потемкин Таврический“

Начато 1905 года

Копия.

К событию на эскадренном броненосце «Князь Потемкин Таврический».

Черноморский гигант «Потемкин» 12 апреля 1905 г. начал кампанию. Все нижние чины с большой охотой шли из экипажа поплавать на таком красавце. В день начала кампании командир броненосца Е. Н. Голиков сказал речь команде приблизительно в таких словах: «Корабль этот строился 9 лет—он был все это время мертв, а теперь он воодушевился как человек и стал иметь руки, ноги, голову, глаза» и т. п.

15 апреля «Потемкин» стоял на большом Севастопольском рейде, куда прибыл главный командир поздравить с началом кампании и, между прочим, обращаясь к команде, сказал: «Любите и хольте этот корабль, как мать любит свое дитя», а начальству приказал держать команду в ежовых рукавицах и, кроме того, добавил, что «вы будете плавать больше всех судов, т.-е. 6 месяцев». Последние эти его слова не сбылись.

Началась служба на броненосце по самой строгой дисциплине, да и нельзя быть не строгой, дисциплина должна быть везде одна и та же, но на «Потемкине» команда была обижена в продуктовом отношении. «Потемкин» не совсем был готов внутренней отделкой, а потому на нем работало до 60 человек мастеровых Путиловского, Николаевского и Французского заводов, которые получали обед из котлов команды, не состоя на порциях. Об этом заявляли несколько раз ревизору мичману *Макарову*, но он на это заявление не обращал никакого внимания, говоря, что хватит пищи для всех, и так все это продолжалось два месяца, вследствие чего некоторым матросам нередко приходилось оставаться без обеда. Были такие случаи, что продукты покупались не свежими, как это, однажды, нашли в актерлюке (т.-е. склад припасов) три боченка соленого мяса в количестве 10 пуд., которое было вскрыто и оказалось вонючим и даже с червями. Тогда же пригласили доктора Смирнова освидетельствовать

и попросили его разрешить выбросить за борт, но он признал, что это мясо возможно употреблять в пищу и приказал варить его, но только пополам со свежим мясом, что и было сделано. От плохого мяса, само собою разумеется, испортилось и свежее, и борщ кушать было невозможно, вследствие чего команда осталась без приварочного обеда и кушала только хлеб с водою. Таких случаев было не мало, и все это было терпимо, но между командою находились и такие, что начали шушукаться, желая заявить об этом претензию. В один майский вечер команда стояла на молитве, по окончании которой старший офицер Гиляровский приказал команде разойтись спать, но команда начала настаивать, чтобы старший офицер выслушал их претензию о пище,прося его, чтобы мясо выдавалось по положению и по возможности покупать для борща зелень, а не соленую капусту, которая, по случаю теплого времени, была большею частью гнилая, и чтобы хлеб был хорошо испеченный, а по табельным дням давать и второе блюдо, как это водится и на других судах. Старший офицер пообещал всем этим удовлетворить команду, но этого обещания не исполнил, почему команда и оставалась всегда недовольною.—Хотя пища не играла такую большую роль, но был дан этим повод команде высказывать один другому свои неудовольствия, а в особенности все это происходило в машинном отделении, где начальству не были так заметны их заговоры. Между этими заговорщиками были и такие, которые бывали даже слушателями в комитетах социал-демократов. Вот таких-то господ и надо было немедленно удалить с корабля, но все это делалось совершенно наоборот, а именно: по приказу старшего флагмана все ненадежного и плохого поведения матросы назначались на корабли в плавание, а хорошие списывались в экипаж. Присылались на корабли и такие матросы, которые по несколько раз отбывали наказание и даже бывали в тюрьмах и в батальонах за совершение ими разных преступлений. В числе таких был прислан на «Потемкин» минно-машинный квартирмейстер Матюшенко—большой эгоист и развратного характера человек. Вот эти-то и подстрекали всегда команду, говоря: то им мало, то нехорошо, но цель тут была совершенно другая, что и исполнилось 14 июня; некоторые хорошего поведения люди слышали от заговорщиков, что должно случиться что-то необыкновенное и со всей эскадрой, но этим слухам не придавали большого значения, да и «Потемкин» был назначен действовать отдельно от практической эскадры.

12 июня «Кн. Потемкин Таврич.» выходил из Севастопольского рейда, держа курс к Тендровскому заливу, и за ним следовал миноносец «№—267». Проходя мимо Приморского бульвара, где было много публики и которая почему-то сочувственно прощалась с «Потемкиным» и чего раньше не замечалось. На «По-

темкине» был состав комплектации: 23 офицера, из которых три мичмана: Тихменев, Гнилосыров и Клента, под предлогом больных, при самом отходе броненосца съехали на берег, следовательно, на судне остались 20 офицеров: командир судна капитан I ранга Е. Н. Голиков, старший офицер Гиляровский, старший доктор Смирнов, старший штурман капитан Гурин, старший инженер-механик Цветков, артиллерийский офицер лейтенант Неупокоев, минный офицер лейтенант Тон, два лейтенанта из Петербурга Григорьев и « . . . . [1]), мичман Вахтин 3-й, ревизор мичман Макаров, младший штурманский офицер прапорщик Ливенцов, два вахтенные офицера прапорщики Алексеев и Ястребцов, четыре инженер-механика: Назаров, Коваленко, Заушкевич и Калюжный, младший доктор Голенко, гарантированный механик от Николаевских судостроительных заводов Харкевич, священнослужитель о. Пармен, 12 кондукторов флота, сверх комплекта 760 человек нижних чинов и 20 мастеровых Французского завода, имея в наличности 23.000 руб., 30.000 пуд. угля, более 10.000 снарядов практических и боевых, в большом количестве пороху и пироксилину, а также боевые мины. Провизии было взято из Севастополя, т.-е. мяса, хлеба и зелени, на два дня. На миноносце «№—267» командиром был барон Клод, денег было там 1.500 руб.

13 июня в 7 час. утра «Потемкин» и миноносец «№—267» прибыли в Тендровский залив и стали на якорь в расстоянии от острова на 4 версты. В 9 час. утра прапорщик Ястребцов с матро-

---

[1]) Пропуск в подлинике.

Общая забастовка, которая закончилась крупнейшими демонстрациями, стычкой с полицией и разгромом заводской конторы. В этом движении я принимаю участие, распространяю прокламации и веду агитацию, за что меня с некоторыми товарищами арестовывают, держат 6 месяцев, но за «недоказанностью» освобождают и высылают в Орел.

В Орле в 1903 г. меня официально принимают в члены Р.С.-Д.Р.П. В июне 1903 г. в связи с делом о партийной работе в Брянске жандармы производят аресты среди студенчества и части рабочих в г. Орле, в том числе снова берут и меня, держат две недели и передают под гласный надзор. Обстановка становится невозможная, условия работы отвратительные.

В сентябре 1903 г. для пополнения своего курса грамотности поступаю в воскресную школу на вечерние курсы. Но через месяц снова арестовывают с тремя товарищами за политическую неблагонадежность, держат полтора месяца и выпускают. В этом же году поступает мой призыв, и меня, раба божьего, забирают на военную службу в Черноморский флот моряком, где, как специалиста-токаря, назначают в школу самостоятельных машинистов.

Выноска в подлинике.

сом отправились на шестерке под парусами на остров, где сдали телеграмму о прибытии, и там же узнали, что можно достать во всякое время свежего мяса, хлеб и даже зелени, и, получив на все эти предметы справочные цены, возвратились обратно на броненосец и доложили об этом ревизору мичману Макарову, который почему-то отказался покупать на острове провизию, предпочитая купить в Одессе дешевле. Поэтому в 1 час дня был приготовлен миноносец для отхода в Одессу за провизией, на котором поехали ревизор Макаров, младший доктор Голенко, комиссары баталер Горащенко и матросы-артельщики. Прибыв в Одессу в 5 час. вечера, где уже происходили беспорядки, один из матросов, некто Шендеров, под предлогом получить на почте корреспонденцию, сейчас же отправился в город с артельщиками. Этот матрос довольно хорошо образован и несколько раз высказывался, что он бывал в разных комитетах социалистов. В Одессе провизии, т.-е. хлеба и зелени, по случаю забастовки не могли купить, а мясо нашли у одного торговца, но это мясо было уже немного с душком. Бывшие там артельщики не хотели брать этого мяса, тогда ревизор приказал им найти лучшее. Артельщики исходили весь город и нигде не могли найти и одного фунта, о чем они доложили ревизору и посоветовали взять мясо на Тендровском острове и по цене дешевле. Ревизор отказался от этого совета, говоря, что доктор Голенко признает это мясо хорошим, а потому и было оно взято в количестве 28 пуд. на 2 дня (по 6 руб. пуд). Это мясо уложили в мешки и погрузили на миноносец «№—267». В 9 час. веч. миноносец ушел из Одессы, держа курс по направлению к Тендровскому заливу. В 12 час. ночи, не доходя острова Тендра, миноносец наскочил на рыбачью лодку, сделал ей пробоину, и она начала погружаться в воду. Бывшие на ней два рыбака стали просить о спасении, миноносец повернул и стал спасать рыбаков и их лодку. Провозившись там часа три, отправились по своему направлению.

14 июня в 4 час. утра миноносец подошел к броненосцу, сдал туда мясо, и сейчас его развесили на спардеке. Мясо это было еще из Одессы взято с небольшим душком, но, пролежав в мешках и на жарком месте более семи часов, совершенно испортилось, и на нем появились черви. Команда, видя такое мясо, приходила в негодование, коки тоже отказывались приготовлять его в пищу, а потому пригласили доктора Смирнова освидетельствовать. Доктор признает мясо годным в пищу и только приказал его хорошенько обмыть. До 10 час. утра команда расставляла в море щиты, так как в этот день имела быть практическая стрельба из орудий. Покончив эту работу, команде было приказано купаться и после купанья пить вино и обедать. Получив свои порции вина, начали обедать, но борща с кухни никто не брал, а кушали только хлеб с чаем. Некоторые из матросов после взяли

и борщ, но не кушая его, а сидя за столом, ругались за то, что их плохо кормят, а работать заставляют с 5 час. утра и до 6-ти вечера. Заметив все это, старший офицер спросил у некоторых, почему они не кушают борщ, на что получил ответ, что «мы будем кушать хлеб с водою, но такого борща не хотим, так как от него можно заболеть», что уже случалось и раньше. Тогда старший офицер доложил об этом командиру, который вышел на шканцы и приказал горнистам и барабанщикам играть сбор. Все строевые матросы и машинная команда были поставлены на две вахты по правому и левому борту шканцев, а командир и старший офицер были в средине команды. Было приказано подать пробу и пригласить доктора Смирнова освидетельствовать борщ. Доктор, даже не кушая, признал борщ хорошим и добавил, что они зажирели. Видя это, кто-то из команды крикнул: «Если борщ хороший, то кушай же его». Стоявший тут старший офицер крикнул: «Не возражать», а командир обратился к команде: «Доктор признал этот борщ хорошим, но вы, как я замечаю, уже не в первый раз заявляете подобные претензии, и помню я, что то же самое было и 13 ноября. Вы находите, что пища плохая, а я вижу, что это только с вашей стороны придирка, а потому я теперь поступлю иначе, а именно: эту пробу сейчас запечатаю и отправляю к прокурору, а с вами расправлюсь. Кто хочет кушать борщ—выходи к 12 дюймовой башне, а кто не хочет, то для тех на корабле имеются поки» (поки, на которых вешают преступников), и, указывая на них пальцем, сказал: «там будете». Матросы, видя такую угрозу, согласны были лучше кушать этот борщ, чем быть повешенными, и стали выходить все к башне. Командир и старший офицер, видя, что все переходят и виновных не будет, воспользовавшись случаем—удержали человек 30-ть, которые не успели еще перейти. Скомандовали—стой. «Вы не хотите кушать борща. Караул, наверх!», прокричал командир. Вышел караул из батарейной палубы, которому приказано было командиром окружить этих бунтовщиков, но здесь он ошибся,—там были все невинные молодые матросы, которые не возражали ни слова, а теперь стояли уже приговоренными к смерти. Командир приказал караулу зарядить ружья, принести брезент и завесить этих негодяев. По приказанию его, зарядили ружья и уже несли брезент, а остальной команде приказали удалиться в батарейную палубу обедать. Тогда команда, видя, что пропадут напрасно их невинные товарищи, обезумев, бросилась с криками (Ура) в батарейную палубу взять оттуда что-нибудь в руки и итти на выручку товарищей. Многие из команды, не зная что делать—метались на шканцах. Когда командир заметил, что в батарейной палубе происходит сильный шум и что там что-то достают для обороны, он полагал сзывать команду к себе на шканцы, говоря: «Кто не хочет участвовать с бунтовщиками—переходи ко мне» и в это время отпустил тех 30 человек, которых он решил расстре-

лять. Более 300 человек присоединились к командиру и тут же бывшим офицерам приказал переписать по отделениям всех неучаствующих в бунте. Первое отделение переписывал Алексеев, второе Ливенцов, третье Макаров и четвертое Ястребцов, а старший офицер и командир в это время стояли около караула. Во время этой переписки некоторые из команды доставали патроны из порохового погреба и ружья из пирамид. Там же находился и лейтенант Неупокоев, который не позволял команде этого делать, за что его и вытолкали из батарейной палубы, а из другой двери какой-то из бунтовщиков бросил в командира винтовку, от которой отскочил штык и уткнулся близ ног командира в палубу. Старший офицер, видя это, приказал караулу, что если кто появится в дверях батарейной палубы, то стрелять в него. В это время показался комендор Вакулинчук, говоря караулу: «За что вы, братцы, будете стрелять в своих товарищей, я хочу объясниться с старшим офицером», и уже подходил к Гиляровскому, который сейчас же приказал стоявшему около него караульному стрелять в Вакулинчука. Часовой, не зная, кого слушать, взял и убежал с ружьем в батарейную палубу. Тогда старший офицер выхватил из кармана револьвер и прицелился в Вакулинчука, но в это же самое время за Вакулинчуком в дверях уже целились в Гиляровского Матюшенко и Попруга. Получились три одновременных выстрела, от которых два раненых упали на палубу. Гиляровский был ранен в бок пулей Матюшенко, а Вакулинчук был ранен в грудь от руки офицера и в спину от руки матроса, по всей вероятности, нечаянно; Гиляровский, лежа уже раненый, но был еще в сознании, грозил пальцем (его обычная привычка) на Матюшенко, говоря ему: «Я с тобою, мерзавцем, посчитаюсь». Тогда Матюшенко, как зверь, выпустил еще две пули в Гиляровского, которыми убил его, и выбросил за борт. В это время заговорщики—бунтовщики были уже на спардеке с ружьями и кричали: «Стреляй залпами в драконов». Зажужжали пули над головами тех, которые находились на шканцах, все бросились тогда спасаться, кто куда попало, а некоторые раздевались и бросались в море, а другие бросались и в одежде и раздевались, плавая, уже в море. Некоторые из плававших хотели добраться до миноносца, а некоторые направлялись к расставленным в море щитам; а многие прятались где кто мог. Командир Голиков и прапорщик Алексеев спустились в адмиральскую кают-кампанию, а за ними и несколько нижних чинов спустились по борту и пролезли через орудийное окно, где командир уже раздевался, а Алексеев был уже раздет. Командир хотел было броситься в воду через орудийное окно, но бывшие там матросы не допустили его бросаться под град пуль и хотели ему предложить спрятаться в безопасном месте, но решили, что он не пожелает быть трусом и скорее согласится умереть. Коман-

дир в эту минуту был бодр и присутствие духа не потерял, даже закурил папиросу и предложил Алексееву, быть может, в последний раз. Между прочим он сказал Алексееву: «Что я наделал, старый дурак» и добавил: «Я чувствую близкую смерть и если я буду убит, а вы останетесь живы, то примите броненосец в командование». Он предполагал, что все скоро утихнет, но огонь все больше разгорался, а несчастных плававших по морю матросов залпами убивали с броненосца. Ужасная и потрясающая была картина. Море было в то время тихо и на поверхности его вблизи броненосца плавали в крови раненые, но еще живые люди, которые хватались за каждый предмет, ища себе спасения, но выбивались из сил и вместе с фуражкой или сапогом погружались навеки в море. Некоторые из матросов на судне стонали, плакали, а некоторые молились, видя близкую смерть от рук бунтовщиков. Командир уговаривал некоторых плачущих матросов, говоря, что им ничего не будет, а один молодой матрос Староверов для своего спасения спустился по борту почти в воду, но не мог там долго держаться, так как и туда попадали пули. Командир заметил этого матроса и приказал ему взобраться как-нибудь к иллюминатору, где ему помогли пролезть другие его товарищи. Он был так рад, что бросился всех спасших его целовать. Наверху стрельба не прекращалась в плававших. Тогда горнисты затрубили—прекратить стрельбу, но их не послушали. В это время бунтовщики начали кричать, чтобы заряжали 75-мм. орудие, так как миноносец начал выбирать якорь, на котором находилось много офицеров. Не успел миноносец выбрать якорь, как в него грянул выстрел из орудия, который прошел ему по носу; миноносец тронулся—последовал второй выстрел, который прошел миноносцу по корме; миноносец дал ход, тогда последовал третий выстрел, который попал в подводную часть. Все думали о пробоине, так как миноносец стал и на нем передавали семафором: «Присоединяюсь к «Потемкину». Наверху броненосца закричали: «Идем в адмиральскую, там командир и офицеры». Бывшие матросы в адмиральской, слыша это, бросились с плачем прятаться по трюмам, несколько осталось с командиром и тоже ожидали смерти. Командир наскоро надел рубаху и кальсоны. К нему подошли с винтовками три бунтовщика: Матюшенко, Родин и Сыров и обратились к командиру в следующих грубых выражениях: «Выходи наверх, ведь для тебя все равно, где умирать, здесь или там», и, взяв его чуть ли не силой, вывели на шканцы. Сыров команде крикнул: «расступись» и взял винтовку на прицел в командира, который тут же обратился к команде: «простите, братцы, я виноват», а стрелок-инструктор Сыров на это ему ответил: «ты меня разжаловал в матросы, так теперь же умри», и выстрелил, но промах, командир перекрестился; вслед за Сыровым дал второй выстрел Матюшенко и убил командира наповал, которого бросили в море и отправи-

лись к прапорщику Алексееву, который одевался в адмиральской кают-кампании и ожидал такой же участи, как и с командиром. Вошли к нему с ружьями Матюшенко и Родин и сказали: «Ваше благородие, мы вас не тронем, потому, что вы были для нас хороший ротный командир и потому назначаем вас командиром судна». Алексеев отказывался от этого назначения, говоря: «Лучше убейте меня, но командиром я быть не могу». Собравшиеся же возле него бунтовщики сказали ему: «Вас никто не будет убивать, и вы все-таки, хотя и без вашего согласия, будете командиром судна», взяли его на руки и с криками (ура) вынесли наверх. Еле передвигая ноги, прапорщик Алексеев удалился в свою каюту. В это самое время подвернулся Матюшенке лейтенант Неупокоев, которому Матюшенко приказал остановиться—прицелился и выстрелил в него. Неупокоев так подпрыгнул высоко, что пуля пролетела ему между ног. Вторым выстрелом Матюшенко тоже промахнулся, но за третьим убил Неупокоева и труп выбросил за борт. Вдруг в команде паника, начали кричать—подходит миноносец с открытым аппаратом и хочет пустить в броненосец мину. В большой суматохе подвязывали пробки, приготовляли койки, круги и т. п., но оказалось, что на миноносце не было ни одной мины и даже ни одного снаряда в пулеметах, подходил же миноносец к броненосцу, чтобы высадить людей, которые успели туда переплыть. В это время вышел Алексеев и сказал Матюшенке: «Командир с миноносца присоединится к вам, только чтоб не было больше кровопролития». Матюшенко и остальные бунтовщики с криками (ура) встретили на трапе барона Клода и попросили снять его погоны, что он и исполнил, бунтовщики прокричали: «Этот будет помощником Алексееву». Барон Клод и Алексеев удалились в офицерскую кают-кампанию. На броненосце повторилась паника—команда опять начала надевать пробки—говорят, что лейтенант Тон находится в патронном или в пороховом погребе и хочет взорвать броненосец, но оказалась и эта тревога ложною, так как лейтенант Тон шел только по батарейной палубе к проводникам и с револьвером в руке. Матюшенко встретился с ним исказал: «Долой погоны». Но лейтенант Тон хладнокровно ему ответил: «Ты, негодяй, мне их не надевал, а потому и не имеешь права снимать». Матюшенко же крикнул: «Я застрелю тебя» и моментально выстрелил в него, что даже тот не успел поднять револьвера для самообороны—упал мертвый на палубу. Труп его тоже был выброшен за борт. Офицер этот был очень симпатичный и относился к команде всегда вежливо, а потому команда очень за ним жалела. Матюшенко это так быстро сделал, что даже не заметила команда, иначе не допустили бы его убить. После этого Матюшенко озверел и начал бросаться во все стороны, разыскивая офицеров. Попадается ему навстречу возле кухни священник, которого Матюшенко ударил три раза прикладом ружья, но бы-

вшие тут же матросы начали уговаривать его не бить батюшку, так как он ни в чем невиновен, и отстранили его. Покончив жизнь некоторым офицерам,—Матюшенко вышел на шканцы и произнес: «Давайте теперь сделаем суд и узнаем, кто прав и кто виноват, а кто на кого сердит, того сейчас решим убить». Кто-то из команды прокричал: «Убить кондуктора Лесового за то, что он нас обижал». Матюшенко сейчас же приказал разыскать его и привести. Когда привели Лесового, который узнал, что его уже присудили к смерти, подошел к Матюшенке и пал перед этим негодяем на колени ни живой ни мертвый (очень печально было смотреть на это издевательство), с плачем стал просить помиловать его, говоря: «Простите, не убивайте меня, я хочу жить для детей и жены». Не выдержала всего этого команда и с плачем бросилась к Матюшенке, прося его не убивать, а некоторые подставили даже под дуло ружья свои груди и тем только спасли Лесового. Тогда Матюшенко приказал немедленно арестовать всех кондукторов. После этого начали убирать раненых и спасать плававших по морю. Спасли и некоторых офицеров за исключением лейтенанта Григорьева и прапорщика Ливенцова и до 20 человек нижних чинов. Убрав всех раненых, между которыми был и мичман Вахтин 3-й, и приведя все в порядок, команда решила прекратить кровопролитие, но остановились только на докторе Смирнове, который видел, что и ему угрожала смерть—заперся в своей каюте и ранил сам себя ножом, но почему-то его теперь оставили не разыскавши. Собрали команду на шканцы и решили итти в Одессу.—Были разведены пары, подняли шлюпки, снялись с якоря и в 4 час. вечера отправились в Одессу, оставив расставленные щиты в море. На-ходу в Одессу нашли доктора Смирнова, который попросил чарку водки, ему сейчас же дали, и он ее выпил и попросил закусить. Тут опять явился Матюшенко и с куском сырого мяса, которое предложил доктору съесть под угрозой выбросить его за борт, доктор отказался. Матюшенко приказал выбросить доктора за борт, но бывшие там матросы отказывались, так как доктор очень их просил оставить его, но Матюшенко сказал, что «нам таких не надо» и, угрожая револьвером, заставил взять его на руки и выбросить за борт, что, хотя и неохотно, но было исполнено. Долго доктор плавал на поверхности моря, думая, что подойдет миноносец, который шел сзади броненосца, но выбился из сил и утонул. Было приказано бунтовщиками арестовать всех остаешихся офицеров в кают-кампании, кроме одного Алексеева, который должен был вести броненосец в Одессу. На пути была выбрана комиссия из нижних чинов, которая должна была решать все вопросы и управлять броненосцем, в следующем составе: машинисты самостоятельного управления Денисенко и Кулик, фельдфебель 2-й роты Курилов и 3-й роты Минайченко, квартирмейстер Дымченко, минно-машинный квартирмейстер Матюшенко, рулевой боцман-

мат Костенко, сигнальный боцманмат Веденмеер, писарь Соерыкин, матросы: Шендеров, Саводченко, Бредикин и Попруга, машинисты: Алексеев, Никишкин, Резниченко и Заульшнев, кочегар Родин, минный машинист Шестидесятый, минер Иваненко, сигнальщик Зайцев, артельщик Харитонов, артиллерийский квартирмейстер Егоров, и также был включен прапорщик Алексеев; старшим офицером был выбран старший боцман Мурзак и вахтенными офицерами назначили квартирмейстеров. Избрав этих начальников и комиссию, сделали заседание в адмиральской кают-кампании и решили, что в Одессе надо похоронить матроса Вакулинчука, достать провизии и угля. В Одессу пришли в 8 час. вечера, стали на якорь против маяка. Жители г.Одессы, ничего не зная о случившемся на «Потемкине», приехали на многих лодках осмотреть броненосец, но бывшие часовые строго запретили подъезжать близко к борту броненосца. В 9 час. вечера комиссия решила послать в город утром двух хорошо знающих Одессу и сообщить там в комитет революционеров, что мол и и мы боремся за какую-то свободу, равенство и братство. Таким образом, простояли эту ночь в Одессе. На каждом посту было поставлено по два человека часовых. Все были приготовлены к смерти, так было много против этого бунта, и каждый думал, что или затопят или же взорвут броненосец и почти никто не спал эту ночь.

15 июня в 4 час. утра были посланы в город за революционерами матросы Шендеров и машинист Алексеев. Шендеров возвратился в 7 час.утра, а Алексеев был арестован, но он как-то ушел, переодевшись в штатское платье. Революционеры не замедлили и явились в 8 час. утра около 12 человек, а к 10 час. утра набралось их уже около 30-ти человек, между которыми были дамы, барышни,мужчины и даже мальчики,но команда не пожелала этих проповедников, да к тому же еще и евреев,принять на судно и находиться под их управлением,говоря: они хотят нами командовать но мы их слушать не будем,и начала команда кричать:«Вон всех», и все стали уходить, не солоно хлебавши. Одна барыня рискнула было произнести какую-то речь и только что проговорила: «послушайте, товарищи»..., но ее сейчас спровадили и сказали ей, что и тебя слушать мы не будем, разве только соблазнимся другим «чем-нибудь». Однако не все-таки удалились. Комиссия пожелала оставить на судне троих, которые могли бы содействовать и помогать доставлять все необходимое. Оставленные на судне были все трое студенты и, по всей вероятности, из евреев, которые назвали себя следующими именами: Кирилл, Борис и Иван. Все они были сейчас же приписаны к комиссии и после того были посланы в город, а с ними и несколько матросов с разными поручениями, и они исполняли все очень быстро. Был свезен на берег для погребения матрос Вакулинчук, но его казаки не позволили

хоронить и, таким образом, он пролежал на берегу до следующего дня. Была доставлена провизия и все другое более необходимое, за этим подошел какой-то пароход с углем и до 300 человек рабочих, которые заявили, что «Мы нагрузим уголь бесплатно за великое дело». Началась погрузка угля, комиссия решила—за эту работу надо угостить рабочих по чарке водки. Вынесли три ведра водки, и началось распитие, были и такие, что подходили по два и по три раза; попив водку, рабочие начали между собою ссориться, и дошло чуть ли не до драки. Видя это, команда приказала прекратить погрузку угля и отойти пароходу от броненосца, что он и исполнил, оставив выгруженного угля на броненосце тысяч шесть, пароход удалился с криками (ура). В 5 час. вечера на горизонте показалось военное судно «Веха», которому передали сигналом остановиться в отдаленном месте. «Веха» не останавливалась и передала сигналом—«есть дело зайти в порт». Дали подойти ближе и передали семафором стать на якорь за кормой броненосца, что и было исполено. Командир «Вехи», ничего не зная о случившемся на броненосце, поспешил явиться в парадной форме к старшему на рейде с судовым рапортом. Его встретил Матюшенко с ружьем, принял от него рапорт и приказал снять погоны. Командир «Вехи» растерялся и чуть не с плачем начал просить этого мерзавца, чтобы не делать этого, и говорит: «Я маленький человек и никогда своих подчиненных не обижал, отпустите меня», но Матюшенко сказал: «Если не снимешь погоны, то все равно убью», и силой снял с него шпагу и попросил в адмиральскую кают-кампанию, а комиссия сейчас же решила попросить всех офицеров с «Вехи» на «Потемкин», как будто бы их требует командир («Вехи»). Когда они все явились, то их тоже пригласили в кают-кампанию и вручили прочитать план революции, как все это произошло, и попросили их снять погоны. Первый снял командир, а за ним последовали и остальные. Решили свезти их на берег, на что они и согласились, а судно «Веха» оставили под управлением команды «Потемкина». На «Вехе» находилась жена и дочка Гиляровского, которая, узнав о случившемся, спросила: «А где же мой муж—тоже убит?» Ей ответили бунтовщики: «Он жив и свезен на остров Тендра»; она успокоилась и съехала с офицерами в Одессу. На «Вехе» пожелал остаться доктор, и на это судно сейчас были перевезены все больные и раненые с броненосца. Таким образом это судно сделали госпитальным и на трубах уже красовались красные кресты, а также был поднят белый флаг с красным крестом. Это судно поставили в отдаленном месте, и командиром на нем был назначен старший боцман с «Вехи». В 9 час. вечера была созвана комиссия для обсуждения некоторых вопросов и первым на очереди был, как достать еще угля для дальнейшего плавания, но этот вопрос решился сам, а второе было, как поступить с похоронами Вакулин-

чука, и тогда решили послать уведомление в город в том смысле, что если не разрешат хоронить, то просим всех мирных жителей выехать из города, так как будем бомбардировать Одессу. Третье, что предпринимать, если придет эскадра. На этот вопрос прапорщик Алексеев сказал: «Я не знаю, почему вы выбрали меня командиром, и предлагаю на случай, если придет вся эскадра с намерением истребить нас, тогда лучше я снимаюсь с якоря и иду в какой-нибудь румынский порт, где сдам броненосец под охрану румынским властям и тем самым спасу команду, так как Румыния не выдает дезертиров». Но команда это протестовала, говоря, что в эскадре такие же люди как и мы, пропитаны тем же духом, и они стрелять в нас не будут, а если же и пустят мину, то тогда погибнет весь Черноморский флот, так как все в руках команды, и если «Потемкин» взлетит на воздух, то на других броненосцах будут открыты все кингстоны, и они также будут потоплены. Вопрос этот был решен так, чтобы не стрелять только первыми, а ожидать выстрела такого, от которого могло бы быть хоть одна жертва или порча броненосца, и тогда уже открыть с броненосца огонь из всех орудий. Четвертый вопрос—как поступить с офицерами, которые находятся под арестом.—Решили: утром свезти всех на берег, что и было им объявлено и предложено собираться. Прапорщик Алексеев сказал, что три офицера желают остаться и присоединиться к команде. Сейчас же они были приглашены в заседание и оказались, что это были два инженер-механика Коваленко и Калюжный и доктор Голенко. Их них Коваленко высказал: «Я давно добиваюсь этого и даже еще с малых лет, так как я малоросс и вот теперь случай мне подходящий остаться с вами и бороться за свободу». Младший доктор Голенко сказал: «Я сам из крестьян и когда я обучался еще в университете, то я тогда еще разрабатывал этот вопрос, за что и был выключен, но потом поступил доктором на военную службу, а теперь также хочу бороться за свободу вместе с вами». Калюжный же не сказал ни слова противного—он хочет жить и итти по течению, как люди, так и он. Коваленко и Голенко были также присоединены к комиссии и назначены исполнять обязанности: Коваленко помощником Денисенки, а Голенко попрежнему при больном. Калюжного же никуда не назначили, и он не вмешивался ни в какие дела и решение вопросов, он все время находился в каюте, или спал или сидел молча. Затем решали разные мелкие вопросы и последний из них был: каким способом достать угля. Это последнее решилось само по себе, а именно: в этот вечер загорелся порт и пламя все больше и больше распространялось, горели даже и пароходы. В это самое время явился на «Потемкин» один представитель с греческого парохода и заявил, что если нам нужен будет уголь, то он нам даст сколько угодно, только лишь спасти два его с углем парохода, которые стоят в опасном месте без

паров и прислуги. Если возможно, то чтобы «Потемкин» отбуксировал их на рейд. Предложение его было исполнено—был послан миноносец, который и вытащил эти пароходы в безопасное место.

На следующий день, 16 июня утром, были свезены на берег офицеры за исключением оставшихся по желанию: Коваленко, Калюжного, Голенко и прапорщика Алексеева. Затем были свезены на берег мастеровые Французского завода и также отправили двух рыбаков, которым дали ротный ялик и 60 руб. денег. Когда были свезены на берег офицеры и катер возвратился, то передали, что военные власти разрешили хоронить покойника Вакулинчука, и так же доложили, что в городе происходит страшная резня рабочего люда. Вчера, говорят, вечером казаки убили до 800 человек. Поэтому комиссия стала обсуждать, каким образом поступить, чтобы в городе прекратили резню. Решили послать угрозу с тем, что если к 6 час. вечера не прекратят убийство народа, то с «Потемкина» будут бомбардировать Одессу. На этом более настаивали революционеры, говоря: «что же мы смотрим, когда убивают наших товарищей тысячами, давайте поможем им хотя огнем». Команда не соглашалась, говоря: «кого мы будем бить,—там есть много бедных, которые не могли выехать, и нам за это будет проклятие, а потому мы от этой бомбардировки отказываемся». Послали людей хоронить покойника, весь этот день прошел в волнении, бунтовщики настаивали стрелять в город, но большее число команды не соглашается, а потому и вышли две партии заговорщиков. Революционеры уговорили Матюшенку, чтобы никто не знал, пустить сейчас хотя три выстрела в офицерское собрание, и говоря ему: «Они, т.-е. начальство, смеются над нами, что у нас нет вовсе снарядов и что это судно учебное». Матюшенко взорвало это, и он бросился в 75-м/м орудию, хотел заряжать и стрелять, но бывший комендор у орудия не разрешил, говоря: «Комиссия не приказывала»; он еще пуще взбесился и побежал доставать снаряды и уже принес бронебойный снаряд, хотел зарядить, но, видевши это, команда пошла и доложила Алексееву, который приказал: «Или арестуйте его или сделайте по своему усмотрению». Команда подбежала и силой отвела его от орудия. Комендоры у орудия посоветовались и решили, что если их насильно заставят стрелять в такой-то дом, то взять прицел перелета, и никого посторонних не допускать к орудиям. В 6 час. вечера приказано было разводить пары,—сняться с якоря и отойти в отдаленное место. В $^3/_4$ час. все это было готово. Отойдя на довольно большое расстояние от города, было приказано достать два снаряда, из коих первый должен быть разрывной, а второй бронебойный. Было сделано три салютных выстрела по умершему и через 10 минут Матюшенко приказал заряжать 6-дюймовое орудие, а сам стоял с револьвером в руке. Зарядили разрывной снаряд, подняли боевой красный

флаг, и было приказано целиться в дом офицерского собрания. Грянул выстрел и полетел с шумом и свистом через город (сигнальщики тоже имели заговор). Сигнальщик передает: довольно стрелять, виден белый флаг. Бунтовщики не доверяли и стали рассматривать, где этот флаг, но его не было. Приказано заряжать бронебойный снаряд, который также был пущен через город. Тогда команда стала ждать, что будет дальше. Прошло с полчаса, и команда думала, что сейчас найдется второй Щеголев и ответит артиллерийским огнем, но ответа не было, и команда начала кричать: «Довольно стрелять, нам не отвечают». Пробили отбой и стали на якорь.

Вечером прибыли с похорон только 4 человека, а четырех других арестовали казаки.

17 июня утром (6 час.) на горизонте показались три броненосца: «12 Апостолов», «Георгий Победоносец» и «Синоп», которые шли в Одессу, но с какими намерениями, на «Потемкине» не знали, и было сейчас же приказано разводить пары, и через полчаса было все готово. «Потемкин» снялся с якоря и полным ходом пошел навстречу трем броненосцам. Пробили боевую тревогу, приготовились все по-боевому, и орудия все были заряжены. В эскадре командиры видят, что «Потемкин» идет полным ходом и вооружен по-боевому, стали отступать задним ходом, приказывая в машину: «80 оборотов». «Потемкин» настигал, командиры опять приказывают в машинное отделение: «прибавьте ход 100 оборотов». На «Потемкине», видя, что броненосцы удаляются самым полным ходом, оставили их, возвратились и стали на якорь. В 8 час. утра были посланы в деревню за провизией на паровом катере три человека: фельдфебель Михайленко, минно-машинный квартирмейстер Мигачев и писарь Сопрыкин, так как в городе уже не могли достать по случаю забастовки. В 9 час. утра узнали, что этих людей казаки арестовали. Тогда послали в другое селение несколько человек с миноносцем, и было приказано необходимо достать свежего мяса. В 10 час. утра показался английский пароход. Комиссия решила пропустить его в гавань и, когда он станет на якорь, отправить туда несколько человек на катере—узнать, с чем пришел этот пароход и видел ли он в море Черноморскую эскадру. С этим же катером были свезены два человека за покупкою угля для прожекторов и кислоты для прицелов у орудия. Эти люди тоже не явились на броненосец. Из них один был матрос Шендеров, а другой революционер, студент Борис. В 11 час. утра на «Потемкине» был дан отдых, и команда обедала. Вернулся катер с английского парохода и еле успели доложить, что видели в море пять броненосцев и 5 миноносцев, как эскадра уже показалась в составе 5-ти броненосцев, 6-ти миноносцев и одного минного крейсера. Эскадра шла в боевом кильватоpе прямо на «Потемкина». С эскадры

адмирал по беспроволочному телеграфу передал: «Безумные черноморцы, что вы хотите, стойте на якоре и объясните». «Потемкин» передал по телеграфу: «Команда просит остановиться и стать всем на якорь, а адмирала просит на «Потемкин» для объяснения», но эскадра не останавливалась и приближалась. На «Потемкине» было все готово—развели пары, подняли шлюпки, пробили боевую тревогу и снялись с якоря. Грозный «Потемкин» пошел навстречу всей эскадре, оставив в отдаленном месте миноносца, госпитальное судно «Веха» и два паровых катера под красными крестами. Было решено не стрелять первыми, а быть только готовыми. Зарядили все 76 орудий, пять минных аппаратов и все стали на месте по расписанию, прислуга приготовляла снаряды, и все вообще делалось так быстро, как будто бы идут на врага, да и были почти уверенными, что будет бой. Вся команда приготовила себя к смерти—переоделись в майскую одежду и решили умереть вместе с любимым броненосцем. Некоторые из команды писали друг другу адреса домашних и, целуясь, прощались. В эскадре головными шел броненосец «Ростислав» под флагом старшего флагмана и был в боевом приготовлении,—с ним рядом шел броненосец «Три Святителя» под флагом младшего флагмана и тоже в боевом приготовлении, остальные броненосцы в следующем составе: «Георгий Победоносец», «Синоп» и «12 Апостолов». На всех этих броненосцах команда была вся на баке и шканцах, отказавшись стать в боевой порядок, но орудия у них были приготовлены по-боевому. За броненосцами следовали миноносцы, а минный крейсер «Козарский» шел отдельно близ берега. На «Потемкине» было приказано, чтобы все большие, т.-е. 12- и 6-дюймовые орудия были направлены на «Ростислава» и «Три Святителя», а мелких калибров орудия были в прицеле на остальные броненосцы и миноносцы. Команда на «Потемкине» ожидала выстрела со стороны эскадры, но его не было. У них был другой план действия—они хотели забрать «Потемкина» живьем, т.-е. остановить его, так как «Ростислав» шел прямо на нос. В это время управлял на «Потемкине» боцман Мурзак, назначенный старшим офицером. Он, видя такой маневр, сказал, что «если «Ростислав» не свернет в сторону, то я его разобью носом, а сам не сворочу—пойду прямо вразрез эскадре». Адмиральское судно, заметя, что «Потемкин» идет напролом и не сворачивает, тогда «Ростислав» свернул и прошел по левому борту «Потемкина, а «Три Святителя» по правому. За «Ростиславом» следовал «Георгий Победоносец», на котором, поровнявшись с правым бортом «Потемкина», вся команда прокричала «ура», бросая фуражки кверху. С «Потемкина» ответили тем же. За «Тремя Святителями» следовал «Синоп» и «12 Апостолов», а дальше шли миноносцы. Эскадра, вошедши в рейд, стала разворачиваться. На «Ростиславе» подняли сигнал... «Золотые черноморцы, идем в Сева[illegible]

поль». С «Потемкина» на это ответили: «Команда просит адмирала для переговоров». Тогда эскадра повернула выходить в море, а «Потемкин» направился в Одесский рейд и опять через строй и вразрез эскадры. Прошли броненосцы «Ростислав», «Три Святителя», «Георгий Победоносец», «Синоп» и «12 Апостолов», который проходил по левому борту «Потемкина», направляясь носом к «Потемкину». Маневр этот был в тот момент неизвестен, т.-е. хотел ли он пустить мину носовым аппаратом или же сам побоялся, чтобы «Потемкин» не пустил ему мину в борт, скорей последнее, так как команда «12 Апостолов» была вся наверху и трижды прокричала «ура». Было даже замечено, что и офицеры машут фуражками, а грозный «Потемкин» прошел мимо как молчаливая гора и только один Матюшенко нарушил тишину, так как он ненавидел начальство и прокричал с спардека: «Долой драконов». Эскадра стала удаляться в море, а броненосец «Георгий Победоносец» стал отставать от эскадры. Адмирал поднял сигнал: «Георгий Победоносец» следовать за эскадрой». «Георгий Победоносец» на это ответил: «Испортилась машина», а когда вся эскадра скрылась за горизонтом, «Георгий Победоносец» передал семафором «Потемкину»: «Хочем присоединиться к вам, пришлите катер забрать офицеров и свезти их на берег». В это время пришла миноноска «№ 267» с провизией, на которой отправились на «Георгий Победоносец» выборные из комиссии, в том числе студенты Кирилл и Иван. Их всех там приняли, а Кирилл сказал команде довольно чувствительную речь и, между прочим, было заявлено, чтобы как можно поскорее отправить офицеров на берег, так как они только будут мешать. Команда «Георгия Победоносца» приказала всем офицерам снять погоны, что и исполнил первым командир, а его примеру последовали и остальные. Один только офицер лейтенант «N» не мог перенести этого позора, застрелился и упал за борт в море. С «Потемкина» был спущен гребной катер, который с караулом был отправлен к «Георгию Победоносцу», из которого принял всех офицеров и свез их на берег. На «Георгии Победоносце» также была избрана комиссия, которая и назначила командиром этого судна старшего боцмана, а старшим офицером фельдфебеля. В 5 час. вечера «Потемкин» приказал «Георгию Победоносцу» следовать за ним в Одесский рейд, что и было исполнено. «Потемкин» стал на якорь первым, и вся команда его выстроилась фронтом при проходе мимо «Георгия Победоносца», который тут же рядом стал на якорь. На «Потемкине» пробили отбой тревоги, и вся команда воспрянула духом, что еще находятся пока в живых. Приведя все в должный порядок, команде было приказано играть и веселиться. В 7 час. вечера с эскадры была получена телеграмма: «Адмирал шлет миноносец с офицером и священником для переговоров с командой». [illegible]иссия «Потемкина» решила не допускать близко миноносца,

а выслать навстречу паровой катер с выборными из комиссии и миноноску «№ 267» для охраны катера. В 9 час. вечера показалась миноноска от эскадры, которой навстречу пошел катер, а за катером миноноска «№ 267». Заметив это, миноносец повернулся и ушел обратно к эскадре. Какой был у них план, никто не догадался. Стоявшие на Одесском рейде два броненосца взбунтовавшейся команды всю ночь прожекторами освещали горизонт и берега, так как в эту ночь могли ожидать минной атаки, но все прошло спокойно, и адмирал не беспокоил бунтовщиков. В 11 час. вечера послали уведомление одесским военным и городским властям, чтобы они предупредили все коммерческие и пассажирские пароходы по возможности удалиться, так как, быть может, произойдет на рейде сражение между эскадрой и броненосцами «Потемкин» и «Георгий Победоносец», но обошлось все благополучно.

На следующий день, 18 июня с «Потемкина» утром была послана комиссия на «Георгий Победоносец», на котором находились из комиссии доктор Голенко, механик Коваленко и десять человек нижних чинов. Команда «Георгия Победоносца» заявила: чтобы не умереть с голоду—пойдем лучше в Севастополь, но комиссия с «Потемкина» отказалась от этого предложения, сказав: «Действуйте как хотите, но «Потемкин» будет управлять самостоятельно». Половины команды начала кричать: «Мы присоединимся к «Потемкину» и пойдем за ним», а другая половина кричит: «Пойдем лучше в Севастополь, станем на якорь в отдаленном месте и там к нам присоединится вся эскадра, тогда мы высадим десант, и Севастополь будет в наших руках». Комиссия «Потемкина» на это ответила, что такие глупые действия нельзя предпринимать и как хотите, так и поступайте, и комиссия возвратилась на «Потемкин», к которому был тогда прибуксирован один пароход, хозяин которого обещал за спасение парохода дать угля бесплатно. Команда вся переоделась в рабочее платье и с большим старанием перегружала уголь. В это время прибыла с «Георгия Победоносца» комиссия и опять начали обсуждать о том, что команда «Георгия Победоносца» не хочет оставлять команду «Потемкина» и желает действовать совместно, только лишь с тем условием, чтобы им доставляли провизию и уголь. На это им с «Потемкина» ответили, что «у вас есть своя комиссия, и вы можете управлять так же, как и мы». После этого комиссия с «Георгия» просила прислать с «Потемкина» несколько человек нижних чинов из комиссии и одного офицера для управления броненосцем, так как у них выходит разногласие. Их согласились удовлетворить этим, и они избрали себе доктора Голенко и четырех нижних чинов, которые и отправились сейчас на «Георгий Победоносец». Во все это время переговоров на «Потемкине» происходила погрузка угля, а на «Георгии Победоносце» была полная респуб-

лика и какой-то хаос. Одни из них кричали: «идем в гавань, высадимся в Одессе и пойдем гулять», другие кричали: «пойдем в Севастополь», третьи: «идем с «Потемкиным», а доктор Голенко кричал: «У нас свое управление, и мы будем действовать самостоятельно». Так все это происходило до 5 час. вечера. Во время всех этих недоразумений и разногласий командою даже не было замечено, как «Георгий» снялся с якоря и сразу полным ходом повернулся итти в море. Некоторые из команды, не зная, что и куда идут, взбежали на мостик и начали всякий по-своему там управлять. Один из них кричал: «пойдем ближе к «Потемкину» (и бедная машина пошла по рукам), другие подбегают и берут курс на Севастополь, третьи кричат, «идем в гавань», а доктор Голенко кричит с мостика: «товарищи, идем в Севастополь» и спрашивает у них согласия. Команда ему на это отвечает, что согласны только итти с «Потемкиным» вместе, но доктор сказал: «Мы не должны слушать «Потемкина», у нас свое управление и если он хочет, то пускай идет за нами, но не мы за ним». Нижние чины из комиссии «Потемкина», находившиеся в то время на «Георгии», сказали команде: «Доктор теперь хочет сберечь свою шкуру, а вас, хотя и не всех, предаст на смерть, поэтому управляйте сами, а нас отправьте обратно на «Потемкин». Боцман, видя что команда в волнении, закричал: «я сейчас броненосец пущу на мель» и направил в гавань в такое место, где действительно броненосец носом стал на мель. Была сейчас спущена шестерка, на которой и отправились нижние чины с «Потемкина» на свое судно, многие из «Георгия» желали переехать на «Потемкин». За гребцов сели 8 человек, из которых пять ушли в город погулять, а три пожелали остаться на «Потемкине». В это время на «Потемкине» перегрузили 20.000 пуд. угля, получив необходимую провизию, снялись с якоря. «Вехе» же передали, что «мы уходим, а вы оставайтесь, потому что за нами не успеете итти, оставаться же нам здесь очень опасно». «Георгию Победоносцу» передали сигналом: «Идем в Севастополь» и в 6 час. вечера направились в море, имея курс на Кюстендже. Ночью шли без огней. Броненосцем управлял то Алексеев, то рулевой боцманмат Костенко. Миноноска шла за кормой кильватором. Ночью было сильное волнение, а потому миноносец взяли на буксир. Команда была в сумрачном настроении, и никто не мог сказать, зачем они идут в иностранные воды, взять ли необходимого продовольствия или сдаваться. Кто же нам мог дать продовольствия, если экипаж «Потемкина» считали уже морскими пиратами? На «Потемкине» было много добрых сердцем, которые любили свою родину и отечество, вот этим-то и было обидно услышать такое название. Они поневоле подчинились этой участи и уже шли по течению жизни, которая была для них тягостною, и они согласились бы лучше умереть, только была бы эта смерть на родной земле. Они могли бы уничтожить всех тех,

которые затеяли эту драму, но не хотели обагрять руки в братской крови. Ночью была собрана комиссия обсудить несколько вопросов, из коих первым был: под каким флагом притти в Румынию. Решили сделать румынский военный флаг и при салюте поднять его, а два революционера Кирилл и Иван настаивали, чтобы был поднят красный флаг свободы, но на это не согласились другие, заявляя, что у нас на судне еще есть знамя, и мы еще не спускали Андреевского флага. Принялись приготовлять флаги—один был сделан румынский с короною, а другой не флаг, а какая-то вывеска из красного полотна с надписями белых букв с одной стороны: свобода, равенство и братство, а с другой: борцы за свободу. Второй вопрос предложен был этими же студентами, чтобы написать заявление ко всем державам в нескольких экземплярах под заглавием: «Ко всему цивилизованному миру». Хотя и дельно было написано для революционеров, но все целиком было неприятно для чисто русского человека, а в особенности последние слова («Долой самодержавие, да здравствует республика»). Эти слова далеко засели в душе тех, которые любили свое отечество. Было обидно и даже смешно, чтобы одна точка боролась с миллионами русского народа. Сочиняли эти заявления студенты всю ночь.

20-го июня в 3 часа пополудни прибыли в Констанцу и не успели еще стать на якорь в открытом море, как уже подходил румынский катер с военными властями. На «Потемкине» был поднят румынский флаг и сделан салют по уставу, на который румыны не ответили. Из этого уже мы узнали, что румыны ничего нам не дадут, а едут к нам лишь потому, чтобы предложить нам удалиться. По приезде их на судно мы им объяснили все—что и как произошло. Они выслушали с сочувствием, а капитан Констанцского порта даже пообещал нам дать всей провизии, а уголь посоветовал взять в Сулине. Одному румынскому офицеру Кирилл вручил сказанное выше заявление, которое они, т.-е. студенты, приготовляли, и этот офицер дал честное слово разослать всем державам. Когда они удалились с броненосца, то вслед за ними был послан катер, чтобы взять необходимой провизии, но им не дали на том основании, что раньше они пошлют за разрешением на это в министерство телеграмму. После этого просили у румын разрешения ночью освещать горизонт прожекторами, на что румыны изъявили согласие. Миноносец должен был стать на ночь ближе к берегу, так как в море была сильная качка.

Утром 21-го июня опять поехали на катере узнать о том, дадут ли провизии или нет, но посланным сказали: мы вам дадим провизии, если вы высадитесь на берег, как дезертиры, и кто-то даже предложил, чтобы продать им броненосец за 10 миллионов франков, но выборные заявили наотрез, что мы продавать броненосца

не намерены, так как он не наш, а всего русского народа, и мы приехали не с тем, чтобы продавать чужую вещь. Если можете, то дайте нам провизии. На это посланным сказали, чтобы обождали до 10 час. утра. Тогда катер подошел к миноносцу и сказал ему зайти в гавань и там ожидать пока дадут провизии. Когда миноносец направился в гавань, то его не пустили, предупредив двумя ружейными выстрелами, тогда он возвратился к броненосцу и стал за кормой. Постояв таким образом до 9 час. утра и никакого не получив ответа, комиссия решила сняться с якоря и итти в русский порт Феодосию, где будет возможно достать провизии и угля. Уже развели пары и подняли катера, как показался румынский катер, на котором прибыли румынские офицеры и сказали нам, чтобы мы ехали на берег, так как получена от министра телеграмма. Но им на это ответили, что мы сейчас снимаемся с якоря и уходим. Они стали настаивать, что телеграмма для нас благоприятная. Тогда спустили шестерку и отправились. Телеграмма оказалась следующего содержания: «Сходите на берег, вам будет доставлено все необходимое и вас России не выдадим». На это выборные сказали, что мы еще можем держаться несколько дней и отправимся в Турцию, где хотя и азиаты, но посочувствуют голодающим и дадут провизии. Возвратилась шестерка, пробили сбор, собралась вся команда, которой было заявлено, что если кто желает сойти с броненосца, того и свезем на берег в Румынию. На это команда ответила, что часть команды не сойдет, да и не позволим этого, а если сходить, то всем, но лучше будет, если мы пойдем в русский порт. Тогда прапорщик Алексеев вышел в средину команды и со слезами просил отпустить его на берег, говоря: «Я больше не могу управлять броненосцем, я болен, у меня украли собственные деньги более 2000 руб., я не могу оставаться с такою командой». Ему на это ответили: «Ваше благородие, мы находимся здесь больше из-за вас и если вас отправят, то за вами последуют все люди хорошего поведения и броненосец останется в руках одних только бунтовщиков». (Как это выразился сам Матющенко: «если хотите, то уходите все, а мы, революционеры, останемся на броненосце»). И действительно, что если бы оставили броненосец в распоряжение этих людей, то они уничтожили бы, поразбивав прежде, русские приморские города. Этого-то многие и не желали и Алексееву предложили отпустить его в русском порте, на что он согласился, но только отказался командовать, а передал управлять броненосцем рулевому боцманмату Костенко. В Костанской гавани находился в то время русский стационар «Псезуапе», командир которого поспешил явиться на броненосец и представиться, вероятно, ему ничего не было известно о случившемся. Когда он подъезжал к броненосцу, то Матюшенко сказал: «Я его сейчас разжалую», но команда

заявила, что «этого мы не позволим, так как мы находимся заграницею». Приехал командир, взошел на шканцы и тут он узнал, в чем дело. Ему предложили передать его команде обо всем этом и если они согласятся, то пусть присоединяются к «Потемкину». Командир пообещал передать, но заставлять их или уговаривать не будет, так как он по долгу своей службы и присяги этого никогда не сделает, и уехал к своему судну. Тогда было заметно, как «Псезуапе» скрылся в безопасное место и их более не тревожили никакими сигналами, так как он для «Потемкина» был бы лишним. Около 10 час. утра снялись с якоря, держа курс в турецкие воды, а когда скрылись за горизонтом, то направились в Феодосию. Команда опять повеселела, что возвращаются в Россию. Ночью шли без огней. Комиссия в это время обсуждала, как поступить, если и там не дадут провизии, и решила притти утром, разукраситься флагами, а также и вывесить красную вывеску. Эта красная вывеска обошлась недешево. Утром в 9 часов 22-го июня стали на Феодосийском рейде, куда не замедлили явиться городские власти, которым рассказали обо всем случившемся и чего мы требуем, а также вручили им программы (заявления) в трех экземплярах. Городской голова обещал доставить провизии и не заставил долго ждать. За уголь он не мог ничего сказать, но все-таки пообещал, прося только не бомбардировать Феодосию, но команда и не думала даже этого делать. С городскими властями был какой-то представитель, который просил снять фотографию с «Потемкина» и всей его команды, но студенты Кирилл и Иван на это ответили, что мы еще не собираемся умирать, но все-таки этот представитель снял «Потемкин» с частью команды. Городской голова не обманул, и провизия была доставлена быстро на шкуне. Было доставлено: 10 пуд. мяса свежего, 30 пуд. хлеба, 200 пуд. муки, 4 быка живых, куры, яйца, рыба, табак, разная зелень, три боченка минерального масла, 5 пуд. хлопчатой пакли и 10 ведер красного вина. Водки не могли доставить в стеклянной посуде. Приняв эту провизию, предложили плату, но они отказались, говоря, что уплотите им тогда, когда доставят уголь, который обещали доставить на броненосец сами, лишь бы только не сходили на берег матросы, так как может произойти схватка с солдатами. В это самое время подъехала лодочка с тремя пассажирами, которых спросили, что им угодно, они ответили, что имеют очень важное дело. Команда заявила, что важное дело уже решено с городскими властями. Тогда пассажиры сказали, что «мы другие люди, т.-е. такие самые, как и вы», и силою взошли на броненосец. Узнав, что это революционеры, из того, что они настаивали выпустить несколько снарядов в такую-то часть города—их попросили удалиться с броненосца. Они же сообщили только, что взбунтовались также «Екатерина» и «Прут». В 7 часов вечера

были спущены флаги и вывески тоже, но по сие время угля не представляли. Отправили катер узнать, в чем дело, но получили от городского головы ответ, что военные власти не разрешают доставить уголь, а если хотите, то возьмите сами три шкуны, стоящие с углем в гавани. Возвратился катер и доложил обо всем этом на броненосце. Комиссия решила послать угрозу военным властям, что и было сделано. В 11 час. вечера послали заявление, что просим мирных жителей выехать из города, так как будем бомбардировать Феодосию, если только уголь не будет доставлен к 7 часам утра. Команда всю эту ночь не была спокойна, так как почему-то была уверена, что будет минная атака, а потому на разведки был послан миноносец, а горизонт с броненосца освещался прожекторами.

23-го июня утром к 7 час. никакого ответа не получили, а жители уезжали и уходили в горы. Комиссия решила послать миноносец и катер с людьми и прибуксировать хотя только две шкуны. В 10 час. на катере несколько матросов вместе с Матюшенкой и студентом Иваном с ружьями подъехали к шкунам, а за ними подошел миноносец. Шесть человек уже влезли и начали пришвартовывать шкуну к миноносцу. Вдруг был дан ружейный залп, и на шкуне были убиты три человека, в том числе и студент Иван. Видя, что их так принимают, поспешили удалиться. Тогда залпы были направлены в катер и миноноску, на которой ранили четырех, а на катере убили минера Циркунова и ранили прислугу—матроса Козленко, но самого главного—Матюшенко не затронуло. Пришла миноноска и за ней тащился весь (израненный) изрешетенный катер, с которых приняли раненых и убитого (с раздробленным черепом) Циркунова, который уже лежал в крови на катере. Было видно в бинокль, как троих матросов со шкуны взяли в плен. На посланном миноносце не было ни одного снаряда к пулеметам, а из ружей не стреляли, так как солдаты были в засаде да и за что их бить, когда они исполняют приказание. Вот и *красная вывеска* стоила четырех убитых и пяти раненых. Хорошая свобода. Матюшенко и студент Кирилл начали настаивать отплатить за товарищей разгромлением города, но вся команда не согласилась допустить до этого, заявляя, что мы не знаем, кого будем бить, там остались одни только бедные, которые ушли в горы с детьми, а если разобьем город, то у многих не будет пристанища, и они погибнут, проклиная нас, да и город не виноват, его надо даже благодарить за хлеб и соль. Тогда было приказано разводить пары, сняться с якоря и итти обратно в Румынию, так как в России их могут принимать только огнем, а бороться без угля невозможно. Кто-то стал настаивать итти в Кавказские берега и там затопить броненосец, а самим удалиться в горы. Но это предложение было отвергнуто, потому что никто почти не соглашался губить

броненосец, а сдать его лучше румынам с условием передать России. Когда было все готово к отходу, пришла команда с миноносца «№ 267» и с плачем начала просить отпустить их в Севастополь, говоря, что до сих пор они поневоле подчинялись, потому что не могли уйти, румынам же сдаваться они не желают. Прапорщик Алексеев, на основании обещания отпустить его в русском порте, просил также освободить его здесь в Феодосии, но комиссия не согласилась, сказав, что «отпустим миноноску и вас, как будем близ Румынии». В 12 час. дня снялись с якоря, взяв на буксир миноносец и, держа курс на Батум, вышли в море. От такого сильного потрясения умер один комендор возле своего орудия на мачте, и его похоронили вместе с Циркуновым по морскому. Не доходя Батума, ночью повернули на Констанцу. Ночь была бурная, с сильным волнением, даже миноносец оборвался от буксира, и его было потеряли в темноте ночной. Дали задний ход, разыскав миноносец, и приказали ему следовать под своими парами, да и Румыния была уже близка.

24-го июня в 2 час. ночи прибыли в Констанцу и стали на якорь в море, где румынский крейсер «Елизавета» освещала «Потемкина» всю остальную эту ночь прожекторами. Комиссия собрала всю команду и начали совещаться, как сдаться Румынии; революционеры настаивали, чтобы вся команда выдала свою расписку в том, что все действовали вместе как революционеры, но команда наотрез отказалась, говоря: «мы если и действовали, так исполняя свои обязанности для нашего броненосца, и мы будем сдаваться Румынии, как дезертиры». Утром известили румынских властей, что вся команда согласна сдаться, как дезертиры. Приехал капитан порта с офицерами, собрали комиссию и заявили им, что румынскими властями будет все необходимое представлено, будут выданы сейчас же паспорта и дадут всем место и работу. Команда поневоле согласилась, так как продолжать такое безумное плавание было уже невозможно, и так каким-то чудом спасались 11 дней от преследования. Румынский капитан порта предложил зайти в гавань и даже сам стал на мостик управлять броненосцем. Подходя к гавани, где на пристани была масса публики, которая с криками (ура). приветствовала русских моряков, нарушивших отечественную присягу и которые все молчали, сознавая за собою это преступление. Многим очень жаль было расставаться с родным гнездом, которое они любили и холили и эти одиннадцать дней берегли его, как зеницу своего ока, а теперь приходится расставаться навсегда. Отдали якорь, приехал румынский адмирал г. Козминский, который сказал команде: «Сходите все на берег и живите как у себя дома, вас никто здесь не будет обижать, вы совершенно свободны. Кто же из вас пожелает выехать в другое государство—волен, одним словом, кто куда пожелает». Команда про-

кричала ура в знак согласия. После этого начались сборы и переправа команды на берег, некоторые плакали и целовали излюбленные места броненосца. Один сигнальный боцманмат Веденмеер с плачем просил комиссию, чтобы его оставили на броненосце, так как он сберег все сигнальные секретные книги, но ему предложили передать их командиру «Псезуапе», что он и сделал. Когда около половины команды перешли уже на берег—явился румынский караул. Все специалисты с броненосца остались, чтобы сдать румынским специалистам судно. Сдача была от самого низу и до самого верху, и все было в полной исправности за исключением разве нескольких стекол, выбитых в дверях некоторых кают, и одного портрета государя, который разбил с сердцем матрос грек Канцы. Румынский караул был расставлен у каждого орудия, были взяты одним румынским офицером судовые деньги в сумме 23.000 руб. для размена в городе и раздачи их команде. Многие из команды оборачивались по несколько раз посмотреть на оставляемого ими черноморского красавца и, снимая фуражки, отдавали ему последний поклон. Когда вышла на берег вся команда, в это время почти к каждому матросу подбегали румынские барышни и дамы и даже офицеры, прося ленточку от фуражки на память. Им отдавалось все, что было под руками, ленты, кокарды, чай, сахар и т. п., начали даже исчезать фуражки и заменяться разными картузами и шляпами, и через полчаса не стало уже войска, а какой-то хаос. Всех отправили в казармы, и через час на площади раздавали деньги каждому по 80 франков под общую расписку. Матюшенко тоже находился при раздаче денег и вот он-то воспользовался случаем и взял эту общую подписку команды в получении денег, а теперь заявляет, что это расписывались участники бунта. Многие из команды очень просят считать эту общую подписку, якобы действовавших лиц в бунте, подложною,—так как уже выше упомянуто, что команда опровергнула это предложение расписки. Получив деньги, каждый нанял себе квартиру, а вечером отправлялся в трактир или ресторан залить водкой свое прошедшее горе и встретить будущее.

(Матрос) Очевидец и наблюдатель *Кузьма Перелыгин.*

№ 1, ч. I. т. 3.

1905 г.
О. О.

II.

Копия.

Протокол №

1914 года, января 23 дня, в г. Одессе, я, Отдельного Корпуса Жандармов Подполковник Штандаренко на основании положения о мерах к охранению государственного порядка

и общественного спокойствия, высочайше утвержденного в 14-й день августа 1881 года, расспрашивал нижепоименованного, который показал в дополнение своих объяснений от 15 сего января:

Зовут меня: не Гавриилом Лукьяновым Рыбалкой, под каковым именем я был задержан 15 сего января в г. Одессе, и не Федором Антоновым Островским, под каким именем я был осужден Одесским Окружным Судом 1 сентября 1908 года, по 951 ст. Улож. о Наказ. и под каковым именем отбыл заключение под стражей в Одесской тюрьме и Николаевском Исправительном Арестантском Отделении, а Борисом Сергеевичем Прохоровым. Дальнейший текст показания пишу собственноручно. Я родился 19 июля 1879 года в городе Дмитровске Орловской губернии, православный, из мещан, великоросс, русский подданный, я Дмитровский мещанин. В 1901 году я был принят на военную службу, в 36-й Флотский экипаж. По независящим от меня обстоятельствам, я вынужден был дезертировать в 1905 году в Румынию. По ремеслу я слесарь и средства к жизни получаю от личного труда. Я холост. Мой отец Сергей Прохорович Прохоров. И мать Александра Егоровна Прохорова. Девичья фамилия ее мне не известна. Давно умерли. Братьев и сестер не имею. Родители мои были небогатые торговцы красным товаром и никаких средств после себя не оставили. Жили они в Дмитровске. Я окончил курс двух классов Дмитровского городского училища, не помню когда поступил и когда вышел из него. Учился на счет родителей. За границей я был, но где именно, когда и по каким поводам, подробно покажу впоследствии. То же самое я сделаю относительно моей прежней судимости и политической деятельности, так как хочу рассказать сущую правду о моем прошлом, ничего не скрывая, чтобы раз навсегда с ним покончить. Борис Сергеевич Прохоров. Отдельного Корпуса Жандармов Подполковник Штандаренко.

С подлинным верно: Отдельного Корпуса Жандармов
Подполковник Штандаренко.

№ 1667 1905 г. О. О.

Копия.

Протокол №

1914 года, января 24 дня, в г. Одессе, я Отдельного Корпуса Жандармов, подполковник Штандаренко на основании положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, высочайше утвержденного в 14 день

августа 1881 года, расспрашивал нижепоименованного, который показал в дополнение своих объяснений от 23 сего января.

Зовут меня: Борис Сергеев Прохоров. Я прошу отнестись с полным доверием к моему показанию, так как буду его давать, согласно моего обещания, совершенно искренно и правдиво, ничего не скрывая. Приблизительно за месяц с несколькими днями до восстания команды на броненосце «Потемкин» я был зачислен на это судно машинистом. Главнейшими деятелями были: Матюшенко и машинист Мартыненко. Ближайшим предлогом для бунта послужило недовольство пищей. В чем именно проявилась преступная деятельность мятежной команды броненосца «Потемкин»—известно из судебных процессов, относящихся к этому делу. Я буду показывать о том, что мне стало известно с того момента, когда я вступил на территорию Румынии и мог ориентироваться в том, что произошло. До этого времени, находясь короткое время на корабле, я не был посвящен в назревающие события, и проявления бунта были для меня неожиданностью. Восстание было настолько внезапно, что машинная команда броненосца не знала, в чем дело и когда стал слышен шум, впоследствии оказавшийся перестрелкой, то просили старшего механика (фамилии его не помню) не выходить на палубу, предполагая, что это проявление матросского неудовольствия, не принявшее такой тяжелой формы. 13 или 14-го июня 1905 года команда броненосца сдалась румынским военным властям в порте г. Констанца. Румынские власти приняли броненосец от Матюшенко, механика Коваленко, товарища «Кирилла», о котором покажу впоследствии. Команде было предложено на выбор или остаться в Румынии на жительство, или ехать далее по своему усмотрению за границу. Таким желающим выдавались бесплатно румынские заграничные паспорта. Я остался в Румынии и поселился первоначально в г. Констанце, а затем, месяца через полтора, переехал в Галац, где пробыл очень недолго, затем переехал в Бухарест, а оттуда, также в скором времени, переехал в Швейцарию. В Румынии я прожил до декабря 1905 года, занимаясь своим ремеслом. Вращаясь преимущественно среди бывшей команды «Потемкина», я, из разговоров с разными лицами, узнал следующее: в г. Севастополе в 1905 году существовал местный комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, состав которого мне известен не был. Деятельность этого комитета проявлялась, помимо обычной партийной работы среди местных рабочих, в сношениях с командами военных судов Черноморского флота. Сношения эти выражались в различных обсуждениях с незначительным числом представителей нижних чинов от крупных судов, т.-е. броненосцев исключительно, с названным комитетом. Подробности этих сношений, также как и участники их мне

остались неизвестными, но я допускаю вполне возможное участие в этих сношениях Матюшенко. Результаты этих обсуждений свелись в тому, что вся Черноморская эскадра из броненосцев должна была возмутиться на другой день после прибытия ее в полном составе на остров Тендру, приблизительно 1 или 2-го июня 1905 года. Восстание должно было произойти так: при подъеме флага, в 8 часов утра, офицеры корабля выстраиваются в правой стороне борта, а команда на баке. Против офицеров, по уставу, выстраивается почетный караул из 12 человек для отдания чести флагу, по команде вахтенного начальника. В тот момент, когда он должен был скомандовать: «слушай, на караул», почетный караул, заранее подобранный из заговорщиков, вместо отдания чести, должен был дать залп в офицеров на расстоянии не более 20 шагов. Пример должен был подать «Потемкин», потому что в составе его команды было много новобранцев, почему команда эта казалась ненадежной революционерам, и потому, что это судно было сильнее других по своей конструкции и вооружению. Революционеры опасались, что если другие броненосцы начнут бунт ранее «Потемкина», то последний, по распоряжению своего начальства, мог их беспрепятственно уничтожить своими артиллерийским огнем и минами. Осуществлению этого плана помешало то, что на остров Тендру был отправлен для пробы орудий лишь один броненосец «Потемкин», а остальная эскадра должна была прибыть туда лишь через день по отбытии от острова Тендры «Потемкина». Узнав об этом, Севастопольский комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии старался повлиять на команду «Потемкина», чтобы возмущение ее не произошло ранее сбора всей Черноморской эскадры броненосцев. Восстание команды броненосца «Потемкин» произошло преждевременно и для указанного комитета неожиданно. Вызвано оно было, как я уже сказал, неудовольствием команды плохой пищей. На броненосец доставили испорченное мясо, которое поместили на спардеке, в видном для всей команды месте. Корабельный врач нашел, что оно годно в пищу, хотя и было покрыто червями, и разрешил варить из него борщ. Это и послужило толчком к общему недовольству и возмущению. Не мало способствовало раздражению команды резкое и вызывающее отношение к ней старшего офицера броненосца—Гиляровского, который, видя, что матросы вслушались в увещания капитана корабля и решили безропотно подчиниться его приказанию идти обедать, отделив от общей массы команды человек тридцать, приказал боцману доставить брезент и вызвать караул. Это распоряжение было понято матросами, как приказ накрыть выделенных по произволу Гиляровским матросов брезентом и на месте их расстрелять. Вслед за этим были убиты семь офицеров броненосца, в том числе командир и старший

офицер. В живых остались механики, мичман Перелешин, артиллерийский офицер не флотский, командированный из Петербурга для пробы орудий броненосца, механик частного судостроительного завода в городе Николаеве и его рабочий и прапорщик запаса флота Алексеев, бывший штурман дальнего плавания, которого команда заставила, помимо его воли, принять на себя начальство над нею. После описанных событий был выбран на «Потемкине» комитет из 22 лиц, в состав которого входили Матюшенко, Денисенко, Кулик, один из фельдфебелей, фамилии которого припомнить не могу, механик Коваленко и «товарищи» из Одесского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии: «Кирилл» и «Фельдман». После убийства офицеров на «Потемкине», броненосец этот, в течение 11 суток, плавал вдоль побережья Черного моря. За этот промежуток времени произошли события, уже известные по судебным процессам, и, во время пребывания «Потемкина» на Одесском рейде, на него пробрались помянутые мною «Кирилл» и «Фельдман». Фельдман, насколько знаю, есть фамилия подлинная. Что же касается «Кирилла», то настоящего его имени и звания я не знаю, но не так давно слышал, что он проживает в России, но где именно не знаю, и не знаю, чем он занимается. В Швейцарию я поехал из Румынии ради заработка и жил там до 1907 г. Проживал я в Женеве и работал там в различных слесарных мастерских. В Швейцарии я занимался исключительно своим ремеслом, а политическим движением в России интересовался мало и посещал лишь собрания, на которых читали рефераты Алексинский и Троцкий. Вращался я в среде русских эмигрантов преимущественно из социал-демократов. Наиболее близок я был с секретарем Женевской группы Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, болгарином, по фамилии Нончевым (имени и отчества не помню) и членом ее Евгением Кандауровым, о котором я знаю с его слов, что он был участником Московского вооруженного восстания 1905 года. В Женеве я познакомился с неким Хреновым, который также говорил, что участвовал в означенном восстании. Насколько мне известно по их рассказам, Кандауров и Хренов не были знакомы между собою в Москве в 1905 году и не соприкасались в своей деятельности по вооруженному восстанию там в означенное время. Хренов не состоял членом Женевской группы Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, так как не имел явки, а Кандауров, по моему предположению, имел таковую. Мне лично не представляло надобности иметь явку, так как для меня было вполне достаточно румынского паспорта, в котором было означено, что я бывший «Потемкинец». Этот документ внушал ко мне полное доверие. Женевская группа Российской Социал-Демократической Рабочей Партии состояла приблизительно из

40 человек мужчин и женщин. Из них человек 10—15 были евреи. Деятельность группы выражалась главным образом в денежных сборах в пользу эмигрантской кассы. Наиболее существенным доходом являлись: входная плата за чтение рефератов и продажа брошюр. Группа эта в своем распоряжении имела типографию, в которой, до 1905 года, печаталась «Искра». Финансы группы были в плохом состоянии, и деятельность ее исчерпывалась показанным мною выше. Мне не приходилось слышать в эмигрантской среде о каких-либо террористических актах, замышляемых против высокопоставленных особ в России, и мерах, принимаемых для осуществления подобных целей. В конце 1907 года меня побудила тоска по родине вернуться обратно в Россию. В бытность мою в Румынии я не мог этого сделать потому, что среди бывших «Потемкинцев» циркулировали слухи, что каждый из вернувшихся обратно в Россию, хотя бы и добровольно, рискует жизнью, так как будет предан военному суду. Эта боязнь, в связи с сочувствием румынских средних и высших слоев общества к «Потемкинцам», и помешала мне обратиться за содействием к русскому консулу, тем более, что «Потемкинцы» в Румынии следили друг за другом и подобное обращение к русской власти могло бы с их стороны вызвать жестокую месть. То же самое мне пришлось испытать и в Швейцарии. Поэтому я и решил возвратиться в Россию под чужим именем. Я, Кандауров и Хренов решили возвратиться в Россию. Я стремился в Россию из-за тоски по родине, отнюдь не имея в виду вести по прибытии какую-либо преступную политическую деятельность, а мои спутники стремились, повидимому, к своим родным, кажется, довольно состоятельным людям, живущим в Москве. Мы втроем перешли русскую границу в 17 верстах от г. Ясс, перейдя реку Прут 31 декабря 1907 года. В ночь на 1-е января 1908 года мы были арестованы на станции «Мордаровка» Ю.-З. ж. д. При нас были обнаружены 3 пистолета-браунинга и патроны. Сколько было патронов, не помню. Оружие и патроны мы везли без всякой преступной цели, исключительно ради того, чтобы продать их, так как наличных денег у нас было при себе очень мало. Подтверждением правдивости моих слов может служить то обстоятельство, что нас, трех вооруженных людей, арестовал на станции «Мордаровка» один жандарм, которому мы беспрекословно сдали наши браунинги и патроны. Очевидно, если бы мы желали оказать сопротивление, то могли бы его учинить. Впоследствии Хренов и Кандауров были переданы в распоряжение Начальника Московского Губернского Жандармского Управления и что с ними стало потом,—я не знаю. Об указанной передаче их я знаю потому, что вместе с ними был заключен под стражу в Одесскую тюрьму. Задержаны они были под своими именами, а я был задержан под фамилией

Островского, о чем показал раньше. Одесским Окружным Судом я был присужден к 4 годам арестантских исправительных отделений, а по отбытии содержания под стражей, к ссылке в Якутскую область. По освобождении из Николаевского арестантского отделения, я был водворен на жительство в село Назимово, Анциферовской волости, Енисейской губернии и уезда, куда прибыл этапным порядком 22 апреля 1913 года. Жизнь в ссылке сложилась для меня очень тяжело, вследствие отсутствия возможности добыть себе какие-либо средства к жизни. Мне пришлось голодать. Не будучи в состоянии вынести таких житейских условий, 1-го июня минувшего года я скрылся из места ссылки и пробрался в г. Красноярск, где заработал несколько рублей на дальнейший путь. Затем я прибыл в г. Мариинск, где пробыл около месяца и, также заработав немного денег, мог переехать в г. Ново-Николаевск. Там я прожил около месяца и также скопил немного средств, хвативших мне для приезда в Одессу, куда я прибыл 10 ноября 1913 года. Здесь я прожил до моего задержания, отыскивая работу, которая было и подвернулась мне в мастерских Бельгийского общества, но получить место помешал мне мой арест. За это время я съездил в Полтаву, желая отыскать заработок. Возвратившись в Одессу, я был занят отыскиванием работы. Показание моих слов записано верно и мне прочитано. Борис Сергеевич Прохоров. Отдельного Корпуса Жандармов, Подполковник Штандаренко.

К показанному добавляю, что предъявленная мне записка, начинающаяся словами: «Итак моя дорогая...», исполнена мною собственноручно. Содержание ее частного характера, не имеющее никакого отношения к обстоятельствам настоящего дела. Кому она написана, я не хочу сказать, по вполне понятным причинам, видным, если ее прочесть. Она относится к моим личным интимным переживаниям, ничего общего с политикой не имеющим. Борис Сергеевич Прохоров. Отдельного Корпуса Жандармов, подполковник Штандаренко.

С подлинным верно: Отдельного Корпуса Жандармов,
Подполковник Штандаренко.

№ 1667. 1905 г. О. О.

III.

Копия.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА
Корпуса Морской Артиллерии
Полковника Шульца.

20 июня 1905 г.

Во исполнение словесного приказания вашего высокопревосходительства, имею честь доложить нижеследующее о бунте команды на эскадренном броненосце «Князь Потемкин Таврический».

10 сего июня, в пятницу, утром я, вместе с лейтенантом Григорьевым членом комиссии Морских Артиллерийских Опытов, прибыли из Петербурга в Севастополь, для принятия участия в опытовой стрельбе с броненосца «Князь Потемкин Таврический» с целью определения проникания снарядов в воду при попадании их близ борта судна. Явившись И. д. главного командира Черноморского флота Вице-Адмиралу Кригеру и Начальнику Штаба, мы отправились около 5 часов вечера на броненосец, не застав командира судна. Вечером, встретив его на берегу, от него узнали, что он будет на судне на следующий день, около 3-х часов пополудни, так как должен быть на суде по делу казначея экипажа.

11 июня, в субботу, утром я осмотрел на «Потемкине» все, что было принято для требуемых опытов, а когда около 3 часов пополудни прибыл командир, то им было сделано совещание, на котором определилось, что все требуемое для испытания принято, а потому на следующий день возможно уйти к Тендревской косе, где должно было произвести опытовую стрельбу.

Будучи на броненосце, я, между прочим, видел, что на нем производилась погрузка 12 дм. бронебойных фугасных и сегментных снарядов; на мой вопрос артиллерийский офицер заявил, что они принимают полный боевой запас боевых припасов.

12 июня, в воскресенье, около двух часов пополудни броненосец вместе с приписанным к нему миноносцем № 267 (командир лейтенант Клодт-фон-Юргенсбург) снялись с якоря и ушли в море.

13 июня, в понедельник, броненосец с миноносцем прибыли около 3 часов пополудни к Тендревской косе, при чем миноносец с ревизором мичманом Макаровым около 5 часов вечера был послан в Одессу для закупки мяса для команды броненосца. Командир вместе со мной и некоторыми другими офицерами отправился на Тендревскую косу для осмотра бетонного укрепления и рыбного завода. Около 7 часов мы вернулись на судно. Миноносец с купленным мясом вернулся после полуночи, так как на обратном пути наскочил на рыбацкую лодку, шедшую без огней. Двух рыбаков, на ней находящихся, командир пересадил к себе, а лодку оставил в море, имея в виду ее отыскать утром на следующий день.

14 июня, во вторник, с утра старший офицер корабля капитан 2 ранга Гиляровской и артиллерийской офицер лейтенант Неупокоев занялись установкой щитов для стрельбы, не вполне кончив эту работу до обеда. Около $11^1/_2$ часов утра, как только командир вместе со мной начал обедать, явился старший офицер с докладом, что команда отказывается есть сваренный из привезенного мяса борщ, так как мясо червивое и тухлое. При этом старший офицер объяснил, что по заявлению врача мясо было

не испорченное, а лишь только один кусок покрылся червями, как это часто бывает при сильной жаре, сделав же промывку в рассоле, мясо сделалось вполне годным. Командир приказал собрать команду на шканцы. Когда это было сделано и доложено старшим офицером, командир вышел наверх. Я, считая неудобным, как лицо не судового состава, присутствовать при разъяснении претензии, остался в адмиральской столовой. Через некоторое время я услышал команду «караул, на верх», затем прошло несколько минут, как раздался ружейный выстрел. В это время я входил в адмиральскую спальню, назначенную мне для спанья. Вслед за выстрелом раздался неправильный ружейный залп и крики команды. Я схватил взятый с собой карманный револьвер и начал его заряжать. В это время вбежали в спальню с искаженными со страха лицами около 10 матросов с просьбой дать им здесь спрятаться, так как команда убивает офицеров и матросов. Я разрешил им остаться. В это время начали раздаваться как одиночные выстрелы, так и залпы, а через некоторое время раздались и выстрелы из 47 мм. пушек. По прошествии около четверти часа прибегает в спальню какой-то квартирмейстер и кричит спрятавшимся там матросам немедленно уйти вон, во избежание излишнего кровопролития, так как туда сейчас будут стрелять. Когда все убежали, я решил тоже куда-нибудь спрятаться; выйдя из адмиральской столовой и увидя, что вход в румпельное отделение не закрыт, туда спустился; а убедившись, что там никого нет, спрятался, закрывшись брезентом. Пробыв в этом отделении около часу, меня открыли матросы и заявив, что не сделают мне вреда, предложили итти в командирскую каюту, где объявили, что я арестован. В этой каюте оказались также арестованными старший инженер-механик подполковник Цветков и младший инженер-механик поручик Назаров. В каюте были приставлены двое часовых с заряженными ружьями.

Вскоре затем оказалось, что броненосец снялся с якоря и идет приблизительно по направлению в Одессу. И действительно, вечером броненосец стал на якорь на Одесском рейде в расстоянии около 20—25 каб. от волнолома.

15 июня, в среду, утром к нам в каюту пришел какой-то минный унтер-офицер с заявлением, что команда просит нас подписать принесенную им бумагу. Суть этой бумаги состояла в том, что подписавшиеся подтверждают, что команду кормили тухлым мясом, что матроса убили единственно за заявление о несвежем мясе, а также, что подписавшиеся вполне сочувствуют команде и присоединяются к ней. Мы трое наотрез отказались что-либо подобное подписать, заявив, что при этом решении мы останемся независимо от того, какая судьба должна нас встретить. Мы на это согласились только описать то, чего каждый

из нас был лично свидетелем. Во время обеда нас спросили, не хотим ли обедать и ужинать в кают-кампании, где находятся означенные офицеры. Мы на это согласились. Воспользовавшись тем, что все оставшиеся в живых офицеры собрались вместе, я расспрашивал о всем виденном ими, чтобы выяснить свершившееся преступление.

По рассказам, когда караул был вызван наверх, старший офицер приказал собравшейся команде разделиться на желающих и не желающих есть борщ. Когда фамилии последних он начал записывать, все нижние чины вдруг скучились вместе, при чем многие схватили из пирамид ружья и начали их заряжать откуда-то взятыми патронами, старший офицер, вероятно, по приказанию командира, приказал караулу стрелять по матросам, но то не было исполнено; тогда старший офицер выхватил у ближайшего караульного ружье и выпустил 2 или 3 пули в одного из матросов, ранив его смертельно. В это время караул присоединился к остальным матросам, из которых некоторые произвели залп в старшего офицера, убитого выбросили за борт.

Производство залпа по старшему офицеру и смерть его видел из амбразура 6 дм. каземата спрятавшийся там мичман Вахтин.

Вслед затем был убит старший артиллерийский офицер лейтенант Неупокоев. Поручик Назаров рассказал, что побежав на ют, он видел, как стоял Неупокоев, а затем будучи поранен пулей в голову, упал ничком на палубу.

После убийства старшего офицера, команда начала отыскивать офицеров для избиения их. По рассказу техника от Николаевского завода по башенным установкам, он был свидетелем как потащили наверх командира корабля, спустившегося вниз, а затем слышал несколько выстрелов. Кто-то говорил, что, когда командир подымался по трапу и наполовину очутился над палубой, он был убит несколькими выстрелами и тоже выброшен за борт.

Минный офицер лейтенант Тон спасся в каком-то отделении из адмиральских помещений. Команда об этом узнала и потребовала, чтобы он вышел наверх, обещая не делать ему вреда. Тон, выйдя наверх, выхватил имевшийся у него револьвер, тогда по нем был сделан залп, убивший его.

Старший судовой врач коллежский советник Смирнов спасался в своей каюте. По некоторым рассказам, когда туда бросилась команда, Смирнов застрелился. Но, по-моему мнению, этому нельзя верить, так как судовой священник рассказал мне, что его позвала команда к смертельно раненому доктору, которого он в каюте причащал; при нем фельдшер обмывал у него две раны, на правом боку ниже ребер. Следовательно, место положения ран отрицает самоубийство.

Относительно смерти лейтенанта Григорьева вольный механик с Николаевского завода Харкевич рассказал следующее: «Я вместе с инженером-механиком Коваленко и лейтенантом Григорьевым спрятались в моей каюте. Услышав приближение матросов, мы все трое разделись и выпрыгнули через 75 мм. порт в воду, с целью вплавь добраться до щитов. По нам команда стреляла из ружей, ранив в голову Григорьева, который и пошел ко дну; я же и Коваленко добрались до щитов, откуда были сняты командой и арестованы на корабле».

Подобно лейтенанту Григорьеву погиб и прапорщик запаса Ливенцов. Он побежал в адмиральское помещение, там разделся и бросился в воду, где и был убит ружейным выстрелом.

Мичман Вахтин, по его рассказу, был ранен при следующих обстоятельствах: после вызова караула и приказания командира собраться офицерам на юте, не будучи в состоянии вследствие скопившейся команды пробраться туда, спрятался в 6 дм. каземат в кают-кампании вместе с двумя комендорами. Когда по требованию команды он вышел из каземата в кают-кампанию, на него набросились матросы и стульями начали бить по голове, два удара им были выдержаны стоя, а на третьем он упал, после чего ему был нанесен еще один удар по голове и два по рукам. Когда матросы удалились, Вахтин в полусознательном состоянии пополз под стол, боясь быть выброшенным за борт. Через некоторое время оттуда его вытащили и понесли в лазарет, где младшим врачем была сделана перевязка. Повреждения не оказались очень серьезными, так что здоровье поправляется заметно.

Также был поранен судовой священник; по его рассказу, в самые первые моменты возмущения, когда он выходил из кают-кампании, кто-то из матросов крикнул «бей попа», при этом его ударили прикладом по носу, надорвав ноздрю, вероятно выступающим винтом в прикладе, а также ударили по рукам. Врач сделал перевязку.

По рассказам командира миноносца лейтенанта барона Клодт-фон-Юргенсбурга, захват этого судна командой броненосца произошел при следующих обстоятельствах: попросив разрешение сняться с якоря с целью найти поврежденную рыбацкую лодку, им было получено приказание от командира броненосца не сниматься с якоря, но быть готовым к походу (я слышал это приказание, отданное вслед за докладом старшего офицера о претензии, заявленной командой относительно негодности борща). Вскоре затем командир миноносца, стоявшего за кормой броненосца, услышал ружейную пальбу и обратил внимание, что пули попадают в корпус миноносца. Сначала им было предположено, что это случайное попадание от стрельбы в бунтовавшую команду. Но когда попадания участились, то уже сделалось очевидным, что стрельба производилась специально в миноносец

взбунтовавшейся на броненосце командой. Тогда командир приказал немедленно сняться с якоря. К несчастью, якорная машинка перестала действовать, вследствие чего командир приказал высучить канат, давая задний ход. Через некоторое время канат захлестнуло, так что и от этого пришлось отказаться. В это время ружейный огонь участился, но все-таки нашлись два матроса, которые решились под огнем разрубить зубилом канат из стального троса. Вся остальная команда была спущена вниз, но взятое зубило оказалось настолько тупым, что им нельзя было разрубить канат, а в это время миноносец наносило на броненосец. Когда при этом еще начали стрелять из 47 мм. пушек, то команда начала умолять командира не противиться в отдаче миноносца. Совершенно сблизившись, с броненосца захотели застрелить командира, но команда миноносца заявила, что это их любимый командир, а потому не могут допустить убийства его. Тогда предложили перейти командиру на броненосец, где его и арестовали.

Во время моего пребывания в кают-кампании я узнал, что взбунтовавшаяся команда выбрала в качестве командира прапорщика в запасе Алексеева и что, когда он не хотел на это согласиться, ему грозили немедленной смертью. Алексеев часто сиживал в кают-кампании, так что я имел возможность к нему присмотреться, а также вступать в разговоры, из них я мог убедиться, что это глубоко несчастный человек, которому не хватило характера тут же покончить с собою. Но он, чтобы хотя отчасти искупить свою вину, принимал все меры для устранения кровопролития, так, например, все оставшиеся в живых офицеры имеют причину приписать Алексееву свое освобождение, вместо умерщвления. Также его влиянию надо приписать, что с броненосца не бомбардировали Одессу, я также вполне верю рассказанному им самим факту, что когда транспорт «Веха» был захвачен, то оттуда прибыл на броненосец какой-то матрос, который в собрании команды требовал смерти всех офицеров этого транспорта. Тогда присутствовавший на собрании Алексеев дал этому матросу два таких сильных удара по лицу, что он свалился на палубу; вся команда отнеслась одобрительно к этому поступку, и офицеры были отпущены на свободу. Кроме того, я и другие офицеры отнеслись с таким доверием к Алексееву, что не побоялись посоветовать ему при помощи матросов, не сочувствовавших бунту, захватить главнейших бунтовщиков (числом около 12) во время их совещания и отнять, таким образом, от них броненосец. При отъезде офицеров на берег, прапорщик Алексеев говорил мне еще раз, что он попытается выполнить этот план, имея в виду, что наверно многие матросы будут за него.

15 июня на броненосец приезжало много посторонних лиц, как это было видно из кают-кампании, в том числе два молодых человека еврейского типа, которые, повидимому, принимали уча-

стие в совещаниях, происходивших в адмиральском помещении. также на корабль производилась усиленная погрузка провизии и угля, привозимых с берега.

Около 5 час. пополудни разнесся слух с берега, что там имеют в виду обстреливать броненосец с 6 береговых батарей, почему на броненосце приготовились по первому выстрелу бомбардировать город. Но тревога оказалась ложной, так как таких батарей не имеется.

В 6 час. вечера на Одесский рейд пришел с Николаева транспорт «Веха». Захват его, по рассказам инженера технолога Эйхе, который был на транспорте и возвращался со мною в Петербург в одном поезде, произошел следующим образом: приблизившись к броненосцу, транспорт просил сигналом разрешения войти в гавань. На броненосце сделан был сигнал, чтобы не входить в гавань, а встать на якорь; а затем сделан сигнал, чтобы командир явился немедленно на броненосец. Когда командир явился, он был немедленно арестован, затем был сделан сигнал, что командир «Вехи» требует всех офицеров на броненосец. Явились два прапорщика запаса (третий остался на вахте) и чиновник от дирекции маяков. Их всех арестовали. Затем на транспорт были посланы шлюпки с вооруженной командой, которая арестовала оставшегося там прапорщика и захватила денежный ящик. На транспорте оказались, кроме вышеупомянутого инженера Эйхе, еще вдова убитого капитана 2 ранга Гиляровского с дочерью. Их всех отпустили на берег на частной шлюпке, предложив деньги на дорогу. Потом, как оказалось, отпустили также на берег и всех офицеров захваченного транспорта.

Вечером один из главных зачинщиков минно-машинный квартирмейстер Матюшенко заявил, что у них будет совет для решения вопроса об отпуске нас на берег. Сначала, около 12 час. вечера он сказал, что нас немедленно отпустят на берег, а затем заявил, что еще окончательного решения не состоялось, почему надо ждать до следующего утра.

16 июня, четверг. Утром около 10 час. тот же Матюшенко объявил, что офицеры могут ехать на берег, для чего будет дана шлюпка. Действительно, вскоре нас свезли на паровом катере, с Матюшенко на руле, в карантинный дом, откуда все пошли в таможню, где оказался помощник командира порта. Сделав соответствующее заявление о погибших, освобожденных и оставшихся на броненосце офицерах, все съехавшие отправились к командующему войсками. Мною были даны потребованные объяснения о случившемся, а затем 17 июня, в пятницу я выехал из Одессы в Петербург.

Ко всему изложенному имею честь добавить еще следующее:

Уходя на броненосце «Князь Потемкин Таврический» из Севастополя, решительно не было каких-либо явлений, которые

дали бы возможность предположить, что может случиться что-либо похожее на бунт. Отношение командира корабля к команде было самое заботливое, так, например, будучи на Тендревской косе при мне командир вел переговоры с управляющим рыбным заводом об уступке сетей для ловли рыбы, чтобы этим доставить удовольствие команде.

После бунта служба на корабле шла, повидимому, в большом порядке, церемониал подъема и спуска флага, как слышно было в кают-кампании, производился не отступая от положения; караульный начальник рапортовал Алексееву по узаконенной форме, пьяных совсем не было видно и т. п.

Подп. Начальник Артиллерийской Чертежной
Морского Технического Комитета
Полковник Корпуса Морской Артиллерии *Шульц*.

С подлинным верно: Капитан 2 ранга *Зилоти*.

IV.

№ 3769. / 1905 г. Деп. Пол. 7 делопроизводство.

Копия.

НАЧАЛЬНИК
Таврического Губернского
Жандармского Управления.

25 июня 1905 г.
№ 2679.
г. Симферополь.

О пребывании броненосца «Князь Потемкин Таврический» в Феодосии и о снабжении его провиантом.

Командиру Отдельного Корпуса Жандармов.

22 сего июня, около 6 час. утра, к г. Феодосии подошел броненосец «Князь Потемкин Таврический» и бросил якорь верстах в четырех от берега и рейда. В городе находилось всего семь рот Виленского пехотного полка, под командою полковника Герцога, и запасный батальон, ненадежный, по объяснению начальства, при чем одна рота была оставлена в лагере Виленского полка, в трех верстах от Феодосии, остальные же шесть рот, по 60 человек в роте, и батальон заняли рейд и берег, с целью помешать высадке взбунтовавшихся матросов. Час. в 9 утра с броненосца пришел катер с требованием представителей города, доктора и провизии, вследствие чего городской голова Дуранте, с гласным Крымом и городским доктором, отправились на броненосец, где, в адмиральской каюте, состоялось заседание 20 матросов, управлявших броненосцем, и представителей города.

На этом заседании бунтовщики потребовали, чтобы им немедленно было выдано все необходимое для них, иначе грозили бомбардировкою.

По возвращении с броненосца, у начальника гарнизона—командира 2 бригады 13 пехотной дивизии, генерал-майора *Плешкова* состоялось заседание, на коем названный генерал советовал горожанам не срамить Феодосии и не исполнять никаких требований мятежников, как не согласных с духом присяги, и сказал, что не допустит высадки матросов на берег; я же, приглашенный городским головою на это заседание, ответил, что не нахожу даже удобным для себя находиться на заседании, в котором будет поднят вопрос о снабжении изменников провиантом и вином, но городской голова, совместно с гласными, энергично настаивал на снабжении броненосца просимым, во избежание бомбардировки (при чем докладываю, что Г. Г. Дуранте и Крым обладают в г. Феодосии громадным недвижимым имуществом и видимо, главным образом, опасались не за город, а за свои роскошные дома).

С ответом о согласии снабдить броненосец просимым, городской голова вновь поехал к бунтовщикам, при чем заявил, что угля и воды немедленно дать не могут.

Городской голова послал телеграмму Таврическому губернатору и получил ответ, что войска будут охранять безопасность города, а вопрос о выдаче или не выдаче мятежникам провизии он предоставляет самому городу; генерал же *Плешков*, на свой телеграфный доклад командиру 7 армейского корпуса, получил от последнего приказ,—не дозволять высадки десанта и никаких требований мятежников не исполнять, но означенная телеграмма была получена уже после выдачи броненосцу 40 пуд. хлеба, 200 п. муки, 40 пуд. мяса, 30 пуд. капусты, 4 живых быков и 30 ведер вина, и им, категорически, было отказано в угле и в воде.

Таким образом, благодаря малодушию представителей городского самоуправления г. Феодосии, помощь броненосцу была оказана, и последний, видя такую уступчивость и страх города, неоднократно высылал на рейд свои катер и миноносец, которые нахально бороздили его по разным направлениям, а катер свободно подходил к товарному американскому и пассажирскому «Российского Общества» пароходам. С катера два раза произносили к собравшейся толпе зажигательные, революционные речи, при чем ораторами были—одетые матросами—какой-то человек большого роста, с большой русой бородой, и другой—говорящий с малороссийским акцентом.

«Потемкин», по получении провизии, в море не уходил и к вечеру ближе подвинулся к берегу и волнорезу, а встревоженное население Феодосии обратилось в поголовное бегство.

Студенты и толпа собирались на углах улиц и, видимо, готовы были примкнуть к матросам, если бы те высадились на берег.

Во время отвоза на броненосец провизии, с катера его бежал матрос *Кабарда*, который на допросе показал, что на «Потемкине» имеется 750 человек экипажа, в числе коего до 400 новобранцев, совсем не сочувствующих охватившему броненосец революционному движению, что всем руководят два, севших в Одессе, неизвестных статских, из коих один, судя по фуражке, студент, и что на броненосце имеется только 67 человек, проникнутых духом мятежа, людей наиболее решительных и отчаянных, держащих в руках весь экипаж; что командир «Потемкина» *Голиков* и старший офицер *Неупокоев* убиты матросом Матюшенко, убито еще шесть офицеров, остальные, с оторванными погонами, высажены на берег, а на борту находятся: прапорщик запаса *Алексеев*, командующий броненосцем по принуждению, и два механика, распорядительной же частью заведует старший боцман; что угля на броненосце осталось около 10.000 пуд., воду добывают опреснителем, провизии нет, и команда уже 4 дня питается сухарями, пьянствует, состояние духа ее угнетенное и разногласие в распоряжениях и неисполнительность видны на всем: людей боятся отпускать с катера, чтобы не убежали, динамо-машины не действуют, отчего не могут стрелять 12-дюймовые орудия, чистка броненосца не производится, и команда утомлена и расстроена. В денежном ящике броненосца имеется денег 24.000 руб. Во 2-м час. ночи, на 23 сего июня, катер с броненосца привез два письменных требования—городскому управлению и начальнику гарнизона—доставить на «Потемкин» уголь и пресную воду к 6 час. утра, после чего, в случае неисполнения этого, в 10 час. утра начнется бомбардировка города.

Генерал-майор *Плешков* требование броненосца разорвал и бросил, сказав, что ни в какие переговоры с бунтовщиками вступать не станет, а городской голова, прочитав требование и получив приказание генерал-майора *Плешкова* в требованиях броненосцу безусловно отказать, выпустил в 5 час. утра по городу печатные объявления жителям о том, что «Потемкин» предъявил требование воды и угля и город, по независящим от него причинам, исполнить этого не может, почему и предупреждает жителей, что в 6 час. броненосец приступит «к решительным действиям». Паника усилилась, рестораны и магазины закрылись; горожане, кто мог, выехали, а остальные заняли возвышенности за городом и оттуда наблюдали за броненосцем, войска же окопались и приготовились к бою, и Феодосия была объявлена на военном положении, по распоряжению начальника гарнизона, генерал-майора *Плешкова*.

Около 9 час. утра вошли на рейд катер «Потемкина» и его миноносец, при чем последний занял середину рейда и люди

угрожающе стояли около 2-х орудий Гочкиса, видимо, готовые к бою, а катер подошел к стоящему у пристани «угольщику», несколько матросов перелезли на него и стали привязывать канат.

Намерение буксировать насильно угольщика было очевидно, и ровно в 9 час. 5 мин. утра командир полка приказал открыть огонь.

Раздались, почти одновременно, три перекрестных залпа полуротами и как бы смели все живое, находившееся на катере и миноносце, которые и пошли обратно к броненосцу, перерубив канат угольщика и управляемые одними кочегарами, при чем катер долгое время шел без управления.

Войска провожали их стрельбою пачками, пока недолет пуль стал очевиден, и затем все смолкло в ожидании бомбардировки.

Результатом этой стрельбы оказалось убитых и раненых до 30 человек бунтовщиков.

Затем покинутый матросами угольщик был осмотрен и на нем ни раненых ни убитых не оказалось, но в трюме найдены были три спрятавшихся матроса с «Потемкина»—*Мартьянов*, *Горбач* и *Заулошнов*, которые и арестованы, а на палубе найдено 4 заряженных винтовки и 2 пояса с патронными сумками.

Далее оказалось, что под пристанью спрятались три матроса, бросившиеся в воду после залпов, которые были извлечены оттуда и также арестованы, один из них оказался легко раненым.

Первые трое, подтверждая, в общем, показание *Кабарды*, объяснили, что бомбардировка Феодосии не последовала в виду того, что на броненосце партии разделились и—одни хотели стрелять, а другие—сдаться или уходить, чем и объяснилось то обстоятельство, что на «Потемкине» поднимали попеременно, то белый, то красный флаги, и последняя партия взяла верх.

По предъявлении матросам *Мартьянову*, *Горбачу* и *Заулошнову* матросов, взятых под пристанью, в одном из них, назвавшем себя *Микишиным*, они узнали человека, который в Одессе, вместе с своим товарищем, с большой русой бородой, сел на броненосец в студенческой фуражке, и затем оба играли на нем первенствующую роль и были главными агитаторами, а в другом, назвавшемся механиком *Мольневым*, таможенная стража узнала упомянутого выше оратора, с малороссийским акцентом.

Несмотря на отказ в угле и воде, «Потемкин», в 12 час. дня, ушел из Феодосии без выстрела, что, конечно, было бы и в том случае, если бы ему отказали бы во всем, так как, по показанию пленных, «Потемкин» стрелять бы в Феодосию не стал, из опасения вооружить против себя жителей, что подтверждается и тем, что, несмотря на убитых и раненых после залпа пехоты, броненосец не дал ни одного выстрела в защиту своих, и, таким образом, снабжение бунтовщиков провизией произошло лишь вследствие

отсутствия гражданского мужества у представителей города и запоздалой телеграммы командира 7 армейского корпуса, воспретившей войскам допускать передачу чего-либо бунтовщикам.

Мною взяты в Феодосии до 50 писем, которые были переданы матросами броненосца «Потемкин» жителям Феодосии, с просьбою переслать таковые по адресам. В письмах описываются как бунт, так и причины возникновения бунта—данное к обеду мясо с червями. Во многих письмах проглядывает раскаяние и сожаление, что примкнули к бунтовщикам. Описывается голод и отсутствие провизии, угля, воды и полный внутренний беспорядок.

Письма представлены мною главному командиру Черноморского флота и портов Черного моря.

Полковник *Загоскин*.

V.

Доклад Меласа.

19-го сего июня, в воскресенье, вечером к Константскому порту приплыли «Эскадренный броненосец Князь Потемкин Таврический» и миноносец за № 267, забрасывая якори перед самым портом и отдавая салют из 21-го орудейного выстрела, на каковой салют местные румынские суда не отвечали.

Осведомившись об этом, командир стационера «Псезуапе», капитан 2-го ранга г. Банов, вышел им навстречу и взойдя на самый борт и увидя только одних матросов; тут же запросив матросов о их командире и его офицерах, на вопрос которого матросы ответили: что одна часть офицеров была убита, а другая—была высажена, вслед этого ответа г. Банов вышел, не будучи ничем оскорблен.

По уходе г. Банова с эскадренного броненосца, взлез на борт оного броненосца командир Константского порта капитан Негру, навстречу коему вышел минный машинист квартирмейстер Матюшенко, он же глава взбунтовавшегося экипажа, и заявил г. Негру, что весь экипаж из 700 человек взбунтовался и что на оном не имеется офицеров, а посему тут же просил разрешения снабдить броненосец каменным углем и съестными припасами.

Капитан порта г. Негру, покидая борт броненосца, обещал Матюшенко, что он сначала должен снестись со своим правительством в Бухаресте касательно их просьбы и лишь по получении результата сможет им дать подобающий ответ.

Г. Негру по сношении со своими правительством в Бухаресте передал взбунтовавшемуся экипажу, что румынское прави-

тельство считает их дезертирами и поэтому не может снабдить их провизиею, как лишь в том только случае, если они добровольно сдадутся и покинут оружие и судно не поврежденными.

В заседании своем комитет взбунтовавшегося экипажа, постановил дать г. Негру следующий ответ, «что экипаж не решается сдаться Румынии, а посему экипаж намерен покинуть порт с целью возвратиться к одному из Российских портов, а что город Констанцу бомбардировать не будут, хотя, что экипаж к этому намеревался на случай отказа».

В понедельник вечером эскадренный броненосец и миноносец за № 267 покинули Константский порт, под командою Матюшенки и его главного революционерного комитета, находящегося на самом броненосце и состоящего из нижеследующих лиц:

Минный машинист квар. Матюшенко.
Машинный квартирмейстер Ст. Денисенко.
» » Ефтифий Резниченко.
Кочегар квартирмейстер В. Зиновьев.
» » Захарий Филипков.
Машинист В. Кулик.
» Петр Алексеев.
» Иван Коваленко.
Заволошинов.
Егор Солодов.
Григорий Логвинов.
Ефим Шевченко.
Хоз. Т. От. Спинов.
Подр. Никитин.
Мин. маш. Шестидесятый.
» » Мартианов.

Из экипажа броненосца бежал матрос Григорий Константинов Решкитин, который остался в Констанце и поступил в услужение к пехотному капитану Пастурелу. Он бежал от того, что не в состоянии был переносить дерное и грубое обращение Матюшенки, который распоряжался всем экипажем; а те, которые посмели бы ему или комитету в чем-либо сопротивляться, то угрожались смертью. Матюшенко почему-то не питал к Решкитину доверия и поступал с ним особенно строго. Решкитин заявил мне следующее:

«Если бы броненосец пристал бы ближе к порту, то тогда по крайней мере 500 матросов готовы были бы выбежать с него. Из 22-х имевшихся на броненосце офицеров: 6 были убиты, 3 были насильно удержаны на броненосце, из коих 2 механика по имени Коваленко и Коляжнин и 3-й подпоручик Алексеев, и все остальные были высажены на берег в Одессе, где еще 30 матросов бросились в море, из коих

некоторая часть доплыла до берега, а остальные потонули. Что же касается мяса, если имело или нет червяков, то скорее допускаю, что свежим не было, но и червяков не имело. Матюшенко под предлогом, что мясо с червями, хотел разозлить экипаж и настроить его к бунту, пользуясь этим случаем.

«В ночь же под воскресенье, когда г. Негру сообщил взбунтовавшемуся экипажу, что Румынское правительство отказывает разрешить ему запастись себе из румынских портов каменным углем и съестными припасами, что Матюшенко в заседании комитета предложил бомбардировать Констанцу, против чего был совет комитета за исключением нескольких сомнительных лиц, которые перешли на сторону Матюшенко и настаивали бомбардировать г. Констанцу.

«Эти сомнительные лица были: студент Василий Иванов и социалист Кирилл Петров, оба были взяты на борт броненосца Матюшенским в Одессе. Вслед этого решения комитета, Матюшенко перестал настаивать на своем и согласился направиться в Феодосию, где студент Иванов говорил, что имеет много хороших друзей.

«Если бы на броненосце не были: студент, социалист и третье незнакомое лицо, которое это последнее высадилось— они втроем подстрекали всех матросов и особенную роль играли в глазах Матюшенко и его комитета; без этих поджигателей экипаж бы не выдержал бунт, а напротив сдался бы сам, как и самих подстрекателей выдали бы властям и таким образом все бы миром кончилось.

«В Одессе власти сделали большую ошибку, что не арестовали Матюшенку, когда представлялся он им, а ни что разрешить возвратиться ему обратно на броненосец; раз Матюшенко был бы арестован, весь остальной экипаж сдался бы за исключением другого такого отчайного зачинщика».

Судя по рассказу Ришитина, можно предполагать, что он не был посвящен в действия комитета взбунтовавшегося экипажа. При этом Ришитин, будучи по ремеслу столяром бежал в Констанцу с целью подыскать себе работу и честным образом добывать себе кусок хлеба; а увидав нужду, за неимением по специальности своей работы, поступил в услужение к вышепоименованному капитану Настурела; еще сказал Ришитин, что он родом из Батума.

В пятницу $12^1/_2$ ночи, под субботу 25-го июня с. г. эскадренный броненосец «Князь Потемкин Таврический» и миноносец за № 267, возвратились во второй раз в Константский порт и как только забросили свои якори, явился к ним командир порта

г. Негру и спросил их, почему они опять вернулись. В ответ на это взбунтовавшийся экипаж сказал ему, что они все матросы порешили сдаться добровольно румынским властям в Констанцу; в виду того, что в Феодосии они не могли получить угля.

Вследствие этого заявления экипажа, Матюшенко и несколько других матросов сели на лодку и причалили к маяку порта, чтобы вести надлежащие переговоры о не сдаче, каковые переговоры велись до 3 часов утра.

Между матросами, как мною уже выше было сказано, находились офицеры и именно: машинист Иван Коваленко и Петр Алексеев, которые выбежали на берег при первой возможности на шлюпке в Констанцу и представились капитану порта г. Негру, которые заявили, что едва успели убежать с броненосца, будучи преследованы взбунтовавшимся комитетом, и под распоряжением которого все время находились.

Делегаты взбунтовавшего экипажа были сопровождаемы: социалистом и анархистом доктором медицины Раковским, проживающим в городе Констанце, который явился на борт броненосца, тотчас, как только приплыл к порту броненосец, чтобы видеться со студентом Петровым.

Условия же делегатов взбунтовавшего экипажа были предложены румынским властям в следующем духе, т.-е., они, весь экипаж сдаемся румынскому правительству, с тем условием, чтобы румынское правительство их не выдало бы Русскому правительству, а броненосец перешел бы в собственность румынам.

Командующий войсками генерал Ангелеску, заявил делегатам, что он письменного заявления им дать не может, а уверяет их словесно, что они в Румынии будут пользоваться полными правами свободы и никогда Румынское правительство не выдаст их Русскому правительству, о чем они должны вполне спокойны.

После нескольких имевших совещаний между Матюшенским комитетом и матросами, по получении румынскими властями ответа от министра внутренних дел из Бухареста; в 12 часов дня все было решено, и тогда броненосец вместе с миноносцем № 267 приплыли уже во внутреннюю часть порта, где имела состояться и сдача броненосца, и как только забросили якори свои, немедленно явился к ним на броненосец командир Румынской флотилии в сопровождении еще лица из румынских властей и начал принимать от взбунтовавших матросов броненосец и, как только приняли, немедленно спустили русский флаг и заменили румынским.

В 2 часа дня начали русские матросы высаживаться на берег, во главе коих был Матюшенко с Петровым, которые были приветствуемы Константской публикой при многочисленных восклицаниях «ура» и одним словом начали встречать их

как настоящих героев, а совсем не как разбойников, как это надлежало.

На броненосце было найдено 22,190 руб., каковые деньги были разделены между матросами в присутствии капитана порта, так как по заявлению Матюшенки, эти деньги принадлежали матросам, нужно еще заметить, что ни Российский Консул ни командир нашего транспорта «Псезуапе» капитан Банов об этом не были осведомлены, в особенности, что последний предупредил румынских властей, что при сдаче броненосца допустить ему присутствовать и получить ему морской шифр и ситальную книжку, которые находятся на броненосце.

Морской шифр и ситальная тетрадь были взяты матросом Бедермеем, который припрятал и затем лично передал в руки г. командира транспорта «Псезуапе», как об этом ниже будет сказано подробно.

Соседние матросы с броненосца обобрали все каюты и салоны броненосца; взяли с собою все то, что там находилось, как то: часы, бинокли, хронометры, офицерское платье, и все это, что только имелось более ценным, за исключением только церковных принадлежностей, к которым даже не прикоснулись.

Все уворованные вещи были матросами проданы в Констанце за бесценок, а также ими распродавались георгиевские ленты с их собственных фуражек по 1 или 2 фр. Эти ленты были употреблены Константской публикой в галстуки и носили все, и дамы и мужчины.

Экипаж же миноносец № 267, увидя все это, что происходило с матросами броненосца «Князя Потемкина», заявил капитану порта, что он сдаваться не будет, а предпочитает возвратиться обратно в Севастополь, и сейчас после этого заявления начали готовиться и в 5 час. вечера миноносец № 267 поднялся с якоря и направился к Севастополю, несмотря, что у них для предпринимаемого ими плавания опасались в недостатке угля.

Матюшенко в этот же вечер продал одному из частных банкирских домов процентных бумаг на сумму в 8000 рублей, похищенных им с броненосца, и еще подтверждается, что он кроме этих % бумаг, похитил еще 18000 руб., и в эту же самую ночь в 1-м часу полуночи выехал в Бухарест вместе с офицером Коваленко и студентом Кириллом Петровым и в сопровождении румынского социалиста Константина Милле и революционера Замфирия Арборе-Ралле, последний принял румынское подданство, которые прибыли в Констанцу вместе с социалистом доктором медицины Родовичем, имели при себе 1700 руб. с целью разделить между революционерными вожаками от имени центрального и революционерного комитета в Женеве.

Матюшенко прожил несколько дней в Бухаресте и по получении болгарского паспорта на имя Ивана Петрова выехал

в Женеву вместе со студентом Кириллом и инженером Коваленским через пограничный пункт Предел.

В субботу около 4-х часов дня, по высадке матросов на берег и гуляя по набережной, я встретил четырех матросов, из коих двое имело в руках по чемодану, спросивши их, куда они направляются и как их зовут, в ответ на что один из них сказал, что именуется Федором Ведермеевым, ситальный старшина, и желал бы видеть командира стационера «Псезуапе», чтобы передать ему один секрет; остальные же три матроса поименовались, как следует: Жеравлевым, штатным боцманом, Зыбаловым, боцманом и 3) матросом Феодором Луцаевым, а за ними еще следовали и стальщики: Михаил Рожинов, Андрей Муромцев, Ефим Ахалзин, Михаил Николаев, которым я сказал, чтобы они все последовали бы за мною к стационеру «Псезуапе». Я об этом сейчас же довел до сведения капитана Банова, который немедленно нас принял на стационер и Ведермеев, представившись доложил, что в его чемодане находятся морской шифр и ситальная тетрадь, которые ему посчастливилось спасти и скрыть от взбунтовавшихся матросов, тем не менее добавил, как он лично, так и те с ним матросы и еще другие желали бы все вернуться в Севастополь с миноносцем 267, но к великому их сожалению, опоздали, в виду того что миноносец, не дожидаясь их отбыл, а потому просят капитана Банова принять их на свой транспорт «Псезуапе», для возвращения их в Россию. Капитан любезно поблагодарил Ведермеева за сохранение морской шифр и ситальную тетрадь и передал ему, что пока он взять их не может на станционере до получения предварительного разрешения от командующего флотом, которого запросит по телеграфу, а до этого времени они могут подождать результат в городе: а на другой день т.-е. в воскресенье явиться им к нему за ответом. Поступок Ведермеева и его товарищей был одобрен всем экипажем стационера «Псезуапе» замечая у них полную любовь и всю преданность ко своему отечеству.

Ведермееву и товарищам его пришлось голодать оного 48 часов, лишь бы спасти в целости все вышеупомянутое и на другой день в воскресенье утром я с ними всеми разыскивали и других матросов, чтобы усовестить и убедить вернуться им на родину; но к великому нашему сожалению не разыскали как только еще 24-х человек и в 10 часов утра они все вместе добровольно сдались г. командиру Банову, который отправил всех к адмиралу Писаревскому в Севастополь на броненосце «Князь Потемкин».

Тоже в субботу во время высадки матросов с броненосца «Князя Потемкина» префект Бухарестской полиции князь Морузи в сопровождении Инспектора своего Михаила Кантуниари обсмотрели каюты броненосца и нашли в них запертыми:

офицера Алексеева, инженера-механика Калинина и 11 кондукторов во главе с Бурдуковым, которые все время плавания находились под самым строжайшим арестом, лишь потому, что делились и не соглашались с мнениями революционерного комитета, но так как они являлись опытными людьми, то были оставлены на броненосце; и случай подобный был, когда броненосец плавал в Феодосии, проходя мимо маяка «Херсонеса», революционеры сбились с пути и не знали куда следует им направить броненосец, то заставили Алексеева под стражею управлять командой и судном на мостике.

Инспектор Кантуниари, владея немного русским языком, расспросил г. офицера Алексеева, что он желал бы, который ответил, что как он так и все остальные желали бы вернуться в Россию, в ответ на это инспектор посоветовал обратиться ему о том к Российскому консулу, в то же время уведомил и меня. Я незамедлил явиться к ним в гостинницу, где они стояли и занимали две комнаты, застал их в своих №№, обратился к ним с предложением сдаться им следует командиру нашего стационера «Псезуапе» как об этом ихнем желании мне было доведено до сведения инспектором Кантуниарем, а еще я им сказал, если желают, то могут обождать приезда нашего консула г-на Вестмана из Тульги, который должен будет приехать в воскресенье.

На мое последнее предложение они согласились и обещали обождать приезда в г. Констанцу нашего консула г-на Вестмана, а до того совсем не выходить в город, дабы не встречаться с матросами броненосца, не желая с ними совершенно видеться.

В воскресенье в 11 часов утра я с нашим консулом г-м Вестманом, зашли вместе в Центральную гостиницу, где стояли г.г. Алексеев, Бондаренко и остальные кондуктора, коих застали в своих №№, согласно их обещанию не выходить никуда в город, г-н Вестман после нескольких объяснений с ними обещал дать им ответ немножко позже, ибо он сначала должен истребовать для них разрешения. В промежуток сего времени прибыла эскадра в Констанцу под командою адмирала Писаревского, которым и был взят броненосец в распоряжение.

По исполнению необходимых формальностей о сдаче румынскими властями броненосца «Князь Потемкин» нашему адмиралу Писаревскому, я воспользовался этим временем и представился г. адмиралу Писаревскому и доложил ему о желании г.г. Алексеева, Бондаренко и о проч. кондукторов, которые единогласно заявили желание возвратиться обратно на родину в Россию. Г-н адмирал Писаревский по выслушанию меня, согласился принять и выслушать Алексеева, Бондаренко и прочих кондукторов, почему и пригласил к себе нашего военного агента в Бухаресте полковника Занкевича, которому поручил облегчить по возможности добраться вышепоименованным к броненосцу.

Г-н полковник Занкевич взял с собою меня и пошли вместе к ним в Гостиницу, которые уже там нас ждали. Г-н полковник Занкевич передал Г.г. офицерам распоряжение адмирала Писаревского и спустя получаса мы все уже находились на броненосце «Князь Потемкин».

Г-н адмирал снова выслушал всех их поочереди и вывел заключение, что они были жертвою и повиновались комитету и Матюшенки из-за их угроз.

Если бы Румынское Правительство замедлило бы рассылкою матросов по разным сторонам (Государства) Королевства Румынии нарочными поездами, то можно было бы вполне надеяться, что большая часть экипажа при приезде адмирала Писаревского сдалась бы и вернулась бы обратно в Севастополь.

Эти меры о рассылке по разным местам Королевства Румынии наших матросов с экипажа «Князь Потемкин» были приняты Румынским Правительством, в виду опасности оставить—на свободу более 600 человек матросов в одном городе Констанце и для избежания между ними всяких конфликтов и неприятностей.

В ночь под воскресеньем, большая часть матросов пьянствовали и были обманутыми и обсчитанными теми лицами, у которых обменивали деньги, взятые ими с броненосца, они меняли 1 руб. за 1 фр. 50 сант., а еще продавали за бесценок все похищенные ими вещи, собственность броненосца, как-то: часы, бинокли, револьверы, военное платье и офицерские шашки и еще много из других военных вещей.

Я имел случай беседовать более 100 человек матросов, которые почти все одинаково говорили, что настоящих подстрекателей к бунту были не более как 70 или 80 человек матросов, остальные же матросы ничего и не знали и ни в чем не были посвящены, а каким образом их тоже втянули в свои революционные кружки, то объясняют что совершенно бессознательно.

Кондуктор Бурдуков много старался отклонить матросов от Матюшенки, так как Матюшенко под влиянием тех двух социалистов угрожал смертью всех тех, которые только чем-либо посмели бы ему или Комитету сопротивляться.

Если бы Матюшенко по высадке на берег не стал бы сейчас-же под покровительством румынских социалистов, т.-е. Г.г. Радович-Милле и д-ра Раковского, а также и под покровительством русских эмигрантов как-то: Ралли-Арборе и д-ра Петра Козака, которые по прибытии в субботу вечером из Бухареста в Констанцу где они в квартире русского эмигранта штундиста Егора Иванова, имели совещания, на каком совещании также принимал участие и сам Матюшенко.

Матюшенко покинул гор. Констанцу в тот же субботный вечер и это потому, что боялся не быть растерзан и убит от есте-

ственной злости матросами броненосца «Князь Потемкин» за его бесчеловечественные поступки с ними.

Матросы механики Иван Коваленко, Георгий Онуфриенко и Петр Алексеев мне передали, что Матюшенко неоднократно раз им говорил, еще когда они были в Севастополе, что в сентябре месяце сего года должно вспыхнуть восстание на всех военных судах Черноморского флота и имеют прибыть из разных мест революционеры во время морских маневров. Все эти революционеры приедут из-за границы от разных революционных комитетов и еще передали мне, что Матюшенко действовал и говорил открыто о своем революционном намерении и в короткое время притянул в свою сторону несколько матросов, с коими начал секретно совещать.

Матюшенко успешно вел революционную пропаганду, даже притянул в свою сторону хорошую часть экипажа эскадренного броненосца «Победоносцев», который экипаж согласился во всем с ним и студентами Петровым и Ивановым; но ошибся тем, что потребовал от экипажа «Победоносцева» сдать свою кассу с деньгами на броненосце «Потемкине» с целью иметь все деньги обоих броненосцев в своих руках. На это предложение Матюшенкова экипаж «Победоносцева» отказался сдать ему кассу с деньгами, а предложили остаться каждому броненосцу при своих деньгах.

Во время всего плавания «Князь Потемкин» офицеры Алексеев, Бундуков и кондуктора находились под надзором комитета и Матюшенки, который опасался их и вначале Матюшенким было решено их высадить, но опасался тем, что они будучи любимы почти всем экипажем и таким образом боялся итти против воли экипажа и не разозлить его против себя самого в непослушание и потерять их доверие к себе.

Алексеев и Бундуков и кондукторы пользовались среди экипажа большою популярностью и состояли в комитете даже— но увидя, что Матюшенко относится к ним грубо и не по-человечески, обнаружили свой гнев к этому человеку и из того времени их устранили с комитета и находились под надзором.

Алексеев и Бундуков, по прибытии броненосца во второй раз в Констанцу, немедленно спустились на шлюпке, в которой имели плавать делегаты взбунтовавшего экипажа для переговоров с румынскими властями. В 3 час. ночи, как только шлюпка приплыла с ними к берегу они убежали, потому, что не были уверены, что Матюшенко пожелает сдаваться, а дольше не в состоянии были оставаться на броненосце.—Они работают в качестве механиков на Механическом Литейном заводе в Бухаресте. Из слов их я заключил, что студент Петров был в полном согласии с Матюшенком. Также не малую роль играл студент Василий Иванов, который был схвачен и арестован в Феодосии, когда он отправлялся на шлюпке, чтобы просить угля.

Из членов более выдающихся и поэнергичнее были, кроме Матюшенко, следующие ниже лица:

Степан Денисенко, Резниченко, Кулик, Фишков и Шестидесятый.

Денисенко в настоящее время находится в селении Фальтешти над Прутан.

Фишков в Яссах, а остальные два находятся в Констанце, и пристроены при квартире доктора медицины Раковского.

Экипаж был разделен на группы из 40—80 человек матросов и были разосланы в следующие города: в Яссах, Галаца, Браила, Фоакшанах, Калораш, Берлад, Дорогой и очень незначительное число в Бухаресте.

Многие из них израсходовали уже все свои деньги и находятся в нищете.—В Бухаресте образовался из социалистов комитет, для сбора вспомоществований матросов, но по настоящее число еще ничего не собрали, несмотря на симпатию, высказанную им со стороны социалистов, которые при сформировании комитета, разослали было объявления к матросам, и предупреждениями остерегаться им от воображаемых ими русских сыщиков, посланных специально как бы туда нашим правительством в Румынию, с целью уговаривать матросов вернуться на родину.—Объявления эти были пропечатаны почти во всех румынских газетах, которых помещают в своих столбцах, новости вымышленного характера о появлении будто бы в Румынии агентов нашего Правительства в числе 40 человек и предлагая румынской публике на случай появления подобных агентов доносить о том полиции.

Была уже несколько раз поднята газетами тревога о похищении русских матросов, но по расследовании оказалось сущая ложь и вымышленная румынскими социалистами, евреями, а также русскими революционерами и эмигрантами проживающих в Румынии именуются: Ралле-Арборе, д-р Козак, Михаил Кац, прозван Доброжану Геря и др. с целью, чтобы противодействовать русскому влиянию в Румынии и отчасти в действительности они успели внушить низшему классу враждебное настроение против России, и еще сильнее разгорелось было это тогда, когда появились статьи в здешних газетах, как бы то бы все сдавшие матросы с броненосца какт-о офицер Алексеев, кондуктора и проч. матросы все были расстреляны по распоряжению адмирала Писаревского и неподалеко от Константского Порта.

Еще слух разнесся довольно фантастичный, как бы то мною были заманены в Россию—масса матросов с экипажа броненосца и по моей же просьбе были казнены; о сем печатались больше недели во многих газетах гор. Бухареста. Получил много анонимных писем, коими меня угрожали смертью, если я не перестану выманивать матросов в Россию. Конечно я от

этих угроз не боюсь, но мне очень печально видеть двухличность румын, которую оказывают гостеприимством русским эмигрантам и революционерам, которые находятся на Румынской территории, устраивая гации против безопасности Русского правительства.

На сколько я замечаю, что хорошая часть матросов с экипажа к осени или зимы перейдут в Россию за неимением здесь средств к жизни, и за исключением лишь только того случая если лига или правительство само придет им на помощь.

Многие из матросов, которые не знают какого-либо ремесла, нанимаются для различных и арендных увеселений по 1 или 2 фр., недавно был подобный случай на одном увеселительном праздністве о чем доводили до сведения публики объявлениями, что русские матросы с броненосца «Князь Потемкин» будут грести на лодках на озери в Бухарестском городском саду.

Остальные матросы, чтобы им не умирать с голоду были приняты городскою управою на службу для подметания улиц, во изноменование матросов один ребенок был окрещен именем «Потемкин» в детском городском приюте для подкидышей (т. е. Детская Люлька).

Матросам приходится бедствовать и очень они не рады своею несчастною участью, тогда как Матюшенко гуляет преспокойно в Швейцарии вместе еще с несколькими лицами из комитета матросов и без заботно—имея при себя хороший запас денег, похищенных им с броненосца.

В Констанце под прикрытием анархиста Раковского, доктор медицины и член уездного совета, который работает с ними для оформирования нового революционного комитета.

После этого всего обдуманного и вышеизложенного мною в подробностях и переданного мне большинством из матросов, я прихожу к тому заключению, что все это движение руководило за пределами России, имея множество отделений в г. Одессе и в особенности в Севастополе, где бы желательно было произвести обширные и тщательные обыски для обнаружения настоящих подстрекателей и зачинщиков.

Для облегчения розыска самого гнезда революционеров, что я предполагаю, что следовало бы начать угрожать настоящее именование студентов, которые выдались себя за: Василием Ивановым и Кириллом Петровым.

По словам здешних эмигрантов явствует, что упомянутые студенты прибыли в Россию из Женевы и приехали специально туда по поручению революционерных комитетов из заграницы для организации революций на военных судах Черноморского флота. Революция должна была вспыхнуть одновременно на всех военных судах во время морских маневрах в августе месяце сего года.

Цель же революции была: раз экипаж всего флота вспыхнет в одно определенное время на всех судах, то в этом случае занять весь Севастополь и взять в свои руки Севастопольский арсенал.

Г.

№ 1. ч. 1. т. 3. / 1905 г. О. О.

VI.

№ 3769. / 1905 г. Деп. Пол. 7 делопроизв.

Копия.
Секретно.

ПОМОЩНИК НАЧАЛЬНИКА
Бессарабского Губернского
ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ.
на пограничном пункте Рени.

12 июля 1905 г.
№ 212.

г. Рени.

В Департамент Полиции.

6 сего июля прибыл в г. Галац из г. Кюстенджи наш стационер транспорт *«Псезуапэ»*, который находился в порту г. Кюстенджи, во время первого и второго прихода туда, с взбунтовавшейся командой броненосца «Князь Потемкин Таврический». Будучи знаком с командиром транспорта, капитаном 2 ранга Николай Николаевичем *Бановым*, я отправился в Галац, чтобы узнать подробности о приходе и сдаче румынам броненосца «Князь Потемкин», при чем мне удалось узнать следующие подробности: 19 минувшего июня, в 5 час. пополудни, пришел с моря и стал на якорь, на большом рейде г. Кюстенджи, в двух милях от порта, броненосец «Князь Потемкин Таврический», сопровождаемый миноносцем № 267, оба под русским военным флагом и вымпелом. Зная из иностранных газет, что после возмущения команды, броненосец сдался командующему практической эскадрой адмиралу *Кригеру*, капитан Банов полагал, что назначенный новый состав офицеров и команды производят суд над возмутившимися и на это время посланы в море, а в г. Кюстенджи зашли за провизией. Руководствуясь этими сведениями, капитан Банов счел долгом явиться командиру броненосца. Сев на шлюпку и подойдя к броненосцу, он заметил, что офицеров на палубе нет, возвращаться же было уже поздно, так как могли бы по нем стрелять из ружей, а потому, не подавая вида, решил следовать дальше. Войдя на палубу броненосца, капитан Банов спросил командира, на что получил ответ, что офи-

церов и командира у них нет; при чем матросы гарантировали неприкосновенность капитана Банова. На вопрос же Банова, куда девались с броненосца командир и офицеры и зачем броненосец прибыл в Румынию?—машинист Матюшенко ответил: «Стоя на Тендре, нам дали борщ с мясом, в котором были черви, один из наших товарищей по этому поводу обратился с заявлением к командиру, который его за это застрелил; вот что послужило поводом к возмущению команды, а когда офицеры вышли наверх, то команда из ружей убила 11 офицеров и в том числе командира броненосца. Придя в Одессу, мы хотели похоронить товарища, с которым отправили 4-х матросов, из них два были убиты, а два бежали. Толпа же мастеровых и рабочих порта, в ответ на убийство матросов, начала громить порт, а казаки по ним открыли ружейный огонь. Такое безобразное действие местных властей заставило нас открыть огонь из ружей, коим было убито 180 казаков, этим мы не удовлетворились, а потому стреляли по городу из орудий. Через некоторое время показались броненосцы, которые приблизившись к нам, построились в боевой порядок, мы и они приготовились к бою. В то время мы не знали, что адмиралу Кригеру не разрешено было по нас стрелять, в виду чего мы начали расходиться, но в это время броненосец «Георгий Победоносец» с криками ура присоединился к нам. Но, выйдя в море, «Георгий Победоносец» отстал от нас и неизвестно куда делся. У нас на броненосце выбрано 20 товарищей, которые и управляют броненосцем; мы объявили войну Самодержавию, чтобы добыть справедливость. Либава возмутилась и полк солдат отказался стрелять по ее гражданам. В Крыму также будут большие возмущения. Кавказ отлагается». Вслед за этим кто-то из матросов спросил капитана Банова, дадут ли им румыны воду, уголь и провизию, на что Банов посоветовал им лично обратиться к местным румынским властям. «О дальнейших наших намерениях мы вам не сообщим», сказал Матюшенко. На обратный путь с броненосца капитану Банову был предложен паровой катер, которым последний и воспользовался. Возвратясь с броненосца, капитан Банов немедленно отправился на румынский крейсер *«Елизавета»*, где предупредил командира Козлинского, что на броненосце офицеров нет и управление им находится в руках бунтовщиков. Совещаясь с командиром румынского крейсера, они решили предложить бунтовщикам сдать броненосец и миноносец румынам, а команде сойти на берег, на правах русских дезертиров. Таким образом капитан Банов рассчитывал сохранить России оба судна, а о выдаче команды просить отдельно румынское правительство. По окончании совещания, капитан Банов возвратился на транспорт, где к нему явился артельщик и доложил, что будучи на берегу к нему подошел один из матросов броненосца и приказал передать

команде транспорта «*Псезуапэ*», что если команда к 8 час. утра не перейдет на сторону бунтовщиков, то в гавань войдет миноносец и миной потопит транспорт. Услыша вышеизложенное, капитан Банов, немедленно собрав всю команду транспорта, просил их сказать ему откровенно, желают ли они перейти на сторону бунтовщиков, или останутся верны присяге данной Государю Императору? на что команда в один голос заявила, что они все готовы умереть, но не изменять *Государю Императору*. При этом на транспорте были все офицеры, за исключением судового врача *Дизидория Людвиговича Врублевского*, который с приходом броненосца в Кюстенджи, как-то странно себя держал и когда его требовали на транспорт, он с иронией сказал: «мне там в настоящее время нечего делать». О враче Врублевском капитан Банов отзывался как о человеке сомнительной благонадежности и что он Банов даже об этом писал по начальству, прося назначить на транспорт другого врача, но почему-то начальство ему на это ничего не отвечает. Думая воспользоваться ночной темнотой, чтобы уйти незамеченным в море, командир транспорта Банов, приказав разводить пары, сам поехал предупредить командира крейсера «Елизавета» о предполагаемом уходе, на что последний заявил, что на крейсере у него был с броненосца матрос, говоривший о намерении команды броненосца съехать на берег, броненосец же всю ночь будет освещать рейд боевыми фонарями, а раз только транспорт «Псезуапэ» попытается выйти в море, то будет потоплен миной катера, стерегущего выход из порта. Узнав о намерении бунтовщиков, капитан Банов решил перейти за мол и просить командира крейсера не допускать в гавань миноносца и назначить роту солдат для охраны транспорта с берега, на случай если команда броненосца, съехав на берег, пожелает предпринять какое-либо насилие над транспортом и его командой. Румыны все сделали с особым вниманием и заботливостью. Крейсер «Елизавета» всю ночь освещал фонарями вход в гавань, имея прислугу у орудий, изготовившись к бою. Поздно вечером было известно решение румынского правительства, не давать на броненосец ни провизии ни угля. 20 июня в 4 час. ночи миноносец № 267, снявшись с якоря, пытался войти в порт, но двумя выстрелами из крейсера «Елизавета» был остановлен, дал задний ход и подойдя к броненосцу стал к нему на бокштоф (т.-е. скрылся за кормовую часть). В ту же ночь на крейсере «Елизавета» были с броненосца три представителя для переговоров, из коих два соглашались сдать румынам броненосец, а один блондин с бородой, повидимому, переодетый студент, не согласился. Когда же румыны отказали бунтовщикам в провизии и угле, то они немедленно снялись, сказав, что уходят к русским берегам. С броненосца были посланы во все иностранные консульства печатанные на Ремингтоне заявления, приблизи-

тельно следующего содержания: «Команда броненосца «Князь Потемкин Таврический» объявляет всем Европейским державам, что она начала решительную войну против русского Самодержавия, объявляет полную неприкосновенность иностранным портам и судам, совершающим рейсы по Черному морю», следует подпись команды и приложена судовая печать, накопченная на свече. 21 июня около 11 час. утра пришел в Кюстенджи наш контр миноносец «*Стремительный*», под командой лейтенанта *Яновича*, который не застав броненосца и сделав визит командиру румынского крейсера Козлинскому, отправился обратно в море. Лейтенант Янович в предупреждение недоразумений, при входе в иностранные рейды, решил иметь молитвенный флаг на мачте, о чем по телеграфу сообщил в Болгарию и Турцию. 24 июня в 11 час. ночи, на крейсере «Елизавета» пробили тревогу и начали освещать море боевыми фонарями, вскоре оказалось, что приближается с севера броненосец «Кн. Потемкин», который в 12 час. стал на якорь, в полмиле от порта, вместе с ним и миноносец № 267. Не зная точно намерения броненосца, командир «Псезуапэ» развел пары и увел транспорт в глубь порта за мол, оградив себя со стороны берега ротой румынских солдат. Предполагая сдачу румынам броненосца, капитан Банов отправился на крейсер «Елизавета» и убедительно просил Козлинского пригласить его в комиссию, для наложения печатей на помещение с имуществом броненосца, но командир Козлинский не согласился на эту просьбу, заявив, что до окончательного соглашения русского и румынского правительств, он никого не может допустить до сдавшегося румынам броненосца, согласно имеющихся у него инструкций. Ночью же паровые катера с броненосца входили в порт, где, встречаясь с румынскими шлюпками, вели оживленные переговоры, а 25 июня около 10 час. утра паровой катер с броненосца, нагруженный людьми, подошел к крейсеру «Елизавета», а когда из него вышли все, кроме команды катера, то последняя, причалив к берегу, бежала в город, унося с собой какие-то свертки. В 1 час. дня, того же 25 июня, оба суда под управлением румынского лоцмана вошли в гавань, броненосец ошвартовался, а миноносец стал отдельно на якорь. После вышеизложенного, команда с броненосца была вся свезена на берег, окружена вооруженным конвоем и отведена в город, где, после некоторой формальности, матросов отпустили на свободу. Между командой броненосца были и раненые, которых румыны поместили в приемный покой. Миноносец же № 267 сдаться румынам не пожелал, несмотря на долгое увещевание румынских офицеров и недостаток в провизии и угле, ушел в Севастополь, объявив при этом, что сдастся только своему правительству. На броненосце же «Кн. Потемкин» был поднят румынский флаг, вымпел и гюйс. Капитан протестовал против

поднятия румынских флагов на броненосце, на что командир Козлинский и генерал Грозе ответили, что поступают по имеющимся у них инструкциям от своего правительства. Капитан Банов просил также Козлинского возвратить ему сигнальные книги (составляющие большой секрет каждого государства) с броненосца, но по розыску их на броненосце не оказалось. Через некоторое время к капитану Банову явились три матроса с броненосца и заявили, что хотят передать Банову сигнальные книги, унесенные ими с броненосца, каковые и передали ему в целости. В доставлении на транспорт «Псезуапэ» сигнальных книг принимали участие: матросы Федор *Видермиллер*, Федор *Луцай*, Михаил *Гореков*, Андрей *Муровцев*, Ефим *Окощин* и Михаил *Николаев*. Означенные матросы при посредстве капитана Банова были отправлены в Севастополь, вместе с броненосцем «Кн. Потемкин». По снятии с броненосца русской команды, туда вошли румыны и начали безобразное хищение всего, что только представляло хотя какую-нибудь ценность: все запасные части машин, всевозможные морские приборы и инструменты, все было похищено румынами, а когда вопрос был решен о возвращении броненосца России, то румыны привели в негодность некоторые части машин и затопили машинное отделение.

К приходу в г. Кюстенджи броненосца «Князь Потемкин», туда прибыло много наших революционеров и эмигрантов, а кто именно, мне не удалось узнать, знаю только, что был и проживающий в г. Тульче доктор *Ивановский* Василий Семенов (Розыскн. список департамента полиции 1899 г. под № 228). Об остальных должен знать агент *Мелас*, который в то время был в Кюстенджи.

По выходе команды с броненосца, им были выданы машинистом Матюшенко по 32 руб. каждому, после чего румынские власти разделили всю команду с броненосца на группы и разослали по разным городам: Браилов, Галац, Яссы и другие, где они находятся в настоящее время. Большинство из матросов страшно удручены и были примеры покушений на самоубийство. Все они страшно жалеют убитых офицеров, во всем обвиняют машиниста Матюшенко и бывших на броненосце каких-то двух студентов, фамилий которых никто из них не знает. Положение команды с броненосца «Князь Потемкин» в Румынии ужасное, они пропили и проели полученные ими 32 руб. и теперь, не находя работы, не зная местного языка, положительно голодают; так что надо полагать, что большинство из них возвратится в Россию. Есть слух, что машинист Матюшенко и несколько из главных заговорщиков отправились в Англию. Для более удобного наблюдения за проникновением в Россию означенных матросов, мною приобретено несколько фотографий (групп) матросов, находящихся

в Браилове и Галаце. О вышеизложенном доношу для сведения Департамента Полиции.

Приложение: Два снимка матросов с броненосца «Князь Потемкин Таврический».

Подполковник *Будаков.*

VII.

Матросы Черного моря.

ПРАВДА О «ПОТЕМКИНЕ».

Написал минно-машинный квартирмейстер первой статьи броненосца «Князь Потемкин-Таврический» Афанасий Матюшенко.

Матрос служит, как каждому известно, семь лет. Чего же ради он служит, спрашивается, эти долгие семь лет? А служит он их, видите ли, «за веру, царя и отечество». Он должен вести войну с врагами внешними и внутренними. Внешний враг это, понятно всем и каждому, другие народы, как-то: турки, японцы, англичане и вообще все те народы, которые также имеют свое правительство и свою веру. Это каждый матрос знает и понимает и с охотой пойдет на смерть. О врагах внутренних говорят, что надо их убивать без сожаления и как можно больше. Но нам не объяснили, кто это такие враги внутренние. Многие командиры говорят, что это «жиды», или поляки; а большая часть офицеров объясняет, что это босяки, рабочие и студенты. Такие-то объяснения дают офицеры матросам. Но матросы давай сами разбираться—какие у них самые опасные враги? Взяли первых—евреев. Евреи, действительно, другой веры; у них другие порядки другой язык, иные уверяют, будто они хотят закупить всю землю в России и тогда, дескать, поневоле придется итти мужику работать на еврея. Вторые «враги»—поляки, которые стреляют из ружей и револьверов и бросают бомбы в солдат, и в особенности в начальство. Значит, они «нарушают весь государственный строй и порядок»; значит, они тоже «враги России». Теперь возьмем самых опасных врагов наших—русских рабочих. Рабочие все почти русские, одной веры с нами, но они «бунтуют», требуют уменьшения рабочего дня и увеличения заработной платы. «Это матроса не касается»: «у вас», говорят офицеры, «есть казенные квартиры, обмундирование и пища; кроме того, вы получаете хорошее жалование: значит, вам нечего равняться с мастеровыми да рабочими и вы, братцы, должны стрелять в рабочих и хорошенько подслушивать, не говорят ли мастеровые против начальства, и если услышишь что подобное, то твоя обя-

занность тащить такого рабочего в участок, за что получишь наше спасибо, а от бога царствие небесное». Теперь возьмем последних наших «врагов»—студентов. Про них офицеры так говорят, что, дескать, «эти студенты кричат: нам не надо царя, не надо святейшего синода, который за нас молится богу; не надо нам и начальства». «Подумайте-ка, братцы, разве можно без начальства жить? Тогда нас каждое государство придет и возьмет, и будем мы ему платить дань. Опять таки студенты требуют свободы и равенства для всех. Как же так можно, чтобы были все равны? Я офицер, благородный человек, хорошо образованный; а ты, вовсе неграмотный, хочешь быть мне равным? Этого никогда не может быть. Вам хорошо известно, что я не умею ничего работать, я только умею командовать вами; да вообще и работа нам запрещена самим богом. Мы все благородные люди, потомки библейских патриархов Сима и Афета, а вы все потомки Хама; вашего предка проклял сам бог за то, что он смеялся над своим отцом, и отдал его племя в рабство нам, чтобы вы работали на нас. Смотрите ж, вы должны нас слушать беспрекословно и исполнять наши приказы точно!».

Так нам объявляло наше начальство всюду и везде, где нужно и где не нужно.

И вот так матросы Черного моря начали свою службу. Ходили бить поляков, евреев, своих братьев рабочих и студентов. И так это велось до 1895 г. Во все это время матросы не обращали внимания на то, что это они делают. Никогда никто почти не спросил, хорошо ли убивать еврея или поляка, русского рабочего и студента. Офицеры говорили, что это очень хорошо; дарили матросам по чарке водки; говорили им «спасибо»! Матросы громко кричали в ответ: «рады стараться, ваше высокоблагородие!» И так оно велось бы долго, если бы матрос вел праздную жизнь и слушал только свое начальство. Но в том-то и шутка, что некоторые начали читать хорошие книги, где встречали какого-нибудь героя, которому палач готов отрубить голову на плахе, а тот, при последнем вздохе, кричит: «да здравствует свобода и равенство!...» Поневоле матрос думает: «что же это за свобода и равенство, что человек, не щадя своей жизни, идет за них на смерть?» Стали друг друга спрашивать: «что это такое—свобода и равенство?»—Никто ничего не знает. Пошли спрашивать офицеров. Их арестовали. Тогда матросы решили, что тут что-нибудь да есть, и вот некоторые бросили пьянство, праздную жизнь и начали больше сходиться с рабочими, расспрашивать, что такое свобода и равенство?

Рабочие отвечали, что свобода и равенство нужны для того, чтобы каждый трудящийся мог свою силу и работу употреблять в свою собственную пользу; а то-де мы работаем день и ночь, а деньги у нас и труд отнимают фабриканты, помещики

да купцы. Мы работаем за известное жалование: сделал вещь, отдал фабриканту, тот выдал жалование, и дело с концом. Но ведь это неправильно. Я вам покажу на примере: рабочий поступает на завод, поденная плата средняя 90 коп. Предположим, он сделал за пять дней один плуг и получил за каждый день 90 коп., что, в общем, составляет 4 р. 50 к. Теперь, приходит из деревни брат рабочего покупать плуг для распашки земли; спрашивает купца: сколько стоит плуг? Купец говорит: «25 рублей». Мужик вынимает деньги, отдает купцу, и дело с концом. Что же выходит?—Рабочий сделал купцу плуг за 4 р. 50 к., купец дал ему жалование. Мужик купил у купца плуг за 25 руб. Во всем этом нет, кажется, ничего такого, что бы касалось *свободы и равенства*? Так вот, братцы матросы, я вам скажу, что тут-то и есть запятая! Рабочий думает так: «слава богу, работаю, значит и хлеб у меня будет и жену одену, а ребята мои летом будут ходить босые и голые, а зимой пускай сидят на квартире». Мужик думает: «славу богу, купил плуг! Хоть и спал мало, и не кушал, и на дожде мок весною, а летом на солнце жарился, зимою ноги морозил, а все-таки плуг есть!» Купец думает: «эти 25 руб. я пошлю сыну заграницу; он будет там поддерживать славу моего завода! Да нужно же мальчику и удовольствие иметь: в театр, на бал сходить!». Теперь станем считать, сколько стоит плуг. Пускай железо стоит 8 руб. и 1 р. 50 к. дерево; значит, плуг всего стоит купцу 15 руб., а продал он его за 25 руб. Купцу приходится 10 руб. чистого барыша. За что же, спрашивается, ему 10 руб. подарил рабочий? Ведь это *его* труд и пот? А вот за что: у рабочего есть умение работать плуг, только нет денег, чтобы купить железо и инструменты, чтобы устроить свою мастерскую. Имей он материал и инструменты, рабочий сделал бы плуг, и гораздо дешевле бы его продал; было бы и рабочему хорошо, и мужику лучше бы жилось. Так вот, братцы, как купцы нас обирают! В каждом заводе работает не один рабочий, а сотни, тысячи; значит, и плугов делают не один, а тысячи; значит, купец получает не десять рублей в день, а тысячи, которыми он швыряет направо и налево. И выходит, что мужик работает в поле, а рабочий на заводе, а купцы проживают их деньги заграницей! Так вот, братцы, на что нам свобода и равенство: чтобы каждый рабочий и мужик пользовался всецело своим трудом.

Матросы начали думать о том, что слышали, и по-ихнему выходило тоже самое,—что купцы, фабриканты и помещики народ грабят бессовестно. Вот и говорят матросы: «так давайте, перебьем купцов, и дело с концом; что же долго думать?». Но рабочий на это отвечает, что купцов перебить всех нельзя, потому что у купца за спиной сидит городовой и вся полиция: «если мы будем бить купцов, то за купцов заступится городовой, за горо-

довым—пристав, а за приставом—жандармы, а за жандармом уже и войско, а нас—часть перебьют, часть погонят в Сибирь, а часть по острогам и тюрьмам посадят. Значит, нам бороться *одним* очень трудно».

Подумали-подумали матросы и решили, что рабочий народ и деревенский мужик вовсе не враг матроса, а еще друг. А решив это, опять спрашивают: «кто же нам враг? Студент?» Рабочий на это отвечает, что студенты это такие люди, которые учатся в самых лучших заведениях, отлично знают всю неправду, которая творится по всей русской земле и громко кричат, что так жить нельзя, как мы живем,—что надо, чтобы всею русскою землею владели не отдельные лица, а весь народ и надо людям дать свободу делить ее поровну между всеми; чтобы у одного лица не было больше, чем у другого. Тогда наш народ будет работать на своей земле, у него будет достаток и довольство, тогда сын его не пойдет к помещику в батраки, а дочь в служанки (эти грабители отнимают не только труд рабочего и крестьянина, но отнимают и детей); тогда поневоле помещик, чтобы не сидеть холодным и голодным, сбросит свой фрак, засучит рукава и будет на-ряду с рабочим и крестьянином добывать кусок хлеба.

И еще говорит рабочий: «студенты пишут такие книги, где объяснена вся правда и как можно ее добиться. Эти книги наше правительство не хочет печатать, чтобы народ не читал их и не знал, откуда льется на его голову столько горя и разного несчастия. Но студенты печатают свои книжки против воли начальства. За это их сажают по крепостям, по тюрьмам и ссылают в Сибирь. Но студенты смерти не боятся, смело идут на штыки солдат и под шашки казаков; здесь их побили, разогнали, которых посадили в крепость; а они уже собрались в другом месте, кричат: «свобода и равенство русскому народу!» Значит, и студент не враг народа и отечества, а самый лучший друг и борец за свободу». Так матросы и решили, что студент, верно, самый лучший друг народа и матроса, потому что, ведь, матрос сам из народа, он сам—тот же рабочий.

«Теперь посмотрим, какой нам враг поляк и еврей. Польский рабочий и еврейский рабочий так же работают, как и русский рабочий: их так же обирают польские и еврейские купцы, заводчики и землевладельцы, как обирают русские капиталисты русского рабочего и русского мужика. Значит, польский рабочий люд и еврейский не враги нам, а такие же несчастные, обиженные и ограбленные люди, как и мы».

Матросы подумали и решили, что это сказано рабочим правильно и верно.

Теперь спрашивается, где же враги внутренние, как их описывает начальство? Таких вовсе в России нет!... А вот есть капиталисты... Можно бы собраться, чел. 10, пойти отнять

у капиталиста завод и отдать мастеровым: они будут работать вместе, заработанные деньги поделят поровну и будут хорошо жить...

«Нет, братцы», опять говорит рабочий, «так нельзя: мы пойдем отнимать у богача землю и завод,—но придет полиция, казаки и солдаты и нас побьют, перевяжут и дело с концом!...»

— А какая польза городовому мешаться в это дело?

«Как какая? Городовой служит в полиции, получает жалование и вместе с тем грабит народ. Каждому известно, что скажи что-нибудь городовому—он тебя сейчас берет в участок, обыскивает, нет ли у тебя ножа или револьвера, чтобы ты, будто, не лишил себя жизни, а на самом деле ищет, сколько у тебя денег в кармане!... Если усмотрит, что у тебя деньги есть, то он самым вежливым образом просит полтинник, говорит, что у него семья, что вот он из-за тебя ходил и сапоги рвал, нужно их чинить, а денег нет... «Дай», просит, «взаймы, пожалуйста; в следующий раз попадешь в участок, я тебе отдам»... Если дашь полтинник, то сейчас же получишь свободу (только лишь до следующего городового)!. А если добром не отдашь денег, то он тебя посадит в мешок, а деньги твои, все сколько есть, отберет. На утро приходит и говорит: «Ты свободен, можешь итти, куда хочешь; вот твои деньги». Открываешь кошелек, считаешь деньги—деньги не все, и говоришь ему: «Слушай, городовой, деньги здесь не все».—«Как так не все, пьяная рожа? Значит, по твоему, полиция деньги ворует? Ах ты, босяк!» И—трах по скулам! А потом и выталкивает в шею: иди, куда знаешь. Выйдешь из участка и думаешь: как же так?—арестовали, ограбили вдоволь, да еще и побили... За что же это? Пойду, пожалуюсь приставу. Идешь обратно в участок. Входишь, а городовой уж кричит: «Ты опять здесь?! Что тебе надо? Или еще хочешь клопов покормить?» Ему говоришь, что-де я хочу пожаловаться частному на то, что пропали деньги, что даром посадили в мешок и вдобавок побили. Городовой говорит: «А ты законы знаешь? В книге законов сказано, что нужно всегда жаловаться по начальству, начиная с городового и до царя: вот ты хочешь жаловаться на меня, скажи, в чем состоит твоя жалоба, а я доложу высшему начальнику». Ему говоришь... Тут поднимается шум и крик; городовой не пускает к приставу, а бедный обиженный просит, чтобы допустили к начальству, начальство-де—наши отцы-наставники, они могут наказать и помиловать! Да к тому же и поп говорит, что нет власти не от бога; потому начальник и мечем опоясан, чтобы творить суд и правду. Но вот—о, счастье!—входит сам пристав. У рабочего забилось радостно сердце: вышел частный, значит, он должен рассудить справедливо... Но каково же его изумление и вместе с тем испуг, когда он слышит первые слова из уст пристава: «Это что за босяк?» спрашивает пристав

у городового. «Это, ваше благородие,—вчера был пьян, кричал по городу, так я его арестовал, посадил в мешок, а он теперь проспался и говорит, что я у него деньги уворовал». Пристав топает ногами, кричит, ругается, как извозчик. «Я тебя, говорит, мерзавца, в Сибирь упеку, к расстрелу поставлю! Посадить его в холодную!» Берут его городовые, ведут в холодную. Бедный рабочий и думает: «За что такая несправедливость? Я работал 6 дней, думал отдых иметь в праздник, а тут—на тебе: арестовали, побили, ограбили; дома жена ждет, дети голодные плачут, а я в тюрьме!» Так думает рабочий, когда его ведут опять в кутузку. А городовой говорит: «Вот, дурак, пожалел полтинника, теперь отдашь 5 рублей».—«Как так?» спрашивает рабочий.—«А очень просто,» говорит городовой, «писали на тебя рапорт губернатору; надо теперь порвать его; это стоит денег. Вот дай приставу 5 рублей—рапорт порвут, и ты опять будешь свободен». Бедный рабочий думает: «есть у меня 5 руб., на которые хотел купить жене и детям рубашки... Отдам их приставу, только бы выпустили, а то вот уже день прогулял, как бы не рассчитали!...» и говорит городовому: «Я согласен, отдам приставу 5 руб., только ради бога, пускай выпустит».—«Хорошо», отвечает городовой, «я скажу частному, что ты согласен на потушение протокола, только это для меня много хлопот, так ты и мне там перекинешь полтинничек. Согласен, а?» Рабочий уже напуган Сибирью, он рад на все! Отпускают его, наконец, домой, спросят, где квартира, номер дома и отпустят с богом, с тем, чтобы он через полчаса уже был в участке с деньгами. Рабочий приходит домой, достает последние 5 руб., посмотрит на жену—она без сапог, дети голые, ведро течет, ухват и горшки побиты и поломаны, тулуп разорван...все это можно было бы на эти пять рублей починить или купить новое, а тут приходится отдавать приставу, у которого хорошая дача, хорошо одета жена и дети, хороший выезд... Да, приходится отдать последние потом заработанные деньги, будь они прокляты! Приходит в участок, городовой спрашивает: «деньги принес?»—«Берите».—«Сейчас доложу барину, подожди здесь», говорит полицейский, уходит и докладывает: «Ваше благородие, там рабочий пришел и деньги принес».—«Ага, хорошо, зови его сюда». Городовой выходит из кабинета и говорит: «Барин требует». Рабочий входит в кабинет, снимает шапченку и стоит, не зная, как с таким и начинать говорить. Пристав доволен: «ну что, принес деньги?»—«Принес, барин».—«Ну так давай сюда и ступай, куда хочешь». Рабочий отдает 5 руб. и выходит, а городовой уж тут: «А мне за хлопоты на чай?» Рабочий вынимает 50 коп., отдает и хочет уходить. «Постой, землячок», говорит полицейский, «я тебе что-то скажу. Если с тобой в другой раз приключится такая же самая штука, так ты лучше пожертвуй нашему брату, городовому, рубль, чем част-

ному 5 руб. Он и так богатый, ему и купцы дают; да ты и сам знаешь—чем выше начальство, тем ему больше надо. Так и знай. Прощай, землячок».

Вот уйдет, наконец, рабочий и думает: «где же мне искать правды?... Купцы обирают; городовые обирают, пристава тоже обирают... Что же это такое?... Сам не знаю!... Ага, схожу к попу, тот наверно это все знает и объяснит, в чем дело». Приходит он к попу. «Здравствуйте, батюшка!»—«Здравствуй, сын мой, что у тебя крестины или похороны?»—«Нет, батюшка, вот такая-то и такая штука...» и начинает объяснять, как было дело. Священник слушает со вниманием и говорит: «Ты, сын мой, редко в церкви бываешь, надо ходить чаще. Я всегда читаю проповеди, а теперь у меня нет времени с тобой говорить. Так вот, я тебе скажу вкратце, что во святом евангелии сказано: «имущему дастся и приумножится, а у неимущего отнимется и то, что имел»; Христос сказал так. Целуй мою руку и иди с миром».

Рабочий почешет затылок, потопчется на месте: видимо, хочется ему что-то сказать, да нет уж... махнет рукой и пойдет.

Знал он у кого искать правды, несчастный человек! Какая может быть, при наших порядках, для рабочего правда, когда его считают за бесправное животное, которое не должно даже жаловаться на кого бы то ни было! За рабочим признаются только обязанности, например, обязанность платить деньги за освобождение из участков и от разных темных делишек полицейских агентов, пропорционально их чину и званию. Если пристав выжал из рабочего 5 руб., то полицеймейстер выжмет—десять, а губернатор 15; а у губернатора-то еще имеется целая канцелярия, где сидит стая малых птенчиков, которые, как только завидят серый армяк крестьянина или засаленную блузу рабочего, то сейчас же, как по команде, пораскрывают ротики, потому что и им должны перепасть хоть какие-нибудь крохи.

Теперь, пойди рабочий в Государственный Совет, это самое высшее государственное учреждение, где должна сиять во всем правда и истина,—что он там найдет? А вот что. Представим себе, заходит рабочий в залу Совета, снимает шапку, крестится на иконы и кланяется светилам правды: Булыгину и Победоносцеву. Думает он: «Это все такие же люди, как и я; расскажу им, откуда пришел и зачем. Пришел я из далека, тысячи полторы, пожалуй, верст прошел под дождем и солнцем; может быть, увидя мою бедноту и услышав правду, которую я им объясню,—как нас обижают купцы, фабриканты и полиция,—может быть, и обратят внимание, может быть, здесь я добьюсь правды»...

Но каково же должно быть его изумление и ужас, когда он услышит, примерно, следующий разговор двух министров. *Первый* спрашивает *второго:* «Что это за чучело такое?» *Второй:* «Не знаю, право; это, кажется, китаец или кореец... Нет, скорее

всего он с полуострова Камчатки, чалдон, который, наверно, привез нам котиковых шкурок, или же моржовых клыков».— *Первый:* «Вы, пожалуйста, спросите его, чтобы нам первым узнать, что он привез, и скорее захватить его шкурки».

Как вы думаете, что сделает рабочий, услыхав, что министры хотят захватить его шкурку? Конечно, он стремглав бросится бежать к государю, рассчитывая, что у царя он найдет правду. Вот, заходит он в царственные чертоги. Там за столом сидит бог земной, русский помазанник божий, на которого нашло наитие свыше, наитие истины и правды. Подходит мужик к царю, падает на колени и просит выслушать его жалобу. Но тут его перебивает великий князь словами:—«Слушай, Николка, этот мужик уже обсосан кругом: отпусти его с миром». Государь говорит: «Встань, чадо мое, иди во свояси и скажи начальствующим лицам мое царское спасибо».

Так вот каково рабочим, крестьянам, или матросам искать у царя и его приспешников правды. И никогда она не настанет, пока будет над нами верховодить наш царь и его правительство!

Так вот, братцы, кто наш внутренний враг—враг рабочего, враг крестьянина, враг правды и справедливости!

Матросы, видя истину слов рабочих, уже много раз заявляли своим офицерам, что они не будут стрелять в народ и рабочих. Так в 1901 г., в октябре месяце, когда портовые рабочие г. Севастополя забастовали, требуя увеличения поденной платы и уменьшения рабочего дня. Но тогда матросы не стреляли в народ из человеколюбия: они так рассуждали, что сегодня-де я буду стрелять в народ, завтра сброшу мундир и в меня тоже будут стрелять. Но это было за четыре с половиной года до событий на Черном море; за это время в Севастополе основался свой социалистический кружок, так что у нас были свои определенные планы: когда эксадра начнет кампанию 1905 г. и пойдет на Тендровский полуостров, то на известном корабле зажгут ракету; тогда команда должна забрать винтовки и с криком: «да здравствует свобода!» кинуться по каютам, подлых офицеров перебить, а сомнительных высадить на берег; самим же сняться с якоря и итти в Одессу. В Одессе требовать: 1) превращения армии в национальную гвардию; 2) учреждения народного правления; 3) освобождения всех политических заключенных, которые есть в г. Одессе. Потом мы хотели обойти кругом все Черное море... Но этому помешал случай, который я сейчас передам с полной достоверностью.

Это было 14 июня 1905 г., на «Князе Потемкине Таврическом», в Тендровском заливе, около 12 час. дня. 13 июня миноносец № 267 пошел в Одессу за провизией для 14 июня (пошел около часа дня). На миноносце была команда постоянного состава, ревизор корабля—лейтенант Назаров и артельщики Федор Харитонов да Наум Болацкий и несколько человек команды—

помогать грузить провизию на миноносец. Часов в 10 вечера 13-го миноносец пришел из Одессы. С него забрали провизию на корабль. Хлеб положили в соответственное место, капусту и картофель положили в камбуз [1]) для чистки. Так как уже было десять с половиной часов, то для очистки взяли все вахтенное отделение, которое почистило овощи до смены с вахты, а мясо повесили на спардеке [2]), с левой стороны на крючках. В 5 час. утра разбудили команду. Как всегда, она помылась, отпели утреннюю молитву, позавтракали и начали скатывать палубу по всему кораблю, но кто-то из команды заметил в мясе червей. Один за другим команда живо узнала, что мясо с червями. Начали возле мяса толпиться, послышался ропот; толковали, что офицеры подлецы не хотят обращать внимания на пищу команды, что позвать надо доктора, пусть выбросит мясо и борщ за борт. Командир услыхал, что команда волнуется, позвал доктора, титулярного советника Смирнова, на спардек к мясу. Надел он очки, чтобы лучше было видно червей, покрутил мясо перед носом, понюхал и говорит: «мясо очень хорошее; команда избалована, потому и не хочет его кушать; надо только червей смыть водой и мясо будет отличное». Такое заключение вывел доктор Смирнов.

Командир судна, капитан 1-го ранга Евгений Голиков, приказал поставить возле мяса дневального и дать ему карандаш и бумаги, чтобы он записывал всех, кто придет смотреть на мясо, а потом доложил бы командиру. Матросы, хорошо зная нрав и взгляды командира на команду, боялись подходить к мясу: однако, слышно было, как матросы между собою говорили: «как теперь служить, как воевать, когда в Японии пленным живется лучше, чем нам? Видно, хотят, чтобы мы бежали к японцам!» Кто-то из кондукторов заметил на это, что в Порт-Артуре команда ела собак, а вам, вишь, и говядина не хороша!!!

До обеда команда была в тревожном состоянии духа. В 10 с половиной часов утра свистит дудка (сигнал, зовущий матросов наверх). Достали вино и принесли для командира пробу матросского обеда. Не знаю точно, кушал ли командир, или нет: но я видел сам, как вахтенный офицер, прапорщик запаса Ливенцов кушал борщ, возле левого трапа летней кают-кампании. Тут же проходил старший офицер корабля Ипполит Гиляровский: «Ну что, как борщ?» спросил он. Прапорщик ответил: «борщ чудный; я бы с удовольствием его ел, но к сожалению глотка болит» (точный разговор). Между тем дудка свистит к вину

---

[1]) *Камбузом* называется судовая кухня.

[2]) *Спардек* есть площадка, которая образуется потолком надстройки, имеющейся в средней части корабля.

и к обеду. Команда, которая пьет вино, пошла на шканцы[1]) пить его, а остальные матросы, взявши кружки с водой, стали мочить хлеб в воде, а баки (деревянные сосуды) с борщем никто не берет: все почти сидят по обеим сторонам камбуза (то-есть— судовой кухни), поближе к воде. Приходит в кухню Гиляровский и спрашивает Ивана Данилюка: «почему ты не даешь команде обедать?» Данилюк отвечает: «команда не хочет кушать борща, а просит, чтобы сварили чай и дали масла». В это время входит командир Голиков и спрашивает: «В чем дело?» Гиляровский отвечает: «Команда не хочет есть этого борща». Командир спросил: «Ребята, почему не кушаете борща?» В толпе матросов отвечают: «Кушай сам, а мы будем кушать воду с хлебом». Голиков приказал бить сбор. Забили тревогу; команда вся, как один человек, пошла на ют [2]); стали во фронт; вышел старший офицер, командир скомандовал: «Смирно». Командир стал на буксирный кнехт и обратился к команде с такой речью: «Я неоднократно говорил, что такие беспорядки на военном корабле не допускаются; за это вашего брата вон там вешают (при этом он показал на нок [3]). Ребята, кто хочет кушать борщ, выходи сюда». Боцмана и некоторые унтер-офицеры вышли и стали поперек (или, как между моряками говорится, «по траверсу») корабля. Командир, видя, что команда, за исключением каких-нибудь десяти-двенадцати человек, не двигается, скомандовал: «Караул, наверх!» Караул через минуту стоял на месте. (См. чертеж № 1).

Команда хорошо знала, что это значит. Это означало, что сейчас пойдет опрос матросов и расправа с ними поодиночке. Поэтому команда вся кинулась к башне и столпилась там: вместе, в куче, матросы чувствовали себя безопаснее и могли говорить с начальством из толпы, т.-е. не рискуя быть узнанными и выданными из нее. Старший офицер, как только команда стала перебегать к башне, закричал: «довольно!» и вместе с вахтенным офицером Ливенцовым не пустил часть второй вахты смешаться с остальными. Затем он приказал караулу оцепить эту часть и переписать ее поименно. Команда стояла, между тем, у башни, бледная и напряженная, видя своих товарищей оцепленными караулом...и вдруг в этой страшной тишине раздается окрик старшего офицера: «Боцман, давай брезент!» У команды захватило дух: перед ее глазами готовились без суда и следствия, за то, что они не соглашались употреблять мясо с червями, перебить, как

---

[1]) *Шканцы*—средняя часть корабля; считается самой почетной и даже священной его частью.

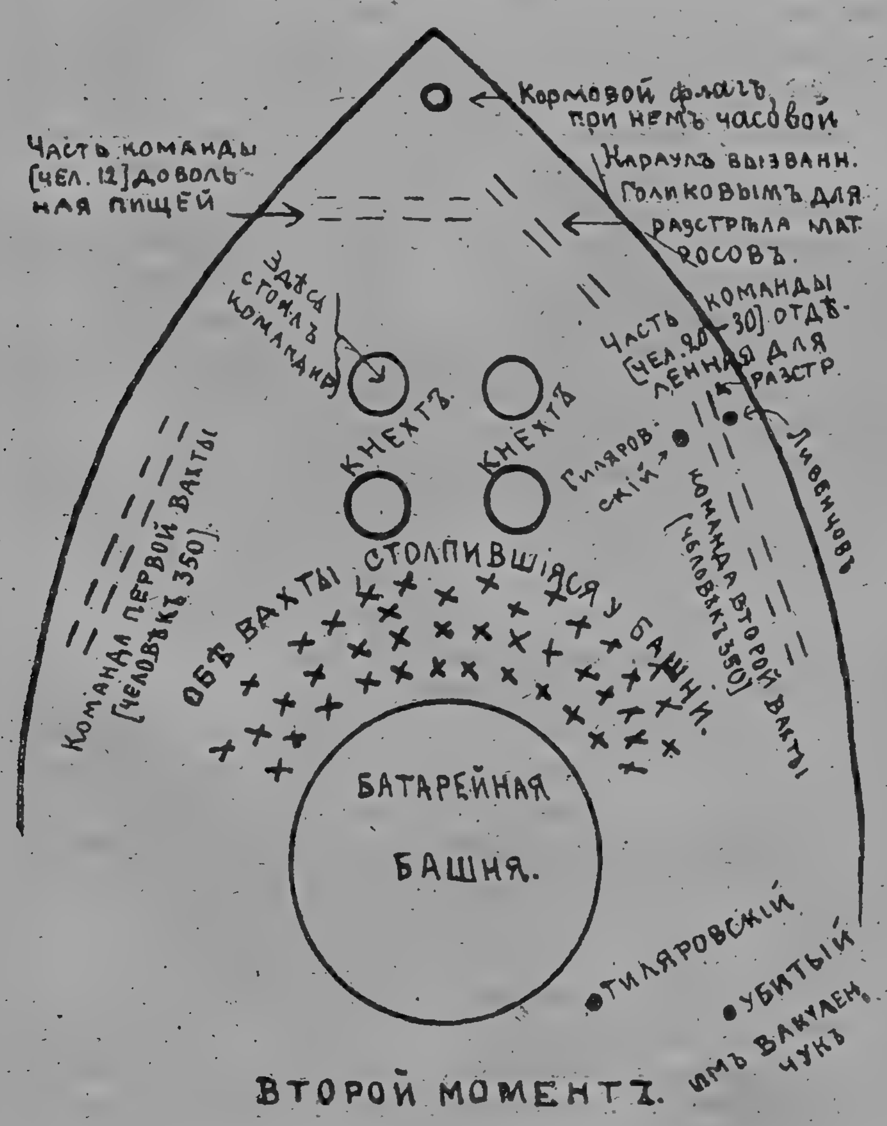
[2]) *Ютом* называется место на корабле от кормы с бизань-мачты.

[3]) *Ноком*, или нокреей, называется одна из поперечных, подвижных балок наверху мачты.

крыс в мешке, человек двадцать с лишним безоружных их товарищей! Приказ, отданный Гиляровским боцману, значит, что этих товарищей накроют пеньковым пологом (брезентом) и дадут по ним, совершенно беспомощным, несколько залпов. В каждом из бледных матросов, столпившихся у башни, сердце

№ 1.

ПЕРВЫЙ МОМЕНТЪ.

ВТОРОЙ МОМЕНТЪ.

колотилось в груди от жалости, ужаса и гнева, но никто не знал, что делать. Вдруг раздался громкий голос одного из матросов: «Братцы, что они делают с нашими товарищами?... Забирай винтовки и патроны! Бей их, хамов!» Только этого и надо было. Команда вся бросилась в батарейную палубу, забрала винтовки, но не было патронов... Поднялся крик: «Давай скорее патроны!» Нашли патроны, зарядили ружья и бегут обратно на ют, освобо-

ждать товарищей, но вдруг натыкаются на преграду: поперек судна стоял караул и три офицера—командир Голиков, старший офицер Гиляровский и старший артиллерист Неупокоев; они загородили путь команде, чтобы не выпустить матросов из батарейной палубы.

Командир спрашивает: «Кто там команду бунтует?»

Гиляровский отвечает: «Это я знаю, кто: эта сволочь...» и он произнес какую-то фамилию...»

А в батарее гремит могучее: «Ура!» «Да здравствует свобода!» «Долой войну!» «Долой самодержавие!»

Командир обращается к выскочившему вперед матросу: «Что тебе нужно? Поставь ружье!» Матрос отвечает: «Я брошу тогда ружье, когда буду не живым существом, а трупом!»

«Уходи с корабля!».

«Это корабль народа, а не твой!»

Командир куда-то исчез. Видя, что матрос Вакулинчук и один из его товарищей зарядили ружья, офицеры Гиляровский и Неупокоев побежали на ют, где стоял часовой у флага.

Это был решительный и страшный момент. Дело шло о жизни и смерти либо командующих офицеров, либо команды. Если бы офицеры остались в живых, они могли бы еще повернуть все дело в свою пользу, восстание за народную свободу было бы проиграно, а команда попала бы под расстрел! Товарищ Вакулинчук побежал за Неупокоевым и почти на бегу выстрелил в него; тот упал с простреленной головой за адмиральский полуброневой люк. Матрос бросил винтовку, выбросил труп за борт и затем вновь схватился за ружье. Забежав за башню, увидел Гиляровского с винтовкой и лежащего подле него в луже крови Вакулинчука: это Гиляровский прикончил нашего дорогого товарища! Вид бездыханной жертвы и стоявшего подле нее убийцы перевернул сердце в каждом, кто был тут. Матрос прицелился в Гиляровского, но получилась осечка или промах. Гиляровский, не теряя времени, с своей стороны стреляет в того матроса и, убегая, кричит часовому:

«Бей его, с...а с...а!»

Часовой бросает ружье, а сам убегает в батарейную палубу. Гиляровский поднимает только что брошенное, заряженное ружье и стреляет по часовому, но тут же сам падает набок. Увидя стрелявшего в него, он кричит: «Я тебя знаю, подлец, ты теперь пойдешь на берег, я тебе задам!»

«Я тебя теперь самого пошлю юнгой к Макарову» [1]), отвечает матрос, и с этими словами Гиляровский летит за борт.

---

[1]) *Юнга*—ученик, мальчик, готовящийся в матросы; *Макаров*, которого помянул матрос, был адмиралом в Порт-Артуре и пошел ко дну вместе со своим броненосцем.

В этот момент палуба броненосца представляла страшную, но вместе с тем и торжественную картину: 800 человек кричат «смерть тиранам!» «да здравствует свобода!», а залпы трещат по уплывающим офицерам, которые старались вплавь достичь миноносца № 267.

Тут вдруг выходит на палубу минный офицер лейтенант Вильгельм Тон. Команда закричала: «За борт его!». Он же обращается к одному из матросов и говорит — «Я хочу с тобой переговорить». Тот, поверив слову офицера, просит товарищей отойти и идет с Тоном к башне. Вдруг лейтенант выхватывает револьвер и стреляет в поверившего ему члена команды. Пуля прошла однако мимо и попала в руку другому, близ стоявшему матросу. Тон выпустил другой заряд, который контузил правый висок стоявшего перед ним. Тогда лишь этот матрос стреляет в Тона, и тот падает на палубу; в него еще дали залп человек 10, и Тон стал бездыханным трупом.—«За борт его!» кричит команда, и Тон полетел за борт. Тут раздался общий крик команды: «Командир здесь»!

«Давай его сюда», послышался отдельный голос.

Командир был в помещении адмирала и наверное хотел броситься за борт; но видя бесполезность попытки, вышел на палубу в костюме праотца Адама. Странно было видеть этого подлого, свирепого человека, который, обращаясь с матросами как с вьючной скотиной,—в то же время обкрадывал их—странно было видеть в смешном и униженном виде. Выходя по трапу, он бормотал вслух: «Ах, я старый дурак, что я с командой сделал!» Выйдя на верхнюю палубу, Голиков обхватил одного из команды и говорит: «Великий я грешник перед командой, прости, братец!»— «Я лично против тебя ничего не имею, как команда?», отвечал тот. Но 800 человек команды слишком живо помнили все, что так долго и постоянно терпели от этого человека. «На нок его! Он нас ноком стращал!»—закричало множество голосов. Другие голоса перебивают: «Долго ждать! Пулю в лоб!» Голикова отвели подальше на ют; раздался залп, и командира не стало; труп его тоже выбросили за борт.

Тем временем доплывшие до миноносца офицеры снялись с якоря и хотели удрать в Севастополь. Сейчас же зарядили одну из самых больших пушек (сорока семи миллиметров), и дали выстрел по миноносцу. Тогда миноносец подошел к борту «Потемкина», и с него сняли 4-х офицеров: командира миноносца лейтенанта Клодта, ревизора «Потемкина» лейтенанта Макарова, инженер-механика поручика Заушкевича и младшего артиллерийского офицера мичмана Вахтина 2-го, у которого оказалась рана в голову. Среди команды раздались крики: «Смерть Макарову!»—«За борт их всех!»—Но тут вмешались истые борцы за народ и свободу, говоря: «Довольно крови! Теперь корабль в на-

ших руках, и эти твари нам не опасны. Давайте соды, скатить палубу». Команда поставила винтовки в пирамиды, принесла соды, и началось мытье корабля. Тем временем два минных машиниста нашли под цистерной младшего доктора Голенко. «Куда его, чорта, деть?»—спрашивают. «Под арест в кают-кампанию!» Ведут еще полковника, приехавшего от Обуховского завода для пристрелки орудий.—«Где вы его взяли?»—раздаются голоса.—«В гардеробном ящике: насилу пузатого чорта вытащили!» Арестовали и этого. Выходит прапорщик Алексеев и говорит: «Братцы! не бейте меня, я такой же матрос, как и вы». Команда закричала: «Тебя никто не убьет, если ты нас приведешь в Одессу». Потом заметили еще троих офицеров, которые были на щите для стрельбы, в расстоянии ста сажен от корабля [1]). Там были: механик Александр Коваленко, механик Калюжный, и командир второй роты прапорщик Ястребцов. Увидя Коваленко, команда, преимущественно машинная, просила его не трогать, потому что он хороший человек; но все-таки всех трех арестовали. Где-то поймали механика Назарова—тоже посадили.

Итак, в конце концов оказались арестованными: ревизор Макаров, мичман Вахтин, инженер-механики—Цветков, Заушкевич, Калюжный, Назаров, Коваленко, доктор Голенко, полковник от Обуховского завода (фам. неизв.), механик по вольному найму Николаевского завода Харкевич, прапорщик 2-й роты Ястребцов, прапорщик Алексеев, капитан корпуса флотских штурманов Гурьев и командир миноносца Клодт. Не доставало старшего доктора. Но тут приходит вестовой Вайнберг и говорит: «Старший доктор Смирнов застрелился». Пошли к нему. Он просит: «дайте братцы, умереть спокойно».—«Что же ты говорил, что мясо хорошее?»—замечают ему. «Братцы, умирая, говорю вам, что хорошо все видел, но не имел права говорить». Застрелился также лейтенант Обуховского завода. Убитые: командир судна Евгений Голиков, старший офицер Ипполит Гиляровский, старший артиллерийский офицер лейтенант Неупокоев, старший минный офицер лейтенант Вильгельм Тон, прапорщик Ливенцов.

Судовой священник, горький пьяница, безобразного вида, прозванный командой «отцом Халдеем», не только остался жив, но и не был арестован.

После всего описанного машинная команда пошла разводить пары и готовить машину, а строевая приготовила корабль по-боевому, на случай встречи с эскадрой. Когда все было готово, снялись с якоря и пошли в Одессу.

---

[1]) *Щитом* называется плавучая мишень из куска парусины с намалеванным на ней черным кругом (для стрельбы в цель с броненосца). Мишень укреплена стоймя на плоту с закраинами. На этом-то плоту и было в то время три офицера.

Дорогой команда выбрала из своей среды комиссию, которой и доверила управление броненосцем. Она состояла из следующих лиц: минно-машинный квартирмейстер 1 статьи Афанасий Матюшенко, машинный квартирмейстер I статьи Степан Денисенко, строевой квартирмейстер II статьи Иосиф Дымченко, машинист Кулик, минно-машинный квартирмейстер II статьи Тимофей Скребнев, минно-машинный квартирмейстер II статьи Лычев, трюмный Никишкин, вице-кочегар Волобуев, машинист Михайлов, кочегар квартирмейстер II статьи Фишков, кочегар квартирмейстер II статьи Зиновьев, минер Циркунов, минный машинист Макаров, артиллерийский старшина Головко, рулевой квартирмейстер Костенко и еще двое, фамилии которых я не помню. Под управлением этой комиссии порядок на броненосце был образцовый, и дела шли хорошо. Все главные решения принимались с согласия команды. Выйдет, например, комиссия на палубу и обратится ко всем матросам: «ребята, мы решили послать в город паровой катер; согласны?»—«Согласны!»—отвечает команда и сейчас же все делается. В прежнее время, при Голикове, все делалось неохотно: бывало, на «шестерку» никто не хочет итти гребцами; при новых же порядках всегда бывало больше желающих, чем надо.

Вечером 14-го, часов в 10 с половиной, мы пришли в Одессу и стали на якорь на внешнем рейде. Сейчас же отцепили паровой катер и поехали в город за провизией. По случаю забастовки в городе провизии не оказалось; тогда артельщик заказал в лавках за наличные деньги 100 пудов печеного хлеба, картошки, капусты и мяса. 15-го на корабле, по распоряжению комиссии, была пробита боевая тревога, по которой команда приготовила по 6 снарядов на каждое орудие. Зарядили все 5 минных аппаратов, команда так и легла спать—каждый у своей пушки. На совещании комиссии решили, что города бомбардировать не будем, если нам дадут провизии, угля и воды. Если же не дадут, то стрелять будем в дом градоначальника и городской театр. Решили также свезти офицеров, которые не согласны стать заодно с нами за народное дело. От комиссии пошли выборные к арестованным офицерам, которым и был предложен вопрос: кто желает положить голову за освобождение России и русского народа от деспота царя и его подлого правительства? В горячих словах изъявили свое согласие—умереть или победить—механик Александр Коваленко и доктор Голенко. Прапорщика Алексеева задержали силой. Сейчас же их освободили из-под ареста.

Утром, часов около 6, нашего дорогого, незабвенного товарища Вакулинчука переодели в чистый тельник, кальсоны, брюки и форменку, положили на носилки, убрали носилки флагами и пришпилили записку к груди. Содержание ее я буквально не помню; но приблизительно оно было такое: «Товарищи

города Одессы! перед вами лежит труп Григория Вакулинчука, зверски убитого старшим офицером Гиляровским лишь за то, что он сказал: «я не хочу кушать этот борщ». Осеним, братцы, себя крестным знамением и скажем: «мир праху его». Команда жестоко отомстит царю и его правительству за поруганный русский народ. Да здравствует свобода! Да здравствует братство и равенство! Долой царя!» Под этой запиской подписалась команда броненосца «Князь Потемкин Таврический» с эпиграфом: «Один за всех и все за одного».

Положили тело на паровой катер и повезли на берег. На пристани поставили караул, для того, чтобы полиция не трогала трупа и записки.

Тут нахлынул народ, начал расспрашивать, в чем дело. Матросы рассказывали, как все случилось, а также, что мы выступили с оружием в руках на защиту бедного русского, еврейского, польского и иного рабочего народа и что мы хотим прогнать подлых и жадных вампиров с тела нашего народа и просим-де вас помочь нам: у нас на корабле мало угля и воды, а провизии совсем нет. Услыхав это, народ весь снял шапки, перекрестился и, как один человек, закричал: «Да здравствует свобода, равенство и братство!»—«Долой царя!»—«Долой войну!» Многие плакали, простирали к нам руки и говорили: «спасите нас, братцы, от кровопийцы-царя! Всю кровь у нас высосал»... Многие целовали носилки и рыдали, как дети. Заплакали и матросы вместе с народом. Эта была великолепная, чудная и вместе с тем душу потрясающая картина! Народ выливал свою скорбь, злобу на царящую неправду и ненависть против угнетателя царя! Если бы все эти слезы собрать вместе, то хватило бы, чтобы перетопить в них всю подлую свору шакалов и гиен— царя со всеми его палачами и блюдолизами. Народ закричал: «угля, провизии и воды «Потемкину»! Сейчас выбрали якорь с близ стоящего угольщика и подбуксировали его к броненосцу, а также подвели баржу с водой. Рабочие сами погрузили уголь и воду и ушли с корабля в гавань. Начали приходить шлюпки с гражданами города Одессы; они везли—кто хлеба, кто табаку и чаю. Полиция же везла большею частью произведение Николая II—водку. Но водка вся пошла за борт, никто из команды не хотел брать ее и вообще никаких спиртных напитков; команда хорошо знала, что это одна из уловок полиции, которая рассчитывала, что матросы перепьются, и тогда она пошлет своих агентов и устроит на броненосце резню. Я помню хорошо, как приехал какой-то врач города Одессы и попросил показать мясо, которым нас хотели кормить наши отцы-командиры.

Часов в 12 дня прибыла депутация от города узнать, что нам надо из провизии. Мы потребовали: угля—2.000 пудов, воды—40 тонн, хлеба—100 п., мяса—40 п., солонины—300 п.,

сала свиного—6 п., масла для смазки машин—50 п., пакли—10 п., табаку—3 п., мыла—10 п., соды—5 п., углей для прожекторов как можно больше [1]), красного вина для машинной команды—1 бочку, бумаги для табаку—200 книжек, спичек—2 ящика. Все это капитан порта обещал нам доставить на корабль к 5 часам вечера. Мы ему сказали: «если это не будет во-время исполнено, то мы даем сроку еще три часа, а в 7 час. вечера сделаем 3 выстрела холостых, они будут сигналом к бомбардировке города». Просили также, чтобы не препятствовали нам послать от себя команду для похорон Вакулинчука. Капитан над портом дал нам слово, что все будет исполнено, и ручался за безопасность тех из нас, которые пойдут хоронить погибшего товарища. В это время к нам приехали мужчина и женщина. Мужчина рекомендовал себя, как социалист-революционер. Девушка предложила свои услуги больным и раненым на корабле. Мы изъявили на это наше полное согласие и отвели ее в лазарет, где она работала вместе с доктором Голенко: исследовали рану в локоть револьверной пулей одному из матросов. Приехавший мужчина вместе с одним матросом отправились на берег закупать материал для прожектора, но на корабль не вернулись, и больше мы о них не слыхали.

Через некоторое время после этого приехали еще 2 представителя — от социал-демократического общества, по имени «Кирилл» и «Студент». Они заявили, что желают сражаться против царя вместе с нами. Мы и их приняли с радостью.

Но вот уж 4 часа пополудни, а провизии нет; вот и 5, и 6, и 7 часов, а все еще ничего не везут нам. Мы решили бомбардировать город Одессу, разбить городской театр и дом градоначальника. Забили боевую тревогу, зарядили на фок-мачте холостыми зарядами 37-миллиметровую пушку, а с правой стороны 2 шестидюймовых орудия—боевыми. Горнист заиграл сигнал «открыть огонь». И вот раздались первые выстрелы—холостые.

Через полчаса раздались боевые выстрелы, которые, как гром, раскатились по городу.

Почуяла свора царских лизоблюдов и народных грабителей, что это пришла к ним не толпа женщин и детей, стариков, безоружных рабочих, как 9 января—просить идиота-царя, чтобы он не отнимал куска хлеба изо рта детей рабочего ради своих разодетых в золото, парчу и шелк кукол, а что это пришли честные сыны народа, матросы Черного моря, чтобы царскою кровью смыть свой позор. И они когда-то были одурманены

---

[1]) *Прожектор* есть огромный электрический фонарь, который может освещать путь на несколько верст и таким образом показывать кораблю и ночью, как днем, что делается вокруг, не грозит ли ему опасность.

царем и во главе с ним шли убивать лучших сынов русского народа, своих братьев по крови—рабочих и крестьян!..

Гремевшие пушки говорили царю: «Отдай народу землю! Отдай народу заводы! Отдай народу свой дворец! Сними с своей никчемной головенки корону, она для тебя тяжела. Выпусти орла нашего двуглавого на волю, пусть быстрее молнии летает и пусть своим клювом по всей святорусской земле пожирает гадов в мундирах и регалиях, которые пресмыкаются перед тобой. Испарись сам, пока не поздно, но только поскорее, не то плохо тебе будет!» Почуяли это трусы позорные города Одессы и сейчас же прислали нам часть обещанной провизии, а часть хотели прислать на следующий день.

В это время показалось близко военное судно «Веха». На «Потемкине» был поднят сигнал; «подойти к кораблю». «Веха» стала близ броненосца, и командир ее, полковник штурманов, облачился во все свои регалии и явился к нам на борт с рапортом. Сейчас же его арестовали, сняли погоны и регалии и посадили под арест. Затем подняли сигнал: «командир просит офицеров». Скоро явились и они. С ними поступили так же, как и с их командиром. На «Вехе» взяли кассу, в которой оказалось 1.200 р. Из них 600 быдо выдано офицерам «Вехи» на дорогу, остальные поступили в нашу кассу. Еще как только мы снялись с якоря с Тендровского полуострова, то решили проверить кассу броненосца. В ней оказалось 27 тысяч рублей и пакет на имя Харкевича с 4.600 рублями, составлявшими его личную собственность. Эти деньги были ему отданы, когда его свозили на берег в Одессе. Из казенных же конфискованных денег дано было жене Голикова 1.000 р. и одному офицеру 2.000 р., остальных 24.000 р. были обращены на нужды броненосца.

Часов в 9 вечера послали паровой катер на берег за командой, хоронившей Вакулинчука. Из 12-ти явились лишь 9, трое пропало; говорили, что по ним стреляли казаки, но убиты они или нет—неизвестно.

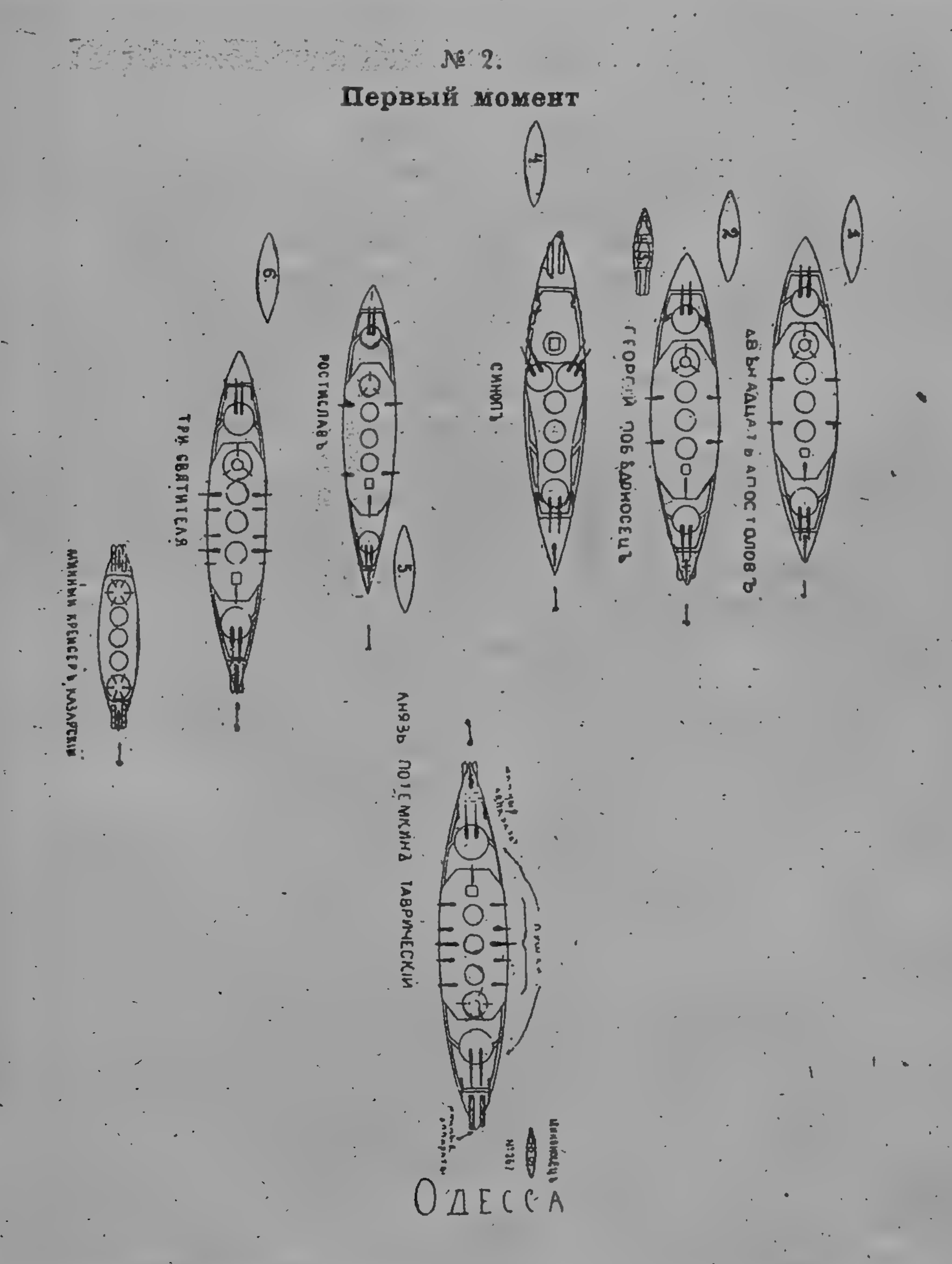
В установленное время барабанщики забили «на молитву». Команда собралась вся на палубу и после молитвы отдан был приказ ложиться так, чтобы при первой же тревоге быть на своих боевых местах. Поздно вечером 16 июня нами была перехвачена беспроволочная телеграмма такого содержания: «Корабль *Князь Потемкин Таврический* стоит на внешнем рейде города Одессы. *Три Святителя Двенадцати Апостолам*. (То-есть, это значило, что телеграмма эта была отослана с корабля *Три Святителя* на корабль *Двенадцать Апостолов*).

На следующий день, 17-го, рано утром, забили боевую тревогу, развели пары, подобрали якорь и стали ожидать эскадру в боевом порядке. Часов в 7 утра она показалась на горизонте в составе 3 броненосцев: «Три Святителя» (флаг контр-

адмирала Вишневецкого), «Двенадцать Апостолов» и «Георгий Победоносец» (под командой капитана 1-го ранга Гизевича), одного минного крейсера («Казарский»), а также четырех контрминоносцев. Эскадра шла полным ходом на «Потемкина». Мы снялись с якоря и пошли навстречу эскадре, которая, увидавши

№ 2.

Первый момент

На настоящем чертеже нарисованы со всеми подробностями (трубами, пушками, минными аппаратами и проч.) только большие суда, миноносец № 267 и один контр-миноносец; остальные контр-миноносцы—такого же устройства. На последующих чертежах (№№ 3 и 4) все подробности внутреннего устройства опущены, так как чертежи эти служат лишь к показанию расположения судов в разные моменты.

Примечание. Под №№ 1, 2, 3, 4, 5 и 6 обозначены на чертеже контрминоносцы эскадры.

наш маневр, начала замедлять ход и наконец совсем остановилась. От Вишневецкого получили в это время такую телеграмму: «Черноморцы! мы удручены вашим поступком. Безумные, покайтесь, и мы вас помилуем!» На это мы ему ответили так: «Так как вы наш ближайший начальник, то просим приехать к нам на корабль; мы гарантируем вам полную безопасность». Послав свою депешу, «Потемкин» стал приближаться к эскадре, которая вдруг повернула в море и стала уходить полным ходом. Через полчаса она скрылась из вида.

Около 12 часов эскадра показалась снова, но теперь уже в составе *пяти* броненосцев, одного минного крейсера и шести контр-миноносцев. На «Потемкине» опять пробили боевую тревогу, и пошли на эскадру с заряженными пушками и минными аппаратами (смотри черт. № 2). Получили опять телеграмму: «Золотые Черноморцы! пришлите своих выборных для переговоров на «*Три Святителя*». Ответили так: «мы выборных не пошлем; если хочешь, приходи на *Потемкина* разговаривать». Поровнялись мы с эскадрой, сошлись кабельтовых на три (т.-е. сажен на триста). Расположение эскадры было как на чертеже № 2: по-боевому шли только «Три Святителя» и «Ростислав». На эскадре вся команда была наверху и, очевидно, не слушалась начальства. Когда эскадра стала на прямой линии (или, говоря по-морскому, «по траверсу») с «Потемкиным», то на нашей палубе загремело могучее «ура». На это «ура» ответили с трех кораблей таким же могучим русским «ура», но только не таким, которое кричат под влиянием чарки водки, нет! Теперь кричал матрос-человек, матрос-рабочий, матрос-крестьянин, и кричал он от святой радости, сознавая что близок конец царскому своеволию (смотри черт. № 3).

Струсили царские куклы, и их дрессировщик Вишневецкий поднял сигнал «Потемкину»: «Позвольте стать эскадре на якорь». «Потемкин», сознавая свою силу и правоту своего дела, хорошо зная настроение команды на кораблях, поднял сигнал: «офицерам оставить броненосцы и съезжать на берег!» Но несчастье было в том, что команды сигналов не знают, а на «Трех Святителях» поднимали сигналы сами офицеры. Вот почему они легко могли обмануть команду. После получения от нас такого приказания, эскадра повернула и ушла в море, мы же вернулись в Одессу. Вот приблизительное расположение судов. (Смотри чертеж № 4).

От удалявшейся эскадры стал отставать «Георгий Победоносец», а потом и совсем остановился и стал просить по семафору [1]) прислать людей, чтоб объяснить команде, в чем дело.

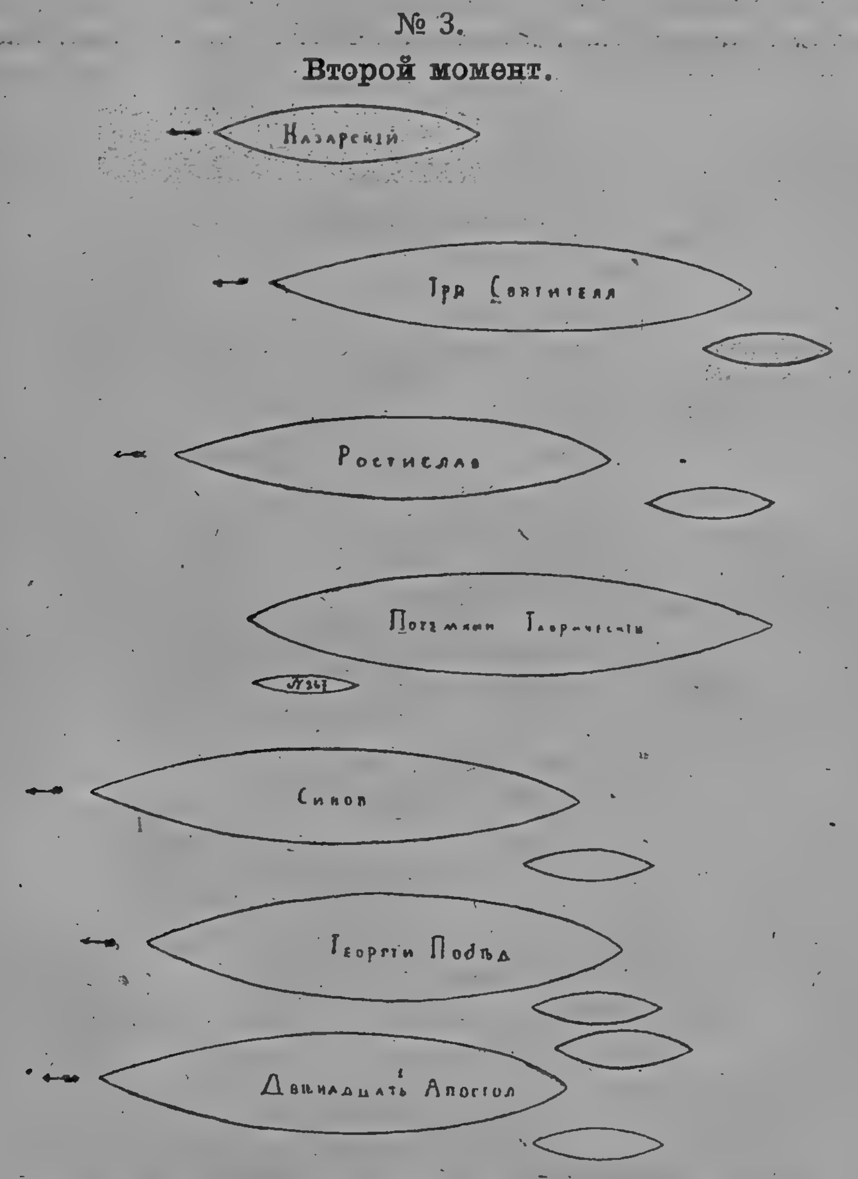
---

[1]) *Семафором* называется морской телеграф для подачи сигналов и сношений днем посредством флагов, а ночью—фонарей.

Один из членов нашей комиссии и «Кирилл» сели на миноносец № 267 и пошли к «Георгию». Там представилась такая картина:

№ 3.

Второй момент.

Примеч. Порт (Одесса) находится с левой стороны чертежа.

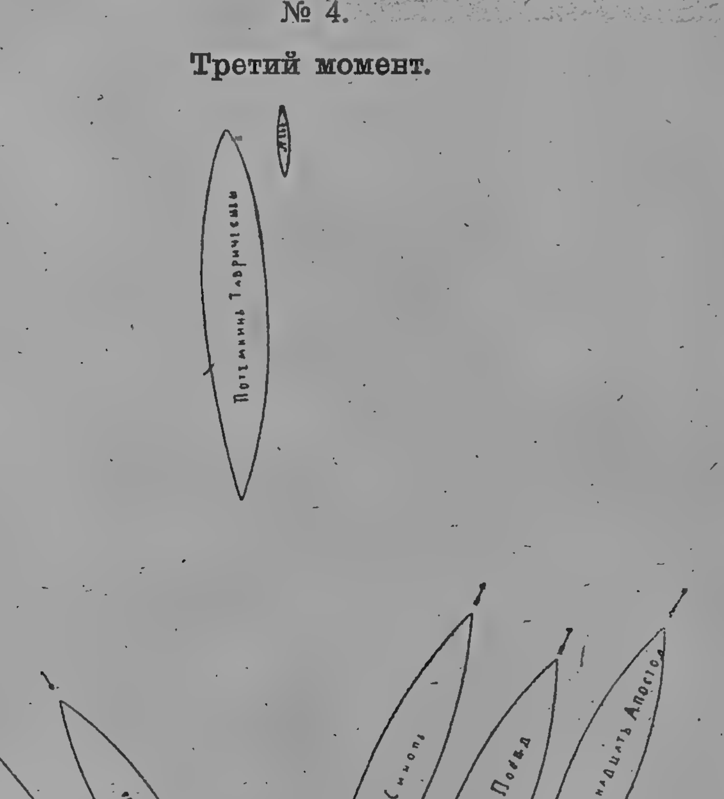
офицеры были все на мостике и один на марсе, около боевых фонарей, команда же вся на баке и частью на шканцах [1]).

[1]) *Мостик* есть поперечная надстройка на корабле, предназначенная для начальствующих лиц; с мостика виден весь корабль и, стало быть, оттуда может капитан всем распоряжаться. *Марсом* называется вышка, вроде гнезда, устроенная на мачте; там помещаются мелкие пушки, *боевые фонари*, или *прожекторы*, которыми освещают неприятеля во время ночного боя; с марса видно еще дальше и еще лучше, чем с мостика. *Бак* есть часть переднего пространства корабля, отведенная для матросов; там они могут курить, сходиться для общего разговора и т. п. *Шканцы* есть самая священная часть корабля; она примыкает к юту и находится между второй и третьей мачтой.

«В чем дело, братцы?» спрашивает команда. Тут выступил вперед член нашей комиссии, рассказал, в чем дело, и закончил речью, в которой просил присоединиться к «Потемкину». Команда подняла говорившего на «ура» и приказала арестовать офицеров. Товарищ «Кирилл» тоже обратился к команде и офицерам с горя-

№ 4.

Третий момент.

Одесса.

чей речью, по окончании которой команда закричала: «Свободу, равенство русскому народу!» Не успело замереть могучее эхо, как раздался выстрел, и тело застрелившегося минного офицера Григоркова полетело в море с марса. Арестованных офицеров посадили на баркас под караулом и повезли на берег. Бывший на «Георгии» член нашей комиссии заявил громогласно, что общим приговором, социал-революционным и социал-демократи-

ческим, офицеры «Победоносца» приговорены к смерти; но видя их ничтожество, подлость и низость, социалисты-революционеры и социал-демократы не желают марать рук в их крови, а потому даруется им, мизерным душам, свобода, но только их разжалуют. Затем, обратившись к самим офицерам, матрос М. сказал: «Господа, снимите погоны!» Едва успел он произнести эти слова, как командир Гузевич первый поспешил исполнить приказание, а за ним и все офицеры. Всех их, целыми и невредимыми, доставили на берег. На берегу же имела место еще одна картина героизма царских офицеров. Когда их высадили, они полезли вверх, так как берег тут крутой, сажени две или три вышины. Солдаты пограничной стражи думали, что это матросы карабкаются на берег, взяли ружья наперевес и побежали на офицеров. Бедные же питомцы гнезда Николая II, увидав солдат, стали кубарем катиться обратно в воду, и пришлось эту сволочь вылавливать, а то бы наверное все перетонули. Насмотрелись мы за это время храбрости господ офицеров более чем достаточно!

От этих храбрецов мы таким образом избавились; но мы сделали большую ошибку, что не отослали на берег вместе с ними также боцманов и кондукторов. Эти продажные, выслужившиеся души сперва притворились свободолюбцами, а как только им поверили, то начали потихоньку смущать матросов и вообще портить дело, как сейчас будет видно.

Миноносец № 267 взял наш баркас на буксир и отвел к «Потемкину» и «Георгию», которые шли на Одесский рейд. В Одессе сейчас же приехал на катере командир порта и спросил, что нам надо? Ему отвечали: «От вас ничего не хотим; но пусть нам завтра сам народ даст угля; а вы скажите командующему войсками, пусть он превратит армию в национальную гвардию и пусть в городе будет народное правление». С тем командир порта и уехал от нас. Команда отпела молитву, забрала койки, разрядила пушки и легла спать; только минеры освещали всю ночь море вокруг броненосца.

Утром 17-го июня разбудили команду в 6 часов. Помылись, позавтракали, скатили палубу. Опасность ниоткуда не грозила, и, в ожидании угля, всеми овладело праздничное настроение; стали играть—кто в домино, кто в шашки; иной взялся за гармонику, иной за скрипку, другие стали танцовать и веселиться, как это бывает всегда в свободное время. Часов в 8 пришел пароход—угольщик «Петр Тигель». С него начали грузить уголь и так грузили, что, смело могу сказать, я никогда за 5 лет своей службы не видел такой быстрой и дружной погрузки.

Дело шло хорошо. Но вот приезжает с «Георгия» часть их комисси и сообщает, что кондуктора и боцмана команды бунтуют и хотят итти в Севастополь. Мы послали туда часть своей комиссии, механика Коваленко и товарища «Кирилла». Наши

товарищи доказывали команде «Георгия», что в Севастополе ждет их лишь виселица и Сибирь. После их речей подняли шум. Половина команды кричит: «*к Потемкину!*», другая часть— «в Севастополь!» Мы потребовали сигналом к себе на «Потемкина» командира «Георгия»—старшего боцмана, но он не хотел ехать к нам. Прибыла вместо него комиссия и объяснила положение дела на «Георгии». Доктор Голенко изъявил желание поехать уговорить команду. Дали ему паровой катер, и он отправился с частью наших товарищей. Скоро наши товарищи вернулись с одним из матросов «Георгия». Они привезли печальную весть: доктор Голенко нам изменил; он стал уговаривать команду итти в Севастополь и уверял матросов, что начальство их простит. Слова эти подействовали на команду «Георгия», которой еще до того кондуктора дули в уши всякий вздор, так что многих смутили; половина команды открыто перешла на сторону изменника доктора, который после этого приказал выбирать якорь и готовить машину. Мы тоже приготовились к съемке с якоря с таким расчетом, чтобы дать отойти «Георгию» мили на 4, а потом настигнуть его, перевязать всех кондукторов и боцманов и часть его команды перевести на «Потемкина», часть же нашей посадить вместо того на «Победоносца».

«Георгий» снялся с якоря и пошел полным ходом на Севастополь, мы тоже снялись и отправились за ним. Но вот он круто поворачивает обратно в Одессу и проходит во внутренний порт; сразбегу он даже зарылся носом в песок.

Наш миноносец был послан узнать, в чем дело. На «Победоносце» еще оставалось несколько человек нашей депутации. Подходя к «Георгию», миноносец встретил их на георгиевских шлюпках: они ехали к нам. «Доктор и боцман», кричали они,— «обманщики! Теперь георгиевцев, хоть и не всех, а все же повесят!.. Боцману дадут медаль, доктору нашьют широкие погоны, а наших, братцы, вешать будут!..»

Хуже этой новости нельзя было и придумать! Но ничего нельзя было сделать, чтобы не допустить совершиться страшному и позорному делу. «Георгий» уже отдался в руки властей. Все слабые, все неуверенные, все робкие уже перешли на сторону ищущих помилования, а стойкие, сознательные друзья народа остались в меньшинстве. Сам сдавшийся броненосец мог теперь сделаться боевым орудием против нас; на берегу войска было много... Мы видели, как к «Георгию» шли с берега со всех сторон правительственные катера...

На самом «Потемкине» привезенные новости произвели некоторое замешательство: бодрость значительной части команды поддерживалась, главным образом, надеждой на то, что вся эскадра пристанет к нам; теперь эти люди упали духом. Те, которые были тверды попрежнему, понимали, что теперь ни

угля, ни воды, ни припасов в Одессе не получить, или это стоило бы слишком многих жертв людьми. Поднялись среди команды крики. Одни кричали: «идем на Кавказ!» Другие—«пошлем посылку «Георгию»! (посылкой называется пушечный заряд в 23 пуда)... Но благоразумие взяло верх над злобой: ведь корабли «Потемкин» и «Георгий» составляют народную собственность и скоро будут в руках русского народа; поэтому мы не хотели их портить. Посоветовавшись хорошенько, мы решили, что лучше всего нам итти за углем, водой и провизией в нейтральную страну, именно в Румынию. Так и сделали: пошли в порт румынский—Констанцу. Дорогой все было благополучно.

Двадцатого числа июня мы пришли в Констанцу, отдали салют [1]) городу, как полагается—31 выстрел. К нам подошел паровой катер с 2 офицерами румынского флота. Вызвали караул наверх, команда на шканцах выстроилась во фронт. К нам вошли по трапу оба офицера, от нас вышел к ним наш представитель—поручик Коваленко. Офицеры поздоровались и затем пошли в кают-кампанию.

Мы просили румын разрешить запастись провизией, углем и водой. Нам обещали исполнить нашу просьбу, но только на другой день. Когда командир румынского порта нас отсалютовал, мы ему, в свою очередь, ответили 13 выстрелами. Затем подъехал к нам, к правому трапу, и командир русского стационера [2]) капитан 2-го ранга (фамилия неизвестна). Он, несчастный, думал, что его встретят на корабле, как водится на царских судах, горячими рукопожатиями и хорошей пирушкой. Каково же было его удивление, когда к нему вышел товарищ Коваленко и, не подавая руки, спросил, что ему тут нужно?

— Я с-с ра-ра-пор-пор-том,—пролепетал командир.

— Вы ошиблись, капитан,—отвечал Коваленко,—это корабль не русского правительства; он открыто перешел на сторону народа; да вам, должно быть, из румынских газет известен образ действий «Потемкина», так что можете мне не рапортовать, и можете уходить.

— Я неграмотный, т.-е. не умею ни писать ни читать по-румынски,—уже плача заявил капитан.

Большое ему спасибо за все это увеселительное представление: присутствовавшая при этом команда чуть не умерла от смеха; ей еще раз напомнили, какие дураки офицеры над нею командуют при царском правительстве, и еще раз порадовалась

---

[1]) *Салютом* называется военное приветствие, обыкновенно делаемое посредством положенного числа холостых выстрелов.

[2]) *Стационером* называется военное судно, назначенное для постоянного пребывания в известных водах иностранного государства.

она, что избавилась от таких командиров; матросы заметно ободрились.

Нам нужно было поехать к начальнику порта взять разрешение освещать прожекторами море, стоя в гавани.

Было сильное волнение. Пришлось капитана взять на буксир и отвести в порт (по уставу не полагается вести офицера матросу и считается оскорблением офицера).

На румынском военном крейсере «Елизавета» нас радушно приняли, но вместе с тем сделали одно очень странное предложение, а именно, чтобы мы продали «Потемкина»—хоть в частные руки, «хоть нам»—а сами бы шли к ним, румынам, жить. Такое предложение показалось мне прямо оскорбительным.

«За кого они нас считают, подумал я, что предлагают продать другой державе народную собственность и думают прельстить безопасностью?»... Поэтому я через переводчика ответил: «Мы пришли сюда не шкуру свою спасать, ей цена 3 копейки в базарный день! Что же до продажи броненосца, то скажите сперва, за сколько вы продадите нам вашу *Елизавету*?»... На это мне, конечно, ничего не ответили, и тем дело кончилось. Освещать море боевыми фонарями нам с удовольствием разрешили, и мы отправились обратно.

Утром 21-го июня мы послали катер за провизией, но нам в ней отказали; мы объяснили, что нам уже во время перехода от России до румынских берегов пришлось питаться одними лишь сухарями с водой, но ничто не помогло. Тогда решили итти в Феодосию и там получить необходимое. Вслед затем приехало к нам несколько румынских офицеров уговаривать сойти с корабля; они обещали дать нам заграничные паспорта, а также желающим право жить в Румынии. Но мы знали, какие надежды на нас возлагает русский народ, и положили лучше умереть с голоду, чем бросить такую крепость, как «Потемкин», пока сможем удержать ее в своих руках. Мы снялись с якоря и пошли в Феодосию. Эскадры дорогой не встретили. Встречено было 2 турецких угольщика, но потемкинцы обещались не трогать иностранных судов. Заявление в этом смысле было передано иностранным консулам в Констанце через румынских властей—надо было держать раз данное слово.

В Феодосию прибыли 22-го, часа в 4 или 5 утра. Чтобы не пугать жителей своим приходом, мы украсили корабль флагами—Андреевским, красным революционным и другими. На катере съехали на берег, пошли в городскую управу, к городским властям с просьбой явиться на броненосец, а также передали им воззвание в гражданам всех стран и протокол случившегося на «Потемкине» для сообщения жителям в заседании думы. Вскоре к нам приехало 4 человека представителей от города, в числе которых были городской голова и доктор.

Они осведомились, что нам нужно, и получили в ответ, что у нас нет угля, провизии и воды и мы просим жителей города, если возможно, дать нам недостающее. С своей стороны мы даем торжественное обещание в полной безопасности города. Представители просили записать все, что нужно, на бумаге и обещали доставить все, что будет возможно.

Мы дали такой список: угля 30.000 п. (феодосийцы его не дали), воды 40 тонн (не дали), мяса 40 пуд. (дали), быков 8 (дали 4), масла для машины 50 пуд. (дали), пакли 10 пуд. (дали), соды 5 пуд. (не дали), вина для команды 1 боч. (дали), табаку 3 пуд. (дали), бумаги 100 кн. (не дали), спичек 1 ящ. (дали), хлеба 100 пуд. (дали), муки 200 пуд. (дали). Для больных—яиц 1000 штук, кур, уток и молока возможно больше, макарон 10 ящ., красного вина 1 бочку и лекарств (все это нам дали). Взявши список, представители уехали, и к вечеру мы получили припасы, как указано выше. Насчет угля нам сказали, что комендант не дает, а вот приедет в 11 часов губернатор, тогда посмотрим, что будет.

На другой день, двадцать третьего, утром я сел на паровой катер и поехал узнать, нет ли в порту где-либо угля. На берегу сказали, что есть в баркасах антрацит 15 тысяч пудов. Вернувшись назад, решили вооружить миноносец, посадить караул на катер и взять баркас с углем. Придя к одному из баркасов, мы взошли на него и начали выбирать якорь, предварительно спросив у хозяина цену угля. Он сказал: «дарю вам уголь с условием, чтобы баркас был цел». Якорь был совсем уж выбран и мы хотели уже взять баркас на буксир, как вдруг раздался откуда-то ружейный залп, и возле меня упало 2 товарища-матроса: минер Циркунов и Иван Козленок, Циркунову размозжило голову, а Козленку пуля попала в живот. Этот предательский залп напугал команду миноносца, и он пошел полным ходом к кораблю, в катере же вся прислуга легла на дно. Одна из пуль сломала регулятор и катер пошел было полным ходом прямо на берег, откуда трещали предательские выстрелы. Видя, что все от неожиданности потеряли голову и никто ничего не понимает, и не имея возможности заставить товарищей действовать, или, по крайней мере, подобрать убитых, оставшихся на баркасе, я решил спасти хоть катер с оставшейся на нем командой. Взявшись за штурвал [1]), я повел катер к броненосцу. Всю дорогу—версты полторы—пули осыпали катер, даже пробили на нем дымовую трубу; раза 3 пули надвигали мне фуражку на лоб, так низко пролетали они над нами; но все же

---

[1]) *Штурвал* есть колесо на судне, посредством которого управляют рулем, стало быть—и всем судном.

катер был спасен. Когда мы вышли за волнорез [1]), раненый Козленок простонал: «Что теперь будет? Я умру?»—«Ничего, дорогой Ваня, будешь жив, еще женишься»... утешали мы его и, слава богу, не напрасно: он теперь лежит в Констанце в госпитале и есть надежда на его выздоровление. В Феодосии же, от тех же предательских выстрелов, погиб так называемый «Студент» (кажется, его фамилия была Иванов); он сел на броненосец в Одессе.

Когда мы вновь подошли к «Потемкину», и команда увидела убитого Циркунова на дне катера, в луже крови, с ружьем в руках и с разбитой головой, а Козленка—лежащим вниз лицом с сочащейся раной, то всеми овладело крайнее негодование, и матросы стали кричать, что нужно разнести Феодосию; командоры даже побежали уже к пушкам. Но и тут благоразумие и нежелание причинить вред невинным взяли верх над естественным гневом. Мы рассудили, что наказать офицеров, которые всему кровопролитию причиной, трудно, потому что они сидят за спиной у солдата, а солдата бить без крайней надобности,—то-есть когда это не неизбежно для добывания свободы,— не следует, потому что он не нынче-завтра поймет, что убивать рабочего или матроса, восставшего за правду—значит убивать своего же брата и скреплять собственные кандалы.

И вот опять встал перед нами вопрос: что теперь делать?

Собрали команду и спросили ее: что делать? итти ли в Севастополь и сдаться правительству?—«Нет!» закричали все в один голос, «лучше смерть где-либо, чем отдаться опять в руки русского правительства!»

Но у нас не было воды для питания котлов и для питья команды, не было угля, машина растрепалась, машинная команда едва двигала ногами: ведь мы были целых десять дней непрерывно под парами; десять дней топили без перерыва шестнадцать котлов!—десять дней были машинисты, кочегары и прочая машинная прислуга в адской жаре и беспрестанной работе! Без угля, без воды, с измученной командой и расшатанной машиной—и боевая способность нашего броненосца была уже не та, что прежде... Все это вместе и заставило нас решиться ехать в Румынию и там сдаться.

Иной друг народа и борец за свободу, равенство и братство, может быть, упрекнет нас: «Жалкие трусы! Какую громадную и сильную крепость отдали вы», скажет он. Да, это правда, это истинная правда, вспомнив которую не один раз еще сердце обольется кровью! Да, мы сдали в чужие руки превосходный броненосец, который мог бы, при лучших обстоятельствах,

---

[1]) *Волнорезом* называется особая постройка в воде, вроде стены, в гавани, чтобы об нее разбивались волны и не вредили судам в порту.

сослужить большую службу, поддержав с моря народное восстание на суше. Но разве есть в том наша вина? Винить нас в этом было бы так же несправедливо, как если бы мы обратились к другу народа и борцу за свободу с такими словами: «Почему ты спал, когда мы 11 дней бороздили воды Черного моря? тебе хорошо было известно, что соленой воды пить нельзя и воды в уголь превратить тоже невозможно. Отчего же ты не доставил нам всего этого?..»

Во всем виноваты были неожиданные обстоятельства. Если бы не неожиданное происшествие с «Георгием», то мы бы получили в Одессе все нужное и добились бы даже раздачи казенного оружия населению. Мы приняли бы на броненосец надежных рабочих, обучили бы их обращению с оружием и довели бы до конца дело освобождения России от деспота-царя и всей сосущей народ стаи помещиков, фабрикантов и капиталистов. Но появление «Георгия», его переход на нашу сторону, давший нам столько новых надежд, а потом его измена — перевернули все наши планы. Мы скитались по волнам Черного моря, каждую минуту под страхом измены, нам грозила голодная смерть и царская виселица. Думаешь — вот пойдем туда-то и там получим все необходимое; на деле же выходило совсем другое: приходилось терять лучших товарищей и не получать ничего. Мы решили пойти и сдаться румынам, братьям своим по вере и отчасти по крови.

В море похоронили мы свой и всего русского народа боевой *красный флаг* — флаг свободы, равенства и братства, чтоб он не достался в чужие руки. Черное море было свидетелем наших слез и горя, когда бросили его за борт! Как было тяжело смотреть, когда он то опускался, то подымался на гребнях волн, как будто приглашая всех матросов продолжать борьбу!..

В Констанцу мы приехали 24 июня, часов в 11 ночи. С берега нам что-то кричали, и мы отправили «шестерку» с депутатами для переговоров о сдаче. Румынский генерал спросил, что нам надо? Мы его, в свою очередь, спросили, были ли здесь «Синоп» и «Екатерина»? Он ответил, что нет. Генерал заявил, что если мы хотим сдаться, то следует прислать комиссию, а он от имени румынского народа дает нам честное слово в полнейшей безопасности команды в пределах Румынии и ручается за полную свободу всего экипажа. Депутаты вернулись ночью, когда команда уже спала. На следующий день наша депутация передала экипажу слова генерала. Команда закричала: «Сдадимся лучше румынам, чем русскому правительству!»

К нам в это время шел паровой катер, а с другой стороны шлюпка с господином, у которого был красный цветок в петлице. Он просил разрешения взойти на борт, что ему и было разрешено.

Себя он отрекомендовал социал-демократом, а на поданной карточке значилось: «Доктор Раковский». Мы стали с ним советоваться, на что он отвечал, что сказать определенно, что нам следует делать—он не может; но готов обсудить сообща положение. Он спросил, сколько у нас имеется угля, и, узнав, что его тысячи три пудов, осведомился, можем ли мы продержаться с этим количеством дня три? Мы ему ответили, что нет: нам необходимо иметь корабль в полной боевой готовности, для чего нужно держать 16 котлов под парами, а на это угля не хватит. Тут раздался голос кондуктора Бурдюкова, одного из тех, что спали и видели, как бы снова передать «Потемкина» царскому правительству: «Какие могут быть секреты? этим только команду мутят! Сдаваться, так сдаваться»... Я должен был крикнуть на него: «Не твое дело, подлец!» Раковский, видя невозможность что-либо сделать, чтобы удержать броненосец в наших руках, перестал даже говорить об этом. Мы спросили его, можно ли довериться румынским властям? Он ответил, что можно вполне и что мы сами можем вести все необходимые переговоры с властями. Команда отправилась обедать. Нашлись однако и такие матросы, что пошли в офицерские каюты и начали брать офицерские вещи—все, что попадало им в руки; больше разные платочки, подушки и т. п. Прискорбно сообщать это про свою команду, но помешать мы были не в силах; при том же не надо забывать, что во всякой семье не без урода,—тем более среди нас, так как на «Потемкине» осталось не мало матросов, которые вовсе не были революционерами, вовсе не понимали, что за «свобода, равенство и братство», а нравом были такие, какими их сделала царская служба и казнокрады-офицеры.

После обеда начали свозить команду на берег. Жители Констанцы нас очень радушно приняли, за что мы им очень благодарны и признательны. В 3 или 4 часа пополудни, 2-го июня 1905 года, был спущен на корабле синий Андреевский флаг, которым царь и его подлые советники прикрывались долгие годы, и взвился трехцветный флаг румынского народа, под которым живется свободнее.

Итак, мы покинули нашу сильную, гордую плавучую крепость, нашего «Потемкина», ставшего борцом за свободу и справедливость, который, бороздя 11 дней волны Черного моря, нагонял страх и трепет на подлого царя и его правительство! Оставили мы его целым и невредимым, но только он уже был без души. Как уже ранее было объяснено, в кассе броненосца было 24.000 рублей; комиссия передала эти деньги румынским властям, которые и роздали из них команде по 82 франка на брата.

Относительно пожара в Одессе писать подробно не буду; скажу только, что команда почти вся говорила, что это сделано

полицией, и очень сожалела о случившемся, так как все уничтоженное имущество стало бы скоро народным достоянием. Были примеры, достоверно известные, что полиция, сама поджигая, говорила, будто это сделали «жиды», или «армяшки», или «полячишки»; а устраивала она это для того, чтобы разжечь вражду между народом русским, с одной стороны, и еврейским, польским, армянским или грузинским, с другой,—чтобы возбудить ненависть между русскими войсками и рабочим классом Польши, Литвы, Кавказа или Финляндии. Но я глубоко верю, что теперь уже нашим грабителям не удастся нас обмануть, так как мы знаем, откуда льется этот источник лжи, порока и обмана, и будем его забрасывать всем, чем можем, пока не прекратим его течение и не расширим путь для иного источника: источника свободы, равенства и братства! Будем туда бросать и слова правды, и бомбы! Если этого будет мало—бросимся туда сами и общим усилием заставим поток русской жизни течь не туда, куда его направляет свора грабителей, а туда, куда захочет его направить весь честный, трудящийся русский народ!

Минно-Машинный квартирмейстер первой статьи броненосца «Князь Потемкин-Таврический»

Афанасий Матюшенко.

Заявления команды „Потемкина“.

I.

Прокламация матросов, распространенная ими в Одесском порту.

От Комитета броненосца «Кн. Потемкин-Таврический». Просим немедленно всех казаков и армию положить оружие и соединиться всем под одну крышу на борьбу за свободу. Пришел последний час нашего страдания! Долой самодержавие! У нас уже свобода, мы действуем уже самостоятельно, без начальства. Начальство истреблено. Если будет сопротивление против нас, просим мирных жителей выбраться из города. По сопротивлении город будет разрушен...

II.

Его Высокопревосходительству Французскому Консулу в Одессе. *От броненосца «Князь Потемкин-Таврический».*

Почтеннейшая публика г. Одессы. Командой броненосца «Князь Потемкин Таврический» сегодня, 15-го июня, было с корабля свезено мертвое тело, которое и было передано в распоряжение рабочей партии для предания земле по обычному

обряду. После чего, пройдя несколько времени, была прислана этими рабочими на корабль шлюпка, что и заявила: стражу, стоящую у мертвого тела, казаки разогнали. Тело оставлено без надзора. Команда броненосца просит публику г. Одессы: 1) не делать препятствия в погребении матроса с корабля; 2) учредить общее со стороны публики наблюдение за правилами; 3) требовать от полиции, а также и казаков, прекратить свои напрасные набеги, почему это все бесполезно; 4) не противодействовать доставлению необходимых продуктов для команды броненосца рабочей партией; 5) команда просит публику города Одессы о выполнении всех перечисленных выше требований. В случае, если во всем этом будет отказано, то команда должна будет прибегнуть к следующим мерам: будет произведена по городу орудийная стрельба изо всех орудий. Почему команда предупреждает публику и, в случае возникновения стрельбы, просит удалиться из города тех, которые не желают участвовать в противодействии. Кроме того, нам ожидается помощь из Севастополя для этой цели—несколько броненосцев, и тогда будет хуже.

III.

Ко всему образованному миру.

(Это заявление вручено румынским властям).

Граждане всех стран и всех народов! Перед вашими глазами происходит грандиозная картина великой освободительной борьбы: угнетенный и порабощенный русский народ не вынес векового гнета и своеволия деспотического самодержавия.

Разорение, нищета и бесправие, до которого русское правительство довело многострадальную Россию, переполнили чашу терпения трудящихся масс. По всем городам и селам вспыхнул уже пожар народного возмущения и негодования. Могучий крик многомиллионной русской груди—долой рабские цепи деспотизма и да здравствует свобода!—как гром раскатился по всей необъятной России.

Но царское правительство решило, что лучше утопить страну в народной крови, чем дать ей свободу и лучшую жизнь. И невинная кровь самоотверженных борцов полилась целыми потоками по всей родине.

Однако, обезумевшее самодержавие забыло одно, что темная и забитая армия—это сильное орудие его кровавых замыслов—есть тот же самый народ, есть те же самые сыны трудящихся масс, которые решили добиваться свободы. И армия рано или поздно поймет это и сбросит, наконец, с себя позорное пятно палачей своих же отцов и братьев. И вот мы, команда эска-

дренного броненосца «Князь Потемкин-Таврический», решительно и единодушно делаем этот первый великий шаг. Пусть все те братские жертвы рабочих и крестьян, которые пали от солдатских пуль и штыков на улицах и полях нашей родины, снимут с нас свое проклятие, как с их убийц.

Нет, мы не убийцы, мы не палачи своего народа, а защитники его. И наш общий девиз—смерть или свобода для всего русского народа! Мы требуем непременной приостановки бессмысленного кровопролития на полях далекой Манчжурии. Мы требуем непременного созыва Всенародного Учредительного Собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права. За эти требования мы единодушно готовы, вместе с нашим броненосцем, пасть в бою или выиграть победу.

Мы глубоко уверены, что честные и трудящиеся граждане всех стран и народов откликнутся горячим сочувствием нашей великой борьбе за свободу.

Долой самодержавие! Да здравствует Учредительное Собрание!

Команда эскадр. броненосца «Князь Потемкин-Таврический» и миноносца № 267.

(Печать броненосца).

IV.

Ко всем европейским державам.

(Вручено румынским властям).

Команда эскадренного броненосца «Князь Потемкин-Таврический» начала решительную борьбу против самодержавия. Оповещая об этом все европейские правительства, мы считаем своим долгом заявить, что мы гарантируем полную неприкосновенность всем иностранным судам, плывущим по Черному морю, и всем иностранным портам, здесь находящимся.

Команда эскадр. броненосца «Князь Потемкин-Таврический».

Похороны Гр. Вакулинчука в Одессе.

Матроса Вакулинчука убил, как известно, старший офицер «Потемкина» Гиляровский, сам за то поплатившийся жизнью. В 5 с половиною часов утра, 15 июня, тело Вакулинчука переодели во все чистое и положили на походные носилки, которые были украшены флагами. Так он лежал почти целые сутки на корабле, с восковым крестом в руках. Чудная была картина.

Вся команда, которая проходила церковную палубу, снимала фуражки и крестилась; многие говорили: «Вот она жертва, павшая от царского произвола»... В каждом движении заметно было глубокое душевное уважение и сожаление о безвременно погибшем борце за свободу... Но вот подали паровой катер к правому трапу и снесли носилки с телом. На катер сел почетный караул. Когда отвалили от трапа, то команда вся сняла шапки и крестилась. Через четверть часа подошли к пристани, на которой сидело много народу, который удил рыбу. Когда мы опустили носилки с телом на пристань, то весь народ бросил удочки, прибежал к пристани и начал спрашивать, в чем дело? Мы отвечали: «Там есть записка; прочтите и узнаете». Многие подходили к трупу, читали записку, крестились и уходили сейчас же в город. Мы пошли к кораблю.

После обеда приехали на корабль товарищи с вестью, что полиция хочет хоронить Вакулинчука сама, товарищам же не дает хоронить. Мы тотчас послали караул в 15 человек, которому было приказано охранять тело от полиции. Когда вечером начался пожар в порту, мы поехали узнать, в безопасности ли труп? Нам сказал товарищ (еврей—рабочий), что горожане сами будут охранять труп, а караул можно убрать: пускай отдохнет. Мы поехали обратно на корабль. Часа в 2 дня, 16-го июня, к нам приехал посыльный от капитана над портом, чтобы дали мы матросов для похорон, и Вакулинчука будут-де хоронить не городские власти, а городской народ. Мы выбрали 12 человек почетного караула, *без оружия*, которые и отправились сопровождать носилки, предварительно попросив гарантию безопасности для матросов. С почетным караулом пошел судовой священник, который однако тут же, на пристани, бросил тело и ушел в гостиницу.

Вот подняли носилки и двинулись в город...

Не могу я описать этой божественно-чудной картины, которая представилась моим глазам! Слава одесситам! Слава одесским товарищам, которые так близко приняли к сердцу нашу общую скорбь и печаль о товарище! Ни по каком, я думаю, в мире царе, ни короле не лилось столько слез, как по этом дотоле безвестном матросе. Показных слез, может быть, лилось за кем-нибудь и больше; но то были слезы купленные, а эти естественные, искренние, от чистого сердца. Народ шел сплошной стеной по улице. Впереди шли казаки и очищали дорогу. Прах несли большею частью студенты и молодые барышни. Можно сказать, что за народом домов почти не видно было: в каждом окошке, на каждом балконе, у подъездов, стояли люди, при проходе процессии падали на колени, поднимали руки к небу и кричали: «Долой самодержавие!» «Долой царя-убийцу!» «Да здравствует свобода, равенство и братство!»

Царь и его правительство опять, верно, скажут, что это кричали босяки и «жиды», которые были пьяны... Нет, это кричала вся Одесса, как один человек! Мальчики—те под ногами у больших бегали и кричали: «да здравствует свобода и *Потемкин!*» По пути мы встречали много военных патрулей, которые выстраивались во фронт и отдавали телу честь по-военному.

Как опустили труп в могилу, я не видел, потому что казачий полковник предложил нам итти на корабль. Посадили нас на извозчиков, и мы поехали в порт. По дороге мы были остановлены ротой солдат, которые стояли на улице. Офицер потребовал, чтобы мы шли пешком. Не подозревая измены, мы спешились. Но едва мы вошли в середину фронта, как горнист заиграл сигнал: «Открыть огонь», и по нас дали залп. Мы были безоружны и потому бросились бежать вдоль улицы, пока не скрылись за углом. Но наверно солдаты или не умели, или не хотели по нас стрелять, потому что убитых я не видал, хотя был самый задний из бегущих, и у меня пулей порвало на коленях шаровары. Прибежало нас на пристань только 9 человек; судьба трех остальных мне неизвестна.

Минно-машинный квартирмейстер I-ст.

Афанасий Матюшенко.

VIII.

Отрывок из воспоминаний матроса Кирилла Орлова.

Что такое для меня был флот? Это не что иное, как огромный завод с хорошим оборудованием, а корпуса (экипажи)—общежитие заводских рабочих, куда собрали со всех концов России мастеровых лучшей квалификации, а следовательно, и с пролетарским самосознанием. Если и попадал сюда в небольшом количестве неквалифицированный элемент, то он быстро среди квалифицированных рабочих становился своим родным, близким. Так я понимал и рассматривал жизнь моряка.

Через месяц я уже сталкиваюсь с товарищами партийцами, через которых завязываю связь с севастопольским комитетом (Большевиков) и с военно-революционной организацией (объединенной с СР), где принимаю активное участие в работе: начали организовывать на судах и на берегу среди моряков и рабочих кружки, массовки и летучки, распространять воззвания и нелегальную газету «Искру» (заграничную). В кругу этой работы я познакомился с тов. Фельдманом (одесситом), Кирилловским, «Верой», т. Шмидт (лейтенантом запаса, членом севастопольского портового комитета) и партийными моряками Матюшенкой, Иноземцевым Яковом, Иваном Колесниченкой, Александром

Петровым (с транспорта «Труд», расстрелянным за Потемкинское восстание), его братом Михаилом Петровым (который на митинге в Ушаковской балке во время попытки ареста митинга ранил контр-адмирала Писаревского) и некоторыми другими товарищами.

Городская организация в это время слишком была слаба благодаря отсутствию хороших работников, средств, квартир для техники, ибо в Севастополе нет промышленности, здесь стоянка военного флота. Севастопольская же военно-морская организация, наоборот, жила, расширялась и углублялась. В стенах броненосцев «Екатерина II», «Синопа» и «Чесмы» машинными командами не раз печатались на примитивной технике воззвания, которые тут же ночью распространялись среди спящих моряков, засовывая их под подушку или матрац. Несмотря на такую смелость и неосторожность, провалов в организации и арестов по судам почти не было, так как провокации среди моряков не наблюдалось, все провалы были среди рабочих городских организаций.

Всю заграничную литературу мы получали аккуратно и своевременно. Мне лично приходилось переносить газету «Искру» следующим образом: я обертывал ими обе ноги ниже колен (буфтой), одевая специально широкие брюки (летние); дежурные офицеры, ощупывая карманы и обувь, не замечали на ногах нелегальщину.

Нелегальная работа все шире и шире захватывала матросские массы, и революционная волна начинала бурлить все сильнее и сильнее. В декабре 1904 г. на берегу в экипажах вспыхивает стихийная волна возмущения, которая вылилась в бунт из-за запора проходных ворот после проверки. Факт был слишком ничтожный, и партийный комитет пытается остановить движение, но тщетно. В результате масса арестовывает несколько офицеров и адмиралов и сажает их в карцер. Но движение быстро стихает с массовыми арестами и долголетней каторгой для многих моряков. Однако, революционная волна не улеглась и бродила везде.

Японская война и приказ об отправке эскадры Рожественского, куда должны были войти часть черноморских моряков, усилили брожение. Мы сейчас же использовали этот момент для агитации против войны, а следовательно и против отправки черноморских моряков. Результаты были блестящи. При отправке небольшой группы моряков в Ревель и Кронштадт состоялась внушительная демонстрация протеста, а матери приносили грудных детей и клали их под колеса паровозов и вагонов, дабы не допустить отправки поездов с моряками. Недалеко от вокзала толпа женщин и моряков разобрали даже железнодорожный путь и разобрали рельсы. При посадке моряков в вагоны самодержавию пришлось применить силу сухопутных шты-

ков. Вот как самодержавие думало спасти свое положение на Дальнем Востоке!

По прибытии на место черноморцы не смирились, а, наоборот, объявили забастовку и отказались ехать с эскадрой Рожественского, после чего большая часть моряков была возвращена в Севастополь, как неблагонадежный и крамольный элемент. Эта временная моральная победа окончательно вселила и укрепила в нас уверенность в нашей победе и в дальнейших этапах борьбы.

Не успели еще улечься разгоревшиеся революционные страсти масс, как наступает день кровавой расправы—день 9 января 1905 г. в Петербурге,—день расстрела до 10.000 человек рабочих, их жен и детей. Для нас этот день явился новым сигналом к скорейшей подготовке к вооруженному восстанию, и от имени севастопольского комитета мы ведем усиленную работу на судах и берегу и подготовляем план общего восстания Черноморского флота и на всем побережье Черного моря. Этот план был составлен хорошо, разработан по всем деталям, не была упущена ни одна мелочь. Почва была для этого настолько подготовлена среди революционных моряков, что мы не сомневались в успехе. Целый ряд бессонных ночей команды судов внизу в трюмах, кочегарках и на верхней палубе проводили в совещании о проведении намеченного плана в жизнь (готовилось восстание в августе).

Было решено использовать всю черноморскую флотилию во время ее выхода в открытое море для практических занятий учебной стрельбы в августе-сентябре. По приходе туда всей эскадры, с броненосца «Екатерина II» должны были дать сигнал ракетой о начавшемся восстании, ухлопать тут же негодных командиров и офицеров, хороших и лойяльно сочувствующих оставить на судах, а остальных свезти на берег, предоставив им свободу. Затем с поднятыми революционными флагами (вместо Андреевского) вся эскадра должна была двинуться по берегам черноморских городов для поднятия общего восстания и объявления Российской Республики. Мы думали, что наше начало сейчас же будет поддержано петербургским и московским пролетариатом, и самодержавие будет свергнуто. Однако, весь план наш срывается преждевременно командой броненосца «Кн. Потемкин» благодаря сильному напору со стороны анархо-эсеровского элемента.

12 июня еще в севастопольской Северной бухте команда «Потемкина» делает попытку к выступлению, но ее удается временно парализовать, а 13 июня мы выходим на «Потемкине» в открытое море для пробы пушек или учебной стрельбы, имея у себя в трюмах большое количество разного калибра снарядов; в открытом море революционные страсти отдельных групп, в том числе

и у т. Матюшенко, разгорались все сильней и сильней. Я пытаюсь с некоторыми т.т. задержать выступление, но наши уговоры от имени севастопольского комитета бесплодны, и мы после некоторого совещания членов партии решили тогда взять общее революционное руководство на судне в свои руки, если восстания избежать не удастся.

По приходе на косу, в 120 верстах под Одессой, 14 июня команда в количестве около 1.000 человек отказывается принять пищу, ибо она была изготовлена из мяса с червями, привезенного из Одессы офицерской хозяйственной частью. Команда выбрала делегацию, которая и направилась к старшему офицеру Гиляровскому с требованием изготовить новую пищу. Старший офицер приказал стоящей части команды немедленно арестовать депутацию. Последняя отказалась исполнить приказ и присоединилась к депутации. Это стало известно всей команде, которая с трепетом ждала развязки. Последняя не заставила себя долго ждать: Гиляровский немедленно потребовал караул наверх для ареста депутации. Наверх явился сам Голиков (командир судна) и разразился черносотенной речью с угрозой расстрелять всю команду, если она не подчинится, и тут же по алфавиту вызвал до 37 человек и потребовал от них взять пищу. Те снова ответили, что есть пищу с червями не будут и не подчинятся, тогда Голиков командует караулу: «Накрыть их, мерзавцев, брезентом и немедленно расстрелять».

Команда вся дрогнула, зашаталась, момент наступил решительный. Тов. Матюшенко выступил вперед и обратился с речью к караулу и команде:

«Братцы, помните нашу клятву, в своих не стрелять».

Караул дуло винтовок опустил в палубу, не подчиняясь приказу.

Тогда команда огласила броненосец громкими криками: «ура», «срывай золотые погоны», «бросай офицеров в воду».

Тогда Гиляровский выхватывает из кармана браунинг и стреляет в упор в т. Матюшенко, но пуля вместо него убивает наповал матроса Вакулинчука.

Этот акт немедленно послужил сигналом к взрыву дымящейся бомбы: восстание началось, и тут же, на месте, где струилась еще алая кровь матроса Вакулинчука, был расстрелян Гиляровский. За ним последовал расстрел командира судна «Князь Потемкин» Голикова (тирана моряков), а за этими двумя последовали и другие в количестве 9 человек. Остальные машинные инженеры и офицеры бросились в воду, но сама команда бросилась их спасать, ибо они были хорошими офицерами.

Когда с офицерами было все уже кончено, мы тут же избрали временный революционный комитет, суд и подняли на мачте красный флаг, а вместо Андреевского флага на корме воздрузили

красное знамя. В таком виде наша маленькая плавучая Республика двинулась в Одессу.

По приходе в Одессу, остановились на его рейде и стали готовиться к похоронам убитого тов. Вакулинчука. В это время к нам на судно приехал целый штаб жандармов для составления протокола о случившемся, которым было сообщено по телеграфу. Мы дали им подняться на палубу, потом потребовали наверх матросский суд и 12 человек караула с винтовками. Когда они увидели эту картину, они поняли, что попали в западню. Все их жандармская спесь и важность пропали, перед нами были жалкие, раболепные людишки. Они пали на колени и стали просить пощады и помилования, пожалеть их детей. Революционный судовой комитет и суд решили даровать им жизнь, но отправить на берег разоруженными и разжалованными, без погон. Когда они подъезжали к берегу, огромная толпа демонстрантов встретила их свистом и гиканьем, после чего двинулась с революционными песнями по набережным улицам. Так ознаменовался первый наш приезд в Одессу.

На второй день решено было ехать на берег делегации и похоронить убитого тов. Вакулинчика, для чего был сделан огромный деревянный черный плакат с надписью о причине убийства и с призывом к одесскому пролетариату поднимать вооруженное восстание. Эти похороны захватили всю Одессу, участвовали тысячи людей. Похороны кончились огромной демонстрацией.

Командующий Одесским округом Каульбарс в ответ произвел большие аресты; в числе других были арестованы и наши моряки с «Потемкина». Революционным комитетом судна снова была направлена депутация к Каульбарсу с требованием: 1) немедленно освободить всех политических заключенных; 2) доставить на «Потемкин» угля, воды (пресной) и всего продовольствия; 3) дать свободу собраний; 4) дать 8 - часовой рабочий день. Был предъявлен еще ряд требований. Каульбарс арестовывает и депутацию; проходит условленное время, делегация не является. Через 1 даем ему предупредительный сигнал, что если он не выпустит сейчас же всех политических арестованных, то мы немедленно будем бомбардировать город. Ответа на наш сигнал снова не последовало. Тогда мы дали ему 1 час срока.

Каульбарс за это время стягивает все войска в город на Соборную площадь, пехоту, кавалерию, саперов и артиллерию. Войска должны были драться против броненосца и 12-дюймовок. Часовая стрелка двигалась, и команда уже волновалась. Срок истек, и двенадцатидюймовка направляется на город. Слышится команда «пли». Пушка дает холостой выстрел, а за холостым посылается уже боевой по адресу Соборной площади. Этот снаряд разрушил часть дома и привел весь город в сотрясение. Пехота дрогнула и побежала, бросая винтовки, а кавалерия

стала бросать своих лошадей и прятаться в подвалы. Испуганный Каульбарс приказал немедленно освободить всех политических заключенных, а «отцы города» сейчас во главе с городским головой прибыли на «Потемкин» с хлебом-солью и умоляли пощадить город, с обязательством выполнить все наши требования. Вскоре, действительно, были доставлены уголь, вода, продовольствие.

Тем временем мы начали вокруг себя собирать целую флотилию, которая уже состояла из: «Потемкина», 2-х миноносцев, канонерки, 2-х транспортных судов (угольщиков) и 3-х парусных шхун.

В это же время в Петербурге самодержавие, чувствуя, что команда «Потемкина», гуляющая под распущенным красным флагом, опасна для всего побережья Черного моря, решило принять самые крайние меры; собственноручно Николаеем II был отдан приказ адмиралу Чухнину (командующему Черноморским флотом) немедленно ликвидировать это восстание и потопить «13-ю минами» броненосец со всей командой (около 1.000 человек). Во исполнение этого, адмиралом Чухниным была направлена эскадра броненосцев, миноносцев и контр-миноносцев, под командой адмирала Кригера.

Боевой колонной в развернутом фронте подошла эскадра к Одессе, где стоял красавец и гордость Черного моря «Князь Потемкин» (бр. новейшего типа, с лучшим вооружением). Еще за несколько дней до прибытия мы узнали заранее, что для нас готовится. С палубы было убрано и снято все лишнее, шлюпки с кранов были спущены на палубу,—мы приготовились к решительному морскому бою.

Эскадра подошла развернутым боевым фронтом и стала нас окружать. Адмирал Кригер с броненосца «Ростислав» отдал сигнал броненосцу «12 Апостолов» зайти с бортовой стороны «Потемкина» и приготовить пушки и минные аппараты для того, чтобы в упор расстрелять и миной потопить броненосец. Тогда мы с своей стороны навели на него пушки и под угрозой расстрела потребовали, чтобы он остановился, и «12 Апостолов», чувствуя свое бессилие выдержать огонь «Потемкина», застопорил машину.

В этот момент наши товарищи из машинной команды бр. «12 Апостолов» выбросили в море главные действующие части из приготовленных к бою минных аппаратов и пушек и тем самым привели броненосец в небоеспособность.

На остальных судах флотилии команды были «неблагонадежны» для защиты самодержавия, и нам было видно, что команды всех судов колеблются и находятся в нерешительности.

Адмирал Кригер, видя, что для них наступает роковой момент не избежать присоединения к повстанцам «Потемкина» всей

флотилии, сигнализирует эскадре повернуть обратно в Севастополь. Мы пользуемся этим моментом замешательства, пускаем полным ходом свой броненосец на эскадру противника. Когда мы поровнялись с броненосцем «12 Апостолов» и «3-х Святителей», команды без офицеров встретили нас овациями и криками: «ура», «да здравствует восстание потемкинцев, да здравствует революция, долой самодержавие». Мы атаковываем броненосец «Георгий Победоносец», который сейчас же присоединяется к нам. Остальная флотилия, находясь в нерешительности, ушла в открытое море, держа курс на Севастополь. Таким жалким фиаско закончился поход на нас.

Для того, что на «Георгии Победоносце» не было колебаний, и была гарантия, что его команда твердо солидарна с нами, мы устраиваем пересаживание части нашей команды на «Георгия», а часть неустойчивой команды оттуда берем на «Потемкин» и снова становимся на Одесский рейд.

Простояв на рейде не более 2—3 суток, мы решили обойти все портовые города Черного моря и тем самым вызвать движение пролетарских масс, оставив броненосец «Георгий Победоносец» держать под нашим ударом Одессу. В городах пролетарии встречали нас овациями и ликованием, а правительство—артиллерийским огнем. Под таким впечатлением мы издали первое воззвание «Ко всему пролетарскому миру», где говорилось, что мы подняли восстание вместе с русскими рабочими, крестьянами, против деспотического самодержавия, кровожадных генералов и помещиков, и что мы, матросы и солдаты, хотим за 9 января 1905 г. смыть с себя позорною пятно и имя убийцы 10.000 голодных пролетариев и крестьян, расстрелянных в Питере. Наши лозунги были: свержение самодержавия, созыв учредительного собрания. Отпечатанное воззвание отвезено в Румынию и разослано по всем местам. Это первое воззвание, которое было революционным путем отправлено в Европу.

В это время, в самом Севастополе, как на судах, так и в экипажах уже шли массовые аресты моряков, целыми частями арестованных сажали в тюрьмы и крепости, и рабочие были бессильны. Партийная организация растерялась и предоставила массу самой себе. К тому же в обеих столицах (Петербурге и Москве) и других местах России все еще молчали, время восстания рабочих масс еще не пришло... Мы оказались одиноки. Севастопольский комитет Р. С.-Д. Р. П. и другие комитеты ничего не могли нам сказать, где и когда мы можем надеяться на помощь. Находясь в таком состоянии 11 дней, мы решили, наконец, бежать в Румынию.

Прибыв в Румынию (Констанцу), мы потребовали к себе премьер-министра и потребовали от Румынского правительства полную гарантию не выдавать русскому самодержавию ни одного

моряка, при каковых гарантиях мы согласились интернироваться. Правительство растерялось, пришло в замешательство. Министр подписал это условие, дабы поскорее избавиться от угрозы бродячей по Черному морю революции. Получивши твердую гарантию, мы все высадились на берег под оркестр музыки и овации всего гражданского населения Констанцы. Мы рассыпались по всей Румынии.

Я с некоторыми товарищами, ознакомившись немного с условиями и жизнью Румынии, пробывши в ней не более $2^1/_2$ недель, снова нелегально возвращаюсь в Севастополь и принимаю участие во второй подготовке восстания на броненосцах «Екатерина II» и «Синоп», стоящих в Севастопольском рейде, где вся команда за исключением небольшого количества была наша и подготовлена. Мы подняли на мачте «Екатерины II» красный флаг. За нами последовали некоторые береговые экипажи и 2—3 номерных миноносца. На остальных боевых судах команда заколебалась, струсила, это создало полное замешательство в наших партийных группах и дало возможность офицерам действовать решительно и смело. Под угрозой пустить всех ко дну, они потребовали от «Екатерины II» спустить красный флаг и сдаться. На других революционных судах офицеры воспользовались моментом, побросали в бухту замки от крупных пушек и тем самым обезоружили суда. Тогда нас атаковали другими судами, арестовали и отправили в крепость на Северной стороне, а на берегу кавалерия, пехота, артиллерия и казаки со всех сторон оцепили флотские экипажи и без боя арестовали всех моряков.

Это было последней нашей попыткой к вооруженному восстанию, окончившейся полным нашим поражением. Но это было лишь временным поражением и преждевременным торжеством самодержавия. Вслед за нашим арестом, был арестован и привезен в Севастопольский порт из открытого моря транспорт «Прут» (учебное судно), поднявший тоже восстание, где команда убила нескольких своих офицеров и боцмана. На этом судне команда избрала командиром тов. Александра Петрова, который в период восстания командовал судном и был душой революционного выступления. (Тов. Петров, 24—25 лет от роду, студент Казанского университета, был исключен из последнего в 1902 г. за революционную деятельность. Он был с анархическим уклоном, а потом перешел в нашу партию СД (Больш.), где он являлся от 32 экипажа делегатом объединенных партийных наших коллективов, которые возлагали большие надежды на его способности).

По приходе «Прута» в бухту, Петрова и еще 3-х товарищей бросили в нашу крепость, а на утро всех 4-х перед нашими окнами . . . . . . [1]).

[1]) Пропуск в подлиннике.

IX.

№ 3769. / 1905 г. 7 делопр.

Копия.
Секретно.

НАЧАЛЬНИК
Жандармского Управления
г. ОДЕССЫ.

8 августа 1907 г.
№ 7994.
г. Одесса.

Доношу, что арестованный 3 минувшего июля в г. Николаеве в числе прикосновенных к Одесской группе анархистов-синдикалистов под именем крестьянина Полтавской губернии, Лохвицкого уезда, Сенганской волости Иеремия Андреева Федоренко сознался сего числа при допросе, что он беглый матрос Матюшенко и, кроме того, опознан четырьмя его бывшими сослуживцами.

Приложение: копия с допроса Матюшенко.

Полковник *Померанцев*.

№ 3769. / 1905 г. 7 делопр.

Копия.

Протокол №

1907 г. *августа* «8» дня, я, Отдельного Корпуса Жандармов Подполковник *Иванов*, на основании 21 ст. положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, допрашивал нижепоименованного, который показал:

1. Имя, отчество, фамилия; время и место рождения.	Афанасий Николаев *Матюшенко*, родился в 1879 г. 2 мая.
2. Вероисповедание; происхождение; народность; подданство.	Православного, из крестьян, малоросс, русско-подданный.
3. Звание, место постоянного жительства; место приписки, занятия; средства к жизни.	Крестьянин Харьковской губернии, Харьковского уезда, Дергачской волости, села Дергачи, приписан к обществу крестьян этого села, хлебопашеством, служил в 36 флотском экипаже; зарабатывал 5 руб. 50 коп. в день на заводе Зингера, в Америке, с прошлого июня месяца, т.-е. 1906 г.
4. Семейное положение (имя, отчество жены или мужа, имена детей, их занятия и место жительства).	*Холост.*

5. Родственные связи (Родители, братья, сестры, место их жительства и занятия).	Живы ли родители, не знаю. Отец Николай Семенов Матюшенко, мать Серафима Семенова Матюшенко, отец хлебопашец, а мать—хозяйством. Братья: Ефим, Федор и Сергей жили на родине. Сестры: Мария—девица, а Фекла—малолетняя, обе живут при родителях.
6. Место постоянного жительства родителей или заменяющих их родственников или опекунов.	В селении Дергачах.
7. Экономическое положение родителей.	Родители имеют надел, личным трудом.
8. Место воспитания (указать, в каком именно заведении, сколько времени пробыл, почему оставил каждое заведение, когда поступил и когда вышел).	В церковно-приходской школе в селении Дергачах, поступил в 9 лет, а окончил в 11 лет.
9. На чей счет воспитывался.	Бесплатно, взнос на наем учителя в год 50 копеек.
11. Был ли за границею, когда именно, где и с какою целью.	В Америке с июня месяца 1906 г. и до марта месяца этого года, всего 8 месяцев, в Париже с марта месяца до 14 июня этого года; а до путешествия в Америку жил в Румынии с 24 июня 1905 г. до июня 1906 г.; в Румынию попал, желая избегнуть наказания, а в Америку для заработка.
12. Привлекался ли раньше к дознаниям, каким, где и чем окончены.	Не привлекался.

На предложенные мне вопросы отвечаю:

Во время восстания на эскадре (бр. «К. П. Таврический») броненосце «Князе Потемкине-Таврическом» был в составе команды означенного броненосца, в звании минно-машинного квартирмейстера I статьи. Во время пребывания броненосца в г. Одессе, я был выбран депутатом к командующему войсками генералу Коханову с требованиями, которых я за давностью не помню. Убедившись, что команда броненосца «Георгий Победоносец»

приняла сторону правительства, «Потемкин» ушел в Румынию. Затем воротился в Феодосию, где нас встретили пальбой и тем заставили возвратиться в Румынию, где произошла сдача, и команда высадилась на берег. Зарабатывал на пропитание личным трудом. Жил в Бухаресте, Комнане и Констанце, а в июне прошлого года поехал в Америку, где зарабатывал 5 руб. 50 коп. в день на фабрике Зингер. Потом был в Париже и 28 июня этого года приехал в Одессу, а 29 поехал в Николаев, где пробыл 3 или 4 дня и был арестован. Деньги в сумме (146 руб.) ста сорока шести рублей мои собственные. Браунинг и патроны приобрел за границей, там же купил паспорт на имя Мякотина и бланк, больше показать ничего не имею.

И присовокупляю, что знакомых в Одессе не имею.

Крестьянин Афанасий Николаев Матюшенко.

Подлинный за надлежащей подписью и с подлинным верно: Отдельного Корпуса Жандармов, *Подполковник* (подп. неразб.).

№ 3769. / 1905 г. 7 делопр.

Копия.
Секретно.

ВРЕМЕННЫЙ
Генерал-Губернатор
исполняющий должность
ГЛАВНОГО КОМАНДИРА
Черноморского флота и портов
Черного моря
и
Начальник Гарнизона
г. СЕВАСТОПОЛЯ.

Октября 20 дня 1907 г.
№ 25.
г. Севастополь.

Министру Внутренних Дел.

Минно-машинный квартирмейстер I ст. 28 флотского экипажа Афанасий Николаев *Матюшенко*, принадлежа к партии социалистов-революционеров и находясь в 1905 г. в плавании в Тендровском заливе на бывшем эскадренном броненосце «Князь Потемкин-Таврический», ныне «Пантелеймон», поднял вооруженное восстание судовой команды, принимал активное участие в убийстве командира названного броненосца капитана I ранга Голикова, собственноручно застрелил из винтовки минного офицера лейтенанта Тона и, похитив с броненосца 23.000 руб. казенных денег, совершил побег за границу.

В феврале 1906 г. из Бухареста Матюшенко отправил по почте на имя адъютанта 36 флотского экипажа штабс-капитана Данилова лубочную карикатуру, — с изображением Царствующего *Государя* в оскорбительном для *Его* Особы виде, письмо с оскорблениями по адресу названного офицера и собственноручно им, Матюшенко, подписанное печатное воззвание «К офи-

церам армии и флота», в коем подстрекает их начать вооруженное восстание.

3 июля сего 1907 г. Матюшенко был задержан полицией в г. Николаеве.

За все означенные преступные деяния, по совокупности, применяясь к 152 ст. Улож. о Наказ., Военно-Морской Суд Севастопольского порта, приговором, 17 сего октября состоявшимся, постановил названного Афанасия Матюшенко, по лишении его воинского звания и всех прав состояния, подвергнуть смертной казни чрез повешение.

Приговор этот сего числа, на рассвете, приведен в исполнение.

О чем имею честь доложить Вашему Высокопревосходительству.

Контр-адмирал *Вирен.*

Чиновник особых поручений, Статский советник *Д. Дриневич.*

№ 3769. / 1905 г. 7 делопр. *Копия.*

Вырезка из газеты „Русь" от 23-го октября 1907-го года, № 283-й.

М. Г. Телеграммы 20 октября принесли известие, что в Севастополе утвержден к.-а. Виреном и приведен в исполнение смертный приговор над минно-машинным квартирмейстером Афанасием Матюшенко, руководителем восстания на броненосце «Потемкин».

Восстание на броненосце «Кн. Потемкин-Таврический» произошло, как всем известно, в июне месяце 1905 года.

Также всем известно, что 21 октября 1905 г. был обнародован Именной Высочайший указ правительствующему сенату «об облегчении участи лиц, впавших до воспоследования манифеста 17 октября 1905 г. в преступные деяния государственные».

Указ этот содержит восемь пунктов. Во всех них, кроме одного, седьмого, говорится об облегчении и порядке облегчения участи лиц, впавших в преступные государственные и иного рода деяния, по коим виновные наказаны судом военным или административною властью.

Седьмым же пунктом дарована была Высочайшая милость всем преступникам без ограничения. Эта милость состояла в замене смертной казни 15 - летней каторгой: «всем осужденным до 17 октября 1905 г., а равно подлежащим этому наказанию за учиненные до этого дня преступные деяния». Таков буквальный смысл этого 7 пункта и так его принимали наши суды. В январе 1906 г. судились в Севастопольском военно-морском суде

матросы, участвовавшие в Потемкинском восстании, и к тем из них, кои были осуждены на смертную казнь, был применен 7 пункт указа 21 октября 1905 г.

Матюшенко такой милости не было оказано. Почему к.-а. Вирен не счел себя обязанным исполнить Высочайший указ, нам неизвестно. Но Матюшенко казнен и казнен за деяние, учиненное до 17 октября 1905 г.

Как это могло случиться?

П. П-ев.

№ 3769. / 1905 г. 7 делопр.

Копия.

ДИРЕКТОР
Департамента Полиции.

———

29 октября 1907 года.

Вследствие резолюции Вашего Высокопревосходительства на прилагаемой при сем газетной вырезке по поводу казни, 20 сего октября, в г. Севастополе бывшего матроса броненосца «Князь Потемкин - Таврический» Афанасия *Матюшенко*, имею честь доложить следующее.

По имеющимся в департаменте полиции сведениям, минно-машинный квартирмейстер Афанасий *Матюшенко*, принадлежа к партии социалистов-революционеров и находясь в июне месяце 1905 г. в плавании на Черном море на броненосце «Князь Потемкин-Таврический», ныне «Пантелеймон», поднял вооруженное восстание судовой команды, сопровождавшееся убийством части офицеров броненосца, принимал активное участие в убийстве командира броненосца капитана *Голикова* и собственноручно застрелил из винтовки минного офицера лейтенанта *Тона*.

После сдачи мятежниками броненосца румынским властям в Костенджи, на условиях невыдачи их русскому правительству, Матюшенко проживал некоторое время в Румынии, откуда в феврале 1906 г. отправил по почте на имя адъютанта 36 флотского экипажа штабс-капитана Данилова лубочную карикатуру, с изображением Царствующего *Императора* в оскорбительном для *Его Особы* виде, письмо с оскорблениями по адресу названного офицера и собственноручно им, Матюшенко, подписанное печатное воззвание «К офицерам армии и флота», коим подстрекает их начать вооруженное восстание. По возвращении в пределы империи, Матюшенко был арестован 3 июня сего года в Николаеве в числе прикосновенных к одесской группе анархистов-синдикалистов, под именем крестьянина *Федоренко*, причем по обыску у него был обнаружен револьвер.

Преданный военно-морскому суду Севастопольского порта, Матюшенко, 17 сего октября, был присужден к смертной казни

через повешение, по лишении воинского звания и всех прав состояния, каковой приговор 20 того же октября приведен в исполнение.

Копии сего приговора в департаменте полиции не имеется, так что не представляется возможным с точностью определить, на основании каких именно статей уголовного закона суд назначил наказание и в силу каких соображений смертная казнь не была заменена каторжными работами, согласно 7 п. Именного *Высочайшего* Указа от 21 октября 1905 г. Имеется лишь в сообщении контр-адмирала Вирена по поводу казни Матюшенко указание на применение судом 152 ст. улож. о наказ., говорящей о наказуемости совершенных преступных деяний по совокупности.

Неприменение по настоящему делу военно-морским судом Именного *Высочайшего* Указа от 21 октября 1905 г. надлежит, по всей вероятности, объяснить тем, что Матюшенко был признан судом виновным не только в преступлениях государственных, но и в обще-уголовных (убийство офицера), на каковые деяния милости, дарованные упомянутым указом, относящимся лишь до лиц, «впавших до воспоследования сего манифеста, в преступные деяния *государственные*», не распространяются.

Одновременно с сим от контр-адмирала Вирена затребована копия приговора военно-морского суда по этому делу.

Директор (подп. неразб.).

№ 3769.
1905 г. 7 делопр.

Копия.
Секретно.

ВРЕМЕННЫЙ
Генерал-Губернатор
исправляющий должность
ГЛАВНОГО КОМАНДИРА
Черноморского флота и портов
Черного моря
и
Начальника Гарнизона
г. СЕВАСТОПОЛЯ.

Октября 29 дня 1907 г.
№ 28.
г. Севастополь.

Министру Внутренних Дел.

В № 283 газеты «Русь» неизвестный автор, подписавшийся П. П-ев, в письме на имя редакции газеты, сообщая об утверждении мною смертного приговора над минно-машинным квартирмейстером Афанасием Матюшенко, указывает на то, что я не счел себя обязанным исполнить Именной Высочайший указ Правительствующему сенату от 21 октября 1905 г., согласно 7 пункту которого смертная казнь должна быть заменена ссылкой в каторжные работы на пятнадцать лет.

В целях осветить юридическую постановку вопроса осуждения Матюшенко и, если соблаговолите признать это желатель-

ным, разъяснить читающей публике заблуждения повременной печати, поставляю себе долгом представить на благоусмотрение вашего высокопревосходительства извлечение из приговора военно-морского суда Севастопольского порта, 17 сего октября состоявшегося, по указанному делу.

По выводам обвинительного акта и заключительным на суде прениям, подсудимый Матюшенко обвинялся в том: 1) что, принадлежа к партии социалистов-революционеров, поставивших себе задачею ниспровержение существующего в России государственного строя насильственным путем, он, в 1905 г., находясь в плавании на бывшем эскадренном броненосце «Князь Потемкин-Таврический» и зная, что среди команды этого броненосца велась усиленная пропаганда с целью поднять вооруженное восстание на судне, принял в ней наиболее деятельное участие и говорил команде возбуждающие ее против начальства речи, при чем вместе со своими единомышленниками выработал план восстания на судне, с осуществлением которого было связано убийство командира судна, капитана 1 ранга Голикова и всех офицеров. 14 июня того же года, во время стоянки названного броненосца на Тендровском рейде, он, совместно с другими нижними чинами, под предлогом, якобы, недоброкачественно приготовленного обеда, перешел в открытое восстание против судового начальства и, став во главе восставших нижних чинов, вооружившись винтовкою, принял участие в убийстве командира броненосца, капитана I ранга Голикова и собственноручно лишил жизни выстрелом из винтовки минного офицера броненосца, лейтенанта Тона; после чего, приняв на себя главную роль в руководительстве восставшими нижними чинами, вошел в качестве члена, в состав комиссии, образовавшейся восставшими нижними чинами для управления броненосцем; в качестве члена этой комиссии он, Матюшенко, распоряжался движениями броненосца по портам Черного моря, при чем, будучи все время вооруженным револьвером, он угрозами лишить жизни и разными лживыми речами поддерживал среди команды мятежное настроение, уверяя всех, что только путем вооруженного восстания можно добиться ниспровержения государственного строя в России; когда же он и другие члены комиссии, после пребывания броненосца в Феодосии, убедились в том, что среди нижних чинов команды есть значительное число их, которое не желает продолжать восстания, то он, по приходе броненосца в порт Кюстенджи, 25 того же июня, взял находившиеся в судовой кассе казенные деньги, в сумме около 23.000 руб., и разделил их между всеми находившимися на броненосце, после чего, передав броненосец в распоряжение румынских властей, бежал; 2) что самовольно отлучившись в Румынию с большого броненосца «Князь Потемкин-Таврический»

25 июня 1905 г., по окончании на нем восстания, он пробыл в безвестном отсутствии от своей части до 3 июля 1907 г., когда был задержан полицией в г. Николаеве; 3) что в феврале месяце 1906 г., будучи в Бухаресте, он отправил оттуда по почте на имя адъютанта 36 флотского экипажа штабс-капитана Данилова карикатуру лубочного производства, в которой заключалось изображение царствующего Государя Императора в оскорбительном для его достоинства виде, что сделал с исключительною целью возбудить неуважение в особе Его Императорского Величества; 4) что тогда же и там же, при отправлении упомянутой в предыдущем пункте карикатуры лубочного производства, он, на оборотной ее стороне, написал письмо, адресованное штабс-капитану Данилову, поместив в письме целый ряд ругательских слов, обращенных к названному офицеру; 5) что, убедившись на деле во время поднятого им восстания в 1905 г. на бывшем броненосце «Князь Потемкин-Таврический», что не только среди нижних чинов флота, но и среди офицерского его состава есть лица, сочувствующие революционному движению в России, он, будучи в бегах за границею и стремясь всеми зависящими от него мерами к развитию смут среди войск и флота в России, издал печатное воззвание к офицерам армии и флота, подписав его своим именем и фамилией, в котором призывал офицеров поднять восстание против начальства, и в феврале месяце 1906 г. один экземпляр такого воззвания, вместе с упомянутой в 3 пункте карикатурою лубочного производства, отправил почтою адъютанту 36 флотского экипажа штабс-капитану Данилову с целью возбудить этого офицера нарушить долг службы и совместно с другими, в числе более восьми человек, перейти к восстанию против начальства.

В вышеуказанных преступных деяниях суд признал подсудимого Матюшенко виновным.

Обращаясь к определению ответственности подсудимого по закону, военно-морской суд находит, что совершенное подсудимым преступление, указанное выше в первом пункте и вызвавшее, по признанию суда, принятие особых мер к подавлению сего посягательства, предусматривается первою частью 100 ст. уголовного уложения 1903 г., определяющею виновным наказанием смертную казнь, каковое наказание суд и определил подсудимому, согласно 51 ст. того же уложения, как соучастнику означенного преступления, непосредственно учинившему оное. Но, принимая во внимание, что согласно 7 пункту Именного Высочайшего указа правительствующему сенату 21 октября 1905 г., всем подлежащим смертной казни за учиненные ими преступления до 17 октября 1905 г. смертная казнь заменяется ссылкою в каторжные работы на пятнадцать лет, суд назначил подсудимому это последнее наказание за указанное преступное его дея-

ние. Совершенное подсудимым преступное деяние, указанное выше во 2 пункте, составляет побег из службы, совершенный подсудимым в первый раз, продолжавшийся долее шести месяцев и сопровождавшийся переходом за границу, каковое преступное деяние предусматривается I ч. 131 и 133 ст. военно-морского устава о наказ., кн. XVI св. мор. пост., изд. 1886 г. Согласно приведенным статьям закона, суд избрал подсудимому одиночное заключение в военно-морской тюрьме на четыре месяца и, возвысив это наказание на две степени, назначил подсудимому за совершенный им побег—отдачу в дисциплинарные батальоны на два года с установленными праволишениями. Совершенное подсудимым преступное деяние, указанное выше в 3 пункте, предусматривается I ч. 103 ст. уголовного уложения, согласно коей виновные наказываются каторгою на срок не свыше восьми лет; суд назначил подсудимому за это преступное деяние каторгу на шесть лет. Совершенное подсудимым преступное деяние, указанное в 4 пункте, составляя оскорбление начальника на письме, предусматривается I ч. 96 ст. военно-морского устава о наказ., согласно коей суд назначил подсудимому за таковое оскорбление отдачу в дисциплинарные батальоны на два года с установленными праволишениями. Совершенное подсудимым преступление, указанное выше в 5 пункте, представляя собою подстрекательство к явному восстанию, хотя и не учиненному тем, кто был подстрекаем, предусматривается 112 ст. (в новой редакции ее, объявленной в приказе по морскому ведомству от 26 июня 1905 г. за № 131) и пунктом б ст. 190 военно-морск. устава о наказ., определяющие виновным наказание—лишение всех прав состояния и смертную казнь. Суд, по обстоятельствам дела и руководствуясь II ст. того же военно-морского устава, назначил подсудимому таковое наказание чрез повешение. По совокупности всех совершенных подсудимым преступлений, в окончательном выводе ему должно быть назначено, согласно 152 ст. уложения о наказ., тягчайшее наказание из числа назначенных судом,—лишение всех прав состояния и смертная казнь чрез повешение.

Посему и на основании 51, 100 и 103 ст. угол. улож. 1903 г., 96, I части 131, 133, 112, п. б 109, II, 15, 311 ст. военно-морского устава о наказ. и 152 ст. улож. о наказ., военно-морской суд *приговорил:* минно-машинного квартирмейстера I-й ст. 28 (бывшего 36) флотского экипажа Афанасия Николаева Матюшенко, 28 лет, из крестьян, за насильственное посягательство на изменение в России установленного законами основными образа правления, вызвавшее принятие особых мер к подавлению сего посягательства, распространение оскорбительного для Особы Царствующего Императора изображения, с целью возбудить неуважение в его особе, первый из службы побег, продолжавшийся

более шести месяцев и сопровождавшийся переходом за границу, оскорбление офицера на письме и подстрекательство к открытому восстанию с целью нарушения подстрекаемым долга службы и сопротивление начальству, лишить воинского звания и всех прав состояния и подвергнуть смертной казни чрез повешение.

Из вышеприведенной квалификации преступных деяний Матюшенко с указанием времени их совершения видно, что военно-морской суд вынес Матюшенко смертный приговор по совокупности всех совершенных подсудимым преступлений, в том числе и такого, которое учинено после 17 октября 1905 г. и за которое в законе полагается смертная казнь.

Изложенное имею честь представить на благоусмотрение вашего высокопревосходительства в дополнение к докладу моему от 20 октября сего года за № 25.

Контр-адмирал *Вирен.*

Чиновник особых поручений, Статский советник *Д. Дриневич.*

Копия.

Письмо Матюшенко.

Возвание к целому офицерскому корпусу, к войску и к флоту.

Прерываем на один день серию интересных статей: «Имеем историческое право в Македонии», чтобы поместить одно письмо Матюшенко.

Матюшенко, душа революции на «Потемкине», бывший кочегар, делает воззвание к целому офицерскому корпусу, войску и флоту.

Борьбою выиграешь право свое.

«Господа офицеры. Может, вам покажется немного странным, во всяком случае это не диковинка, чтобы нижний класс давал бы вам офицерам советы и предостережение. Теперь настали такие времена, что мы должны обращаться друг к другу без всякой разницы, т.-е. как мы простолюдины говорим, каждый человек нуждается один в другом, так и я теперь обращаюсь к вам, господа офицеры. Обращаюсь к той части русского войска, которая мне лучше известна, т.-е. к флоту, но думаю, что во всех слоях войска, положение одинаково и большой разницы между ними нет.

Господа офицеры. Медиатизируйте хорошо положение, в котором вы находитесь. Вы знаете, что подготовляете ваших матросов к тому, чтобы они каждую минуту жертвовали бы своею жизнью. Вы забываете, что, принуждая матросов бороться против народа, этим вы их принуждаете бороться против их роди-

телей. Матрос отлично понимает это, отлично также знает он, кому он служит и на чьей спине живете вы. Не думайте, что если матрос вам услуживает и унижается перед вами, то этим вы гарантированы от всякой опасности. В сердце каждого матроса кипит гнев и желание мести. Вспомните, что было в Севастополе 3 ноября 1904 г. когда я служил в дивизии и хотел убить всех офицеров оттого, что старший флагман выругал без всякой причины часового. Все офицеры знали мой революционажный дух, и что спасло их тогда, это бегство старшего флагмана. Он не понимал, что в те критические минуты мы нуждались в правде, свободе и братстве, и что если бы я хотел дать знак на восстание, то мне надо было лишь убить его и революция бы вспыхнула, о последствиях я не думал, как и всякий матрос, где бы он ни находился и в каком положении ни находился.

Господа русские офицеры. Может, вам неизвестно, что вы находитесь между двух огней: 1) между начальниками вашими и адмиралами; 2) между солдатами.

Начальники и адмиралы так говорят: «в наши времена никто не смеет нас тронуть», а там будь, что будет, а вот я вам говорю откровенно, что вся сила в матросах.

И что можете вы против этой силы, конечно, ничего.

Конечно, вам страшно умирать, потому вам хорошо живется и цель имеете в жизни, матросу же очень легко, потому он решительно ничего не значит.

Вам, может, кажется то, что я говорю, далеко от действительности, и что перемена, которая должна скоро настать в России, еще очень далека, ошибаетесь, повторяю вам, что очень скоро. Вы, может быть, думаете, что, когда Россия станет республикой и когда вся земля будет в руках целого народа, вам будет трудно жить, и что только тому будет хорошо, кто руками может обрабатывать землю. Напрасно. Вам и тогда будет отлично житься, молодым и красивым всегда хорошо. Братья. Пока еще не поздно, соединимся против общего врага. Он враг народа и враг вам. Враг вам потому, что одел вас в эту знакомую одежду, одежду оплеванную им же. Вы отлично знаете, да и начальство и адмиралы не хуже вас, что повышения не даются по заслугам, и просто по протекции какой-нибудь тетушки из Петербурга.

Вы вместе с матросами обязаны строить пароходы, вооружать их пушками, умирать в бою с врагами или тонуть в бурях. Вас привыкают смотреть на народ, в котором вы родились, как на ненужное стадо, а на Россию, как на дойную корову. Не стыдно вам. Ничто не принуждает вас скинуть с себя проклятую форму царских лакеев, соберемся вокруг красного, величественного и свободного флага, верных сынов отечества. Опомнитесь, пока не поздно. Вспомните, что было на «Потемкине», офицеры говорили, что если бы произошли смуты, то всех бы убили, и виноватых

и не виноватых. Матросы же сделали иначе, они убили виноватых. Старайтесь, чтобы матросы видели в вас сынов отечества, а не изменников. Для вас все равно теперь, матросов же никогда не будете иметь под рукой, потому не знаете, кто враг, а кто друг. Я служил 6 лет, никогда не был наказан, всегда готов был пожертвовать жизнею для России.

Посудите немного над вашим положением господа офицеры и вы будете любимы народом, а не как теперь, ненавидимы.

Говорю вам все это, потому от всей души желаю добра не только народу и вам.

Анастасий Матюшенко.

№ 1, ч. I. т. 3. / 1905 г. О. О.

X.

30685.
Входящий №. Дело № *Копия.*

Справка по Особому Отделу.

1. Фамилия: *Фельдман.*
2. Имя: Константин
3. Отчество: Израилевич.
4. Клички:
5. Звание: Алешковский, Таврической губ., мещанин.
6. Год и место рождения:
7. Вероисповедание:
8. Образовательный ценз: Одесская гимназия Ровнякова.
9. Семейное положение и родственные связи:
10. *Приметы* и *время* их: (1906 г.) выше-среднего роста, брюнет, носил маленькую бородку, лицо продолговатое, чистое, глаза серые, особых примет нет.
11. Имеется ли фотография, где находится и год: Не имеется.
12. Упоминается в Цирк. д. полиции: не розыскивается.

Сведения о революционной деятельности:

1667—905 г. вх. 2266. 3769—905 г. вх. 14275. 16948. 17783.

20 января 1911 г., за № 395, начальник жандармского управления г. Одессы уведомил, что у проживающей в С.-Петербурге по Казанской улице д. № 12 курсистки Любови Фельдман бывает брат ее Константин Израилев Фельдман, который в 1905 г. вел агитацию среди матросов броненосца «Князь Потемкин-Таврический», подстрекая их к бунту, и в июне того же года на этом броненосце отбыл из Одессы в Феодосию, где был задержан в числе мятежников—матросов; Фельдман содержался на Севастопольской гауптвахте, откуда 14 августа того же года бежал вместе с караульными нижними

чинами рядовым 50 пехотного Белостокского полка и ефрейтором местного крепостного баталиона Бурцевым. Названный Фельдман, по сообщению начальника Севастопольского жандармского управления, разыскивался, как участник мятежа матросов броненосца «Князь Потемкин».

В том же месяце от Одесского полициймейстера были получены сведения, что в С.-Петербурге предполагается будто бы ряд покушений на жизнь должностных лиц, между прочим на председателя совета министров и Петербургского градоначальника. Организатором этих покушений состоит, будто бы, Костя Фельдман, находящийся в Петербурге.

Изложенные сведения сообщены начальнику С.-Петербургского охранного отделения 23 января 1911 г. за № 27961.

10 октября 1913 г. за № 4794 начальник жандармского управления г. Одессы сообщил нижеследующие агентурные сведения:

Организатор мятежа на броненосце, бывшем «Князь Потемкин-Таврический»,—Константин Израилев Фельдман, арестованный в г. Феодосии и бежавший впоследствии из Севастопольской тюрьмы, ныне находится в Париже, где одно время жил по адресу: « . . . .[1] № 50», ныне же проживает в том же 5 . . . .[2]) № 50,—но в другом районе. Фельдман, будто бы, получил за границей юридическое образование, со званием адвоката, но практики не имеет, а занимается переводами. Вместе с ним проживает его жена или сожительница, по профессии женщина-врач. Фельдман имеет в Одессе родственников по фамилии Дикс, один из коих, «Моня», ныне проживает в Петербурге.

При разработке этих сведений установлено, что из семьи Дикс в Одессе в данное время проживает только одна Анна Семеновна Дикс: «Моня»—же оказался родственником Фельдман, Маркусом Юльевым Дикс, действительно проживающим в С.-Петербурге. Вместе с этим выяснено, что в городе Херсоне проживал некий Израиль Петров Фельдман, повидимому, отец Константина Фельдмана, который недавно выехал за границу, будто бы для лечения болезни. Названные выше Диксы по делам управления не проходили.

Справка составлена «28» октября 1913 г., при чем других сведений по делам департамента полиции к этому числу о данном лице не имеется.

Надв. сов. (подпись).

№ 1667. / 1905 г. О. О.

---

[1]) Пропуск в подлиннике.
[2]) Пропуск в подлиннике.

№ 3769. / 905 г. Деп. Пол. 7 делопроизв. *Копия.*

Разбор шифрованной телеграммы из Севастополя. От жандармского подполковника *Бельского.* На имя департамента полиции.

№ 760.

Подана 4 сего Июля в 11 час. 30 мин. пополудни.

Среди доставленных из Феодосии десяти матросов «Потемкина» оказался еврей Константин Израилев *Фельдман,* севший броненосец Одессе, был одним из главных руководителей, проживал по Херсонской улице дом 21, квартира 21; эти матросы к ответственности не привлечены. Следствие будет производиться военным следователем.

№ 3769. / 905 г. Деп. Пол. 7 делопроизв. *Копия.*

Разбор шифрованной телеграммы из Севастополя от жандармского подполковника Бельского на департамент полиции.

№ 2271.

Подана 13 Августа 1905 г. в 6 ч. д.

Обвиняемый по бунту на «Потемкине» еврей Константин *Фельдман,* совместно караульным, рядовым Белостокского полка Мордкой Штриком и сторожем гауптвахты ефрейтором крепостного батальона Бурцевым, сегодня 4 часа утра с крепостной гауптвахты бежал, одет летнюю форму, шинель Виленского полка без погон, бежавшие с ним нижние чины одеты в том же обмундировании своих частей, продолжающиеся розыски безрезультатны. Сообщено Одессу и по линиям железных дорог.

№ 3769. / 905 г. Деп. Пол. 7 делопроизв. *Копия.* *Секретно.*

Исполняющий обязанности
НАЧАЛЬНИКА
Губернского Жандармского
УПРАВЛЕНИЯ
в Севастопольском Градоначальстве и Евпаторийском уезде.

18 Августа 1905 г.
№ 1181.
г. Севастополь.

В дополнение к № 1119 о побеге Фельдмана.

Командиру Отдельного Корпуса Жандармов.

По расследованию оказалось, что предложение о побеге Бурцев сделал Фельдману месяц тому назад. Фельдман говорил об этом, встретившись в отхожем месте, унтер-офицеру Шио Схиртладзе, как бы спрашивая его, принять предложение или нет. Схиртладзе ему ответил, что все это пустяки. Спустя недели две после этого разговора Схиртладзе

заметил в поведении сторожа Бурцева, что он, как будто бы, хочет выполнить сделанное им предложение Фельдману.

Желая подозрение это заявить начальству, он 6 августа, при посещении сожительницей Гнедышевой, сказал ей, чтобы она сходила в комендантское Управление и передала капитану Оллонгрену, чтобы его вызвали для допроса по важному делу. Она поручение это исполнила, но капитан Оллонгрен не обратил на него внимания.

Для более основательной проверки своего подозрения Схиртладзе, пользуясь бытностью у него 6 августа Евдокии Гнедышевой, которая не осталась незамеченною Фельдманом (камера Фельдмана находится против Схиртладзе), при выходе в отхожее место предложил Фельдману передавать через Гнедышеву, если ему нужно, письма в город. Фельдман согласился и 7-го августа передал ему записку, написанную карандашом, чтобы Гнедышева передала на Нахимовский проспект в дом Лам в квартиру Конторовича. Прочтя записку и увидев, что его подозрения подтверждаются, а между тем его не вызывают, как он о том просил, сам написал письмо (копия представляется) на имя капитана Оллонгрена и представил 12 августа утром сменившемуся караульному начальнику, для передачи капитану Оллонгрену, оставив записку Фельдмана у себя. Капитан Оллонгрен прибыл лишь 13-го после обнаружения побега, которому Схиртладзе и передал записку Фельдмана (копия представляется). Ранее через Схиртладзе и Гнедышеву никаких писем, как они говорят, и чему можно верить, ни Фельдману, а также и от него, передаваемо не было; по всему вероятию, все это делалось через Бурцева.

При установлении адреса, сообщенного Схиртладзе, оказалось, что на Нахимовском проспекте есть дом бывший Лам, ныне принадлежащий Севастопольскому купцу Гефману, но квартиры, занимаемой Конторовичем, не оказалось.

Проживающая в этом доме, бывшая домовладелица Песя Лам объяснила, что у нее в квартире проживал в июне мясяце сего года несколько дней жених ее дочери, фармацевт, еврей, Год Лазарев Конторович, выехавший в Курск на место. Действительно, в домовой книге этого дома имеется отметка, что он прибыл из Феодосии 22 июня и 27 июня выбыл в Курск. Во время пребывания в Севастополе, Конторович предъявил кондуитный список и диплом Харьковского Университета, №№ этих документов в полицейской отметке не указаны.

Из сведений, доложенных помощником в Севастопольском градоначальстве, видно: Год Конторович был арестован в 1903 г. и привлечен в качестве обвиняемого по 251 и 252 ст. ст. Ул. о Нак., дознание о нем закончено 11 февраля 1904 г. 22 апреля сего года Конторович, по распоряжению Одесской Судебной

палаты, из Севастопольской тюрьмы был переведен в Феодосийскую, в виду предполагавшегося там заседания по его делу. Из частных источников известно, что дело было отложено и Конторовича освободили под залог в 100 руб.; уведомления об этом ни от кого до сего времени не было.

Старшая дочь Лам Евгения считалась невестою Конторовича, посещала его в Севастопольской тюрьме. Семейство Лам, состоящее из матери, двух дочерей Евгении и Анны, сына Михаила, в 1903 и 1904 г. проходило по наблюдению в виду знакомства с лицами, скомпрометированными в политическом отношении. Евгения и Анна Лам были задержаны в числе прочих на сходке 18 апреля сего года, и у них производился обыск, но, по отсутствию данных, к формальному дознанию привлечены не были. Других лиц у них за это время не проживало.

О розыске Конторовича посланы телеграфные требования в Курск, Феодосию и Царицын.

В доме Гофмана в числе жильцов с подходящими фамилиями к фамилии Конторович нет и лиц, кроме семейства Лам, в политической благонадежности коих можно сомневаться, записанными на жительстве не значится.

По всему вероятию указание Фельдмана на фамилию Конторовича было конспиративное. Письмо это предназначалось для лица, передававшего Фельдману книги через штаб крепости. В виду полного отсутствия каких-либо сведений о лице, передававшем книги в штаб, личность эта выясняется агентурным путем.

Благодаря полной бесконтрольности в отлучках с гауптвахты бежавшего сторожа, ефрейтора Бурцева, он легко мог вступить в сношение с лицом, принимавшим участие в Фельдмане.

Бурцев (как) и раньше, оказывается, неоднократно замечался в возмутительном безнравственном поведении, так он обобрал, вступив в интимную связь, сестру содержавшегося под стражею на гауптвахте чиновника морского ведомства Федорова, выманив у нее золотые и серебряные вещи, на сумму до 600 руб. Благодаря добытым таким путем деньгам, вел разгульную жизнь, на что было обращено внимание Крепостного Управления, между тем он все время оставался старшим сторожем на гауптвахте.

Опустившись, примкнув к разгульной жизни и видя халатное отношение караула на гауптвахте, и решил содействовать побегу Фельдмана, полагая, что в виду богатства его отца, которого он видел на свидании в камере сына (на гауптвахте практикуется давать свидания заключенным в камерах, где они содержатся), труд его не останется без вознаграждения.

Участие рядового Штрика в побеге Фельдмана по подговору Бурцева не требует доказательств; обращает на себя внимание

то обстоятельство, что единственный еврей в карауле попал на единственный, из числа 8-ми, пост, где он мог быть пособником, и в единственную из трех смену, где помощь наиболее была необходима, из чего следует сделать предположение, что распределявший нижних чинов караульный унтер-офицер 50 Белостокского пехотного полка Матня сделал это не без умысла. При распросе, этот унтер-офицер объяснил, что ключей от камеры никому не давал и не выпускал их из рук, а нижние чины караула говорят, что не только он ключи оставлял на столе, но и давал их выводным.

Все камеры арестованных запираются одинаковым ключом, типа железнодорожных вагонов.

Камера Фельдмана была отперта Штриком, когда он стоял около камеры на часах, или же Бурцевым, имевшим свободный доступ в коридор, решетчатая дверь коего никогда не запиралась, хотя и висел замок.

Об изложенном докладываю Вашему Превосходительству и присовокупляю, что расследование к обнаружению пособников побега продолжается.

По распоряжению начальника гарнизона приступлено о побеге этом к производству дознания, а военным следователем к производству предварительного следствия.

Подполковник (подпись неразб.).

№ 3769. / 905 г. Деп. Пол. 7 делопроизв. *Копия.*

Копия с письма унтер-офицера Схиртладзе, посланного через караульного начальника в 8 часов утра 12 сего августа начальнику комендантского отделения капитану Оллонгрену, которое последним и было получено в 10 часов утра.

Его Высокоблагородию И. Д. Комендант. отд.

Ваше Высокоблагородие приезжайте на главную гауптвахту и начинайте на меня кричать, как будто я имею переговоры с Фельдманом и он у меня передает записки и как будто эти записки я даю женщине, чтобы отнесла в дом Лама в квартире Конторовича. Вы мне скажите, что вы отберете ее пропуск и никогда не пустите ее на свидание ко мне, вы прикажите, чтобы меня заперли в темную и когда уедете вызовете меня на допрос и я вам покажу, какие записки пишет Фельдман и кто ему помогает. Один человек старается как-нибудь его выпустить. От суда и у них есть такие планы, что очень просто что и выпустит. Только прошу Вашему Высокоблагородию чтоб из арестованных никто незнал что это я сказал вам. Вы сами знаете, что тогда здесь произойдется, а после допроса мало я боюсь, что у меня

обвинили по этому делу. Фельдман каждый день получает через этого человека письмо и также сам пишет. Этот человек два дня тому назад получил сто рублей задаток и обещают большую награду. Фельдман сам сказал и по записке могу доказать, которую писал Фельдман. Только вы Ваше Высокоблагородие не трогайте этого человека до моего допроса, который назначен пачтальоном. Запасный ст. унтер офицер Шио Схиртладзе.

Подполковник (подпись неразборч.).

№ 3769.
905 г. Деп. Пол. 7 делопроизв. *Копия.*

Копия с письма, предназначавшегося для передачи, через сожительницу подследственного арестанта унтер-офицера Схиртладзе, Гнедышеву, в дом Лам в квартиру Конторовича.

Давно уже собирался вам написать через эту женщину. Прежде всего о деле вы говорили что он робок и надо сделать его смелей я это не могу, так как не имею возможности говорить с ним, хотя бы несколько минут, но вы постарайтесь сами с ним поговорить, скажите ему, что без смелости нельзя сделать дела и тогда он лишается... При этом давайте и побольше обещайте, рисуйте ему заманчивыми красками жизнь заграницей, тамошних красивых девушек, которые любят русских красавцев и т. д. словом старайтесь действовать на самые низменные стороны пьющего и распутного парня. Теперь мы без сомнения пропустили самое удобное время, когда стоял один часовой и все было можно легко устроить. Тот план о котором вы писали мне сегодня не дурен (я уже писал вам сегодня об этом получили записку). Но только в том случае если мне откроют дверь. Он говорил о том, что бы я положил с вечера что нибудь под дверь, тогда меня не закроют на ночь (замок не будет запираться), но это конечно абсурд. Пусть он постарается достать ключ, он может ночью сильно напоить унтер офицера и снять на воск мерку с ключа, если это нельзя сделать, то нет ли таких инструментов, с помощью которых он мог бы открыть замок, я впрочем думаю, что он может достать ключ, но трусит сам открыть дверь. Воодушевляя его можно будет также попытаться с тюфяком, если будет хорошая смена, лучше всего это можно бы удрать вот как, вероятно здесь скоро пойдут в баню, идут огромной толпой, он должен устроить, чтобы и я пошел, когда же мы все вернемся, то можно будет найти момент забежать в цейхгауз и т. д. Вот все что пока есть. Пусть он постарается узнать надолго ли поставили II-го часового. На днях у меня был чиновник, состоящий при Московском суде, он назначен из Пет. для производства расследования и об Одесских событиях, допра-

шивал меня, как свидетеля (между прочим он вел дело Коляева), я дал те же показания, что и следователю, я указал ему на то обстоятельство, что на меня дает не верные показания один мичман (относительно стрельбы). Он сказал, что читал эти показания, но ему кажется что мичман ошибся и принимает меня за другое лицо, тем более, что он не совсем требовал передопроса, я уже написал об этом следователю, хорошо ли я сделал, затем еще один совет на судне Прут при мне один фельдфебель давал неверные показания на матросов и у меня есть доказательство этой лживости, между тем он (неразборчиво), что делать с этим фактом, заявить ли сейчас следователю об этом, или оставить до суда, спросите защитника и напишите мне. Чувствую себя не важно, быть может это объясняется нездоровьем, иногда находит апатия. Хотелось бы, чтобы скорей все кончилось, ведь с 15 июня я одними нервами живу, а они без того были измучены, но я думаю скоро это пройдет. Мне все-таки хочется жизни и борьбы, шлю свой горячий, горячий привет всем дорогим хорошим друзьям и товарищам, как безумно хочется обнять кого нибудь крепко, крепко, припасть к нему и рассказать все, все что пережил и перестрадал.

А как поживает добрая старушка-старая опортунистка, страстно я хотел бы увидать ее, это можно было бы сделать через эту женщину, книг я еще не получил. Зайдите в штаб, как будто за старыми книгами, и напишите о них. Пришлите с почталионом несколько штук ревеня 8—9.

Подполковник (подп. неразб.).

Копия.

НАЧАЛЬНИК
Севастопольского
Жандармского Управления
(с Ялтинским и Евпаторийским уездами).

4 Января 1914 года.
№ 17.
г. Севастополь.
По розыску,
По Особому Отделу.
По 2 Отделению.

Его Превосходительству г-ну Директору Департамента Полиции.

Вследствие предписания департамента полиции от 9 минувшего декабря за № 107549, имею часть донести Вашему Превосходительству, что принимавший непосредственное участие въ освобождении из-под стражи организатора мятежа на броненосце «Князь Потемкин - Таврический» мещанина гор. Алешек Константина Израилева Фельдмана, бывший ефрейтор Севастопольского крепостного батальона Андрей Дмитриев Бурцев, происходящий из крестьян Курской гебернии, Старооскольского

уезда, Знаменской волости, дер. Лепегов, в марте месяце 1909 г. был задержан в гор. Ростове на Дону и 17 апреля того же года начальником Севастопольского жандармского управления был передан в распоряжение штаба Севастопольской крепости.

Затем Вр. Севастопольским генерал-губернатором Андрей Бурцев был предан суду по обвинению его в освобождении арестанта и в побеге со службы и приговором Временного военного суда в городе Севастополе 9 ноября 1909 года был осужден в каторжные работы на 10 лет.

Принимавший же участие в означенном освобождении из под стражи Константина Фельдмана и бежавший с последним, рядовой 50 пехотного Белостокского полка Мордка Мендель Израилев Штрык, до настоящего времени не разыскан и, по сообщению мне начальника штаба Севастопольской крепости от 30 декабря 1913 года за № 833, при обнаружении подлежит аресту и препровождению в распоряжение коменданта гор. Севастополя для содержания под стражей впредь до суда.

Розыскная ведомость на Мордку Штрыка при сем представляется.

Полковник (   ).

№ 1667.
1905 г. О. О.

Копия.

Совершенно секретно.

НАЧАЛЬНИК
Жандармского Управления
г. Одессы.

По району.

20 января 1911 г.
№ 395.
По Особому Отделу.

Директору Департамента Полиции.

Доношу Вашему Превосходительству, что по полученным мною негласным сведениям у проживающей в г. С.-Петербурге по Казанской улице, в доме №—12, курсистки *Любови Фельдман* бывает брат ее Алешковский, Таврической губернии, мещанин Константин Израилев *Фельдман,* который в 1905 году вел агитацию среди матросов броненосца «Князь Потемкин», подстрекая их к бунту, и в июне того же года на этом броненосце отбыл из Одессы в Феодосию, где был задержан в числе мятежников-матросов; Фельдман содержался на Севастопольской крепостной гауптвахте, откуда в ночь с 13-го на 14-ое августа того же года бежал вместе с караульными нижними чинами: рядовым 50-го пехотного Белостокского полка Мордкой *Штриком* и ефрейтором местного крепостного баталиона *Бурцевым.* Указанный *Фельдман,* по сообщению и. об. Начальника Жандармского Управления в Севастопольском Градоначальстве

от 22-го марта 1906 года за № 729, розыскивался, как участник мятежа матросов броненосца «Князь Потемкин».

О вышеизложенном вместе с сим и за тем же номером сообщено мною Начальнику С.-Петербургского Охранного Отделения.

Генерал-Майор (подпись неразборчива).

№ 1667. / 1905 г. О. О.

XI.

Копия.
Секретно.

НАЧАЛЬНИК
Жандармского Управления
г. Одессы.

16 июня 1905 г.
№ 7016.
г. Одесса.

Товарищу Министра Внутренних Дел, Заведывающему полицией.

Начальник Одесского Охранного Отделения получил агентурные указания на то, что в Воскресенье, 12-го июня, будет сходка выборных от заводов и от организаций передовых рабочих, для обсуждения вопроса об устройстве в Одессе всеобщей забастовки.

Вследствие этого была устроена облава, и сходка, в числе 39-ти человек, была взята, из числа которых оказалось 32 человека, принадлежащих к организациям, остальные 7 человек, как случайно попавшие на сходку, были освобождены. На следующий день, т.-е. 13-го июня, рабочие разных фабрик собрались к бастующему заводу *Гена*, где, повидимому, ожидали прибытия своих представителей, бывших накануне, как указано выше, на сходке.

Не дождавшись представителей,—рабочие начали волноваться, а получивший сведения о вероятном собрании здесь рабочих, пристав местного Участка, усилил наряд полиции и вызвал казаков. Утомленная ожиданием толпа рабочих стала проявлять несдержанность по отношению к полиции и казакам, бросала в них камнями, и когда было уже несколько ушиблено лошадей, казаков, офицер и Командир Сотни, которого камнем сшибли с лошади, Командир этот, увещевавший толпу разойтись, что ранее его многократно делал местный Пристав—предварял многократно толпу, что подаст ей три сигнала, и если она и затем не разойдется—будет стрелять. После второго сигнала посыпался град камней, и с крыш соседних домов,—выстрелы.—Командир Сотни, спешив 12 казаков—произвел 3 залпа, коими убито два человека; в это же время подоспела еще Сотня казаков, при виде которой толпа разошлась. В тот же

день рабочие некоторых фабрик и заводов, ставшие раньше на работы и получившие, как рабочие мастерских Русского Общества Пароходства и Торговли—почти по всем пунктам своих требований удовлетворение,—вновь прекратили работы, заявив, что делают это исключительно с целью присоединиться к рабочим бастующих еще фабрик, для совместного с ними протеста.

На следующий день, 14-го июня, по городу ходили толпы рабочих разной численности и производили разные бесчинства, так: одни заходили в магазины, требуя прекращения торговли, другие заходили в типографии, принуждая рабочих прекращать работы, подходя толпою в несколько сот человек к различным торговым заведениям,—также требовали прекратить работы.

При рассеивании этих толп полицией и казаками, из толпы следовали выстрелы, как равно и из балконов и окон некоторых домов. Толпы эти состояли преимущественно из евреев, при чем начинали беспорядок сначала подростки, а с ними затем и взрослые,—бросали камнями, сносили доски, устраивая на улицах баррикады, останавливали вагоны конки, отпрягали и угоняли лошадей, а вагоны переворачивали набок; останавливали паровые трамваи и дачные поезда, и выбивали в вагонах стекла, выпускали пары. Порядок быстро восстановился: жизнь вступала в норму. К вечеру все успокоилось.

В $9^3/_4$ часов вечера 14-го июня я услышал взрыв, похожий на пушечный выстрел.—Зная из доклада Начальника Охранного Отделения, что к общей забастовке готовят бомбы, с целью бросать их в войска, Полицейские Участки и некоторых должностных лиц, я, определив место взрыва,—по телефону запросил полицейский Участок и узнал, что взрыв произошел на Соборной Площади, с человеческими жертвами,—сейчас же по телефону запросил Начальника Охранного Отделения, который через час доложил мне подробности взрыва, заключающиеся в следующем: имея указания агентуры, что изготовлено две бомбы, которые вынесены наблюдаемыми Охранным Отделением лицами, он сделал распоряжение: при первой возможности указать городовым этих лиц для их задержания, и что при задержании городовым одного из несших бомбу, бомба была им брошена и убила городового, оторвав ему голову и ноги и смертельно ранила преступника, еврея, вскоре умершего.

Ранее этого, того же числа пришел в Одессу броненосец «Потемкин-Таврический», приход которого и варварская преступность экипажа, как можно полагать, совпали лишь с беспорядками в городе Одессе, не имея непосредственной связи и лишь давшая возможность революционным деятелям и распропагандированным рабочим и сочувствующему всякому про-

явлению противодействия властям еврейскому населению,— воспользоваться происшествием на броненосце, чтобы эксплоатировать его для увеличения более успешного хода забастовок и беспорядков.

Утром 15-го числа был свезен с броненосца труп матроса с пришитым к груди его листком бумаги, на котором пишущей машиной написано (по сообщению разных лиц—разно), но в общем следующее: «Товарищ этот погиб из-за того, что доложил Командиру броненосца о плохой пище экипажу. Отомстим за товарища». В виду массы народа в порту, слух о свезенном трупе был быстро распространен затем народом по городу, а потому в порту вскоре оказалась толпа в несколько тысяч.

Настроение толпы в порту стало опасным для властей и полиции, а потому они были отозваны из порта; в виду же возбуждения ходатайства Градоначальника об объявлении Одессы на военном положении—власть перешла к Командующему Войсками. Не будучи еще осведомленные об этом власти,— Товарищ Прокурора Суда, которому было поручено наблюдение за следствием об убийстве матроса, попытался проехать на шлюпке на броненосец, но был остановлен матросами броненосца, выехавшими ему навстречу на катере, которые обругали Товарища Прокурора и посоветовали ему возвратиться, не допустив таким образом его на броненосец. Пытались и два подведомственные мне унтер-офицера проехать на броненосец, но их также встретила шлюпка с матросами, которые потребовали бросить шашки в море и возвратиться, грозя за неисполнение смертью, а когда унтер-офицеры возвратились на берег, то матросы стали кричать о задержании их, почему они вынуждены были скрыться в пакгауз, где переоделись в чужое статское платье, а затем вышли и через толпу пробрались в город. Через переодетых в статское платье офицеров и унтер-офицеров добываются мною сведения, независимо получаемых от полиции и властей.

В течение целого дня 15-го числа рабочие, курсистки, студенты и всякого звания лица перебывали в порту, при чем несколько курсисток и студентов из евреев, устроив возвышение,—на коем говорили речи, указывая толпе на удобный случай устройством бесчинств добиваться намеченных целей. Толпа, среди которой масса евреев, смешиваясь с прибывающими с броненосца матросами, а также лица, побывавшие на броненосце, дали по городу слух, разнесшийся, а затем сбежавший с броненосца ученик кочегара Марк Федоров *Халдыга*, допрошенный в Охранном Отделении, что команда корабля 800 человек, утром 14-го числа, находясь в практическом плавании в местности близ Одессы—Тендре, заявила Командиру броненосца претензию о дурной пище. Командир, Капитан I-го

ранга *Голиков,* вызвал весь экипаж на палубу и стал спрашивать, кто доволен пищей и кто не доволен. Последних оказалось меньшинство. Когда же Офицеры стали переписывать фамилии недовольных, то эти последние матросы быстро спустились вниз парохода, откуда вышли с оружием и стали, будто, стрелять в матросов несолидарных с ними в заявлении претензии и Офицеров, которых перестреляли и бросили за борт, а другие, раздевшись, сами бросились в воду, где и были расстреляны.

Находящаяся при броненосце миноноска подошла к берегу, отчалила судно с углем, принадлежащее частному лицу, и увела его для перегрузки этого угля с судна на броненосец; из порта пошло до 300 рабочих, один из которых рассказывал переодетому в штатское платье Ротмистру *Севериновскому,* что Офицеры броненосца живы, но лежат связанными на броненосце.

15-го же числа приехал ко мне помощник главного врача городской больницы, доктор *Бурда,* и сообщил, что 14-го сего июня служащие городской больницы, около 600 человек, заявили администрации больницы, что в виду того, что посланные ими депутаты, в числе трех человек, на какую-то сходку, арестованы, — они, — служащие, — прекращают работы в больнице и немедленно таковые прекратили. На увещевания товарища Городского Головы стать на работы—они не послушали, а на предложение Градоначальника дать солдат для замены забастовавших,—последние объявили, что не допустят этого. К этой забастовке присоединились и врачи всех городских больниц, сделав постановление, что при отсутствии ухода за больными, хлеба, пищи, приготовления лекарств и проч. они, врачи, не считают возможным оказывать врачебную помощь больным, которых свыше 6000. В виду этого, он, доктор *Бурда,* заявил служащим, что он будет хлопотать об освобождении их арестованных делегатов и уговорил служащих приступить к работам в больницах, получив на это согласие при условии, чтобы в течение двух дней эта их просьба была исполнена. Почему он, *Бурда,* побывав у Градоначальника, Прокуроров Палаты и Суда,—приехал ко мне с указанной просьбой. Я, переговорив с Начальником Охранного Отделения, пришли к заключению, что указанные три лица не члены организационного комитета, а лишь участники устроенной членами организации сходки, что от освобождения их немедленно могут явиться серьезные последствия для *тысяч* больных, что в случае неосвобождения—эти 600 человек служащих явятся, вероятно, уличными демонстрантами, и что наказание, коему арестованные 3 человека могут быть подвергнуты,—можно применить и впоследствии,—этих трех человек приказал освободить.

Пожар в Порту начался вечером 15-го июня; сгорело: 1) Русского Общества два железных пакгауза и передаточная. 2) Агентство и пакгаузы Дунайского пароходства. 3) Склад шпал и досок на Платоновском моле. 4) Электрическая станция. 5) Станция Одесса-Порт. 6) Управление Капитана над Портом. 7) Эстокада, начиная от 9-го до 8-го устоя. 8) на Новом Моле: Пакгаузы Русского Общества, Российского и Кошкина. 9) В железнодорожных пакгаузах окна разбиты и все вещи разграблены. 10) Отделение корабельной конторы на Платоновском Моле. 11) Сгорело 20-ть вагонов. 12) Два парохода Российского Общества, один Русского Общества и три частных. 13) Часть угольного склада на Новом Моле и 14) все постройки на Практической гавани; все имущество было из складов и пакгаузов разграблено и унесено в город.

При чем подстрекателями к поджогу имущества и строений были исключительно евреи. Был такой случай: Помощник Начальника Одесса-Порт вышел, во время пожара, из своей квартиры, и, увидев двух евреев, руководивших поджогами, обратился к ним с просьбой: пощадить дом, в котором живет его семья. Евреи эти крикнули поджигателям: «этот дом поджигать не надо». Подведомственный мне унтер-офицер, переодетый в штатское платье, видел как еврей поджигал вагоны на полотне железной дороги, облив их предварительно керосином.

Доносся об изложенном, докладываю, что о дальнейшем ходе беспорядков, в дополнение к телеграммам, представлю дополнительно по мере возможности составления этих донесений.

Полковник (подпись неразб.)

№ 3769 / 905 г. 7 делопр.

Копия.

Разбор шифрованной телеграммы из Одессы, от начальника Жандармского Управления, на имя Департамента Полиции.

№ 14362.

подана 17 сего Июня 1905 г. 7 ч. — м. по полудни / по полуночи.

получено 17 сего Июня 1905 г. 7 ч. — м. по полудни / по полуночи.

«Потемкин» дал вчера по городу два выстрела, второй из них попал в предместье Бугаевку завод Бродского, зарылся в землю неразорвавшись; ночью прибыли броненосцы и мино-

носцы из Севастополя. «Потемкин» сначала с боевым флагом и открытыми люками направился навстречу эскадре, затем на большом расстоянии, переговорившись сигналами, вернулся на прежнее место стоянки в порту, спустив боевой флаг, результатов переговоров еще не знаю. Ночь и наступивший день в городе проходят спокойно. Стычек бунтарей с полицией и войсками не было. В ночь на сегодня произведены обыски у лиц, по сведениям агентуры Охранного Отделения, изготовляющих разрывные снаряды для метания при беспорядках, обнаружены на даче, занимаемой проживающим там нелегальным лицом по подложному паспорту на имя Вайнштейна и известною департаменту полиции революционеркой, установленной при обыске и аресте ее, что она есть Ревекка Фиалка, полная мастерская для изготовления бомб, шесть не вполне оборудованных бомб с гремучею ртутью, все химические и взрывчатые вещества стеклянные трубки, типография и печати разных иногородных организаций и мещанских управ, печати для виз по связям с дачей взята городе у Гальперина, вероятно нелегального жившего ранее на даче, где жил Вайнштейн и Фиалка и указавший этих жильцов хозяевам дачи, две готовых бомбы и воззвание «Солдаты», в котором изложен факт убийства матроса на «Потемкине», призывающее солдат солидарности с населением, для свержения самодержавия. Передавший Ципкину июня 14-го бомбу Барладьян сегодня при задержании чинами Охранного Отделения и полицией на улице оказал вооруженное сопротивление, почему был убит городовым, при нем было два револьвера. У Гальперина квартире взято еще девять чистых бланок паспортов, девять чистых паспортных книжек, двадцать печатей сельских старост и мещанских Управ; все эти лица арестованы. Постоянная осведомленность о ходе революционного движения в Одессе, энергичная и умелая деятельность известная мне по постоянным докладам подполковника Боброва выше похвалы, выказанное энергия, знание и выдающаяся преданность долгу проявленная всеми чинами вверенного мне Управления, в тяжелое для Одессы и уезда настоящее время, обязывают меня доложить об этом Вашему Превосходительству, отметив особенно в этом ротмистра Заварзина, который с опасностью для жизни, особенно умело произвел обыск у Вайнштейна и Фиалки.

Полковник *Кузубов*.

№ 3769. / 905 г. 7 делопр.

Копия.

Разбор шифрованной телеграммы из Одессы, от начальника Жандармского Управления, на имя Департамента Полиции.

№ 6914.

подана 18 сего Июня 1905 г. 5 ч. — м. по полудни. / по полуночи.

получено 18 сего Июля 1905 г. — ч. — м. по полудни. / по полуночи.

Ночью и в наступивший день беспорядков не было, большинство магазинов закрыто, на некоторых фабриках работает небольшое количество рабочих, настроение среди населения угнетенное, массами уезжают. Из разговоров моих с двумя офицерами «Потемкина» уехавшими вчера со всеми отпущенными с броненосца в Севастополь можно прийти к заключению, что матросы и других судов эскадры ненадежны, странное же поведение эскадры судя только по эволюциям ее на море в близком общении «Потемкиным». Запросы от генерала Ширинкина мне и от Таврического губернатора командующему войсками, в коих выражается беспокойство при возможности появления там «Потемкина», дают мне смелость высказать о необходимости присылки из Петербурга подводных лодок или миноносок для взрыва «Потемкина», который кроме возможного разгрома побережья Черного моря поддержку революционерам на возможность при его содействии совершить государственный переворот. К стоявшему на берегу в порту стражнику пограничной стражи подъехала шлюпка с броненосца и матросы передали, что с броненосца «Георгий», а не «Екатерина» стоящего близ «Потемкина» подаваться сигналы для принятия их начальством города, эти же матросы сказали, что через два дня придет вся эскадра бомбардировать город, они же были на стоящем порту английском пароходе прося объявить заграницей, что эскадра восстала за народ.

Полковник *Кузубов.*

№ 3769. / 905 г. 7 делопр.

Копия.

Разбор шифрованной телеграммы из Одессы, от начальника Жандармского Управления, на имя Департамента Полиции.

№ 15973.

подана 19 сего Июня 1905 г. 5 ч. 30 м. $\frac{\text{по полудни.}}{\text{по полуночи.}}$

получено 19 сего Июня 1905 г. — ч. — м. $\frac{\text{по полудни.}}{\text{по полуночи.}}$

Три часа дня 18 июня стоявшие на рейде Одессы броненосцы «Георгий» и «Потемкин» снялись якоря, «Потемкин» ушел в море «Георгий» полным ходом ворвался гавань остановился выслал на шлюпке матросов явившихся командующему войсками результатами переговоров явилось командирование генерала Карангозова на «Георгий» где команда кричала ему «ура» и принесла повинную прислав затем депутацию во дворец засвидетельствовавшую о прекращении экипажем беспорядков прося возвратить на броненосец их офицеров; допрошенный мною лично боцман *Кузьменко* выбранный командиром «Георгия» показал: пятнадцатого приготовились походу вышли два часа ночи, под флагом контр-адмирала Вишневецкого составе трех броненосцев, минного крейсера, четырех миноносцев, семь часов вечера у Тендры наш командир объяснил цель похода итти Одессу уговорить «Потемкина» не бунтовать и сдаться, семнадцатого утром пришли Одессу встретили «Потемкина» предложившего бой, отказались от боя и ушли море, где к нам присоединились еще два контр-миноносца и два броненосца вновь пошли Одессу встретил их «Потемкин» разминулись и ушли «Потемкин» Одессу а наша эскадра на Тендру, но наша команда взбунтовалась решила соединиться «Потемкиным», уговорам офицеров не поддались, посадили их на баркас и отправили на берег куда-то по направлению Очакову, лейтенант Григорков застрелился, во время переговоров с офицерами к нам миноноска «Потемкина» доставила студентов евреев и матросов, они стали говорить о свободе, завладели распоряжением команды и посоветовали бросить офицеров в море, но команда настояла на высадке, по предложению студентов руководивших всем выбрали комиссию около двадцати человек, как было на «Потемкине» для управления броненосцем выбрали начальствующих лиц и командиром его Кузьменко, комиссия «Потемкина» командовала, требовала распорта и отчеты. Кузьменко все время уговаривал команду «Георгия» итти Севастополь сдаться, но комиссия «Потемкина» под руководством врача *Голенко* и евреев сбивали команду. 18 июня Кузьменко добился было согласия команды

на уход Севастополь, но «Потемкин» грозил разгромом и «Георгий» уходивший уже вновь остался и полным ходом был направлен Кузьменкой гавань, евреи сели на шлюпку пристали «Потемкину», который ушел море. Кузьменко полагает, что «Потемкин» пошел Севастополь с целью уговорить команды эскадры примкнуть к их преступной деятельности, в городе до 2 часов ночи все спокойно.

Полковник *Кузубов.*

№ 3769. / 905 г. 7 делопр.

Копия.

Разбор шифрованной телеграммы из Одессы, от начальника Жандармского Управления, на имя Департамента Полиции.

№ 7527.

подана 19 сего Июня 1905 г. 3 ч. 30 м. по полудни. / по полуночи.

получено 19 сего Июня 1905 г. — ч. — м. по полудни. / по полуночи.

18 июня около 5 часов дня управляющий портовым округом Дамаскин заманил с броненосца боцмана *Кузьменко* и нескольких матросов и узнав от них настроение экипажа броненосца «Георгий» к сдаче, по телефону испросил разрешение командующего войсками послать пятьдесят солдат на броненосец чтобы воспользовавшись настроением экипажа принудить его к сдаче когда уже были построены на берегу солдаты явился в порт адъютант командующего войсками поручик Новосильцев с приказанием об отмене посылки солдат на броненосец на замечание Дамаскина о потере удобного момента и возможности ухода броненосца Новосильцев сказал наплевать Дамаскин заметил и вы слуга Царя говорите это Новосильцев дал пощечину Дамаскину последствия этого инцидента не решены.

Полковник *Кузубов.*

№ 3769. / 905 г. 7 делопр.

Копия.

Разбор шифрованной телеграммы из Одессы, от Начальника Жандармского Управления, на имя Департамента Полиции.

№ 18485.

подана 21 сего Июня 1905 г. 2 ч. 20 м. $\frac{\text{по полудни.}}{\text{по полуночи.}}$

получено 21 сего Июня 1905 г. — ч. — м. $\frac{\text{по полудни.}}{\text{по полуночи.}}$

Истекшее двадцатое число прошло в полном наружном спокойствии населения Одессы. Рабочие железнодорожных мастерских продолжают работы под охраною войск сделал представление Генерал-Губернатору об аресте земского врача Галкина, нескольких учителей земских школ и агитаторов из крестьян оказавшихся по расследованию главными виновниками крестьянских волнений Одесского уезда где пока еще без насилий волнения продолжаются. Дознание о лицах прикосновенных изготовлению бомб спешно производится для предания виновных по предположению командующего войсками суду по законам военного времени в виду большой опасности в материале служившем для начинки бомб а также и последних первый уничтожен последние взорваны, был слух что сделан подкоп под Государственный Банк, тщательным осмотром инженерами и полицией ничего не найдено. В виду того что Потемкин розыском миноносок в водах Черного моря не обнаружен явилось предположение уходе его к заграничным портам куда и направляется Стремительный; по идущим с броненосца Георгий слухам проверить которые поручил подполковнику Боброву; приехали будто из Женевы какие-то важные революционеры Маслов и Волжин которые и приехали сюда только потому, что здесь было уже все готово, по тем же слухам лица эти находятся на Потемкине.

Полковник *Кузубов.*

$\frac{\text{№ 3769.}}{\text{905 г.}}$ 7 делопр.

Копия.

Разбор шифрованной телеграммы из Одессы, от начальника Охранного Отделения, на имя г. Директора Департамента Полиции.

№ 13565.

подана 17 сего Июня 1905 г. 12 ч. — м. по полудни. / по полуночи.

получено — сего Июня 1905 г. — ч. — м. по полудни. / по полуночи.

Убитому *Ципкину* и *Бурмистру* переданы были четырнадцатого бомбы Алексеем *Барладяном*, получившим их от студента Льва *Субботина*. Бомба, брошенная неизвестным пятнадцатого в казаков, также передана ему Субботиным, который арестован; Барладян наблюдается, задержан ночь на пятнадцатое, обыскан и арестован находившийся сношениях анархистами и революционерами Иван *Гниденко*, у которого отобрана одна бомба; тою же ночью порту по пьяным поджигателям производились залпы, там ранено свыше ста, сколько убито и сгорело неизвестно, но много. Сожжены пакгаузы, шесть пароходов, сто вагонов. Шестнадцатого на заводах почти не работали; утром с броненосца спустили девять офицеров, объяснивших, что убито семь офицеров, ранен один, нижних чинов убито до тридцати, оставлены еще три офицера, вечером броненосец сделал по городу два холостых и два боевых выстрела, человеческих жерт не было. В городе порядок не нарушался.

Подполковник *Бобров*.

Д. 3769. / 905 г. 7 делопр.

Д. № 3769. / 1905 г. 7 делопр.

Копия.

Разбор шифрованной телеграммы. Из Одессы от Полковника Кузубова, на имя Товарища Министра Внутренних Дел Заведывающего Полициею, от 16 сего июня за № 13100.

Сегодня полдень взбунтовавшиеся матросы спустили с броненосца Потемкин лейтенанта Клодта, мичманов Макарова, Вахтина, подполковника Цветкова, поручиков Заушкевича, Назарова, капитана Гурина, прапорщика Ястребцева, полковника Шульца, иеромонаха Пармена; не спустили с броненосца прапорщика Алексеева, поручиков: Коваленко, Колюж-

нова, врача Голенко; убиты командой четырнадцатого июня: командир Голиков, старший офицер Гиляровский, лейтенанты Неупокоев, Тун, мичман Григорьев 4-й, прапорщик Ливенцов, врач Смирнов и до тридцати матросов; команда броненосца взбунтовалась за плохую пищу, и будучи революционно настроенная, собрала комитет двадцать человек, решающий дальнейшую участь броненосца; бунт никакой связи с забастовкой Одессе не имеет, хотя, по прибытии Одессу, явившиеся на броненосец студенты и курсистки, из евреев, объявили матросам, что войска всего гарнизона сложили оружие и что прибывающие остальные суда эскадры с командой Потемкина солидарны; было намерение громить с броненосца город. При волнениях в городе взрывом бомбы ночью ранены легко шесть нижних чинов, один убит, бунтарей убито свыше трехсот, ранено семьдесят девять, много пьяных сгорело на пожаре; подсчет приблизительный; ранен околоточный; больше потерь войсках и полиции нет, большинство убитых и раненых евреи подстрекатели, на пожаре тоже евреи; днем городе спокойно; небольшие толпы почти исключительно евреи рассеиваются казаками и патрулями. Сгорело в карантине два здания русского общества агентства и пакгаузы дунайского общества, склады шпал и досок, электрическая станция Одесса порт, Управление капитана над портом, эстакада от 8 до 9-го устоя, на новом моле пакгауз русского общества российского и Кошкина; в железнодорожных пакгаузах окна разбиты и все имущество разграблено как и во всех сгоревших перед пожаром; сгорело отделение корабельной конторы, на платоновском моле двадцать вагонов на полотне, пароход российского общества, один русского, три частных, часть угольного склада на новом моле, все постройки в практической гавани. Пожар прекратился, поджигатели сначала напились награбленным в пакгаузах вином, подстрекаемые евреями поджигали по их указаниям. Подробное донесение по мере изготовления его частями буду представлять. Полковник Кузубов.

Разбор верен:

Делопроизводитель: *Томиловский*.

Копия.

Разбор шифрованной телеграммы из Одессы от Полковника Кузубова на имя Товарища Министра Внутренних Дел Заведывающего Полициею, от «20» июня 1905 года за № 17314.

Прошлая ночь и истекшее 19 число прошли без волнений; безработный народ хотя на улицах и виден в большей массе,

но ведет себя спокойно; трактиры хотя отперты, но, в виду забастовки спиртоочистительного завода, водки в продаже нет; безработные направились в пригороды Лиманы,—посланы войска; слишком продолжительная безработица внушает опасения возможности насилий для добывания средств пропитания, если рабочие не приступят работам на фабриках; сегодня, девятнадцатого, около пяти часов дня, подходил к порту транспорт Прут, встреченный портовым лоцманом; осведомлялся куда ушел Потемкин, не получив указаний удалился, обменявшись Георгием сигналами как оказалось последний просил дать ему офицеров, лоцман на Пруте офицеров не заметил; если это последнее так, то предположение о возможности бунта на судах эскадры продолжает быть угрожающим; прибыла бригада артиллерии. Полковник Кузубов.

Разбор верен:

Делопроизводитель: *Томиловский.*

№ 3769. / 905 г. 7 делопр.

№ 3769. / 905 г. 7 делопр.

Копия.

23 Июня 1905 г.

Разбор шифрованной телеграммы из Севастополя от Подполковника Бельского. На имя Командира Отдельного Корпуса Жандармов.

за № 4275.

подана 21 Июня 1905 г. 11 ч. 15 м. по полудни.
получена 21 Июня 1905 г. — ч. — м. по полудни.

За исключением Ростислава, Двенадцать Апостолов настроение флотских команд вызывающее, тревожное. Остающиеся хотят задержать отправление увольняемых в запас. Меры приняты. Возвратилось учебное судно Прут из Николаева. На нем взбунтовавшаяся команда из-за пищи убила боцмана. Судно стоит под караулом. Рассказы о бунте Потемкина вернувшихся с него рабочих, бывших там для доделок, производят нежелательное влияние. Сделано распоряжение их высылке. Вчера объезжал суда возвратившийся Главный Командир которым среди матросов царит сильное недовольство. Предполагают взорвать флотские пироксилиновые хранилища; поставлен к ним пехотный караул. Между портовыми рабочими тол-

куют об устройстве сочувственной демонстрации матросам. Потемкин по слухам в Кюстендже. Морские офицеры просят разрешения без участия матросов взорвать минами Потемкин. Решения еще нет. В городе жизнь нормальна.

Подписал: Подполковник Бельский.

Верно: Секретарь Штаба, Подполковник (подп. неразб.)

Копия.

Телеграф. 17 Июня 1905 г. Телеграмма.

В 16/VI

169 Пбг.

Вестнику

Из	Одессы	33	148/147	16 2	25	д.	№

Принята 16/6 го 1905 г.
от Одес. 65 № 14/
Принял (Подпись)

Время пожара порту сгорело три незастрахованных парохода Российского общества огнем уничтожено портовое управление пакгаузы Российского общества пароходства Кошкина русского общества лесные товарные склады многих частных владельцев горят товары выгруженных иностранных пароходов многие пароходы спешно ушли гавани пожарные команды не были допущены тушению труп убитого матроса унесен матросами обратно Броненосец приведенная мною вчера версия причинах возмущения происшествий Потемкине подтверждается новые подробности что 11 офицеров оставленных живых матросами выпущены сегодня берег группа матросов главе священников Броненосца отправилась командующему войсками ходатайством похоронах убитого матроса передают команда прибывшего Николаева военного транспортного судна Веха соединилась командой Потемкина выдав капитана офицеров стрельба городу непрерывно продолжается войска стреляют публику бегущую паническом страхе масса жертв передают иностранные консула обратились державам просьбой прислать военные суда охраны иностранных подданных город объявлен военном положении сегодня газеты вышли описанием ужасов последних дней завтра газеты не выходят торги кредитном обществе отменены совещание представителей биржевых комитетов.

Балабан 16148.

№ 3769 / 905 г. 7 делопр.

№ 3769.
1905 г. Деп. Пол. 7 делопроизв.

Копия.
Секретно.

МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ.

Департамент Полиции.

По Особому Отделу.

27 Июня 1905 г.
№ 7939.

Помощнику Начальника Кутаисского Губернского Жандармского Управления в Сухумском Округе.

На броненосце Черноморской эскадры «Князь Потемкин Таврический» 14 сего Июня произошел мятеж экипажа, после чего матросы, умертвив одну часть офицеров, а другую высадив на берег, завладели судном и вместе с сопровождавшим его миноносцем № 267 стали крейсировать в водах Черного моря. 25 сего июня броненосец и миноносец пришли в Румынский порт Кюстенджи, где весь экипаж сдался на условиях невыдачи его Русскому Правительству, передав находившиеся в их распоряжении суда румынским властям, которые отправили матросов небольшими группами в различные места Румынии.

Сообщая о сем и принимая во внимание, что мятежники, вероятно, будут стараться проникнуть нелегальным путем в пределы Империи, Департамент Полиции предлагает Вашему Высокоблагородию установить тщательное наблюдение за возвращением названных лиц из-за границы и в случае прибытия их на вверенный Вашему надзору пункт подвергнуть их тщательному обыску, арестовать и о последующем телеграфировать Департаменту для получения дальнейших указаний.

Подписал: За Вице-Директора *Макаров.*

Скрепил: За Заведывающего Отделом: *Пешков.*

На обороте.

Копия.

20 Июня 1905 г.

Разбор шифрованной телеграммы из Севастополя от Жандармского Офицера, на имя Департамента Полиции.

№ 3553.

подана 19 сего Июня 1905 г. 2 ч. 22 м. по полудни. / по полуночи.

получено 19 сего Июня 1905 г. — ч. — м. по полудни. / по полуночи.

Вчера возвратилась эскадра Одессы броненосец «Георгий» присоединился «Потемкину», состояние команд остальных судов

тревожное высшее морское начальство в распоряжениях теряется, адмирал Чухнин еще не прибыл, вчера вечером за городом была сходка матросов, от наряда войск и полиции разбежались, приказ уволить запас до трех тысяч матросов произвел хвастующее (!) умиротворяющее влияние в городе жизнь нормальна № 630.

Подполковник *Бельский.*

№ 3769. / 905 г. 7 делопр.

Копия.
Срочная.

Телеграф.	Телеграмма.
В 17 Июня 1905 189	Срочная Пбг Его Высокопревосходительству Господину Министру Внутренних Дел.

Из Одессы 12852 ср. 80/77 16 6 40 д №

Принята 16/6 го 190 г.
от Одес 65 № 77
Принял (Подпись)

Взбунтовавшаяся команда прибывшего третьего дня в одесский порт броненосца князь Потемкин угрожает городу бомбардировкой. Ожидают присоединения к Потемкину других судов Черноморской Эскадры крейсерующей вблизи Одессы. Значительная часть порта сожжена. В городе сильное волнение, власти лишены средств успокоить население благодаря угрожающему положению броненосца. Городское общественное управление покорнейше просит Ваше Высокопревосходительство о принятии экстренных и действительных мер для обеспечения жизни и имущества граждан города Одессы.

Исправляющий должность одесского городского головы Андреевский.

№ 3769. / 905 г. 7 делопр.

Копия.

Телеграф. Телеграмма.

В 16. Июня 1905 374 2 адреса Петербург Министру внутренних дел Копия Генералу Трепову.

Из Одессы 11933 ПР 79 16 2 35 н №

Принята 16/VI-го 1905 г.
от Од 65 № 98
Принял (Подпись)

Порт во власти черни днем разграблен ночью горит командующий войсками опасаясь орудейного огня Потемкина отказался выгнать войсками бунтовщиков сгорели склады российского общества Саратов добровольного флота многие угольные склады. На Потемкине собрались революционеры, броненосец делал промеры для входа в Порт на улицах города толпы войска неоднократно стреляли брошенными многими бомбами ранены чины полиции войска. Завтра с прибытием войск надо надеяться на более энергичную их деятельность пожар принимает угрожаемые размеры.

Градоначальник Нейдгарт.

№ 3769. / 905 г. 7 делопр.

Копия.

Телеграмма на имя Его Императорского Величества от Вице-Адмирала *Чухнина*, отправленная из Николаева 18-го Июня 1905 года в 5 час. 8 мин. пополудни.

Командир броненосца «Георгий Победоносец» донес мне, что 17-го июня вся эскадра под командою Кригера собралась у Одессы; но будучи изготовлена к бою, построившись в строй Фронта она пошла по направлению к молу; навстречу ей вышел «Потемкин Таврический», готовый к бою. При прорезывании строя броненосцев, когда «Князь Потемкин Таврический» поровнялся с «Георгием Победоносцем», команда последнего устроила овацию и, когда по сигналу эскадра повернула на 16 румбов, команда «Георгия Победоносца» бросилась на мостик и не позволила управляться кораблем; раздались крики «долой офицеров». Эскадра удалилась и на сигнал «Георгия», что команда бунтует, получив ответ итти в Севастополь, команда спустила шлюпку, посадила всех офицеров, кроме лейтенанта Григоркова, лишившего себя жизни, и на буксире миноносца № 267, перешедшего на сторону «Князя Потемкина Таврического»

(командир миноносца свезен на берег) свезла командира и всех офицеров на берег в 7-ми милях от Одессы. По разборе дела можно ожидать тоже и на всех судах; не имея сведений ни из Одессы ни из Севастополя, боюсь, что море в руках мятежников. Решил не выходить. Подробное донесение всеподданнейше представляю Вашему Императорскому Величеству почтой. № 306.

(подписал) «Вице-Адмирал *Чухнин*».

№ 3769. / 905 г. 7 делопр.

Копия.

20 Июня 1905 г.

Копия телеграммы из Николаева от Вице-Адмирала Чухнина отправ. 19 Июня 12 ч. 30 м. д. на имя Управляющего Морским Министерством.

Командира и офицеров Георгия Победоносца посылаю на Эриклике в Одессу с подробной инструкцией на каких условиях они могут принять броненосец. Во всяком случае флага не поднимать. Ежели они вступят в управление броненосцем на основаниях, мною предписанных, то за ним прийдет эскадра и отведет в Севастополь. № 327.

Подписал: Вице-Адмирал Чухнин.

№ 3769. / 905 г. 7 делопр.

Копия.

20 Июня 1905 г.

Копия телеграммы из Николаева от Вице-Адмирала Чухнина отправлен. 19 июня в 12 ч. 34 м. д. на имя Управляющего Морским Министерством.

На № 308 считаю пока окончание кампании преждевременным считаю нужным лично убедиться в состоянии умов. В Николаеве говорили с экипажем и взял с нижних чинов клятву исполнять их обязанности свято для защиты государственного порядка силою оружия против мятежников все чины целовали крест и святое Евангелие. Я к сожалению морем перейти Севастополь не могу, мне не подобает быть захваченным. Переезд по железной дороге требует двое суток с половиною. Прошу экстренный поезд. Пока разрешения нет. № 328.

Подписал Чухнин.

№ 3769. / 905 г. 7 делопр.

Копия.

| 20 Июня 1905 г. |

Копия телеграммы из Николаева от Вице-Адмирала Чухнина отправ. 19 Июня 2 ч. 16 м. д. на имя Управляющего Морским Министерством.

3084. Командир с офицерами отправлены на Эриклике в Одессу с приказанием принять броненосец под условием клятвенного обещания беспрекословно повиноваться до боя включительно с мятежниками выдать зачинщиков в случае отказа команды принять такие условия не принимать броненосца предварив что в таком случае никому из них не увидеть своих деревень и близких людей. Кригеру послано приказание в случае согласия команды Георгия и на такие условия выйти Одессу с эскадрою сегодня два часа выезжаю экстренным поездом Севастополь № 334.

Подписал Чухнин.

№ 3769. / 905 г. 7 делопр.

№ 3769. / 1905 г. Деп. Пол. 7-е делопроизв.

Копия.

| 25 Июня 1905 г. |

Телеграмма (шифрованная) на имя Его Императорского Величества, от Вице-Адмирала *Чухнина*, отправленная из Севастополя 24-го июня 1905 года в 10 часов 35 м. пополн.

Доношу Вашему Императорскому Величеству в коротком изложении телеграммы объяснить положение дела нельзя. Надобно восстановить совершенно уничтоженный авторитет власти, офицеры совершенно все обезличены, думаю, что удалось несколько упрочить положение и не опасаюсь измены, на судах где был бунт, зачинщики выданы, где явного неповиновения не было, неблагонадежные арестованы, дух команд освобожденных от них совершенно изменился и они дали клятву не отступать от употребления оружия. Думаю теперь эскадра исполнит свой долг, положение было очень опасно, все опасались общего бунта. Подробности донесением. № 162.

Подписал: «Вице-Адмирал *Чухнин*».

Копия.

Копия расшифрованной телеграммы Вице-Адмирала Кригера из Севастополя за № 108, поданной в Севастополе 18-го Июня 1905 года в 8 час. 20 м. вечера.

МИНИСТЕРСТВО МОРСКОЕ.

ДОКЛАД
по
Главному Морскому Штабу.

Доводится до Высочайшего сведения.

Управляющему Морским Министерством

«В виду неповиновения команды броненосца «Князь Потемкин Таврический» перехода на его сторону броненосца «Георгий Победоносец» в благонадежности команды которого командир накануне был так уверен, я, воспользовавшись психическим моментом, оказанным изменой «Георгия Победоносца» на прочие команды, пошел в море, собрал военный совет на котором решено послать на миноносце офицера переговорить с мятежными командами. По сигналу с миноносца «допустят ли они эту депутацию для переговоров» с «Потемкина» ответили сигналом — «никогда». Имея только на три дня свежую провизию, а на судах отряда Вишневецкого только на следующий день, солонина и капуста портом не отпущена, а также заявления командиров о неуверенности в командах решено итти в Севастополь. Решил экстренно организовать отряд минных судов для ведения правильных минных атак на те суда так как усмотрено, что на броненосце «Князь Потемкин Таврический» полная организация по охране судна во всех отношениях *имеется, запас нанят угля*, а «Веха»—госпитальное судно. Иду к Одессе немедленно по изготовлении судов. Настроение команды повидимому покойно. № 108.

Управляющий—(не вполне разобрано).

№ 3769.
905 г. 7 делопр.

Копия.

Копия с телеграммы Командующего войсками Одесского военного округа, Генерала от Кавалерии Каханова, Военному Министру из Одессы, за № 100.

Подана 16 Июня 1905 года.
Получена 17 Июня 1905 года.

Вчерашнего пятнадцатого Июня толпа в несколько тысяч, собравшаяся около броненосца «Потемкин», сначала вела себя тихо, а затем начала грабить на одной из пристаней порта

пакгаузы и поджигать их, при чем сгорело несколько построек и пароходов. Разогнать эту толпу войсками было нельзя, так как войска подвергались бы анфиладному обстреливанию орудиями броненосца и были бы расстреливаемы, не достигая цели. Открывать же огонь по толпе было нежелательно, так как огонь направился бы в сторону броненосца, а я получил сведение, что с открытием огня в направлении броненосца с него немедленно будет начато бомбардирование Одессы. Сведение это подтвердили мне сегодня девять отпущенных с броненосца офицеров. С наступлением сумерек, когда толпа начала поджигать постройки порта в стороне от направления к броненосцу, то она была разогнана высланными войсками и таким образом оказалось возможным спасти от поджога таможню с казенными складами и учреждениями Добровольного флота. С наступлением темноты злоумышленники начали бросать в войска разрывные бомбы и толпа как со стороны города так и со стороны порта начала с возмутительными криками и со стрельбой из револьверов надвигаться на войска. По открытии ружейной стрельбы толпа разбежалась, но потом в течение всей ночи пытались в разных местах снова надвигаться на войска однако каждый раз рассеивались выстрелами. К четырем часам утра толпа окончательно разошлась и перестрелка прекратилась.

За ночь потеря в войсках состояла из двух казаков легко, трех тяжело и одного смертельно раненых, в частях пехоты никаких потерь не было. По доставленным мне сведениям Одесским градоначальником, полученным им от медицинского инспектора, в трех городских больницах помещено сто раненых из местного населения. Если подсчитать раненых, оставшихся на своих квартирах и убитых, то вышеозначенная цифра по мнению градоначальника утроится. Весь сегодяшний день прошел довольно спокойно. Эскадра из Севастополя еще не прибывала и броненосец «Потемкин» передвинулся около версты к западу от первоначального места своей стоянки. Явившихся сегодня ко мне консулов: Франции, Германии, Австрии и Англии я повидимому успокоил, назначив для охраны каждого из восемнадцати консульств по два рядовых.

Верно: Губернский Секретарь *Огурцов*.

№ 3769. / 905 г. — 7 делопр.

Копия.

Телеграмма на имя Его Императорского Величества от Генерала от Кавалерии *Каханова*, отправленная из Одессы 19-го Июня 1905 г. в 2 час. 25 мин. пополуночи.

Вашему Императорскому Величеству всеподданнейше доношу, что оставшийся вчера при «Потемкине» броненосец оказался «Георгием Победоносцем», который вместе с остальными судами эскадры отказался открыть огонь по «Потемкину», а затем по сигналу Адмирала Кригера: «итти всем в Севастополь» отказался исполнить и это приказание и высадил всех своих офицеров у Дофиновки. Таким образом перед Одессой стояли в угрожающем положении с 2 час. вчерашнего дня до 4 час. сегодняшнего 2 броненосца. Сегодня в 4 час. «Георгий Победоносец» неожиданно вошел в порт, а через несколько после того времени с Карантинной пристани дали мне знать, что туда явился один из кондукторов с несколькими матросами и заявили о готовности броненосца к изъявлению покорности. Вслед за тем ко мне был приведен боцман с того же броненосца, который также заявил о готовности броненосца к сдаче и представил мне растрепанное полотнище знамени, которое в настоящее время находится у меня с приставленным к нему часовым. Вследствие таких заявлений мною на броненосец был командирован Генерал Карангозов, который был встречен на шканцах и которому команда заявила, что она просит вернуть им их офицеров для отвода броненосца в Севастополь; об этом мною телеграфировано Адмиралу Чухнину. Вскоре после входа «Георгия Победоносца» в порт, «Потемкин» на всех парах направился к Ланжерону и к Малому Фонтану, а затем по слухам пошел к Севастополю.

Того же числа в 3 часа пополуночи.

Счастлив донести Вашему Императорскому Величеству, что явившиеся ко мне выборные от команды броненосца «Георгий Победоносец» заявили полную свою покорность, искреннее раскаяние и упование на Ваше Монаршее милосердие.

Подписал: «Генерал от Кавалерии *Каханов*».

№ 3769. / 905 г. 7 делопр.

